

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ

Divergent

Divergent

Стокгольмский синдром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70069648

SelfPub; 2024

Аннотация

Жертвы стокгольмского синдрома не знают о том, что в любой момент можно просто уйти, – не терпеть, не страдать, не плакать, не выполнять прихоти того, кто над ними издевается, и не делать того, что не хочется делать, – а просто встать, развернуться и пойти своей дорогой. С виду полноценный человек, – он настолько морально подавлен, подчинен или даже поработен другими людьми и сложившимися обстоятельствами, что он просто не понимает, не знает и не осознает, что он может просто встать и в одночасье прекратить все это. Одним словом, одним движением, одним действием. Потому что он не в клетке и не в цепях; он не болен физически и не изможден. На самом деле он совершенно свободен и имеет право сам распоряжаться своей жизнью, сам решать для себя, что ему делать, в каком направлении двигаться, как жить, с кем общаться, чем заниматься. И цепи, и клетка существуют только в его измученном воображении. И он в любой момент может переступить через них и пойти своей дорогой. Но он не знает этого.

Содержание

ДЛЯ МАМЫ ОНА ПРОСТО УМЕРЛА...	6
ПОДКАБЛУЧНИК	20
ГОСПОДЬ ТЕРПЕЛ И НАМ ВЕЛЕЛ...	28
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ...	41
МОЙ НЕНАГЛЯДНЫЙ С ЦЕНТРА, А Я С ОКРАИНЫ...	49
БАБУЛЯ НАИГРАЛАСЬ...	61
ПРИГОВОР: ТЫ – ЖЕНЩИНА!	70
БАБЬЯ ДОЛЯ	80
ДАВАЙТЕ НАЗЫВАТЬ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ...	89
МУДРАЯ ЖЕНЩИНА	97
СИНДРОМ МЮНХГАУЗЕНА	106
БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ...	121
ПРИНЦ	129
НЕУДАЧА	137
ВПОЛНЕ ЗАКОНОМЕРНЫЙ ФИНАЛ	144
МУЖСКОЕ РЕШЕНИЕ	151
МАМА ПЛОХОГО НЕ ПОСОВЕТУЕТ...	168
ОН ЖЕ ЮРА, ОН ЖЕ ГОГА, ОН ЖЕ ЖОРА...	177
“КЛЕЩ” НА СЕРДЦЕ	191
НЕБЛАГОДАРНАЯ ДОЧЬ...	199
УМНЕНЬКАЯ	212

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА	219
ПРАВА ИЛИ ОБЯЗАННОСТИ?..	227
НО ТЫ СКАЗАЛА МНЕ...	236
ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ...	245
ПОМОГИ БЛИЖНЕМУ СВОЕМУ...	258
ЛЮБИМЫЙ И ЕГО ИСПОРЧЕННАЯ МЕТРИКА...	268
Я СВОБОДЕН!.. СЛОВНО ПТИЦА В НЕБЕСАХ...	277
ОПЯТЬ НЕ УГОДИЛА...	284
ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ	294
КАК МАМА ДОЧЬ К ПОРЯДКУ ПРИУЧАЛА...	308
ЖИРНАЯ ТОЧКА В КОНЦЕ СТАТЬИ...	324
А ЕСЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ?..	333
НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДРУЗЕЙ...	345
НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ, А ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ!..	354
ПЛОХАЯ РУССКАЯ ДЕВУШКА	364
БУТЕРБРОДЫ С МАСЛОМ И МОЛОКОМ...	377
А ГОВОРЯТ, КРОВЬ – НЕ ВОДИЦА...	393
ЕЩЕ НЕМНОГО О МИЛОСЕРДИИ...	405
МУЖ-ПСИХОЛОГ – ГОРЕ В СЕМЬЕ...	419
НЕДОЛГО МУЗЫКА ИГРАЛА...	429
СВЯТЫЕ И НЕПОРОЧНЫЕ	450
“НЕ ТАКАЯ” КАТЯ...	468

ПОСЛУШНАЯ ДОЧЬ	480
ПОСЛУШНАЯ ДОЧЬ: А СТОИТ ЛИ ЕЙ БЫТЬ?..	494
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ	510
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ...	521
КАЛИГУЛА	534

Divergent

Стокгольмский синдром

ДЛЯ МАМЫ ОНА ПРОСТО УМЕРЛА...

Мама всегда считала Олеську своей собственностью. Дочь должна была любить только ее, дружить только с ней, слушаться ее, разумеется, беспрекословно, выполнять каждое ее пожелание еще до того, как мамуля соизволила высказать его, и подробно рассказывать ей не только о том, что с ней происходит, но и о каждой промелькнувшей у нее даже самой мимолетной сокровенной мысли. Потому что даже их поток мама неизменно стремилась контролировать целиком и полностью. И если эти самые мысли по какой-то причине казались маме неправильными, то она категорически запрещала Олеське так думать, по поводу и без повода вставляя угрожающее: “Иначе ты мне не дочь!!!”

Эта фраза еще много лет приходила к Олеське в страшных снах...

Олеся была на редкость жизнерадостным и неунывающим ребенком, но временами на нее тоже могли нахлынуть грусть и тоска. Заметив это, мама тотчас же требовала от дочери

полного отчета о ее душевном состоянии. И, если какие-то Олеськины детские страдания и переживания представлялись маме глупыми, то она попросту запрещала своей дочери страдать и переживать по этому поводу и приказывала радоваться.

– У тебя все хорошо! – с угрожающими нотками в голосе повторяла добрая мамочка, и с каждым произнесенным словом градус нажима все повышался. – Ты поняла меня?! У тебя все хорошо!!! А иначе ты – просто неблагодарная свинья, которая не способна ценить все то, что мамочка для тебя делает!!! У меня постоянно сердце из-за тебя болит, а ты еще чем-то недовольна?! У тебя все хорошо!!! Поняла меня?!

Быть неблагодарной свиньей Олеська не хотела. Наоборот, она искренне старалась быть хорошей послушной дочерью. Весь мир вращался для нее вокруг мамы, и она изо всех сил стремилась угодить ей, попросту не зная еще тогда о том, что вообще имеет право на какие-то свои мысли и чувства. Даже если они не нравятся маме.

Ведь все эти мысли и чувства принадлежат ей, – и только ей. И они вовсе не обязаны нравиться ее маме.

Но тогда она еще просто не знала об этом.

Разумеется, у Олеськи никогда не было ни друзей, ни подруг. Всех их мама изгоняла из жизни дочери с решительностью цербера, охраняющего бесценное сокровище. Единственным человеком, которого Олеся посмела полюбить в детстве, – помимо мамы, – была ее первая учительница. Ма-

ма восприняла это, как самое страшное предательство, и на протяжении нескольких лет изо всех сил старалась настроить дочь против этой женщины, по поводу и без повода стремясь дать ей понять, что она обратила свой взор на совершенно недостойного того человека. Как ни странно, Олеся прекрасно понимала мамину ревность и до смерти боялась ее жестоких слов, этих ее постоянных и совершенно беспочвенных нападков на дорогого ей человека, но при этом не сдавалась. Ее первая учительница была добрейшей женщиной в этом мире, и Олеся боготворила ее и готова была отстаивать даже перед мамой...

В принципе, ее мамуле уже тогда, в раннем детстве, следовало бы понять, что дочь готова ломать себя ей в угоду только до определенного предела. Но ради тех, кто был ей по-настоящему дорог, Олеся уже тогда готова была сражаться до конца. Ради близкого человека она могла не подчиниться маме и даже пойти ей наперекор, хотя даже сама еще не осознавала этого до конца.

Иногда мама чувствовала ту грань, за которую нельзя заходить. Но она не видела в этом ничего страшного для себя. Например, тогда она просто терпеливо дождалась, пока дочь окончит начальную школу, выйдет из-под сильного влияния своей первой учительницы, и опасная соперница постепенно исчезла из их жизни сама собой. Правда, мама еще долго не могла простить свою дочь и временами с удовольствием припоминала ей эту ее нелепую влюбленность в ту “совершен-

но глупую и непорядочную”, на ее взгляд, женщину. В чем именно проявлялись ее глупость и непорядочность, Олеся, правда, так никогда и не поняла. Но у нее уже была тогда совершенно другая жизнь, другой круг общения, другие учителя; у ее любимой учительницы, наоборот, появились новые ученики, и общение с ней как-то постепенно само собой сошло на нет.

К великой радости мамы...

Олесе было двенадцать лет, когда у нее появилась собака Дина. Она долго мечтала о ней и безумно любила... Дина оказалась сложной собакой. У нее был очень тяжелый упрямый характер, она плохо слушалась, убегала, грызла вещи, переворачивала все вверх дном... Но Олеся ее *любила*, потому что для нее это было единственное близкое существо.

В принципе, глядя правде в глаза, Олеска, тогда еще маленькая неопытная девочка, просто не справилась с сильной упрямой служебной собакой, не смогла ее выдрессировать, как следует. Помочь ей было некому, а о профессиональных кинологах тогда, тридцать лет назад, никто еще даже и не слышал... И, вместо того, чтобы как-то помочь дочери, – например, где-то через знакомых найти человека, который помог бы выдрессировать собаку, – через четыре года мама просто приняла решение ее усыпить...

Олеска ревела полгода. Она просто не могла прийти в себя. При одной только мысли о Дине слезы начинали течь ручьем, и их было не остановить. Маму это раздражало и беси-

ло. Она не желала, чтобы ее дочь убивалась по какой-то там собаке. И она снова и снова спокойным менторским тоном разъясняла безутешной дочери, что у них не было другого выхода, что они *вместе* приняли это решение, и ей давно уже пора перестать страдать.

В любой ситуации всегда есть другой выход. Но это Олеся поняла только спустя много лет. А тогда она всего-навсего потеряла единственного друга и не знала, как ей вообще жить дальше...

Они убили совершенно здоровое молодое животное, которому еще бы жить да жить... И Олеся, наверное, до конца жизни не простит себе этого. Да, от нее тогда ничего не зависело, да, она никак не могла помешать своей маме сделать то, что та задумала, а потом еще и извратить все это так, словно это Олеся сама приняла такое решение. Да, если маме приходила в голову какая-то мысль, она перла напролом, как танк, и противостоять ей было невозможно, потому что она попросту все сметала на своем пути... И все-таки... И все-таки простить себе этого Олеся так и не смогла...

Ей было тогда семнадцать... И она целиком и полностью зависела от своей мамы.

Кстати, ее дорогая мамуля вообще всегда стремилась усыплять животных, которые имели несчастье попасться на ее пути. После Дины они подобрали сбитую машиной собачонку, вылечили ее и оставили у себя. Тишка был очаровательной белоснежной болонкой с повадками избалованного

кота: такой же ласковый и вальяжный. Мама пару лет просто не спускала его с рук, расчесывала по пять раз в день, хотя в этом не было никакой необходимости, – просто потому что хотела сделать ему приятно. И целыми днями причитала, как она любит Тишеньку, и что только Тишенька любит мамочку, в отличие от ее собственных неблагодарных детей, которые ее не уважают и не ценят...

А потом у мамочки изменились приоритеты. Она нашла себе нового мужа, надумала к нему уйти и без малейших колебаний предложила Тишеньку усыпить со словами:

– Ведь он же все равно никому не нужен!.. Что ему мучиться зря?..

И она посмела предложить это своей дочери после того, через что та однажды уже прошла по инициативе своей милой, заботливой и любящей мамочки!..

Олеся на тот момент была на восьмом месяце беременности; они с мужем жили на съемной квартире и ну никак не могли позволить себе собаку... Но пережить еще раз то, что ей уже пришлось пережить однажды, Олеся просто не смогла бы. Поэтому она, не раздумывая ни секунды, приехала и забрала Тишу, напутствуемая причитаниями мамы:

– Зачем он тебе?.. У тебя ребенок скоро родится; тебе не до собаки будет! Усыпили бы, – и все!..

Да, добрая мамочка, как всегда, была в своем репертуаре...

Потом был бабушкин кот, которого бабушка просто обо-

жала, который был для нее вместо ребенка, которого она любила, наверное, больше всех внуков и детей вместе взятых... Маму всегда это бесило. И вот бабушка умерла. И кот оказался никому не нужен...

– Коты не привыкают к другому дому! – безапелляционно заявила мама. – Милосердной будет его просто усыпить!..

И это говорила любящая дочь, которая бросалась на гроб матери и безутешно рыдала целых две недели после ее смерти...

У Олеси всегда были сложные отношения с бабушкой. Признаться честно, они лишь в последние пару лет и нашли общий язык, – до этого бабушка была для нее совершенно чужим человеком. Но, просто в память о том, что это была ее бабушка, – а это был ее любимый котик, ради которого она и жила-то в последние годы, – Олеся даже и мысли не могла допустить о таком кощунстве...

Да ладно животные... Самое страшное заключалось в том, что маме постоянно мешали люди, окружающие ее. Причем, вовсе даже и не чужие ей люди... Неоднократно, например, когда еще бабушка была жива, мама рассуждала о том, что могла бы жить вместе с ней, если бы там не было ее сестры, младшей бабушкиной дочери, с сыном... Они ей мешали... Так же ей мешал и последний бабушкин муж... И тот же несчастный кот...

Бабушка вообще была в этом смысле, как Олеся поняла уже гораздо позже, очень гостеприимной. Она готова была

пустить к себе, в свою однокомнатную квартиру, всех родственников, у которых возникли проблемы, – и, ради бога, приходите со всеми своими домочадцами, супругами, детьми, животными... Маму это злило до невозможности. Почему-то она искренне полагала, что бабушка должна была привечать только ее одну...

А остальных – тоже усыпить, наверное, чтобы не мешали...

А потом ей перешел дорогу уже ее собственный сын, Олесин братец, мамин обожаемый золотой мальчик, которого она боготворила... Но он, зараза такая, вырос и перестал соответствовать мамочкиным идеалам. К тому же, он не слишком понравился ее новому мужу, который не захотел жить с уже довольно-таки взрослым пасынком, а братец воспринял это весьма болезненно. И мама пришла к выводу, что он может помешать ее счастью, и фактически бросила его... Со словами, что она никогда не променяет свою новую любовь на какого-то там сына...

Да, ему на тот момент было уже пятнадцать... Но он до сих пор был совершенно маменькиным залюбленным сыночком, который, простите, в туалет не решался сам зайти без ее помощи и одобрения. Поэтому остаться без мамы, – пусть даже и в таком возрасте, – для парня оказалось страшным ударом, от которого он, наверное, так и не оправился до сих пор...

Пожалуй, действительно милосерднее было бы его тоже

усыпить...

Именно тогда Олеся уже и начала потихоньку осознавать, что ее мама – страшный человек. Она готова была без зазрения совести попросту уничтожать всех тех, кто ей не угодил. Причем, делала это совершенно спокойно и осмысленно.

Ради достижения своей цели, – причем, зачастую совершенно непонятной окружающим, – она готова была пойти по трупам. И горе было тому, кто по глупости умудрился встать на ее пути!..

Олеськиного мужа мама тоже с удовольствием усыпила бы, если бы ей только представилась такая возможность. Но дочь, опять же, взбрыкнула и не позволила ей это сделать. Потому что любила. Потому что на каком-то этапе он был ей важен и нужен. Мама рвала и метала, отрекалась от неугодной дочери, а потом обещала ее простить, если она все-таки будет готова признать свои ошибки и заблуждения, но реально сделать ничего не могла. Потом, после нескольких лет замужем, Олеся поняла, что больше не любит своего мужа. И спокойно развелась с ним. Так что ему тоже удалось выжить. А Олеся снова оказалась под маминым крылом...

Мама была счастлива и не скрывала этого. Теперь дочь снова целиком и полностью принадлежала ей.

Хотя, нет... Не совсем целиком. Потому что в память об Олесином не слишком удачном замужестве остался сын...

Он был совершенно обычным нормальным ребенком. Две руки, две ноги, туловище, голова... В принципе, милый, сим-

патичный, добрый и очень смышленный мальчишка, взявший от обоих своих родителей только самое лучшее... Мамин первый внучек, кстати...

И она возненавидела его просто лютой ненавистью. Вероятнее всего, даже и не потому, что у него были какие-то несовместимые с маминими понятиями недостатки, а всего лишь из-за того, что дочь его любила...

Первые года жизни внука Олесина мама лишь изредка поглядывала на него, как на некое диковинное насекомое, которое смеет отвлекать на себя внимание дочери, – то самое внимание, которое должно было полностью доставаться ее мамочке. Сам по себе внук ее совершенно не интересовал, не вызывал ни малейших чувств или эмоций, – нечто вроде бессловесного приложения к дочери, отнимающее у нее то драгоценное время, которое она должна была уделить беседам с мамочкой. Довесок, одним словом. Прицеп, который, с ее точки зрения, сломал ее дочери жизнь и лишил любых надежд на счастье. В нем все было не так, на взгляд любимой и любящей бабушки... Не так ходил, не так сидел, неправильно бегал, не то говорил, не так выглядел, не так себя вел... На том этапе жизни Олеся вообще оказалась в довольно сложной ситуации, без денег, периодически без работы, без каких бы то ни было перспектив, – и это все из-за этого ребенка, разумеется!.. Если бы не он, она могла бы жить, припеваючи, а теперь должна тянуть его, непутного, никому не нужного... И мама, разумеется, не упускала случая лишний раз напом-

нить дочери об этом. Но Олеся тогда была реально слишком замордована жизнью, чтобы обращать внимание на мамины слова и задумываться об их истинном смысле. Она просто стремилась выжить любой ценой. И, как ни странно, ей это удалось.

Постепенно все как-то наладилось. У Олеси стало постабильнее с доходами. Прошли проблемы со здоровьем. Она уже не была больше такой нервной и взвинченной, как раньше; она, наконец-то, смогла вздохнуть и оглянуться вокруг себя. А также услышать то, что все эти годы пыталась донести до нее любящая и заботливая мама.

А мама, на тот момент, все разговоры сводила только к одной теме. И изо всех сил старалась объяснить дочери, что у нее вырос полный урод. Причем, и физически, и морально. И Олеся просто схватилась за голову в панике...

Да, ее сын как-то незаметно вырос. Из бессловесного довеска он превратился в довольно рассудительного, очень чувствительного и, главное, вполне разумного мальчугана, который реально страдал от постоянных нападок и издевок любимой бабушки... А та словно рассудком сдвинулась на этой теме и реально поставила своей целью сжить его со свету...

Когда Олеся, наконец-то, это осознала, она просто пришла в ужас. Ее мама откровенно травила, изводила и сживала со свету собственного внука, который на тот момент едва пошел в школу. И она, не жалея ни сил, ни времени, ни нер-

вов пыталась убедить дочь в том, что та вырастила некое убожество и недостойное жизни ничтожество, которое теперь нужно поскорее извести. Мама часами, неделями, месяцами открытым текстом, не стесняясь в выражениях, стремилась донести до дочери, что этот моральный и физический урод просто не достоин ни любви, ни заботы, – не достоин жизни, в конце концов. И поэтому желательно бы его, наверное, тоже усыпить...

Олеся, к сожалению, не сразу осознала, насколько это серьезно. Поначалу она решила, что это просто обычное недопонимание между представителями разных поколений. Поэтому она еще года три безуспешно пыталась примирить маму с внуком, не понимая еще до конца, что ей нужно попросту спасти ребенка и бежать от нее без оглядки... А она тщетно пыталась показать маме, какой он у нее умный, талантливый, добрый, красивый, в конце концов... Ей так хотелось, чтобы мама увидела это, поняла, оценила...

Но Олеся это так и не удалось. Буквально с каждым днем мама ожесточалась все больше... Хотя, куда уж больше... Ее ненависть к собственному внуку временами просто пугала...

И Олеся понемногу начала понимать, что маму просто бесит сам факт существования в жизни дочери другого человека, которого она осмелилась полюбить...

Самое смешное заключалось в том, что все эти годы у Олеси не было никаких проблем с самим ребенком. Как это ни странно, он у нее вырос действительно очень добрым и не

по годам мудрым; он даже не сердился на бабушку и никогда не пытался рассказывать Олесе ничего плохого про нее. Он даже не рассказывал ей о том, как бабушка его обижает, какие ужасные вещи заявляет ему, – все это Олеся узнала уже потом. А сын, наоборот, всегда защищал бабушку перед ней, говорил, что ей трудно, что она просто одинока и хочет внимания...

Олесиному сыну было десять лет, когда мама просто поставила ее перед выбором: или ребенок, или она. Олеся так и не поняла никогда, на что конкретно она рассчитывала. Как ни печально это осознать, но, в любом случае, даже в угоду мамочке, она не смогла бы ни усыпить ребенка, как ненужную собаку, ни выгнать, как бывшего мужа. Для Олеси так и осталось загадкой, чего ее мама на тот момент хотела добиться. А добилась она своим поведением лишь того, что ей действительно пришлось сделать этот выбор.

Да, что греха таить, мама всегда была для нее чем-то святым. Олеся долгие годы готова была на все ради нее. Потому что это была мама. Но сын – это была часть ее самой, ее плоть и кровь, ее душа и ее сердце. Поэтому у нее и выбора-то не было, на самом деле.

С момента тех памятных событий прошло больше десяти лет. У Олеси вырос чудесный сын, которому она доверяла целиком и полностью. Она просто сама всегда удивлялась, как он сумел, столкнувшись еще в раннем детстве с такой уничижительной ненавистью, вроде бы, самых близких лю-

дей, остаться при этом таким добрым и отзывчивым, готовым всегда прийти на помощь и поддержать.

Только вот красивое нежное слово “бабушка” с тех пор стало для него ругательным...

А Олеся для своей мамы просто умерла. Ну, да и бог с ней!..

ПОДКАБЛУЧНИК

Эта история на самом деле совершенно незамысловата и весьма обыденна. Но при этом так и просится, чтобы ее разместили где-нибудь в TikTok. Там встречается немало сценочек, обыгрывающих похожие ситуации, и это выглядит со стороны весьма забавно.

Но, поверьте, когда нечто подобное имеет место в вашей жизни, забавным и веселым это уже не кажется. Скорее, наоборот, – это очень грустно и весьма печально. А самое главное, – совершенно необъяснимо и непонятно нормальному человеку...

Начиналась эта история вполне обыденно. Супруг по имени Георг пришел с работы домой, где его преданно ожидала на тот момент еще очень сильно любящая его молодая жена Олеся.

– Мне сегодня Митя звонил, – сообщил Гера счастливой молодой жене. – Предлагает встретиться в выходные с ребятами!

Митя – бывший однокурсник Георга и вообще замечательный парень. Он немало помог в свое время их семье, и Олеся была очень благодарна ему за поддержку, и вообще испытывала к нему самые теплые дружеские чувства, на которые только была способна. Остальные "ребята", тоже бывшие однокурсники, таких эмоций у нее не вызывали, – воз-

можно, потому что она видела их только один раз – на собственной свадьбе, – и попросту совершенно не знала. Но впечатление они на нее произвели вполне достойное; ни алкоголиками, ни дебоширами, ни хулиганами они, вроде бы, не были, так что Олеся никогда даже и не пыталась препятствовать их встречам с Георгом. Скорее, напротив, потому что супруг не так уж часто куда-то выбирался, а Олеся прекрасно понимала, что ему тоже надо расслабиться и развеяться.

– Так это же замечательно! – обрадовалась она за мужа. – Вы давно не виделись; конечно, надо встретиться! Во сколько вы договорились?

– Так это... – замялся Георг. – Я уже сказал, что не приду...

– Господи, почему?.. – недоуменно воскликнула Олеся. – Наоборот, сходи, развейся!..

– Так он же предлагает встретиться без жен... – промямлил Георг.

– И что из этого?.. – еще больше озадачилась Олеся.

– Так я же без тебя должен буду пойти...

– Ну, естественно, – согласилась жена, по-прежнему не понимая, в чем проблема.

– Так тебе же это неприятно будет... – промямлил Георг. Олесин мозг вообще отказывался понимать ситуацию.

– Да почему же мне это должно быть неприятно-то?..

– Ну, ты же обидишься, если я пойду один...

– Да почему я должна обижаться-то?.. – Олеся хлопала

глазами, глядя на любимого мужа. – Я в любом случае не смогла бы пойти с тобой, даже если бы нас обоих пригласили! Ты сам прекрасно знаешь, что ребенка нам не с кем оставить, а брать его с собой пока вообще не вариант, – он слишком маленький! А ты сходи обязательно, ты с ребятами давно не виделся, – надо же хоть иногда встречаться!

– Так они же пить будут!.. – привел самый ужасный аргумент Гера.

Олеся снова недоуменно похлопала глазами.

– И что?..

– Так ты же не любишь, когда я выпиваю...

У Олеси невольно вырвался вздох, слегка похожий уже на рычание.

– Гера, ничего страшного, я не расстроюсь, если ты даже придешь пьяный!

– Так я же не пью...

– Я знаю, что ты не пьешь. Поэтому и говорю, что совершенно даже не расстроюсь, если ты все-таки выпьешь с ребятами! Я прекрасно знаю, что напоить тебя до поросычьего визга просто невозможно, а немного расслабиться в хорошей компании, – почему бы и нет?..

Надо заметить, что Георг не пил от слова вообще. Так что у Олеси реально совершенно не было никаких основания переживать по этому поводу.

– Но я не хочу пить!.. – с отчаяньем в голосе проблеял Георг. – Ты же знаешь, что я совсем не пью...

– Ну, значит, не пей, – в чем проблема-то?.. – уже начала раздражаться Олеся. – Просто посидите, пообщаетесь, – вы же сто лет не виделись!

– А ты потом на меня обидишься! – упрямо повторил Георг.

– Господи, Гера, да не обижусь я! – Олеся уже реально готова была просто затопать ногами, – может быть, он хоть тогда ее услышит?..

– В любом случае, я уже сказал Мите, что не приду! – привел последний контраргумент Гера. – Я сказал, что меня жена не отпускает!

После этих его слов Олеся просто выпала в осадок.

– Что ты сказал? – тихо переспросила она.

– Я всегда говорю, что ты против того, чтобы я с ними встречался, и запрещаешь мне это! – с гордым видом заявил муж.

– Но зачем??? – Олеся реально была просто в шоке. – Господи, Георг, я никогда не запрещала тебе встречаться с друзьями! Зачем выставлять меня перед ними какой-то ревнивой чокнутой идиоткой, которая боится мужика из дома выпустить?!

– Ну, я же знаю, что на самом деле тебе это будет неприятно, и ты обидишься на меня и закатаешь потом скандал!

Шило – мочало, – начинай сначала!.. Хотя, нет, со скандалом, – это было уже что-то новенькое!..

– Я хоть раз закатывала тебе скандалы из-за твоих дру-

зей? – тихо спросила Олеся.

– Нет, но я и не встречался с ними после свадьбы! Потому что я знаю, что ты против будешь!

– Гера, а давай, ты не будешь за меня решать! – Олеся понемногу начинала выходить из себя. – Я как-нибудь сама с этим справлюсь! И, если ты по какой-то причине просто не хочешь встречаться со своими друзьями, так имей мужество так прямо им об этом и сказать, а не прятаться за мою юбку! И уж, тем более, не надо выставлять меня перед ними полной идиоткой! Я ничего тебе не запрещаю! Ты – свободный человек, и тебе пора научиться самому принимать решения!

– Ну вот, видишь, ты злишься на меня!.. – чуть не плача, как ребенок, начинает вдруг верещать взрослый тридцатилетний мужчина. Осталось только ногами затопать и повалиться на пол. – Я еще и не ушел никуда, а ты уже истерики мне закатываешь!.. Я знаю, что ты меня никуда не отпустишь! Ты никогда меня никуда не отпускаешь!.. Ты меня превратила в тряпку какую-то, в подкаблучника, а я – человек!!! Надо мной все друзья смеются, все говорят: "Она у тебя, что, вообще дура???" Как ты позволяешь ей так с собой обращаться?!" Ты меня просто унижаешь перед всеми...

– Гера, – спокойным голосом перебила его Олеся, хотя на самом деле она была в шоке от этой истерики любимого мужа, – истерики уже не первой и, к сожалению, далеко не последней. Как на них реагировать адекватно, Олеся пока еще просто не понимала. – Гера!.. Ты вообще о чем сейчас гово-

ришь?..

– Ты затравила меня!.. – Георг продолжал выкрикивать это, уже брызжа слюной, словно в каком-то трансе. – Я был нормальным человеком!.. А во что ты меня превратила?!

– Гее-раа!.. – по слогам, как в разговоре с душевнобольным, произнесла Олеся. – Ты вообще здоров?..

– Нет!.. – с каким-то даже упоением завизжал супруг. – Я истерик!.. Это ты во всем виновата!!! Это ты меня таким сделала!!! Я был нормальным человеком!..

– Гера, ты бы все-таки услышал меня, что ли!.. Признаться честно, мне твои вопли как-то уже поперек горла! Может, ты угомонишься, и мы спокойно и разумно с тобой поговорим?

– Ты не можешь ни о чем говорить спокойно!!! Ты только орешь на меня!!! Ты все время давишь на меня!!! А на меня нельзя давить!!!

Олеся некоторое время в ступоре смотрела на мужа, которого она все еще полагала, что любит. Но при этом попросту не знала, как реагировать на подобные его выходки. Надо заметить, что она вообще по натуре не была истеричной и никогда не орала, весьма ошибочно, в данном случае, полагая, что взрослые люди всегда могут спокойно договориться между собой. И до свадьбы Георг тоже не закатывал подобных истерик. Он всегда раньше казался ей разумным и рассудительным. И теперь она в ужасе смотрела на него и не понимала, что ей вообще с ним делать.

Признаться честно, в голове крутилась только одна-един-

ственная мысль: вклеить ему пощечину, чтобы прекратить эту совершенно бессмысленную истерику. Но, наверное, это тоже был не вариант и не выход из данной весьма противоречивой ситуации?..

– Гера, ты бы пришел в себя, а то не смешно уже!.. – сказала Олеся. – Мне твои истерики по поводу и без повода уже осточертели! Я совершенно ничего не имею против твоих друзей, и очень хотела бы, чтобы ты с ними встретился! Может, хоть развеешься и успокоишься! А с воплями давай завязывай! А то я уже просто не знаю, как вообще с тобой иметь дело!

– Это ты все время вопишь на меня!!! Ты!!! Ты!!! Это с тобой невозможно иметь дело! Ты считаешь меня придурком!!!

У Олеси окончательно опустились руки.

– Да нет, не считаю. Ты и есть придурок. Ты просто душевнобольной. Я только не понимаю теперь, как ты умудрялся скрывать это от меня те два года, что мы встречались перед свадьбой? О таких вещах предупреждать надо заранее!

– Это ты сделала меня больным!!! Я был нормальным человеком!!!

– Да нет, я полагаю, что нормальным ты никогда не был! Тебя лечить надо. И очень серьезно. Но я этим заниматься не собираюсь.

– Правильно мне все говорили, что не надо на тебе жениться!!!

– Так какие проблемы? Мы легко можем исправить эту ошибку!

Олеся повернулась и ушла в комнату.

А ведь все началось с того, что она совершенно искренне обрадовалась предстоящей встрече мужа с друзьями...

ГОСПОДЬ ТЕРПЕЛ И НАМ ВЕЛЕЛ...

Вспоминать о своем детстве Олеся не слишком любила. И имела для этого немало оснований.

Вообще-то, принято считать, что детство – это счастливая беззаботная пора, когда ты купаешься в любви и заботе, когда тебя окружают добрые ласковые взрослые, которые изо всех сил стараются превратить твою жизнь в сказку. Кто-то все время стремится тебя порадовать, кто-то вытирает твои слезки и следит за тем, чтобы ты чаще улыбался, а кто-то просто обожает тебя за то, что ты есть, за то, что ты появился на этот белый свет.

Конечно, некоторым несчастным детям изначально не повезло родиться в неблагополучных семьях, и всех этих благ они, разумеется, были лишены, но ведь речь сейчас идет не о них. А о тех, кто появился на свет в нормальной семье, с потенциально любящими, вроде бы, родителями; о тех, кто, якобы, был желанным и долгожданным. И при этом, разумеется, подразумевается, что эти самые родители, по умолчанию, мечтают о том, чтобы их дети были счастливы.

Но, как ни странно, так бывает не всегда и не у всех. Даже в совершенно благополучных семьях родители вовсе даже и не всегда изначально хотят, чтобы их дети были счастливы.

ливы, веселы и беззаботны. Некоторые родители, – причем, прошу еще раз отметить, что речь сейчас идет о совершенно нормальных разумных благополучных взрослых людях, а не о каких-то опустившихся маргиналах, – просто не способны любить и уважать своих детей, зато вовсе даже и не против за их счет потешить свое собственное весьма убогое самолюбие.

Там, где выросла Олеся, вообще принято было страдать. Она так никогда и не поняла, почему. Просто таков был образ жизни тех людей, которые окружали ее в детстве. Хоть как-то показывать свое счастье, радость, удачу было нельзя. Все вокруг постоянно страдали. По разным причинам. И ей полагалось делать то же самое.

Господь терпел и нам велел...

Кроме шуток. Именно эту фразу очень любила в те времена мама Олеси. А еще она очень любила страдать. И совершенно не умела радоваться жизни.

А впрочем, в этом не было ровным счетом ничего удивительного. Все вокруг страдали, терпели и влачили жалкое существование.

Бедные, заморенные работой, мужьями и любимыми отпрысками женщины словно не находили в себе сил радоваться хоть чему-то. Да и поводов не было. Усталые изможденные мужчины едва доползали до дома, где их ждал сытный ужин, – какое уж тут тепло и счастье?.. Всем вокруг было так тяжело, все так безумно страдали от такой ужасной жизни...

Многие пили, – типа, от беспросветности и безысходности...

Удивительно, но тогда Олеся воспринимала это как нечто само собой разумеющееся. И только лишь спустя много лет она начала задумываться о том, а с чего это они все так страшно страдали и уставали?.. Ведь работали они, согласно букве закона, не более восьми часов в день, при сорокачасовой рабочей неделе и гарантированном месячном отпуске раз в год. Если задуматься, исходя из реалий нынешнего мира, – где вы вообще сейчас такое видели?..

Подобные отпуска остались, разве что, наверное, у госслужащих, – да и то не у всех. Восьмичасовой рабочий день?.. Сорокачасовая неделя?.. Да вы шутите!.. По крайней мере, в том городе, где жила Олеся, тринадцати – четырнадцати – даже пятнадцатичасовой рабочий день давно стал нормой, при этом даже график два – два давно остался где-то в прошлом. Три, четыре, пять, шесть и больше дней без выходных – это в порядке вещей, – а потом хорошо, если денек тебе дадут отдохнуть. Отпуск, в лучшем случае, – при самом удачном стечении обстоятельств, – ты можешь получить недели на две. Да только вот не забывай, что потом в отпуск уйдет твой сменщик, и тебе придется работать без выходных те же самые две недели...

Вот где был самый настоящий треш... И, тем не менее, все работают именно так, никто не жалуется, никто не кричит, что устал. Все считают это совершенно нормальным. Вот только оттого, что все так считают, нормальным это не

становится...

Во времена детства Олеси детей тоже не принято было особенно опекать. Никто не водил их в школу и из школы, никто не таскал по многочисленным секциям и развивашкам. Никто просто вообще особо с ними не занимался. Росли себе спокойно, как сорная трава, и проблем никаких, в принципе, не доставляли. Но, даже не смотря на то, что дети, по большому счету, были предоставлены сами себе и тоже не слишком напрягали своих родителей, по умолчанию подразумевалось, что все от них все равно безумно устают.

Просто так было принято.

Нет, разумеется, я не стану уверять, что у всех работа была не бей лежачего. Особенно, не буду сейчас голословно говорить о мужчинах. Все-таки, что ни говори, – а в те далекие времена тяжелые и сложные работы выполняли чаще всего именно они. Например, тот же Олесин отец был водителем и очень часто ездил в командировки. И это действительно была тяжелая физическая работа. Но если уж говорить о женщинах, – то, посмотрим правде в глаза, далеко не все они вкалывали на сложных и вредных производствах.

Олеся прекрасно видела, как работали многие женщины. Та же ее мама, – если уж на то пошло. Она сидела в чистом уютном кабинетике, с девяти до пяти, и ничего тяжелее ручки в руках никогда не держала. Безумно устав, – скорее, от безделья, как уже позже начала понимать Олеся, – она возвращалась домой, где все уже было вымыто, вычищено,

приготовлено руками старшей дочери, – которая, кстати, тоже училась, а не сидела безвылазно дома, но, разумеется, не имела права уставать. А вот мама в изнеможении падала на диван, потому что больше ни на что у нее сил попросту не оставалось.

И начинала плакаться о том, как ей тяжело. Как безумно она уставала. И как страдала от тягот этой невыносимой жизни. И все вокруг так же привычно страдали и были глубоко несчастны... Олеся выросла в мире несчастных людей, не способных видеть ничего хорошего в этой отвратительной тяжелой жизни. Ее много лет окружали несчастные мужчины, которых не любили и не ценили их женщины, несчастные женщины, которые мечтали о любви и ласке, но так и не получали их, и несчастные дети, которым, в силу обстоятельств, рано приходилось стать взрослыми...

Этот цикл статей не просто так носит название “Стокгольмский синдром”. На самом деле это был очень странный мир и очень странная жизнь. Как Олеся поняла уже гораздо позже, ни у кого их них, – имеются в виду, в первую очередь, члены ее собственной семьи, – вовсе даже не было оснований так страшно страдать. Если уж говорить начистоту, в их жизни было немало радостных моментов, которые внушали оптимизм и надежду на лучшее будущее. Например, можно было радоваться своей двухкомнатной квартире, поскольку далеко не все семьи имели возможность жить отдельно от родителей. Или же хорошей стабильной работе с неплохой,

кстати, зарплатой по тем временам. Или же непьющему работающему – как было принято тогда говорить – мужу, который, несмотря на некоторые недостатки, – а кто в этом мире без них?.. – “все в дом, все в семью”. Здоровым беспроblemным детям – отличникам, каким-то совместным праздникам, забавным домашним животным, вкусной еде, в конце концов.

Но как-то так уж изначально повелось, что в Олесиной семье никто никогда ничему не радовался. Ее мама почему-то вечно была несчастной, – на протяжении многих лет, – и постоянно, типа, тайком плакала, – но, разумеется, так, чтобы остальные члены семьи были в курсе этого. Она очень страдала, но при этом не делала ничего, чтобы хоть как-то изменить эту свою тяжелую жизнь к лучшему. Наверное, ей просто очень нравилось страдать, на самом деле... Но на Олесиного отца и брата ее горькие слезы не производили ровным счетом никакого впечатления, и вот сама Олеся, по простоте душевной, всегда очень переживала за маму и всеми силами пыталась утешить ее... И даже сама не заметила, как со временем оказалась главной причиной ее страданий... Потому что как-то само собой выяснилось вдруг, что мамочка рыдала именно из-за нее, как раз из-за того, какая у нее отвратительная, непутная и ни на что не годная дочь.

Если посмотреть на эту ситуацию со стороны, то любой здравомыслящий человек сразу же придет к выводу, что она просто на грани абсурда. В семье имелся муж, хоть и поло-

жительный, в общем и целом, но при этом очень грубый, хамоватый и горластый. Он орал целыми днями на жену и детей, и атмосфера в семье была, в принципе, непростая. Мама была глубоко несчастна с ним и мечтала развестись. Так же в семье имелся любимый младший сын, неплохой, в принципе, мальчик, только очень избалованный, который, несмотря на свой невинный возраст, копировал поведение папочки, орал, топал ногами и оскорблял окружающих. Но это тоже, похоже, не было причиной вечной печали мамочки.

А еще была старшая дочь. Примерная девочка – отличница, целыми днями прибирающаяся в их и без того стерильной квартире, тихая, робкая, покладистая, вечно старающаяся всем угодить и всех порадовать, – но ей это, к сожалению, никак не удавалось. Был в ней с рождения некий изъян, который не укрылся от мамы, и за который ее вечно наказывали. Она ничего, к сожалению, не способна была сделать правильно. Если ее просили налить чай, то он оказывался или слишком горячий, или слишком холодный, – и никогда не получался нормальным, чтобы его можно было пить без нареканий. Если она мыла пол, то выкручивала тряпку не в ту сторону, просто почему-то не в силах запомнить, что нужно делать это слева направо, а не справа налево, – или все-таки наоборот?.. А пыль она в четные месяцы протирала не по часовой стрелке, а против нее, и никак не желала усвоить, что так следует делать только в нечетные месяцы...

И все это, к сожалению, вовсе даже не преувеличение. У

Олесиной мамы было много таких вот заморочек, которые ее дочь ну просто никак не в силах была усвоить, – а зачестую, просто угадать, – потому что мама, будучи ярко выраженным человеком настроения, могла уже через минуту изменить свои требования на прямо противоположные, и угодить всем ее желаниям было просто невозможно. И из этого четко следовало, что Олеся – очень плохая дочь, которая постоянно издевается над собственной матерью, намеренно доводя ее до сердечного приступа и желая ей скоропостижной смерти.

Похоже, мама действительно искренне верила во все это и неустанно наказывала упрямую, строптивую и непокорную дочь, желающую свести ее в могилу. Но самым страшным в этой ситуации было то, что в это искренне верила сама Олеся. Она выросла с жуткой мыслью, что хуже ее нет никого в этом мире, и это именно из-за нее ее несчастная мамочка так страдает и убивается целыми днями. Она изо всех сил пыталась стать лучше, но ей это никак не удавалось. Мама страдала и рыдала еще громче и наказывала ее еще жестче. И получался просто замкнутый круг, из которого не было выхода...

Самым удивительным в данной нелепой ситуации было то, что Олеся, несмотря ни на что, была очень позитивным и жизнерадостным человеком, что тоже было непростительной ошибкой с ее стороны. Она способна была увидеть хорошее практически во всем, и за это ей тоже доставалось от

суровой и не умеющей улыбаться мамы. В замкнутых рамках этого странного мира она всегда ощущала себя жизнерадостной дурочкой, которая дико бесит окружающих ее людей. Ну, никак нельзя было так откровенно радоваться жизни, когда все вокруг страдают и плачут!.. А она упорно не желала этого понимать.

Причем, – что самое смешное, – даже страдать в этом мире нужно было правильно. А Олеся, своим скудным ограниченным умишком, никак не могла постичь эту сложную науку.

Весь смысл был в том, что внешне – перед людьми – нужно было натужно мужественно улыбаться и изо всех сил показывать, что у тебя все хорошо. Но необходимо было умудряться делать это так, чтобы все окружающие тебя люди понимали, что на самом деле у тебя все совсем плохо, – но ты не желаешь вешать на других свои проблемы и потому изо всех сил стараешься не показывать этого. Чтобы, не дай бог, злые люди – а они все по умолчанию именно злые – не позавидовали в душе и не напакостили, а, напротив, посочувствовали и попытались поддержать. Все вокруг почему-то притворялись. И все, разумеется, об этом знали. Это была какая-то странная игра, но все неукоснительно придерживались общепринятых правил. И лишь одна Олеся, будучи, очевидно, не слишком умной, не в силах была понять, что к чему, и вечно попадала впросак.

На свою беду, она была просто патологически честной и

искренней. Если ей было весело, она смеялась, даже и не пытаясь сдерживаться. Если ей было больно, она плакала. И она просто не в силах была понять, чего вообще желают от нее окружающие люди, – и, в первую очередь, ее собственная горячо любимая мамочка?.. Олеся прилагала немало усилий, чтобы соответствовать общепринятому образу, как бы тяжело ей это ни давалось, но она просто чисто логически не понимала, для чего все это нужно?.. Кому?.. Зачем?.. И кто вообще придумал, что жить надо именно так, а не иначе?..

Почему все время нужно притворяться кем-то другим? Почему нельзя показывать свои истинные чувства? Почему грешно даже мечтать об учебе и карьере, будучи женщиной, зато следует обожать мыть пол и варить борщ?.. Почему мама не считает себя вправе присесть хоть на минуту в вылизанной до зеркального блеска квартире и с детства при помощи силы внушает своей тупой дочери, что хорошая хозяйка не должна отдыхать, пока в доме есть хоть какие-то не переделанные дела?.. А они есть всегда, – так что, раз уж ты уродилась будущей женщиной, закрой рот и возьми тряпку... Для чего нужно терпеть и убажывать ненавистного, вроде бы, мужа, и почему нельзя с ним просто развестись, раз уж семейная жизнь настолько невыносима?..

И кто вообще придумал, что женщина не должна иметь никаких других интересов, кроме домашнего хозяйства?..

Терпи, раз уродилась женщиной, – повторяла мама. Такова наша женская доля. Ты же женщина... Что же делать...

Словно уродиться женщиной означало изначально вытянуть заведомо проигрышную карту и сразу в колыбели поставить крест на себе, на каких-то своих желаниях и стремлениях, на жизни вообще...

Олеся уродилась непутной. Она не хотела терпеть. Не желала страдать. Она почему-то радовалась жизни, несмотря ни на что. У нее было множество интересов, отличных от готовки и приборки. Ей хотелось посмотреть мир, попробовать различные занятия, увидеть все своими собственными глазами... И она не в силах была понять, почему ей все это нельзя, – всего лишь потому, что она – девочка... Она не желала в перспективе заточать себя в стерильном доме и хоронить заживо в угоду мужу и детям... Она так хотела просто жить, так стремилась взять от жизни все...

Что даже и не заметила, как сломалась.

Это, разумеется, произошло не сразу, не в один миг. Но произошло. Как-то само собой, незаметно...

Ужас ситуации заключается в том, что жертвы стокгольмского синдрома ни в чем не винят своих обидчиков, сломавших им жизнь. Они счастливы быть обиженными и униженными, потому что искренне полагают, что только этого они и заслуживают. И все то плохое, жестокое и даже страшное, что происходит с ними, – по злему умыслу другого человека, – они принимают с радостью и готовностью, потому что прекрасно знают, что они сами – и только они сами!.. – виноваты во всем том, что с ними происходит. И они искрен-

не благодарны людям, причиняющим им, зачастую, невыносимую боль, – потому что знают, что никому другому они, в силу своих отвратительных личностных качеств, никогда не будут нужны, и без мучителя их ждет полное забвение и одиночество. Они слишком некрасивые, слишком глупые, слишком ничтожные, жалкие и непутные, чтобы хоть кто-то в этом мире мог хорошо к ним относиться. И, разумеется, весь смысл заключался в том, что они всегда сами во всем виноваты, и должны радоваться уже тому, что в этом мире есть хоть кто-то, кому они не совсем безразличны, кто готов терпеть их и смириться с их неполноценностью... Даже если этот кто-то постоянно издевается над ними, мучает их, оскорбляет, терзает, унижает... Для них лучше уж это вечное непрекращающееся страдание от любимых рук, чем осознание того, что ты, такой никчемный, непутный и жалкий, навсегда останешься один, никому не нужный, забытый, брошенный...

Человеку, который этого не пережил, не испытал на собственной шкуре, этого никогда не понять. Он раз за разом будет задавать вполне нормальные и естественные вопросы, которые я часто получаю в комментариях: “Ну, и зачем вообще было так долго терпеть?.. Почему было не послать всех в известном направлении и не начать жить своим умом?.. Почему было просто не уйти?.. Зачем нужно было так безропотно выполнять чужие прихоти?..”

А вот в этом-то и кроется весь ужас этой невыносимой си-

туации. Жертвы стокгольмского синдрома не знают о том, что в любой момент можно просто уйти, – не терпеть, не подчиняться, не страдать, не плакать, не выполнять прихоти того, кто над ними издевается, и не делать того, что не хочется делать, – а просто встать, развернуться и пойти своей дорогой. С виду вполне полноценный человек, – разумный, мыслящий, не сумасшедший, в принципе, не забитый, не опустившийся, и, возможно, даже довольно успешный в какой-то своей сфере деятельности, – настолько морально подавлен, подчинен или даже поработен другими людьми и сложившимися обстоятельствами, что он просто не понимает, не знает и не осознает, что он может просто встать и в одночасье прекратить все это. Одним словом, одним движением, одним действием. Потому что он не в клетке и не в цепях; он не болен физически и не изможден. На самом деле он совершенно свободен и имеет право сам распоряжаться своей жизнью, сам решать для себя, что ему делать, в каком направлении двигаться, как жить, с кем общаться, чем заниматься. И цепи, и клетка существуют только в его измученном воображении. И он в любой момент может переступить через них и пойти своей дорогой.

Но он не знает этого.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ...

У Олеськи с детства имелся достаточно необычный “дефект конструкции”. Она все время улыбалась. Поэтому окружающие, по обыкновению, весьма ошибочно считали ее очень милой и доброжелательной. Но на самом деле это не совсем так. И Олеся, в общем-то, никогда даже и не стремилась таким вот образом вводить в заблуждение несчастных людей. Напротив, она изо всех сил старалась выглядеть серьезной. Но в процессе разговора забывалась, переставала следить за собой, и ее губы снова сами собой расплывались в дружелюбной улыбке...

Вы можете сказать: а что, собственно, в этом плохого?.. Да, в общем-то, ничего. У Олеськи всегда была на редкость красивая улыбка, которой неизменно восхищались все окружающие. У нее были идеальные зубы, – тут уж спасибо тебе, Господи, вроде, ничем не обидел... Да и вообще людям, в целом, нравилась ее внешность. Сколько раз такое было, что, на Олесин вопрос, откуда тот или иной человек ее знает, ей отвечали, что видели ее когда-то в прошлом, – но “разве же можно забыть твою улыбку!..” Слышать все это было, конечно, приятно. Точнее, это должно было бы быть приятно... Если не знать предысторию Олесиной “лучезарной улыбки”.

А она, как это ни печально, была у нее отнюдь не от природы...

Всегда, насколько Олеся себя помнила, мама очень сурово наказывала ее, если у нее только возникало подозрение на то, что ее дочь чем-то недовольна. Олеська не имела права быть не то, что несчастной, – даже просто невеселой... Но, к сожалению, у любого человека бывают... ну, скажем так, моменты задумчивости... Это когда, в принципе, в твоей жизни на данный момент все более или менее нормально, проблем никаких не намечается, страшного ничего не случилось, – просто почему-то тебе в данный момент не слишком весело. Например, настроение как-то не очень... Или даже что-то произошло... Ничего ужасного, если честно признаться, но вот что-то тревожит и заставляет слегка хандрить... А может, даже и не слегка... А иногда даже и поплакать тянет, – и тоже, в принципе, без особой на то причины...

Олеся не была исключением из правил. Как и любому нормальному человеку, ей иногда бывало грустно, порой она бывала чем-то расстроена, и временами ей хотелось заплакать... Но не дай Бог ей было хоть как-то показать подобные чувства и эмоции во времена ее счастливого беззаботного детства!.. Олеся просто обязана была всегда, независимо от времени года, усталости, проблем со здоровьем, – температура под сорок тоже не являлась оправданием плохого настроения, – юношеских любовных неудач или еще каких-либо неприятностей быть безумно счастливой, оглушительно

хохотать взахлеб и вообще всем своим видом показывать, что у нее все “выше крыши”.

И если Олесиной маме только лишь показалось, что дочь по какой-то причине выглядит невеселой, – то все, пиши пропало!.. А такое, разумеется, тоже иногда происходило... Все-таки Олеся была живым человеком, а не роботом с предустановленной программой, и не могла следить за выражением своего лица двадцать четыре часа в сутки... Ее мама могла, например, неожиданно войти в комнату и уловить какой-то не понравившийся ей отблеск задумчивости на лице дочери... Или, например, иногда мама окликала Олеся, а дочь, обернувшись, не успевала в то же мгновение надеть улыбку на губы... Получалась небольшая рассогласованность в действиях... И вот тогда начинался кошмар...

Сначала мама встревожено кидалась задавать дочери вполне невинные, вроде бы, вопросы, типа: “Что у тебя случилось?.. Чем ты расстроена?.. Кто тебя обидел?..” Все Олесины попытки оправдаться, объяснить, что у нее все в полном порядке, ничего не случилось, и она вовсе даже и не грустит, не приносили успеха... Мама их не просто даже игнорировала, – она искренне считала, похоже, что дочь зачем-то врет ей и скрывает свои беды, – а ведь ребенок ничего не должен скрывать от своей мамочки!.. Олеся продолжала все отрицать, мама продолжала настаивать и требовать все ей рассказать... Градус разговора повышался с каждой секундой... И вот уже мама, только что с озабоченным видом ин-

тересующаяся, якобы, внутренним состоянием дочери и пытающаяся ее утешить, переходила на крик:

– Ну, тогда чем ты опять недовольна?! Из-за чего ты опять страдаешь?! Тебе, что, есть нечего?! Тебе есть, что есть!!! Тебе, что, надеть нечего?! Тебе есть, что надеть!!! У тебя совершенно нет никаких поводов сидеть здесь и страдать!!! Но ты нарочно действуешь мне на нервы!!! Как мне надоела твоя поганая вечно недовольная морда!!! У всех дети, как дети!!! И только ты у нас вечно всем недовольна, тебе вечно все не так!!! Я вообще не знаю, что с тобой делать!!! У меня из-за тебя сердце постоянно болит, а тебе насрать!!!

Если Олесе удавалось на данном этапе каким-то образом вымолить для себя прощение, то все еще могло закончиться достаточно благополучно. По крайней мере, на это еще были некоторые шансы... Правда, потом на протяжении пары дней ей приходилось выслушивать, что хуже ее никого нет в этом мире, что все окружающие ее давно уже терпеть не могут и знать не хотят, и только лишь ее бедная мама – единственный человек, который пока еще не отказался от нее окончательно и бесповоротно, который еще надеется как-то перевоспитать ее и сделать из нее человека. Правда, маме тоже уже давно надоело иметь дело с таким отвратительным существом, каковым уродилась ее непутная дочь, но она пока еще не сдается и терпит ее и ее ужасающие выходки, – что же делать, ведь она мать, и она обязана нести этот крест, – раз уж Господь Бог дал ей такую никудышную дочь...

Слушать все это было тяжело и больно, но на самом деле все это можно еще было вынести... Для этого нужно было всего-навсего упасть на колени, посыпать голову пеплом, признать все свои ужасающие пороки и согласиться с тем, что хуже нее никого еще в природе не придумано, и Гитлер вместе с Чикатило нервно курят в сторонке, глядя на нее и терзаясь ощущением своей полнейшей никчемности... Но, к сожалению, Олесе это не всегда удавалось. Несмотря на полную забитость и панический страх перед любимой мамочкой, она, тем не менее, была девочкой с достаточно сильным характером, и иногда она вдруг не вовремя осознавала, что просто безумно устала быть вечно во всем виноватой... И тогда она то ли умоляла о прощении недостаточно энергично, то ли просто мама видела в ее глазах какую-то непокорность и не верила в ее искренность, – и ссора переходила на новый уровень.

Мама начинала вопить так, что оставалось только посочувствовать несчастным соседям, вынужденным слушать подобную отборную ненормативную лексику, весьма странную для дамы, позиционирующей себя очень воспитанной и интеллигентной. И, несмотря на обилие непереводаемого трехэтажного мата, Олеся в очередной раз умудрялась узнать о себе очень много нового, – хотя, казалось бы, за годы своего детства она давно уже должна была все услышать... А заканчивалось все это обычно тем, что ее дорогая мама, в переводе на культурный русский язык, наглядно объясняла,

что у нее больше нет дочери...

Потом Олесе объявлялся бойкот. Никто из членов их дружной семьи много дней, – а то и недель, – не разговаривал с ней. И Олеся попадала в полную изоляцию. Из дома уйти ей было некуда, потому что ни друзей, ни подруг у нее не было, а просто бродить по улицам она не умела... А дома были родственники... Напрочь игнорирующие ее отец и брат, – слава Богу, они, по большей части, попросту не обращали на нее внимания. И любимая мама, без устали вопящая на нее по поводу и без повода... Чаше всего пару недель Олеся гордо держалась. Рыдала по ночам, подумывала о самоубийстве, мечтала уйти из дома и зажить какой-то совсем другой жизнью, в которой не будет визжащей, кроющей ее матом доброй мамочки... Но держалась. Ведь она же, в конце концов, ни в чем не была виновата на самом деле, – разве не так?..

А потом наступал момент, когда она попросту ломалась, потому что продолжать в том же духе было дальше просто нереально. И она приползала на коленях, каялась во всех мыслимых и немыслимых грехах, – да она уже готова была признаться в чем угодно, лишь бы ее помиловали!.. – и вымаливала прощение...

И ее мамочка, – человек, от природы очень добрый, душевный и чуткий, – разумеется, прощала ее. Она просто вынуждена была ее простить. Ведь это все-таки была ее дочь, – каким бы отвратительным существом она ни уродилась...

Мама прекрасно понимала, что в семье не без урода, и никогда не упускала случая напомнить об этом своей дочери, чтобы загнать ее и без того низкую самооценку еще глубже под плинтус...

И, чтобы избежать подобной ситуации, Олеся, подчиняясь, очевидно, просто какому-то безошибочному инстинкту выживания, старалась просто, по возможности, ее изначально не создавать. Как бы плохо ни было порой у нее на душе; как бы ни было ей тяжело; какие бы проблемы ее не мучили, – она всегда лучезарно улыбалась. И маму эта ситуация почти устраивала. Почти, – потому что она все равно находила поводы к чему-нибудь придраться и устроить очередной скандал. Но, по крайней мере, маминых истерик на эту тему Олесе почти всегда удавалось избежать. Мама видела, что ее дочь, безусловно, безумно счастлива, и не переживала хотя бы по этой причине...

Почему-то для Олесиной мамы именно это было очень важно, – внешнее благополучие и показное счастье. Очевидно, это было самым явным показателем того, что она удалась и как жена, и как мать, – ведь члены ее семьи дружно умирают от радости... Никто из окружающих не знал о том, что творилось у них дома, за закрытыми дверями. Потому что внешне все было очень красиво: совершенно благополучная семья, заботливая любящая мамочка, работающий папочка и счастливые детки... Красивый яркий фасад, заглянуть за который ни у кого не было ни малейшего повода... То, что

и муж, и дети, и даже другие родственники на самом деле безумно боялись маму и поэтому изо всех сил подыгрывали ей, – это Олеся поняла уже только тогда, когда стала достаточно взрослой. А тогда она просто считала, что очень любит свою маму и поэтому ничем не хочет ее огорчать...

Да, огорчить ее осознанно мог бы только самоубийца...

Прошло больше десяти лет с тех пор, как Олеся перестала общаться со своей мамой. За эти годы она стала совершенно другим человеком, сумела полностью изменить свою жизнь и сделать ее почти такой, о какой она всегда раньше втайне мечтала. И теперь она искренне не может понять, как вообще могла целых три десятка лет протянуть в подобных условиях, – не сойти с ума и не наложить на себя руки.

Но, даже не смотря на то, что Олеся кардинально изменилась, что она теперь совершенно по-другому смотрит на жизнь и на свое место в ней, на ее губах по-прежнему сияет эта неизменная лучезарная улыбка...

Олеся даже и не сразу это осознала. А потом ей самой стало смешно от этой просто, очевидно, вбитой в подкорку привычки. Она много раз пыталась как-то работать над собой, тренироваться перед зеркалом, делать серьезное невозмутимое лицо... Но – ничего не получается.

Очевидно, это сильнее любых доводов рассудка.

Перед вами человек, который смеется...

МОЙ НЕНАГЛЯДНЫЙ С ЦЕНТРА, А Я С ОКРАИНЫ...

Олеськин суженый был интеллигентом в целом аж втором поколении, – даром, что его незабвенная мамочка родилась и выросла где-то в ауле Средней Азии. Но после школы у нее хватило ума на то, чтобы уехать в Ленинград, где она поступила в университет, а уже потом по распределению попала в их город. И с тех пор про свое босоное голодное детство в ауле она больше никогда уже и не вспоминала, и своего единственного и любимого сына воспитала в исключительном понятии своей необычайной образованности и интеллигентности, вследствие чего он смело мог возвышаться над остальными, простыми смертными.

Вот и получился у нее, в конечном итоге, чистый и порядочный тридцатилетний мальчуган с расчудесным высшим педагогическим образованием и твердым, впитанным с молоком матери, осознанием своего превосходства над “быдлом”, коим и являлось все без исключения остальное население их, кстати, почти миллионного, на тот момент, города.

А что касается самой Олеськи, то она была девчонкой из простой рабочей семьи. Ее отец всю жизнь был водителем, а мама работала в профсоюзе на местном градообразующем предприятии. И образования-то высшего она, разу-

меется, вовсе не имела, поскольку только-только закончила техникум. Всего-навсего техникум, – вы вообще слышали о таком?..

В интеллигентных глазах будущего супруга и его благочестивых родственников это был явный мезальянс. Правда, ложку в ухо Олеся, вроде, не несла, – да и вообще, по словам ее милого, была “умненькой”. Он так и говорил всегда своей родне, что она – “умненькая”...

Боже, какое это, на самом деле, мерзкое слово!.. Олеся даже спустя десятилетия продолжало коробить при одной только мысли о нем!..

Но речь сейчас пойдет даже и не об этом. А о том, что Олесин чудесный интеллигентный суперобразованный муженек в свои тридцать лет почему-то не имел никакого понятия о личной гигиене.

В Олесиной неприличной “быдловской” семье испокон веков принято было каждый день принимать душ, менять нижнее белье и другую одежду, пользоваться дезодорантами, туалетной водой и прочими диковинными дьявольскими приспособлениями, истинного предназначения которых Олесин возлюбленный упорно не понимал, а когда она мягко пыталась намекнуть ему на то, что было бы вовсе даже и не плохо использовать подобные блага цивилизации, он, – простите ему его гендерную нелояльность; данные события происходили более двадцати лет назад, – топал ногами и кричал, брызжа слюной, что все это – только для “гомиков”...

В его родной семье на водные процедуры отводился ровно один день в неделю. И это было из ряда вон выдающееся событие, о котором долго потом вспоминали... А подаренный на день рождения Олесе недешевый антиперспирант благополучно прожил рядом с ними много лет и уже после развода был отправлен на заслуженный отдых в связи с очевидным достижением пенсионного возраста...

Однажды, когда Олесе и Георг еще только начали встречаться, он как-то позвонил ей утром и похвастался, что только что искупался. Дело происходило в конце мая. На улице в тот год уже стояла жара, но в это время года в их регионе еще не купаются, – вода бывает еще слишком холодной. Ну, разве что отчаянные смельчаки, которым море по колено... И Олесе была просто счастлива осознать, что ее избранник принадлежит как раз к таким...

Ее юное влюбленное сердце наполнилось гордостью за храброго закаленного возлюбленного, и она с трепетом в голосе спросила:

– Где? В Волге?

Сказать, что Георг был ошарашен, это, наверное, не сказать ничего...

– Да нет, дома, в ванной! – с удивлением ответил пылкий возлюбленный. – Мы всегда купаемся по субботам!

И он тут же принялся объяснять Олесе, что относится к так называемому “мокрому” типу, и поэтому теперь он обязательно заболит, так как вышел после купания на улицу.

Но он очень хотел позвонить ей и похвастаться тем, что он искупался, – к тому же, он так соскучился, так соскучился, что просто не мог не позвонить ей, – и пусть даже он теперь умрет от воспаления легких, он ни о чем жалеть не будет...

Напомню, события происходили более двух десятков лет назад, так что о сотовых телефонах тогда еще, естественно, и не слыхивали...

Олесина раздувшаяся гордость лопнула с диким треском, как проколотый слишком туго надутый воздушный шарик...

До свадьбы Олеся с Георгом встречались два года. И она совершенно искренне полагала, что безумно любит его. И все эти два года она, молоденькая неотесанная рафинированная девочка, жутко страдала от его... как бы это поделкатнее сказать... поразительной нечистоплотности. Они проводили вместе практически все свободное время, не в силах расстаться, – но при этом Олеся постоянно страдала и просто не могла находиться рядом с ним, – запах его носков вышибал у нее слезы из глаз... И это не говоря уже обо всем остальном, что тоже отнюдь не радовало...

Они встречались до свадьбы два года, и все два года Олеся реально страдала и не знала, как изменить ситуацию. Порой, когда становилось совсем уж невыносимо, она чуть ли не плакала, пытаясь деликатно намекнуть своему милому на это. Но он просто категорически не желал ее слушать. На робкие Олесины просьбы хотя бы иногда принимать душ он отвечал одной – единственной безапелляционной фразой:

“Я чистый!” И все. Никак повлиять на него было невозможно.

Олеся безумно стеснялась говорить любимому о том, что от него очень плохо пахнет, хотя порой она реально задыхалась рядом с ним. Ее робких намеков он то ли не понимал, то ли просто делал вид, что не понимает. При этом он категорически отказывался не только мыться, но и менять одежду, – например, носки. Иногда Олеся, не в силах выдерживать подобную газовую атаку, все-таки в очередной раз просила его об этом:

– Гера, пожалуйста, надень завтра другие носки!.. Я уже говорила тебе еще во вторник, а сегодня уже четверг, и ты меня, конечно, извини, но я просто задыхаюсь...

– Я поменяю их в субботу, – отвечал милый. – Мы всегда в субботу по утрам купаемся, и я меняю всю одежду!

– Но можно же поменять носки, не дожидаясь субботы? – чуть не плакала Олеся. – Ну, реально, дышать нечем...

– Я поменяю их в субботу, – ни капли не смущаясь сложившейся ситуации, как робот, повторял Гера.

А знаете, в чем заключался основной юмор этой ситуации?.. В силу, очевидно, каких-то специфических особенностей конструкции, Олеся практически не ощущала запахов. Такая вот природная особенность, – трудно сказать, хорошо это было или плохо. Но даже при выборе парфюмерии ей всю жизнь приходилось действовать практически наугад, потому что она реально почти ничего не ощущала. Олесин нос все-

гда был способен уловить только действительно страшную вонь, которую просто нереально было не почувствовать. Но в те счастливые моменты, когда она сидела рядом с милым, у нее дыхание перехватывало и в горле першило... Наверное, какие-то еще комментарии тут излишни?..

Возможно, у них просто была патологическая несовместимость друг с другом, и именно поэтому Олеся так болезненно реагировала на то, что ей представлялось полным отсутствием личной гигиены. Такое, к сожалению, бывает, и люди, несовместимые на чисто физиологическом уровне, разумеется, едва ли смогут быть вместе. Но тут стоит еще раз упомянуть, что события происходили очень давно, когда о подобных возможных трудностях было еще вообще не известно. Олеся была влюблена в Георга, Георг почему-то желал жениться на Олесе, – и никому не приходило в голову, что этого может оказаться недостаточно для последующей счастливой семейной жизни, потому что эти два человека просто-напросто вообще не подходили друг другу в чисто физическом плане. Это невозможно преодолеть, с этим неммыслимо смириться.

А глупая Олеся продолжала надеяться лишь на то, что после свадьбы Георг научится мыться и менять белье, и тогда ей станет приятно находиться рядом с ним...

При этом не шибко чистоплотный Олесин возлюбленный очень любил пространные рассуждения, например, на тему того, что он терпеть не может ездить в общественном транс-

порте, потому что все люди такие вонючие, и он, натура тонкая, так остро чувствует чужие отвратительные запахи, что просто не может находиться рядом со всем этим “быдлом”... А Олеся старательно и, по возможности, незаметно, – чтобы, не дай бог, не обидеть любимого!.. – отворачивалась в сторону и время от времени вытирала потекшую косметику... Глаза резало от вони просто невероятно, – а еще Олеся всерьез боялась попросту грохнуться в обморок от недостатка кислорода, потому что, сидя рядом с любимым на протяжении нескольких часов, она практически не дышала, – а это, поверьте, не так-то просто!..

Но она мужественно терпела. Ведь у них же любовь!.. И ради этой своей великой любви Олеся готова была на любые жертвы. Вот только как бы уговорить милого всего лишь принять душ перед тем, как приехать к ней в гости...

Правда, любимый клятвенно заверял ее, что, когда они поженятся, он уступит ее просьбам и будет мыться каждый день.

Глупенькая Олеся не в силах была понять, почему же он не может начать делать это вот уже прямо сейчас, тем более, что его нечистоплотность причиняет ей такие нешуточные страдания. Но Георг на протяжении почти двух лет, что они встречались, все время находил какие-то мутные отговорки. А однажды, уже практически накануне свадьбы, ему это, очевидно, надоело, и он честно признался:

– Если я сейчас приду домой и пойду купаться, *моя мать*

подумает, что мы с тобой спим!

Олеся так и выпала в осадок...

Вот ведь ужас какой, – не правда ли?.. Мамочка может заподозрить, что ее тридцатилетний мальчик – ай-яй-яй!!! – такой нехороший, развращенный и испорченный, что спит со своей девочкой, на которой через месяц планирует жениться! Ей, конечно, такой глупости и пошлости даже и в голову не приходило, – даром, что заявление в ЗАГС уже полгода как подано, приглашения разосланы, и вообще подготовка к свадьбе в полном разгаре!.. И вот на фоне всего этого только представить, что ее милый мальчик – уже, в принципе, и не мальчик... Кошмар какой неопиcуемый!.. Да, что уж тут греха таить, – ни одна порядочная родительница просто не переживет такого позора!..

Кстати, интимных отношений у молодых людей на тот момент действительно пока еще не было. Они ждали свадьбу. Точнее, свадьбу ждал суперпорядочный Георг, который слишком уважал свою любимую, чтобы унижить и оскорбить ее подобной пошлостью... Но, тем не менее, Олеся совершенно не понимала, что во всем этом такого ужасного?.. И она даже готова была окончательно и бесповоротно испортить свою репутацию в глазах мамочки своего возлюбленного, лишь бы приучить его к гигиеническим процедурам!..

По глупости своей, Олеся не понимала, что такого страшного может быть в интимных отношениях, и почему для Георга так важно наглядно продемонстрировать их отсутствие.

Она просто тогда еще не знала, какой это стыд и позор, и не ведала, что порядочные мальчики из интеллигентных семей такой гадостью и мерзостью не занимаются!.. А их мамы, – без малейшего преувеличения, – могут запросто слечь с сердечным приступом, если только заподозрят у своих благочестивых сыновей, в воспитание которых они так много вложили, подобные мысли... Ведь на тот миг Олеся еще, по простоте душевной, полагала, что милый ее просто очень любит и бережет...

После свадьбы Георг действительно начал мыться. Но какой ценой!.. Каждый раз он отправлялся в ванную с какими-то оговорками... А временами закатывал натуральные истерики по этому поводу.

– Я вообще не понимаю, что за глупость ты придумала, – купаться каждый день!!! – то плакал, то топал ногами, то бился головой о стену новоиспеченный муженек. – Это все твоя проклятая семейка во всем виновата!!! Никто из моих знакомых не моется каждый день!!! Это все твоя ненормальная мамаша придумала, и ты с ней вместе тронулась на этой почве!!!

Олеся один раз недоуменно выслушала подобную тираду, второй раз снова так и не поняла, что происходит, глупо хлопая глазами, поскольку просто не знала, как вообще нужно адекватно реагировать на нечто подобное... Но после еще нескольких подобных заявлений в различных интерпретациях на тему ее быдловской семьи и сумасшедшей мамы ей

пришлось пригрозить милому, что еще одно слово в таком духе, – и ей в следующий раз придется напрочь оторвать ему как раз те части тела, которые он не желал мыть. А что такого?.. Олеся ведь, к несчастью, интеллигенткой не была, и ее быдловское воспитание давно научило ее затыкать рот не столько словами, сколько кулаком, – на рабочей окраине без этого никак...

Подействовало, – несмотря на то, что Олеся была на десять лет моложе и на двадцать килограммов легче. На самом деле милый боялся ее до слез, хоть она и старалась изо всех сил сдерживать свои низменные порывы... Зачастую ей достаточно было просто намекнуть... И с тех пор милый каждый вечер вприпрыжку обгонял ее на пути в ванную и всячески нахваливал гигиенические процедуры...

Кстати, все друзья и знакомые Георга, – которые тоже не считали нужным мыться, по его словам, – были исключительно образованными интеллигентными людьми из хороших порядочных семей, – так же, как и он сам. И тех пор Олесе всегда было страшно за нашу интеллигенцию...

К сожалению, на то, чтобы приучить Геру менять носки, Олесе потребовалось еще несколько лет... И это даже не смотря на то, что она, воспитанная в самых лучших традициях домостроя, беспрекословно готова была их стирать... Просто она не сразу заметила, что Георг прячет их от нее...

Приходя домой, он двумя пальцами “соскабливал” их со своих ступней, – чтобы не запачкаться; они же грязные!.. А

кто, спрашивается, в этом был виноват, – уж, явно, не жена, которая с удовольствием привела бы их в порядок, если бы только нашла... Но Георг “ставил” их за обувную полку. Хотя, вообще-то, они могли ходить без его помощи и жить своей насыщенной грибками и микробами жизнью... А глупая молодая жена растерянно водила носом, не понимая, откуда доносится этот жуткий запах... И даже после того, как она обнаружила-таки его заначку, он еще очень долго изобретал другие и зачастую совершенно немыслимые места для “схрона”. Просто спокойно бросить их в стиральную машинку, как просила жена, и взять с полки новые было бы слишком... “по быдловски”, наверное...

Олеся долго пыталась и по-хорошему, и по-плохому. Но конец всему этому положил только развод.

Расставались они с ним долго. Целый год. Олеся выгоняла мужа, через некоторое время он возвращался, они в очередной раз пытались начать все сначала, – как принято, хотя бы ради сына, – потом она его снова практически вышвыривала, не в силах терпеть его заморочки... Но окончательно поставить точку в этом вопросе никак не могла, – до поры, до времени. И, в какой-то степени, одной из причин того, что Олеся все-таки не захотела сохранять семью, было как раз то, что, вернувшись к матери, Георг снова перестал мыться. И на все недоуменные Олесиные вопросы на эту тему неизменно отвечал: “Я чистый!”

Нет, разумеется, окончательно расстались они не только

из-за этого. Но и этот факт сыграл свою далеко не последнюю роль. Потому что, – ну, сколько же можно биться лбом о бетонную стену?..

А слово “интеллигент” с той поры стало для Олеси почти ругательным. И она твердо решила для себя, что уж лучше навсегда остаться просто девчонкой с рабочей окраины, чем снова примкнуть к подобным “голубым кровям”!..

Вот это, наверное, действительно и называется “мезальянс”. Только вот мне почему-то кажется, что в данном случае именно жених не дотягивал до своей невесты...

БАБУЛЯ НАИГРАЛАСЬ...

Олеськина уважаемая свекровь вспомнила, что у нее, вообще-то, есть внук, когда этому самому обожаемому “внучеку” исполнилось десять лет. “Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда!..” – промелькнула тогда у Олеси наивная мысль. Она вообще склонна была видеть в людях гораздо больше хорошего, чем в них было на самом деле, поэтому она тогда реально понадеялась на то, что так для ее сына будет лучше.

Нет, если уж говорить начистоту, то вовсе даже нельзя было сказать, что сама Олеся пребывала в немом восторге от осознания того, что склероз свекрови в отношении внука оказался излечим. Слишком уж много зла в свое время она причинила их семье... Но с момента развода с мужем на тот миг прошло уже пять лет; у них с сыном была теперь совсем другая жизнь, и ей казалось просто мелочным припоминать сейчас все былые обиды. Да, все это когда-то было, и это было очень больно. Но это вовсе не означало, что Олеся собиралась страдать и убиваться из-за всего этого остаток жизни. Напротив, она собиралась жить дальше и получать от этой жизни только хорошее.

Тем более, что человек вдруг сам решил возобновить отношения. Так что ж теперь, костыми лечь на пути престарелой дамочки, запальчиво перечисляя все преступления, совершенные ею много лет назад?.. Олеся даже и не собира-

лась заниматься такой ерундой. Плюс, – она тоже стала старше и получила возможность взглянуть на всю эту ситуацию немного с другой стороны. И поняла, что ее тоже трудно было назвать ангелом во плоти. Очень многое в их прошлой жизни можно было бы сделать по-другому, и теперь, с высоты своего возраста, Олеся очень ясно это видела. Где-то следовало изначально проявить большую жесткость и решительность, сразу же обозначив свои позиции, вместо того, чтобы целыми днями напролет беспомощно рыдать в подушку и совершенно по-детски страдать из-за того, что свекровь ненавидит ее, такую маленькую, хорошенькую и славненькую. А где-то, наоборот, не упираться рогом в землю, а попытаться найти какой-либо компромисс...

Теперь все это осталось в далеком прошлом. Возможно, в свои двадцать лет Олеся просто действительно была еще очень глупой. Да и свекровь тогда вела себя... ммм... тоже не слишком умно, мягко говоря. Она сражалась за своего сына, считая, что не может позволить ему оступиться и совершить ошибку. А вот сама Олеся, наоборот, в конечном итоге не посчитала нужным за него бороться, решив, что он попросту не стоит таких усилий... Но теперь все это было позади и превратилось в смутные воспоминания. А жизнь, тем временем, продолжалась... И сулила еще немало сюрпризов.

Короче, кто прошлое помянет, – тому глаз вон!.. – решила Олеся. Какой бы ни была ее свекровь, – при этом она все-таки оставалась бабушкой ее сына. И, если она вдруг вспом-

нила про него и захотела с ним общаться, то сама Олеся не собиралась этому препятствовать.

При этом следует отметить, что она и раньше не запрещала отцу и бабушке общаться с ребенком. На тот момент, когда папа их окончательно покинул, Сашке было пять лет. И – все! Как отрезало. Ни разу за все эти годы ни папа, ни бабушка больше не вспомнили о “своей кровиночке”, как свекровь причитала после его рождения. Но к этому Олеся тоже отнеслась тогда по-философски. И ни разу за все эти годы ни она, ни Саша не напомнили о себе бывшим родственникам. Как говорится, насильно мил не будешь, – и к детям это, вероятно, тоже относится. В этом не было ничего страшного. Они пережили это вдвоем. Встали на ноги. Научились, в конце концов, жить полностью самостоятельно, без чьей-либо помощи и поддержки. И вдруг – такой сюрприз!.. Натев вам!.. Бабуля объявилась!..

Как они с Сашкой поняли уже позже, именно тогда их незабвенный папашка женился во второй раз, и у его новой молодой жены, – в отличие от самой Олеси, попросту не пожелавшей бороться за свое счастье, – хватило сил увести его “из семьи”, – то есть, от мамы. Как ей это удалось, – один Господь ведает... Но он реально ушел от мамы. И даже сократил все встречи с ней до минимума. И бабулька, оставшись не у дел, вдруг очень вовремя вспомнила о том, что где-то на этой земле, – причем, всего лишь в соседнем доме; далеко идти не надо!.. – у нее есть внук, родная кровиночка,

о которой она почему-то благополучно не вспоминала энное количество лет.

Бабуля стала постоянно звонить и приглашать Сашку к себе в гости. А он, – наивный сибирский валенок, выросший без любви бабушек и дедушек, – с радостью бежал к ней, благо, было совсем недалеко... Бабушка иногда кормила его, покупала какие-то подарки. На праздники даже пару раз передавала Олеся через него деньги. Не шибко много, – в пределах тысячи, плюс-минус, – но Олеся с Сашей никогда не были меркантильными; для них был необычайно важен сам факт того, что человек, вроде бы, искренне пытается помочь, порадовать, – и за это ему, разумеется, огромное спасибо. Олеся даже несколько раз разговаривала по телефону с бывшей свекровью, а однажды встретились, – и все прошло вполне нормально и дружелюбно.

А что касается Сашки, – то он просто расцвел! Ему, несчастному ребенку, вечно третируемому бабушкой со стороны матери, от которой он в жизни своей не слышал ни одного доброго слова, очень громкое, показное и эмоциональное проявившееся вдруг обожание другой бабушки было как бальзам на рану...

Если бы только было можно вернуть все назад, – Олеся действительно костями легла бы на пороге, лишь бы не пускать ребенка к этой совершенно неадекватной, – как еще раз подтвердилось впоследствии, – даме. У ее сына и так была не слишком простая и веселая жизнь, чтобы позволять еще

кому-то причинять ему лишнюю боль... Но тогда, в тот момент, ей действительно казалось, что так будет лучше. И, в первую очередь, именно для ребенка.

Бабули хватило на два года...

Саше исполнилось уже двенадцать лет, когда бывшая свекровь попросила у Олеси разрешения взять его с собой в Питер. Она некогда училась в этом городе в университете, и там до сих пор жили ее многочисленные родственники, которых ей захотелось вдруг навестить. Олеся с радостью согласилась, не углядев в этом намерении ничего криминального. Саша вообще с детства был натурой творческой; по музеям он, без устали, мог бродить целыми днями, – а тут еще сама поездка в легендарный город, белые ночи, разводные мосты... Олеся не сомневалась в том, что он будет просто счастлив.

К тому же, в свои двенадцать лет Саша был уже достаточно взрослым, самостоятельным и разумным. Олеся доверяла ему на все сто процентов и совершенно за него не переживала. Она была уверена, что сын будет хорошо себя вести и никак ее не подведет.

Переживать, как оказалось позже, нужно было вовсе даже и не за него. Потому что кое-кто действительно взрослый разумным за прошедшие годы, к сожалению, так и не стал, судя по всему...

Признаться честно, Олеся так и не поняла до конца, что у них там произошло. Хотя очень старалась. Но, очевидно,

одно дело – иногда под настроение пригласить к себе “вну- чека” на пару часиков погостить, изображая из себя радуш- ную хозяйку. И совсем другое, – оказаться практически с чу- жим, глядя правде в глаза, едва знакомым тебе ребенком в замкнутом закрытом помещении на три недели. Почему в замкнутом и закрытом?.. Да потому, что они все это время практически безвылазно просидели в комнате!

Почти за три недели целых два раза бабушка с внуком схо- дили в музей, один раз в зоопарк, и еще однажды встретились с родственниками в кафе. И – все! Больше на улицу Саша не выходил. Олеся так и не поняла, зачем бабушка во- обще потащила с собой ребенка в другой город, если при этом элементарно не пожелала хотя бы выйти из дома и по- дышать свежим воздухом, сидя на лавочке, – не говоря уж ни о чем другом! Прогулки, белые ночи и разводные мосты так и остались несбыточной мечтой. Долго еще потом Олеся с Сашей смеялись над сложившейся ситуацией. Это ведь реально надо было умудриться: провести в Питере несколь- ко недель, глядя на него из окна коммунальной квартиры на Васильевском острове!..

Саша никогда не был ни хулиганом, ни хамом, ни груби- яном. Просто вышло так, что он был очень похож на саму Олеся. У него был точно такой же характер, взгляды на жиз- ни, даже привычки. А ведь Олеся в свое время свекровь не просто не любила, – она ее планомерно сживала со свету в буквальном смысле слова. И, очевидно, она так и не смогла

полюбить ребенка, в котором было так много от неудобной бывшей невестки.

Не помогло даже Сашкино внешнее сходство с отцом, – бабушка его просто, похоже, не замечала. И все эти экзальтированные рукоплескания, лобызания в десны и вопли о родной крови оказались, как и надо было понимать с самого начала, насквозь фальшивыми. Никакой он для нее был не внучек, не кровинушка и даже не сын ее ненаглядного Герочки. Он был, есть и навсегда останется для бабушки всего лишь Олесиным сыном. И этим все было сказано. Бабуля видела в нем лишь точную копию матери, – и внешне, в том числе, как это было ни странно, – и именно об этом сходстве было объявлено всем питерским родственникам...

Саша рассказывал, что любящую и заботливую бабушка откровенно бесило в нем все. Как он двигается, как он ест, ходит и разговаривает. Ну, прямо Олесина мама дубль два!.. Ее буквально доводило до истерики то, что он каждый вечер принимает душ, и она чуть ли не билась головой о стену, пытаясь доказать ему, что это вредно для здоровья... Книжки, которые он читал “в заключении”, просто сводили ее с ума, – нормальные мальчишки в его возрасте читают совсем другое... Ха-ха!.. Она, похоже, была не в курсе, что дети, – хоть нормальные, хоть нет, – вообще сейчас редко читают. Ей бы радоваться, а она трагедию из этого делала...

Одна из самых крупных ссор у них произошло в зоопарке. Саша стремился сделать как можно больше фотографий

на память. Бабушку это бесило, и она постоянно начинала визжать, чтобы он не тратил зря пленку в фотоаппарате... Пленку!.. *В цифровом фотоаппарате!..* И Саша напрасно раз за разом объяснял ей, что пленки в нем попросту нет, а карта памяти позволяет сделать тысячи снимков... Это было бесполезно. Она словно и не слышала.

Один раз в порыве ярости она чуть было не выбила этот самый фотоаппарат у него из рук, когда Сашка решил снять кораблик на Неве... Слава богу, что Олесин суперосторожный ребенок, с пеленок готовый к любым неприятностям, надел петлю на руку, и только эта петля не позволила фотоаппарату, – не дешевому, кстати, – улететь с моста в руку...

Разумеется, Саша звонил Олесе каждый день. И с каждым днем радости в его голосе было как-то все меньше и меньше... А энтузиазм и желание находиться рядом с бабулей вообще сошли на нет... Олеся, как могла, успокаивала его, просила ни в коем случае не ругаться с бабушкой, которая, наверное, все-таки хотела, как лучше, потерпеть еще немного...

На первый взгляд, может показаться странным, почему Олеся не взяла пару дней отгулов на работе и не привезла сына домой. Но не стоит забывать, что все это происходило в начале двухтысячных. Честно говоря, я не знаю, как сейчас обстоят дела с билетами в Санкт-Петербург, – все-таки наша жизнь с появлением новых технологий значительно изменилась, – а тогда их приходилось покупать заранее, – и не за

одну неделю... И у нее просто физически не было возможности добраться до Питера на раз-два и вызволить сына из заточения... Даже позвонить, – и то было не так-то просто, – потому что это было самое начало зарождения сотовой связи, – в их городе, разумеется, – и стоила она тогда безумно дорого... Но об этом Олеся уже не думала.

Ей оставалось только успокаивать сына по телефону, пытаясь все-таки найти в его странном приключении хоть что-то хорошее...

Саша, по его словам, старался не ругаться с бабушкой. Терпел. Не рассказывал ничего особенно плохого. А потом, наконец, вернулся домой. И от того, что Олеся узнала о поведении его бабушки, о ее нелицеприятных высказываниях в их адрес, о ее неадекватных поступках, у нее просто волосы зашевелились...

Саша тогда сразу же сказал, что больше он с бабушкой общаться не будет и в гости к ней никогда не пойдет. Но, если он и хотел уязвить свою милую бабулю этим своим решением, то совершенно напрасно. После той памятной поездки в Питер она больше ни разу ему не позвонила.

Похоже, наигралась.

ПРИГОВОР: ТЫ – ЖЕНЩИНА!

Признаться честно, эта фраза – плагиат. Олеся нашла ее в одной известной книге, рассказывающей о жизни в исламской стране, о бесправии женщин, имевших несчастье там родиться, и о полной их беспомощности перед судьбой и перед мужчинами.

Олеся родилась в обществе, считавшемся, – на тот момент, по крайней мере, – вовсе не религиозным. Да и государство, в котором она появилась на свет, было вполне светским, и о существовании некой высшей силы говорить было тогда не принято. А в остальном... В остальном отличий было не так уж и много.

Хотя, что греха таить, она сама во всем была виновата. В своей никчемной жизни Олеся совершила одну большую глупость: она родилась женщиной. А за любую глупость всегда нужно расплачиваться. И иногда – ценой всей своей жизни.

Раньше надо было думать, как говорится...

Кстати, поспешу сразу же уточнить для ясности, чтобы в процессе прочтения ни у кого не возникало никаких левых подозрений, – с ориентацией у Олеси все было в полном порядке. Она никогда не чувствовала ни малейшего влечения к лицам одного с ней пола. Она не ощущала себя несчастным мужчиной, заключенным злыми силами в женское тело. И

даже никогда не хотела им быть. Но при этом она реально всегда очень сожалела о том, что понятие гендерного равенства добиралось до нашего общества так долго, и она сама провела о нем только лишь тогда, когда уже сумела самостоятельно побороть большинство навязанных ей окружающими комплексов, и все эти проблемы стали для нее уже, в принципе, не актуальны.

Впрочем, возможно, для Олеси это, на самом деле, было даже и к лучшему. Потому что, если бы она узнала о гендерном равенстве лет тридцать – сорок назад, то первое, что она сделала бы после этого, – это во всеуслышание объявила бы себя мальчиком.

И, возможно, прожила бы тогда совсем другую жизнь. Но кто знает, как бы тогда все могло сложиться, и было бы все это к лучшему или наоборот?..

А сложилось так, что Олеся родилась в самой обычной семье, каких в нашей стране были миллионы. Ее мама много лет работала на заводе, – начинала в цехе, а потом, как это тогда говорилось, продвинулась по профсоюзной линии и попала в заводоуправление. Олесин отец всю жизнь был водителем. У нее также имелся в наличие младший брат, которого с рождения все боготворили, – а как же иначе, ведь он же был мальчиком, будущим мужчиной, потенциальным продолжателем этого славного рода!.. Честь ему и хвала уже за одно только это...

А Олеся... Она была просто девчонкой.

Большое спасибо нашему великому социалистическому обществу, которое некогда соизволило признать несчастную женщину равной мужчине и позволило ей – и даже в приказном тоне – трудиться наравне с ним на благо нашей великой Родины!

Как жаль только, что при этом оно не признало мужчину равным женщине и способным на такой немислимый подвиг, как выполнение хоть каких-то немислимо сложных женских обязанностей!..

Если бы у Олеси изначально хватило ума родиться мальчиком, то все могло бы сложиться совсем по-другому. Но она как-то не рассчитала свои силы и промахнулась. Изначально при этом, признаться честно, очень сильно разочаровав своих несчастных родителей самим фактом своего нелепого появления на этот белый свет. Но, немного погоревав, они решили, что в этом, в принципе, нет ничего страшного, потому что они молоды и еще имеют шанс обзавестись желанным наследником. И тут же весьма продуктивно начали работать над этим новым проектом. Тем более, что иметь “еще одну бабу в доме”, на деле, оказалось очень даже неплохо и выгодно. Было, на кого весь этот самый дом повесить.

Когда родился Олесин долгожданный братик, ей было всего пять с половиной лет. Или, точнее, уже целых пять с половиной лет, – это с какой стороны на этот факт посмотреть. И Олеся очень хорошо помнила, что на тот момент уже все делала по квартире сама.

Разумеется, существует такое понятие, как помощь маме по хозяйству. Наверное. И, наверное, это совершенно нормально. И в этом нет ничего особенно страшного.

На самом деле, страшно – это когда твои родители искренне полагают, что в твоей никчемной жизни не должно быть ничего иного, кроме помощи маме по хозяйству. Когда все твои интересы и увлечения игнорируются напрочь, потому что уже даже в столь нежном возрасте у тебя просто не должно быть других интересов, кроме потребности прибираться и готовить. Ведь ты же – будущая женщина, и ты должна сделать целью своей жизни обеспечение комфорта и уюта мужской половины своей семьи.

Олесина мама всегда говорила, что ненавидит выходные. Потому что за выходные она уставала гораздо больше и сильнее, чем за рабочие дни. И это, к сожалению, действительно было правдой. Олеся не могла припомнить случая, чтобы ее мама когда-либо присела в выходные дни хоть на минуту и отдохнула, почитала книжку, например, или посмотрела телевизор. Нечто подобное даже представить себе было невозможно. Бедная мама вынуждена была целыми днями крутиться, реально, как белка в колесе. Подготовка, уборка, снова подготовка сменяли друг друга, потом опять шла уборка, стирка, глажка...

Их чудесная маленькая квартирка была, наверное, еще более стерильной, чем любая операционная. Все было чисто, прибрано, отдраено, на плите вечно что-то кипело, хо-

лодильник ломился от изобилия еды...

И сама Олеся, наверное, могла бы только искренне восхищаться своей чудесной трудолюбивой мамулей, если бы наблюдала за всем этим со стороны. Но увы и ах!.. Сложилось так, что именно она была непосредственной участницей всех этих непомерных и нескончаемых домашних трудов. Она не бегала с подружками во дворе, – потому что, в отличие от них, у нее был целый список “домашних обязанностей”, которые необходимо было сначала выполнить, а лишь потом идти развлекаться. Проблема заключалась лишь в том, что этот список никогда не заканчивался.

Почитать книгу, например, можно было только глубокой ночью, когда все члены семьи давно уже спали. Изредка посмотреть телевизор Олеся могла только при условии, что одновременно с этим она будет гладить белье, огромная груда которого, несмотря на все ее титанические усилия, никогда не уменьшалась. Ее мужественная, достойная всяческих восхищений и похвал мама сама не присаживалась ни на секунду и весьма тщательно следила за тем, чтобы у ее дочери тоже не было ни минутки свободного времени. Ведь в хозяйстве – “дело не приделанное”, и у Олеси даже мыслей не должно было закрадываться о том, что всего этого можно хоть как-то избежать.

В квартире, где проживала Олесина семья, не просто была идеальная чистота. Если бы!.. Полы они с мамой мыли два раза в день, – чтобы дышалось легче. Неужели на самом деле

в этом была настолько сильная необходимость, – этого Олесья так никогда и не смогла понять. Пыль вытиралась просто постоянно. Можно было сказать, что мама попросту не выпускала тряпку из рук. Окна мылись каждые две недели, – и это практически в любое время года, кроме, разве что, лютых морозов, – хотя, опять же, неужели это тоже было так уж сильно нужно?.. Хрусталь в шкафу, которым никто никогда не пользовался, намывался с той же периодичностью. И это еще не говоря о полноценном завтраке, обеде и ужине, с неизменным первым, вторым и третьим, – потому что другого даже и представить себе было невозможно.

И не дай Бог, если у мамы все-таки выпадет лишняя минутка, потому что тогда она на досуге непременно залезет куда-нибудь на антресоль или в самый дальний угол под письменным столом и обязательно умудрится обнаружить там пыль!.. Тогда в этой отдельно взятой квартире наступал конец света...

Единственным воспоминанием, связанным у Олеси с детством, – с этой чудесной беззаботной для многих порой, – была уборка, уборка и еще раз уборка. Но даже это было бы еще полбеды... Потому что над всем этим не умолкали постоянные мамины вопли. Она орала и визжала, без устали, обвиняя свою непутную дочь в том, что та все делает недостаточно быстро, нерасторопно, неаккуратно, – и, что самое главное, из-под палки, не выражая восторга и не проявляя радости по поводу того, что ей позволено наводить порядок

в этой прекрасной, до блеска выдраенной квартире...

А еще – довольные и улыбающиеся физиономии отца и брата, вечно лежащих на диване и смеющихся над ней. На Олесиной памяти ни один из них никогда самостоятельно не налил себе стакан воды. “А зачем?.. – оглушительно ржал отец. – Две бабы в доме!..” И братец с пеленок старательно подражал ему... А как же иначе?.. Ведь они – мужчины. Вершина пищевой цепи. А это – бабы...

Олесе все это казалось жутко несправедливым. Всегда. И в пять лет, и в двадцать. Она напрасно пыталась возмущаться, плакать, кому-то что-то доказывать, злиться, сопротивляться, даже болеть... Не прокатывало. В ответ на любые даже невольные и слабые попытки сопротивления ее наказывали. В том числе, и физически. Но как раз это было далеко не самое страшное, – всего лишь затрещина, пощечина, подзатыльник, – это вполне можно было пережить. Гораздо более жутким было то, что все члены Олесиной семьи – с легкой руки ее любимой и любящей мамы – просто обожали объявлять ей бойкот. Они могли игнорировать ее месяцами в наказание не только, например, за неосторожное сорвавшееся с губ слово, – за недовольный взгляд, невольно брошенный в сторону, который даже сама Олеся не заметила, но при этом не сумела вовремя скрыть от всевидящей мамы.

Ну, то есть, как игнорировать на самом деле... С ней вообще не общались. Не разговаривали. Ничего не обсуждали. Не реагировали на ее тщетные попытки заговорить или об-

ратиться к ним. Но в такие дни ее гоняли с приборкой еще ожесточеннее, чем обычно, – если такое вообще было возможно, – и всей семьей дружно орали на нее, чаще всего используя так называемые нецензурные выражения.

Вот так и проходило ее счастливое детство...

И все это преподносилось под предлогом того, что Олеся – будущая женщина. И это, мол, судьба у нее такая, – целыми днями прибираться, готовить и вообще всячески ублажать мужскую половину своей замечательной семьи. А также в нее буквально силой вдалбливалось то, что она не просто должна все это делать, – без радости, без энтузиазма, без огонька, – как это у нее на деле и получалось. Она должна была *любить* это делать. И всячески показывать, какое невыносимое удовольствие ей доставляет роль безвольной прислуги, служащей на потеху сильным мира сего, к коим причислялись ее отец и братец.

Какие-то ее собственные чувства, стремления, надежды, мечты, – все это просто безапелляционно пресекалось на корню. И это было совершенно разумно, – ведь зачем нечто подобное чувствовать тупой бабе, возложенной на алтарь домашнего хозяйства сильными и умными мужчинами?.. О каком еще образовании, работе, амбициях эта дура смеет там рассуждать?.. Для этого в первую очередь нужно иметь ума побольше, – а тебе его Господь Бог совсем не дал!.. И, не смеши мои тапочки, – вот зачем тебе образование?.. Все равно выйдешь замуж, родишь детей, – кому твой диплом нужен

будет?..

Да и вообще, – ты знаешь, что мужики не любят слишком умных баб?.. Ха-ха... Так что тряпку в зубы и пошла вон отсюда... Пол хоть помой, с утра уже запыхался...

Спустя много лет, когда Олеся вспоминала об этом, даже ей самой это казалось совершенно невероятным и утрированным. И представлялось уже просто каким-то дурным сном. Но все это действительно было. И каждую проклятую секунду своего чудесного безмятежного детства она всей душой ненавидела сам факт того, что она – женщина. При одной только мысли о том, чтобы покорно выйти замуж, нарожить детей, а потом не видеть белого света из-за бесконечной уборки и подготовки ей хотелось умереть. Она мечтала совсем о другом. Она хотела быть, в первую очередь, личностью: сильной, смелой, независимой, успешной, талантливой. Она стремилась, чтобы ее уважали за какие-то иные заслуги, а не только за умение варить борщ. Она мечтала путешествовать по всему свету и заводить новых друзей. Она хотела все увидеть и все попробовать...

Но при этом она имела глупость родиться девочкой. Досадное недоразумение в том мире, где курица – не птица, а баба – не человек...

Да, в конце концов, она сумела справиться с этим и научилась жить по своим законам. Так, как она считала нужным сама, а не так, как диктовали ей родители, мужья или общество. Но из этого следовало, что большую часть своей

жизни Олеся не подчинялась существующим средневековым стереотипам, считающимся в нашем мире нормами приличия, а шла против них.

И все-таки, нельзя не признать теперь одного: если бы она знала о гендерном равенстве в ранней юности, она, наверное, просто объявила бы себя мужчиной. И, как мужчина, получила бы право жить, в соответствии со своими мечтами и стремлениями.

Правда, тогда существовала бы вполне реальная опасность того, что ее трудолюбивая мамуля попросту не пережила бы этого. Ей нужна была в семье беспрекословная рабыня, с которой она могла делать все, что ее извращенной душе было угодно. А со свободным человеком, с личностью, умеющей уважать себя и отстаивать собственные границы, она и вовсе не готова была иметь дело.

Для нее оказалось легче потерять дочь, чем признать ее полноценным человеком.

БАБЬЯ ДОЛЯ

В своей предыдущей статье мне удалось лишь слегка затронуть тему «тяжелой бабьей доли», но так и не получилось раскрыть ее до конца. У меня все почему-то уперлось в несчастную уборку и готовку. Что поделать, – но этот пунктик действительно до сих пор для моей героини чрезвычайно болезненный. Это самая что ни на есть настоящая психологическая травма, с последствиями которой она тщетно борется до сих пор и пока неизменно проигрывает.

Но на самом-то деле проблема была гораздо глубже. И серьезнее.

Олесин счастливчик-брат, у которого изначально хватило ума уродиться мальчиком, был хорош уже сам по себе. Факт беспрекословного обладания всего лишь одной частью тела, – к сожалению, напрочь отсутствующей у нее, – уже делал его неизменно прекрасным со всех сторон в глазах их достопочтимых родителей. И ликом-то он был краше солнца и луны вместе взятых, и фигуру имел просто обалденную, – несмотря на сутулость и проблемы с осанкой, – и талантами всесторонними отличался с самого раннего детства, и учился, разумеется, лучше всех, – даром, что из-под палки, – и будущее ему пророчили великое... Ведь он же был мужчиной!!!

А Олеська так, девчонка... Вроде, и не человек вовсе, если

уж говорить начистоту...

Олеся никогда не завидовала своему брату. Это чувство вообще было ей несвойственно. Просто она, несмотря на прошедшие со времен их беззаботного босоногого детства уже нескольких десятилетий, так и не смогла понять одного, но самого главного: чем же конкретно он был лучше нее?.. Что в нем было такого необыкновенного, что, при одном только взгляде на него, их мама блаженно закатывала глаза и, прижав руки к сердцу, буквально сползала по стенке в полуобморочном от восторга состоянии?..

В раннем детстве Олеся с братом были очень похожи. На всех детских фотографиях у них мордочки были совершенно одинаковые, – и не различишь, кто где. Его частенько принимали за девочку, что тоже почему-то неизменно приводило их маму в восторг, и она словно нарочно подчеркивала эту его некоторую «женственность». И это несмотря на наличие в семье настоящей девочки, на которую мама порой вообще не обращала внимания, зато сына она наряжала, как куклу. При наличие в семье двух, в принципе, совершенно одинаковых детишек, – разве что со скидкой на возраст, – только младший сын считался общепризнанным красавцем, за которым, по словам их мамы, люди бежали по улице с криками: «Какой красивый ребенок!!!» Тогда как Олеся никогда не была особенно красивой. Так себе, обычная, ничего особенного...

Братец с детства очень смешно двигался, как бы слегка

подпрыгивая при каждом шаге. Кстати, та же самая особенность сохранилась у него и во взрослом возрасте, – он всегда был весь, как на шарнирах. Признаться честно, особенность не слишком привлекательная... При этом Олесин братец всегда был очень высоким и просто болезненно худым, – ну, в чем душонка держалась, не понятно... Именно из-за этого у него всегда наблюдались проблемы с позвоночником и осанкой; у него имелся в наличие сколиоз второй степени, и любящая и заботливая мамочка все детство таскала его на массаж и ЛФК. Но при этом его внешность была безукоризненной, – чего совершенно нельзя было сказать о его старшей сестре.

К ней мама всегда находила, к чему придраться. Фигура у Олеси всегда была непутная, не такая, как надо. В зависимости от маминого настроения, она была то слишком худой, то слишком толстой, – и Олеська так и не поняла никогда, что из этого на самом деле было истиной. Походка у нее, к сожалению, вообще была дурацкая. То она топала, как мужик, высоко поднимая колени, – то вдруг, наоборот, выяснялось, что она ходит, несгибаемая, словно палку проглотила... Волосы у Олеси всегда торчали, как грива у клоуна, – по маминым словам. В то время, кстати, по телевизору показывали сериал «Богатые тоже плачут». Олесина мама рыдала от восхищения, глядя на волосы главной героини, и много рассуждала на тему того, свои у нее такие прекрасные локоны или же это укладка...

Так вот, у Олеси они были точно такие же, свои, безо всякой укладки. Но только вот мама этого почему-то так и не заметила.

Улыбалась Олеся тоже неправильно и нелепо. И говорила всегда не то и невпопад...

Олеся мечтала заниматься в музыкальной школе. Ей нравилось петь, и она безумно хотела научиться играть хоть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Но родители просто безапелляционно заявили ей еще в пятилетнем возрасте, что ей медведь на ухо наступил. С чего они сделали такой вывод, так и осталось для Олеси загадкой. Зато в музыкальную школу, разумеется, ходил ее брат. Он не хотел этого. Ему это совершенно не нравилось. Его и заставляли чуть ли не силой, и умоляли. Ведь он же был безумно талантлив, на грани гениальности, и, до поры, до времени, мама пророчила ему карьеру, по меньшей мере, великого оперного певца. Не срослось. Не оправдал он возложенных на него надежд. В подростковом возрасте сорвавшийся с тормозов братец попросту послал мамочку в известном направлении и бросил осточертевшую ему музыкальную школу. За полгода до ее окончания...

Олесе всегда нравилось заниматься спортом. Ей это доставляло удовольствие. Физически она была гораздо более развитой, чем ее мальчишки-ровесники, бегала быстрее всех, прыгала выше и дальше и подтягивалась на турнике. Мама хваталась за сердце. Она безумно переживала, что по-

добные тренировки сделают Олеся, – и без того размужицу, по определению мамы, лишенную, на ее взгляд, всяческого изящества, – совсем мужеподобной. Поэтому она всячески отваживала дочь от любых секций, в которые та предпринимала попытки ходить, под предлогом того, что ее, неженственную, с такими широченными плечами, никто и никогда, разумеется, не возьмет замуж. Зато пыталась, – опять же, чуть ли не силой, – таскать в секции своего сына.

Он ненавидел спорт и всячески упирался. Олеся ненавидела изображать из себя изящную лебедушку, стремящуюся к удачному замужеству и мечтающую раствориться в муже и детях. В принципе, глядя правде в глаза, им обоим было не сладко. Они оба пытались играть свои социальные роли, которым оба совершенно не соответствовали.

После того, как карьера оперного певца для Олесяного брата бесславно завершилась, так и не начавшись, мама решила, что он станет врачом. Разумеется, высокооплачиваемым и очень известным. И, непременно, будет лечить ее в старости. Забавное дополнение для еще очень молодой и полностью здоровой женщины, – вы не находите?.. Спросить у него самого, а хочет ли он всего этого, мама не удосужилась. Просто стала усердно готовить его к поступлению в медицинский. Учился братец, в принципе, неплохо, – тем более, что мама самолично делала с ним уроки вплоть до девятого класса, – так что все шансы у него были.

Олеся тоже всегда училась хорошо. И с ней никому не

приходилось делать уроки. Признаться честно, она вообще никогда их не делала. Она просто всегда была отличницей без малейших на то усилий. Но ее родители словно и не замечали этого. И, когда перед ней возник вопрос о дальнейшей учебе, мама безапелляционно решила почему-то, что в институт ей все равно не поступить. Но это, по словам мамы, было и не страшно, потому что для женщины, на ее взгляд, вполне было достаточно и техникума. Да и зачем вообще тратить время и силы на образование, если цель ее жизни – найти хорошего мужа и быть за ним, как за каменной стеной?..

Ну, тут, правда, Олеся немного еще потрепыхалась. И даже все-таки попыталась поступить в университет после техникума. Но действительно провалилась на экзаменах, словно подтвердив тем самым слова мамы. Разумеется, можно было учиться платно, – но мама, хоть и не отказала наотрез, ненавязчиво дала понять, что будет не в восторге от подобной перспективы. На эти деньги лучше шубу купить, чтобы привлечь состоятельного мужчину. И Олесе пришлось с ней согласиться.

Когда пришло время брата поступать в университет, он, взбрыкнув, неожиданно для всех отказался поступать в медицинский. И собрался идти в армию, чем едва не вызвал у мамы сердечный приступ. Его, – опять же, чуть ли не силой, – запихали в педагогический на физкультурный факультет, – там у маминого нового мужа был блат. Он бросал уни-

верситет по два раза в год. Мама платила деньги за его восстановление. И немалые деньги, надо заметить. Она просто поставила целью своей жизни заставить его получить высшее образование.

Окончив университет, брат отдал диплом матери и больше никогда о нем не вспоминал.

Все дело в том, что он всегда мечтал быть водителем, как его отец. Он им и стал. Мама тщетно неоднократно пыталась по большому благу пристроить его на более теплые и престижные местечки. Но ему это было попросту не надо. Пусть в детстве никто не желал слышать его желания, – сейчас он нашел себя и жил так, как считал нужным. И, похоже, был совершенно счастлив.

В принципе, Олеся даже не могла бы сказать о нем ничего плохого. Ее брат уже двадцать лет, как женат, – хотя, разумеется, по мнению их мамы, его жена мизинца его не стоит. Но им все это, похоже, не слишком мешает. У них трое детей. Правда, с деньгами, по слухам, у них вечный напряг; родители изо всех сил помогают им тянуть деток, потому что делать это самостоятельно они никак не научатся. Но, в принципе, у них, похоже, все, как и у миллионов других семей, – не лучше и не хуже. Обычно. Как у всех.

То есть, идеально, разумеется.

Тогда как у Олеси, непутной, некрасивой девчонки-размужички, жизнь сложилась, с точки зрения их родителей, крайне неудачно. Да и что еще от нее, такой, можно было

ожидать?.. С мужем она в свое время развелась. Ну, разумеется, с точки зрения ее мамы, он был совершенно ущербным, – но это и не удивительно. Кто еще на нее, такую, мог клюнуть?.. Работать временами приходилось много и без выходных, – потому что без путного образования и без связей найти хорошую высокооплачиваемую работу не так-то просто. Сын вырос, тоже работает, особых проблем не доставляет. У них нет ни кредитов, ни долгов, ни зависимостей, ни проблем, ни даже каких-то особых недостатков. Оба живут в свое удовольствие, потому что теперь уже могут это себе позволить.

Первые годы Олеся все еще надеялась, что ее странные родители заметят, наконец-то, ее достижения, оценят их по достоинству и станут, – о, мечты!.. – гордиться ею. Да и как же могло быть иначе, – ведь она добилась всего сама, без чьей-либо помощи, вопреки твердому убеждению ее мамы в том, что она сможет работать только уборщицей. Ан, нет!.. На деле выяснилось, что она много, кем может работать. И зарабатывать научилась. И немало.

А самое главное, помощи никогда и ни у кого не просила...

Но, став старше, Олеся как-то перестала на это надеяться. Однажды она просто поняла, что, даже если прилетит к дому на собственном «Лире», ее родители все равно скажут, что ничего большего от такой неудачницы и ожидать не придется... То ли дело их сын!..

Да, признаться честно, все сложилось не совсем так, как Олеся мечтала в юности. Но при этом все получилось не так уж и плохо. Олеся, к сожалению, пока так и не достигла еще богатства и известности. Но при этом она была неплохо обеспечена, полностью независима и полна надежд на лучшее. Впереди еще большая часть жизни, и она не сомневается, что у нее все получится.

Вот только она давно уже не ждет одобрения от своих родителей. И вообще, старается, по возможности, держаться от «той семьи» подальше. Она искренне надеется, что все они счастливы, – ведь у них есть их горячо любимый наследник, – оправдавший все их ожидания, в отличие от нее... Она знает, что ее отец с удовольствием нянчится с «теми» внуками, и даже давно уже не держит на него обиду за то, что ее сына он вообще едва ли считает своим внуком. Просто так получилось в этой жизни. Так карты легли. Дочь и ее дети, очевидно, всегда будут для него людьми второго сорта. Это совсем не то, что сын и его наследники... Наверное, это даже происходит у него не осознанно. Просто он – тоже мужчина, воспитанный именно в таких традициях.

Но при этом Олеся никогда не забывает, что ее мать – женщина. Женщина, осознанно превратившая в ад жизнь собственной дочери. И ей она не может найти никаких оправданий.

ДАВАЙТЕ НАЗЫВАТЬ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ...

У Олескиного бывшего мужа был очень интересный сдвиг по фазе. Его можно было бы даже назвать забавным, если бы все это происходило с кем-то другим. Например, если бы Олеся услышала об этом от кого-либо из своих знакомых, она, наверное, просто рассмеялась бы над тем, какие странные вещи происходят в жизни. Но, поскольку она являлась непосредственным участником данных событий, то забавным это ей, признаться, совсем не казалось.

Если уж говорить начистоту, она так никогда до конца и не поняла, что послужило причиной такого неадекватного поведения ее милого супруга. Что это вообще такое было?.. Нервы?.. Мнительность?.. Паранойя?.. Или же все гораздо более серьезно, и у него имелись в наличии какие-либо психические отклонения?..

Ему все время казалось, что у них в квартире открыта входная дверь.

Это проявилось еще в первые месяцы их брака. А точнее, началось с самого же первого дня. Они тогда снимали квартиру у знакомых. Это был самый конец девяностых. Моторный завод, на котором Олеся тогда работала, периодически останавливался на несколько недель. Поэтому Олесин

супруг уходил на работу, а она оставалась дома. Время было еще раннее, поэтому чаще всего Олеся укладывалась обратно в постель, намереваясь еще поспать. И...

Дверь с внешней стороны начинала дергаться...

Как происходил процесс запираения квартиры, например, у самой Олеси?.. Она поворачивала ключ в замке, вынимала его, – и, да, она тоже непроизвольно после этого дергала дверь, чтобы убедиться, что она закрыта. Один раз. Этого было ей вполне достаточно. Она не задумывалась прежде о том, как делают это другие люди. Возможно, они тоже дергают дверь, проверяя. Возможно, нет, – и у нее этот жест тоже со стороны может показаться мнительностью или следствием, например, психологической травмы, потому что она тоже излишне перестраховывается. Но, убедившись, что дверь закрыта, она уходила. Как, наверное, и большая часть остальных людей.

Но ее муж никуда не уходил. И просто дернуть дверь один раз ему было недостаточно. Для того, чтобы убедиться в том, что она действительно заперта, ему нужно было сделать это не один десяток раз.

И вот представьте себе такую картину маслом: лежит Олеся утром в тишине и слушает этот уже буквально сводящий ее с ума звук. Он повторяется с периодичностью примерно раз в десять секунд. Дверь дергается. Олеся, сцепив зубы, изо всех сил старалась сдерживаться. Она невольно следила при этом за секундной стрелкой на часах, стоящих на столике

возле кровати. Проходила минута... Дверь дергалась... Две минуты... Пять... Олеся автоматически отмечала про себя, что такими темпами ее муж уже опаздывает на работу... Но он при этом все еще продолжал дергать дверь с прежней периодичностью, похоже, все еще никак не в силах поверить в то, что она заперта... Семь минут... Десять... Зачастую даже гораздо дольше...

Поначалу Олеся просто терпела все это, в бессилии сжав зубы. Она даже пыталась находить оправдания своему супругу. Она старалась внушить себе, что ведь он же не со зла все это делает, в конце концов; он о ней заботится, о ее безопасности... Пусть и таким причудливым образом... Иногда, все-таки не выдержав, она пыталась обратить все это в шутку, вставала, открывала дверь, говорила мужу что-нибудь ободряющее и веселое и сама запирала ее со своей стороны... И невольно начинала уже задумываться о том, насколько все это нормально...

Спустя несколько месяцев подобного безумия, Олеся уже даже и не пыталась терпеть и искать оправдания для своего мужа. Она просто через десять минут вскакивала с кровати, в чем мать родила, распахивала дверь и в ярости орала что-нибудь, типа: “Пусть она вообще, на хрен, будет открыта нараспашку! Может, меня хоть кто-нибудь украдет, – я только счастлива буду!..”

От всего этого окружающего ее безумия у нее самой капитально начали сдавать нервы...

Еще хуже, – хотя, вроде бы, куда уж хуже?.. – была ситуация по вечерам. Знаете, сколько раз за вечер человек проходит мимо входной двери?.. Из комнаты в кухню, в туалет, воды попить, принести что-нибудь, руки сполоснуть, в конце концов, в душ, – и обратно, об этом тоже нельзя забывать!.. И каждый раз, без каких-либо исключений, проходя мимо входной двери, Олесин муж надолго замирал около нее.

Зрелище было, признаться, не для слабонервных. Со стороны это выглядело примерно так. Гера останавливался, протягивал руку к замку и несколько раз с силой дергал за пор, пытаясь провернуть запертый замок еще дальше. Разумеется, ему это не удавалось. Потом он убирал руку и склонялся над замком, словно пытаясь разглядеть там нечто, недоступное той же Олесе, выпрямлялся, потом снова склонялся и опять выпрямлялся... И так – раз пять – десять. После этого Гера снова протягивал руку и еще несколько раз дергал замок, пытаясь провернуть его. Но и это не убеждало его в том, что дверь заперта. И он снова убирал руку, склонялся над замком, выпрямлялся, склонялся, выпрямлялся... Потом весь этот ритуал повторялся по кругу... И еще... И еще раз...

При этом выражение лица у него бывало совершенно бессмысленным, рот тупо приоткрывался, глаза стекленели... Олеся смотрела на него, в буквальном смысле слова, с ужасом и думала о том, что нормальный человек так себя вести не станет...

В очередной раз склонившись-выпрямившись, Гера, наконец-то, очевидно, приходил к выводу, что с дверью все в порядке. После этого он удовлетворенно кивал и с осознанием значимости выполненной миссии продолжал свой путь на кухню или куда там еще...

Буквально через несколько секунд, на обратном пути, возвращаясь в комнату, Гера снова натыкался взглядом на входную дверь, опять замирал около нее, и вся вышеописанная процедура повторялась...

Через некоторое время у него снова появлялась потребность выйти... А потом – вернуться... И *каждый* раз, проходя мимо входной двери, он надолго замирал около нее, полностью отключаясь от окружающего мира...

Иногда даже случалось, что Олеся имела глупость сама зачем-нибудь послать его на кухню, – например, необходимо было принести чистую ложечку для ребенка. Или воду. Срочно, как правило, – а сама она по какой-то причине не могла сейчас отлучиться. Но никакая срочность для Геры не имела значения, поскольку на пути у него вновь и вновь возникала коварная входная дверь, притягивая его, словно магнит... И он просто не в силах был миновать ее, не удостоверившись еще сотню-другую раз в том, что она надежно заперта...

Иногда, уже просто утопая в пучине беспросветного отчаяния и безысходности, Олеся пробовала засекаать время, проводимое любимым мужем у входной двери в тщетных

и напрасных попытках убедиться в том, что ему не грозит опасность в виде беспрепятственно проникающего через нее маньяка-убийцы. И, в среднем, у нее получалось, что супруг тратил на это в пределах *полтора-двух* часов за вечер!.. Плюс-минус... На самом деле было даже как-то страшно осознавать, что человек, после работы, *ежедневно* терял около двух часов времени на то, чтобы стоять около двери и убеждаться в том, что она закрыта!..

Наверное, не стоит удивляться, что через пару лет совместной жизни Олесю уже просто трясло крупной дрожью начинало от этого его зависания перед дверью. И она, в буквальном смысле слова, принималась при виде этого биться в истерику и нечленораздельно визжать...

Разумеется, положительного эффекта ее крики не принесли, потому что мужа это только нервировало еще больше. И его и без того длительные периоды “зависания перед дверью” увеличивались прямо пропорционально Олесину собственному нервному перевозбуждению. То есть, он вообще не отходил от нее, снова и снова пытаясь убедиться в том, что он в безопасности...

Иногда, наоборот, Олеся, скрепившись и взяв себя в руки, месяцами молчала, терпела и сдерживала уже готовое сорваться с губ возмущение и негодование. Она надеялась, что, если не будет обращать внимания на странное поведение мужа, то он со временем успокоится, и все это сойдет на нет...

Не сошло. Напротив, с годами становилось все хуже...

А больше всего Олеся выводил из себя один момент, который придавал всей этой ситуации даже не комический, а гротескный оттенок. Эта несчастная дверь, которую так боялся оставить незапертой ее заботливый всего страшась муж, была всего лишь внутренней дверью в квартиру, первой, самой обычной, деревянной. Позади нее имелась еще одна, – и вот она была крепкой, надежной, металлической. Так что, даже если бы по какому-то случайному недоразумению, Гера каким-то чудом умудрился бы оставить ее незапертой, они все равно были бы в безопасности... Ну, конечно, настолько, насколько вообще можно быть в безопасности в нашем жестоком мире...

И еще, – на ней был большой амбарный замок, представляющий собой огромную щеколду на таких же массивных петлях. Оставить его не запертым было невозможно в принципе, потому что тогда дверь попросту не закрылась бы!..

Поэтому Олеся и не могла ни понять это странное поведение своего мужа, ни объяснить его, ни оправдать. И ей оставалось разве что смириться с тем, что у него имелось в наличие некое психическое расстройство, не позволяющее ему жить нормальной полноценной жизнью.

– Я просто невротик!!! – брызжа слюной во все стороны, визжал Гера в ответ на любые попытки Олеся обсудить сложившуюся ситуацию и найти из нее хоть какой-то выход. – Я – истерик!!!

И в этих его словах слышалась какая-то странная гордость

за собственную слабость, словно это хоть в какой-то степени оправдывало его поведение и делало его более естественным.

– Так что ж ты раньше-то молчал об этом?! – не выдерживая постоянного напряжения, рывкала на него в ответ Олеся. – Я все понимаю! Бывает!.. Только вот надо было предупредить об этом до свадьбы! Потому что, если бы я знала заранее о том, что ты – псих, – давай уж будем называть вещи своими именами, – я никогда не вышла бы за тебя замуж!..

Оставалось надеяться только на то, что все это не передастся по наследству...

МУДРАЯ ЖЕНЩИНА

Олесина мама всегда была очень мудрой женщиной. Удивительно, но она настолько сильно сама была уверена в этом, что окружающие даже и не смели ей возражать, посчитав за лучшее просто согласиться с ее мнением. И горе было тому, кто посмел бы хоть в чем-то с ней не сойтись по каким бы то ни было вопросам. Мама всегда точно все знала. Заранее. И никогда ни в чем не сомневалась. Ни в каких вопросах. И можно было только посочувствовать тому смельчаку, который решился бы пойти против нее. Людей она уничтожала просто походя, даже и не заикливаясь на этом. Стирала в порошок. На зависть любому киллеру.

Существуют только два мнения: мое и неправильное... Как ни печально, но это было как раз про нее...

Стоит ли упоминать о том, что Олеся всегда свято верила своей маме. Она так была воспитана. Любые мамины слова были для нее истиной в последней инстанции. И Олесе даже и в голову не приходило, что мама, как и любой другой человек, может хоть в чем-то ошибаться. Такое кощунство даже представить себе было невозможно.

Причем, на самом деле, как Олеся поняла, уже став гораздо старше, мама ошибалась очень даже часто. И глупая Олеся, привыкшая внимать каждому маминому слову, нередко попадала впросак, становясь невольной жертвой этих самых

ошибок. Но даже и тогда, когда это происходило, мама не признавала этого. Совершенно спокойным, уверенным, четким голосом она объясняла своей непутной дочери, что это она *сама* виновата в имевшей место ошибке. Ведь мама изначально понимала, что Олеся собирается поступить неправильно, и давала ей прямо противоположный совет. Но, тем не менее, Олеся *сама* не посчитала нужным ее послушаться и все равно сделала по-своему, за что теперь и должна расплачиваться. И пусть это послужит ей хорошим уроком на будущее, когда она снова решит, что уже стала слишком умной и взрослой, и мамины слова ей больше не нужны!..

Олеся обычно тупо хлопала глазами и молчала, словно проглотив язык. И, прекрасно осознавая, что в действительности дело было с точностью до наоборот, она никогда, – даже самой себе, в душе, – не смела признать мамину ошибку и во всем соглашалась с ней. Искренне соглашалась, начиная сомневаться в себе и в причинах своих поступков, и убеждая саму себя в том, что она действительно ошиблась и была во всем не права.

Да, Олесина мама была очень мудрой женщиной. Она любую ситуацию умела повернуть в свою пользу. А вот сама Олеся, похоже, была тогда просто полной дурой с интеллектом где-то на уровне ясельной группы детского садика. Как-то иначе объяснить ее поведение было просто невозможно.

Однажды Олеся влюбилась. И, разумеется, не нашла ничего лучшего, чем рассказать об этом маме. Причем, надо

заметить, что мужчина не слишком подходил ей на самом деле. Во-первых, он был на целых десять лет ее старше. Олеся уже успела побывать замужем за одним таким и пришла к выводу в свое время, что это – слишком большая разница для счастливых отношений. Но, тем не менее, это ее, похоже, ничему не научило.

Во-вторых, понравившийся Олесе гражданин имел весьма криминальное прошлое. Он успел отсидеть два раза, причем, второй раз – за убийство, хоть и непредумышленное, случившееся в пьяной драке. И, да, – он был алкоголиком. Это – в-третьих.

Но, тем не менее, чем-то он ей очень понравился. Ну, что ж, и такое бывает в нашей жизни.

Девочка-пай, рядом жиган и хулиган...

Олеся на тот момент как раз приходила в себя после довольно странного и вовсе не безболезненного развода. И, даже несмотря на то, что она уже побывала замужем и имела ребенка, в плане отношений с противоположным полом она все еще продолжала оставаться совершенно глупой, наивной и, можно даже сказать, невинной девушкой, так и не сумевшей до конца понять, что такое любовь. Получается, иногда и так бывает... И, конечно же, взрослый мужчина, уверенный в себе, сильный, смелый, искушенный, много повидавший и переживший, показался ей на каком-то этапе идеалом. И она решила, что к ней пришла любовь.

И, разумеется, на радостях поспешила сообщить об этом

маме. Не могла же она с ней не поделиться своим намечающимся счастьем!..

Любая другая родительница, наверное, просто ужаснулась бы, узнав о таком колоритном избраннике дочери. И это было бы вполне естественно. Какая мать пожелает своему ребенку такой судьбы?.. Но вот только Олесина мама, даже не будучи еще знакомой с потенциальным кавалером дочери и зная о нем только из ее рассказов, тут же заявила, что Олеся не должна отвергать такой подарок, данный ей, возможно, самим Господом Богом. Она практически уговорила дочь дать шанс этому человеку и, возможно, еще спасти его для общества своей великой любовью.

Весьма странный совет со стороны любящей и заботливой мамочки, надо заметить. Но Олеся, разумеется, к нему прислушалась. Мама ведь лучше знает; она плохого не посоветует... И она уже практически было дала этот самый шанс своему избраннику... Как вдруг, очень вовремя, выяснилось, что он, вдобавок ко всему, еще и женат, и его жена как раз в тот момент ждала ребенка...

Олеся порвала с ним сразу же и без малейших колебаний. Женатый мужчина был для нее безусловным табу. Но, разумеется, наметившиеся было чувства к нему не могли пройти так быстро, и Олеся тайком страдала. И именно мама, – вместо того, чтобы поддержать дочь в ее, в принципе, нелегком выборе, – видя ее страдания, изо всех сил внушала ей, что она не должна так легко сдаваться и опускать руки. Она твер-

дила, что Олеся не обязана обращать внимания на его жену, потому что они, разумеется, не любят друг друга и живут только ради ребенка. Мама говорила, что этот бедный мужчина, вне всякого сомнения, не знает счастья; он еще просто не изведал любви *настоящей* женщины, готовой ради него на все, и именно поэтому он такой непутный и неприкаянный, именно поэтому и вся жизнь у него сложилась так нелепо. И Олеся, несмотря ни на что, должна продолжать любить его, и однажды он поймет это, оценит ее чувства и уйдет от своей жены к ней, потому что, как и любой нормальный человек, захочет испытать счастье в этой жизни.

Мама прямо так и говорила:

– Он все равно уйдет от нее и придет к тебе! Вот увидишь!.. Ради детей не живут! Он захочет любви и счастья и бросит ее!

Несмотря на полную неспособность думать своей головой, определенные принципы у Олеси все-таки были, но ее робкие возражения о том, что не построишь счастья на чужом несчастье, мама отметала сразу. Она категорично заявляла, что там, в той семье, нет и не может быть счастья, иначе этот человек не бегал бы по чужим бабам и не искал бы его на стороне, а сидел бы себе дома, около родной жены.

И Олеся поверила ей. Не сразу, но поверила. Наверное, ей просто очень хотелось тогда надеяться на то, что мамыны предсказания неизменно сбудутся. Разумом она, конечно же, понимала, что это не так, – потому что душой на самом

деле вовсе не была. Но ведь мама сказала ей, что ее мечты осуществимы, и поэтому Олеся терпеливо стала ждать.

С этим человеком они поддерживали дружеские отношения довольно долго. При этом он знал, что Олеся влюблена в него. И прямо говорил, что не подходит ей, что он слишком хорошо к ней относится, чтобы испортить ей жизнь, что он никогда не сможет сделать ее счастливой... К тому же, он даже и не скрывал, что за его женитьбой в свое время скрывался вполне корыстный интерес: у его будущей супруги была шикарная двухкомнатная квартира, а ему негде было жить... Да, он никогда не любил ее и женился практически на ее квартире. И как можно жить в маленькой однушке, как у Олеси, он вообще не представляет...

Олеся все это прекрасно видела, слышала и понимала. Розовые очки давно уже спали с ее глаз. И то, что у ее потенциального избранника оказалась душонка с гнильцой, ей, в принципе, тоже оптимизма не внушало. К тому же, он, закодированный и не пивший несколько лет, как раз после знакомства с Олесей сорвался и теперь практически не просыхал. Он издевался над женой, бил ее, увозил ребенка, которого эта бедолага искала потом по всему городу... Олеся знала обо всем об этом. И в душе прекрасно понимала, что он – вовсе не герой ее романа... И, признаться честно, подсознательно была даже благодарна ему за то, что он не захотел портить ей жизнь...

Но мама упорно твердила ей, что он такой просто от

безысходности, от недостатка любви и заботы. Вот когда он бросит свою жену и придет к Олесе, он, разумеется, сразу же станет совсем другим...

Самое интересное было то, что Олесина мама даже не была толком знакома с этим человеком. Так, – видела как-то мельком один раз, и он ей, похоже, очень сильно понравился. И она сделала все свои выводы и упорно продолжала внушать своей глупой дочери, что та должна ждать, надеяться и верить...

Со временем для Олеси это просто стало привычным состоянием... Не то, чтобы она так уж сильно страдала от безответной любви, – просто этот образ маячил где-то на горизонте, и мама упорно зачем-то поддерживала его. И поэтому Олеся действительно ждала и надеялась... Года два, наверное, в общем и целом. Ведь мама не может ошибаться, она лучше жизнь знает...

А ее мама упорно – при встречах и по телефону – постоянно заводила разговоры только об этом человеке, пыталась предугадывать его дальнейшие действия и поступки... Олеся на тот момент уже сильно напрягали эти разговоры. С этим мужчиной они вообще больше не встречались, – даже случайно. Она давно уже ничего не знала о нем, – как он, где, с кем, пьет или нет, жив ли вообще?.. Да, наверное, уже и не хотела знать... В принципе, все давно прошло, и вспоминать уже не стоило... Но мама снова и снова заводила свою шарманку, рассуждая о том, как он однажды придет к ней, и у

них все будет хорошо...

А однажды, во время очередного разговора об Олеськиной несчастной любви, мама вдруг безапелляционно заявила ей с нескрываемым отвращением в голосе:

– Я давно уже тебе сказала, что нечего тут ни на что надеяться! Он *никогда* не бросит свою семью! Почему ты никак не поймешь этого?.. У него есть жена и дочь, и ты прекрасно знаешь об этом! Они *никогда* не уходят от своих жен! И хватит уже, наконец, страдать и сходить с ума от своей ненормальной любви! Вот скажи, – за что хоть ты его любишь?.. Он же непутный!.. Он уголовник и алкоголик!.. И я давно уже тебе об этом говорю! Так что хватит здесь страдать!.. Давай приходи в себя, наконец, а то уже тошно смотреть на тебя!..

Вот это был поворот!.. На все триста шестьдесят градусов!..

На какой-то миг Олеся так и застыла с открытым ртом. Потом медленно закрыла его, совершенно уже ничего не понимая в этой жизни.

Она так и не осмелилась сказать своей маме, что давно уже, наверное, забыла бы об этом человеке, если бы та сама, изо дня в день, при любом разговоре не переводила речь на него и не настаивала на том, что Олеся должна продолжать любить его и ждать, потому что таких, как он, больше просто нет на этом белом свете, и он единственный, кто подходит Олесе так идеально, и она просто обязана спасти его от са-

мого себя...

Много лет спустя, вспоминая обо всем об этом, Олеся снова и снова приходила к выводу, что ее мама была очень мудрой женщиной. Она умела выкрутиться из любой ситуации и повернуть ее в свою сторону так, как ей хотелось, – в зависимости от ее настроения на тот момент, наверное. А вот самой Олесе, к сожалению, милостивый Господь, похоже, водрузил голову на плечи только лишь с целью украшения. Как рудиментарный орган, – он, вроде бы, и есть, а пользы никакой не приносит...

Ей еще повезло, что он у нее вообще не отмер к тому времени, когда она научилась хоть как-то его использовать!..

СИНДРОМ МЮНХГАУЗЕНА

К сожалению, Олеськина мама была очень тяжело больна. Возможно, просто смертельно. И все свое не слишком счастливое детство Олеська прожила с жутким чувством не проходящего страха за ее жизнь. Она всегда знала, что мама в любой момент может умереть, – или, в лучшем случае, стать обездвиженным инвалидом, за которым потребуется постоянный уход.

Этого Олеся, в принципе, не боялась и, разумеется, готова была, если такая беда приключится, верно и преданно ухаживать за своей любимой мамочкой. Лишь бы только она жила!.. Потому что другой вариант даже и представить себе было невыносимо...

Уход за мамой порой требовался уже и сейчас, потому что у нее регулярно случались тяжелейшие сердечные приступы, во время которых мама была совершенно беспомощна. Она лежала пластом, практически не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, и, бессильно глотая слезы, прощалась с родственниками. В первую очередь, с ухаживающей за ней непутной и непослушной дочерью, которая и была, на самом деле, извечной причиной ее плохого самочувствия.

Что поделать, – с дочуркой маме, явно, не повезло. Ведь это из-за нее, из-за ее безобразного поведения и отвратительного характера, у мамы сердце не выдерживало. И мама

очень старалась донести это до Олеси, – пока у нее еще были силы говорить. Она просила ее взяться, наконец, за ум и стать хорошей девочкой, иначе она попросту загонит свою маму в могилу и останется совсем одна на всем белом свете.

Олеська тоже глотала слезы в ответ и клятвенно заверяла маму, что обязательно исправится, станет хорошей и послушной, – лишь бы только с ней, с мамой, все было хорошо. Родительница печально вздыхала, давая понять, что не верит ни одному ее слову, – потому что Олеся уже столько раз обещала ей, что исправится, а на деле все ее клятвы оказывались одним сплошным враньем. К сожалению, она знала, что ее дочь не умеет держать свое слово...

А ее дочь действительно совершенно искренне пыталась выполнить свои обещания и просто никак не понимала, почему это у нее никак не получается?.. Очевидно, она уже изначально была настолько испорчена, что это не подлежало исправлению...

Олеся старалась учиться еще лучше, – но, поскольку она и так была практически круглой отличницей, это было весьма проблематично. Она с удвоенным пылом бросалась наводить чистоту в квартире, – но, поскольку в их дочиста отдраенной квартире и прежде всю работу по дому выполняла именно она, то мама тоже словно и не замечала этого. Если бы это было возможным, Олеся напрочь отказалась бы от прогулок с подружками и прочих развлечений. Но вот беда, – ни подружек, ни прогулок, ни развлечений у нее никогда и не бы-

ло. Все свое время, свободное от школы, она посвящала прибирке квартиры. И маме. И Олеся просто не понимала, что еще может сделать, чтобы угодить ей.

Конечно, теоретически она могла бы стать еще более послушной, не препираться с мамой, выполнять все ее советы и рекомендации... Может быть, тогда ее мамочка стала бы более счастливой и прекратила болеть... Но даже и это было бы весьма затруднительно, потому что Олеся и без того с колыбели слушалась каждого мамино слова, – не то, что не смея даже возражать, а попросту, в принципе, не зная, что с мамой можно хоть в чем-то не согласиться. Своего мнения у нее не было и быть не могло. Мамино слово было неписанным законом. И Олеся в детстве даже и представить себе не могла, что она хоть что-то имеет право сделать по-своему.

Глядя правде в глаза, Олесина мама имела в наличие совершенно забитого закомплексованного ребенка, для которого она всегда была единственным лучом света в темном царстве. Дочь даже дышала только ради нее, – и лишь в том ритме, который мама позволяла. Но и это не мешало маме постоянно обвинять ее в грубости, черствости, жадности, эгоизме, – и еще во многом. И требовать немедленно, – вот сию минуту!.. – брать себя в руки и исправляться...

Олеся очень старалась. Она совершенно искренне пыталась стать хорошей. Но просто уже не знала, как. Она попросту не понимала, что еще может сделать, чтобы утешить и порадовать маму.

А мама совсем умирала...

Помимо сердечных приступов, у нее регулярно пропадал аппетит, и она не в силах была запихать в себя ни кусочка. А потеря аппетита, как всем известно, является первым признаком тяжелой неизлечимой болезни... Так что сомнений даже и быть не могло... При этом мама катастрофически худела, – что, в принципе, было совершенно даже и не удивительно, ведь она практически ничего не ела!.. Потом у нее, кажется, начинали отказывать внутренние органы, поднималось высочайшее давление, учащались сердечные приступы, отнимались руки и ноги, – она не просто переставала их чувствовать, порой у нее бывала парализована вся левая половина тела. И мама, – а вместе с ней, и все остальные, – понимала, что это – конец...

Едва способная ворочать языком, мама шепотом отдавала распоряжения убитым горем родственникам на случай ее внезапной, но уже давно ожидаемой смерти... Не забывая при этом попутно лишний раз напомнить Олеське о том, что это именно она, своим безобразным поведением, довела ее до такого состояния...

В семье воцарялся траур...

Олеся росла с постоянным неподъемным чувством вины. Она изо всех сил старалась быть хорошей девочкой, прилежно учиться, слушаться маму и помогать ей, но все ее усилия были тщетны. Мама все равно умирала. Олеська и сама без раздумий отдала бы свою никчемную, никому не нужную

жизнь за то, чтобы она была здорова и счастлива, но ничего не помогало. И мама просто тихо угасала...

Олесин отец – мамин муж – был глупым грубым человеком, с которым мама, разумеется, была глубоко несчастна, любил выпить, – хоть и нечасто, к счастью, – а выпив, становился совсем дурак-дураком. Но при этом он почему-то не был причиной страшных маминых страданий. Олескинский младший брат вообще подрастал порядочным негодяем; он открыто хамил родителям, посылал их во всех известных направлениях чуть ли не с детсадовского возраста, воровал у них вещи и деньги, но мама лишь восторгалась с упоением любимыми его подлостями. И только при взгляде на прилежную дурочку Олесю, бегающую вокруг нее с лекарствами и примочками, глаза ее изнеможенно закатывались, руки прижимались к останавливающемуся сердцу, и мама падала – точнехонько на удачно оказавшуюся рядом кровать – в очередном сердечном приступе...

Только став уже достаточно взрослой и научившись смотреть на всю эту ситуацию со стороны, Олеся поймет, что на тот момент, когда у ее матери начались такие серьезные проблемы со здоровьем, ей на самом деле было чуть больше двадцати лет...

Однажды Олесина одноклассница пришла в школу в слезах, и на вопрос, что случилось, рассказала о том, что у ее мамы накануне был сердечный приступ, и она чудом осталась жива.

– Да не переживай ты так!.. – попыталась поддержать девочку Олеся. – У моей мамы каждый день такие приступы случаются, но, слава богу, все обходится!.. Это еще не самое страшное!..

Ошарашенный взгляд одноклассницы Олеся запомнила на всю жизнь, хотя так и не поняла его значения. Ведь она всего лишь сказала правду, пытаясь утешить расстроенную девочку...

Мамина болезнь обычно заканчивалась одинаково. Ее непосредственная начальница, обладающая на заводе огромным влиянием, никогда не стеснялась пользоваться своим положением. Рано или поздно она уставала смотреть на мучения своей подчиненной, тающей на глазах и, очевидно, пожираемой изнутри страшным недугом. И тогда она организовывала машину, чуть ли не силой отвозила ее в медсанчасть завода и договаривалась там со всеми врачами, чтобы ее полностью и досконально обследовали. Многочисленные всевозможные анализы, рентгены, УЗИ, – которое тогда, более тридцати лет назад, сделать можно было в их городе только по великому благу, – и прочие серьезные исследования, проводимые, по просьбе маминой начальницы, чуть ли не под руководством главного врача больницы, неизменно показывали, что мама совершенно и абсолютно здорова.

Как бы ни старались врачи, понукаемые со всех сторон, им никак не удавалось найти у нее ни малейших отклонений, которые позволили бы им хотя бы прописать ей какие-ли-

бо таблетки... Кроме, разве что, валерьянки на ночь, чтобы успокоиться и поверить в то, что она вовсе даже и не при смерти...

Когда мама узнавала, что она, оказывается, полностью здорова, она на радостях действительно выздоравливала. Обычно года на два. А потом ее самочувствие снова почему-то начинало стремительно ухудшаться, и она опять начинала умирать. И снова обвиняла в своем состоянии Олесю, которая опять вынуждена была бегать вокруг нее с лекарствами... Потому что это, разумеется, именно дочь, как всегда, довела маму до очередного приступа своим невыносимым поведением и ужасным характером, и это из-за нее у нее опять сердце болит, давление зашкаливает, а руки и ноги отнимаются...

Сама Олеся, к счастью, росла довольно здоровой девочкой. Ей приходилось такой быть, потому что даже головная боль у нее, если признаться в ней маме, могла спровоцировать у той очередной сердечный приступ, – а ее нужно было беречь и не позволять ей волноваться!..

Но только в девятнадцать лет, безо всякой видимой на то причины, Олеся вдруг буквально свалилась. У нее начались дикие головные боли, – жуткие до такой степени, что даже глаза было открыть нельзя, – не говоря уж о том, чтобы читать или писать. Потом практически сразу начались боль и ломота во всем теле, – по ощущениям, нечто вроде сильнейшего остеохондроза; любое движение вызывало та-

кие страшные ощущения, что хотелось просто в голос выть от боли...

Врачи предполагали, что у нее нейроинфекция, осложнение после перенесенного месяц назад на ногах гриппа. Но точно никто ничего сказать не мог. Олеське становилось все хуже. Диагнозы ставились и снимались, но никто не мог сказать ничего конкретного. Олеську то укладывали в больницу, заявляя, что она чуть ли не при смерти, и ей уже вот-вот потребуется реанимация, то вдруг преждевременно выписывали из нее, не позволив даже закончить курс лечения и обвиняя в симуляции... Она чувствовала себя на протяжении многих недель совершенно беспомощной, по квартире ходила с закрытыми глазами, придерживаясь рукой за стены, и не понимала, что с ней происходит...

Ей мама, разумеется, тут же бросилась лечить дочь, забыв о своих собственных непроходящих болячках. Слава Богу, помогло. А может, просто молодой здоровый организм справился с недугом. Олеся оклемалась и теперь уже могла вспоминать обо всем об этом, как о дурном сне. Она так и не поняла точно, что такое с ней было...

А потом в Олесиной жизни воистину началась черная полоса. Сначала было ее неудачное замужество. Кто бы сомневался в том, что она так нелепо сходила замуж с одной-единственной целью, – свести свою маму в могилу, разумеется. Потом рождение ребенка, проблемы, развод, безденежье... Определенно, она просто упорно и всеми способами добива-

лась маминой смерти, проявляя в этом завидное упорство... Проблемы с ребенком, проблемы с бывшим мужем, со свекровью, с работой, – проблемы, проблемы и еще раз проблемы... Олеся была в полнейшем отчаянии; она просто не представляла, как ей выкарабкаться из этого болота и снова взять жизнь в свои руки, ведь становилось все хуже и хуже...

А ее любимая мама, вместо поддержки, – хотя бы моральной, не говоря уж ни о чем другом, – только продолжала усугублять ситуацию и нагнетать панику, не забывая попутно обвинять неудачную дочь во всех смертных грехах, и регулярно умирая в жутких мучениях...

Что же делать, – такова, очевидно, была ее судьба. И бедной женщине, которую непутевая дочь всеми силами сживала со свету, приходилось тащить свой крест...

И вот тут Олесин организм, очевидно, уже просто полностью истощенный непрерывающимся двадцатипятилетним стрессом, дал серьезный сбой. И она попросту начала разваливаться на глазах. Без преувеличения, в буквальном смысле этого слова.

Все началось с того, что Олеся посчитала каким-то кожным заболеванием. На ее ноге появились странные пятна, которые в первое время были похожи то ли на аллергию, то ли на раздражение. Замордованная жизнью Олеся не сразу обратила на это внимание. Потом такие же пятна появились и на руках; область поражения начала разрастаться, менять цвета; кожа словно отмирала, истончалась и становилась де-

ревянной на ощупь... Одновременно с этим Олесю начали изводить жуткие мигрени, от которых она просто волком готова была выть; суставы распухли и воспалились, появилась слабость, проблемы с внутренними органами...

Диагноз ей не могли поставить три года. Она переходила из больницы в больницу; прошла всех имеющихся в наличии в городе врачей, и каждый из них сделал свое предположение и дал свои рекомендации... Опять же резко переставшая болеть мама все эти годы была рядом, помогала, поддерживала, ободряла. Установленный, наконец-то, – после кучи исследований, – диагноз Олеся восприняла уже, как благословение судьбы. И ее даже уже почти не напугало, что это оказалось довольно редкое системное заболевание, которое в нашей стране не умеют толком ни диагностировать, ни уж, тем более, лечить. По крайней мере, теперь враг был известен, хотя врачи и говорили откровенно, что пытаться бороться с ним бесполезно...

После долгих мытарств Олесе дали инвалидность. Ее мама почему-то была счастлива, как никогда. Олесю просто передергивало от ужаса, когда она слышала, с каким искренним, чуть ли не детским, восторгом ее мама гордо заявляла окружающим: “У меня дочь – инвалид!!!” Олесе было жутко осознавать и сам этот факт, и, тем более, то, как радуется ему ее мама. А той безумно нравилось рассказывать всем, кто готов был ее слушать, в подробностях о том, как она спасает свою любимую доченьку, как лечит ее, ухаживает за ней,

поддерживает, – и, конечно же, никогда и ни при каких обстоятельствах не бросит!.. Господь дал ей такой крест, и она с гордостью понесет его по жизни!..

На момент всего этого Олеся не было еще и тридцати. И у нее на руках был ребенок-дошкольник, который, кроме нее, никому в этом мире не был нужен. И ей совершенно не хотелось превращаться в овощ, требующий ухода заботливой мамочки. А уж перспектива протекания подобных заболеваний, – то, что ожидало ее всего лишь через несколько лет, – вообще не внушала оптимизма и была способна лишь навеять мысли о том, чтобы разом положить всему этому конец...

А ведь ее жизнь еще и начаться-то толком не успела, и она еще не видела в ней ничего хорошего...

И Олеся просто решила выздороветь.

В какой-то момент ей пришло в голову, что нужно попросту плюнуть на то, что ее болезнь неизлечима и смертельна, и выжить любой ценой.

И, в первую очередь, разумеется, это следовало сделать для того, чтобы ни в коем случае не обременять любимую маму уходом за дочерью-инвалидом.

Интернета тогда еще не было, книг никаких на эту тематику в их городе было не достать. Приходилось довольствоваться редкими статьями, которые удавалось где-то откопать, чтобы собрать все возможные сведения о своей болезни. Зачастую Олеся действовала просто чисто интуитив-

но и методом тыка. У нее аутоиммунное заболевание?.. Значит, нужно укреплять иммунитет, чтобы заставить его работать правильно и справиться с недугом!

С точки зрения официальной медицины это, кстати, совершенно ошибочное решение. При аутоиммунных заболеваниях, при которых иммунные клетки атакуют клетки собственного организма, принято, наоборот, подавлять иммунитет полностью. Так лечат официальные врачи во всем мире. Этот метод, к сожалению, не излечивает заболевание полностью, но помогает облегчить симптомы и даже перевести его в стадию ремиссии. Вылечить его до конца невозможно.

Олесе это удалось. Ее действия оказались, в конечном итоге, прямо противоположными тому, что рекомендует официальная медицина.

В первую очередь, она начала всеми силами укреплять иммунитет. Постепенно она исключила из своего рациона все лекарства, которые до этого пила горстями, и оставила только иммуномодуляторы, да и то постепенно самостоятельно заменяя их на природные аналоги. Постоянно принимала различные витамины и рыбий жир. И очень скоро начала ощущать положительный эффект.

При подобном заболевании вообще нельзя выходить на солнце, – даже на улице врачи рекомендуют выбирать теневую сторону, – а уж загорать вообще противопоказано. Но только вот Олеся заметила, что летом, в солнечную погоду, – а тем более, под жгучим солнцем, как это ни странно!.. – она

чувствует себя гораздо лучше. Солнце словно разогревало ее и разгоняло кровь по венам, – и ей становилось намного легче.

И тогда она, на свой страх и риск, стала загорать. Занялась бегом на стадионе, – да и вообще стала уделять спорту гораздо больше внимания. Сначала это было тяжело, больно, вызывало слезы от слабости и беспомощности. А потом процесс пошел, и Олеся даже и сама не заметила, как втянулась. И осознала, как это здорово, – пробежать десяток километров, чувствуя себя здоровой, сильной и выносливой.

На этом же этапе Олеся начала обливаться холодной водой, – ледяной водой из-под крана в любое время года, даже зимой. Хотя врачи предупреждали ее, что переохладиться ей вообще нельзя. Но раз уж и так, и так, – конец один, – то почему бы и не посопротивляться?.. Уж помирать, так с музыкой!..

Как говорится, если человек хочет жить, то медицина бессильна... Организм борется и словно сам подсказывает, что нужно делать.

Инвалидность у Олеси сняли через год, потому что все анализы были в норме, и в наличие не имелось никаких видимых признаков заболевания. Мама была очень расстроена, мягко говоря... На самом деле, она рвала и метала, упрекая непутную дочь в том, что она не сумела на медицинской комиссии достаточно правдоподобно сыграть роль умирающей, и теперь ее лишат и пенсии по инвалидности, и субси-

дии на оплату коммунальных услуг. Олеся тоже была слегка опечалена потерей всех этих чудесных льгот от государства, – хотя пенсия изначально ей была начислена минимальная, – но, что поделать, сыграть эту роль она действительно не смогла. Потому что не хотела больше умирать.

Врач-ревматолог в поликлинике, – очень хорошая женщина, настроенная по отношению к Олеся по-доброму, – с улыбкой разводила руками и каждый раз выспрашивала, как ей удалось достичь таких результатов?.. А однажды прямо сказала:

– Конечно, я, как представитель официальной медицины, не должна одобрять такие методы лечения... Но, я думаю, вас это не должно беспокоить, – тем более, что вы все равно меня не слушаетесь... Что бы вы ни делали, – наверное, самое главное, что вам это помогает! А значит, вы все делаете правильно!

А у Олеся с тех пор все пошло в гору. Она устроилась на работу и привела в порядок свою жизнь.

Ее мама очень долго не желала смириться с тем, что ее дочь больше не инвалид. И положительные изменения в жизни Олеся ее тоже почему-то не особенно радовали. Сама-то Олеся сначала наивно полагала, что мама будет гордиться ею и ее достижениями, – тем более, что они реально того стоили. Но, как ни странно, мама не только не гордилась и не радовалась успехам дочери, – она просто с ума сходила от злости и ненависти к ней. Олеся словно обманула все ее

ожидания и надежды, почему-то не пожелав спокойно и безропотно помирать. По крайней мере, именно так это и выглядело со стороны...

И, разумеется, все мамины собственные болезни тут же обострились, без малейшей надежды на благополучный исход...

В конце концов, все закончилось тем, что Олеся вынуждена была прекратить всякое общение со своей мамой.

С тех пор прошло уже много лет. Олеся по-прежнему много занимается спортом, – и на стадионе, и в тренажерном зале, и даже просто дома. Она искренне полагает, что именно спорт помог ей излечиться окончательно, потому что сейчас она в гораздо лучшей физической форме, чем даже двадцать лет назад. О больницах и всем остальном, связанном с ними, она давно забыла. О своем грустном прошлом тоже старается не вспоминать. И искренне полагает, что ее жизнь еще и начаться-то толком не успела, и у нее все еще впереди!..

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ...

Олесина мама всегда была безмерно строга и сурова по отношению к ней. Это касалось всех сторон их жизни. Но особенно тщательно она оберегала добродетель дочери. Можно прямо было сказать, что она стояла на страже ее невинности, как неподкупный цербер, даже и мысли не допускающий о том, что дочь может свернуть с правильной дорожки куда-то не туда.

Причем, Олесину честь мама берегла так своеобразно, что об истинном смысле маминых переживаний Олеся сумела догадаться, лишь став достаточно взрослой.

Начать с того, что все подробности о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной мама рассказала ей очень рано. Олесе тогда было всего десять лет. Конечно, она была очень развитой для своего возраста девочкой, – но, тем не менее, делая скидку на ее еще все-таки достаточно нежный возраст, наверное, с маминой стороны, излишне было заострять внимание на некоторых чересчур интимных моментах суровой взрослой жизни. И уж, тем более, не было никакой необходимости подробно рассказывать о собственном опыте, который, признаться честно, был не слишком радужным.

Правда, в свои десять лет Олеся мамины откровения воспринимала, – или, точнее, заставляла себя воспринимать, – несколько в другом свете. Тогда ей казалось очень лестным,

что мама настолько доверяет ей. На самом деле причина тут была, наверное, даже и не в доверии. Не каждой самой близкой подруге решишься рассказать о себе все то, что ее мама выливала на десятилетнюю девочку.

Что ни говори, – но ребенок – это всего лишь ребенок. Каким бы взрослым, умным и развитым он ни был. И ему в таком возрасте, наверное, еще вполне достаточно было каких-то общих сведений об отношениях мужчины и женщины. Это положило бы конец вполне естественному детскому любопытству и помогло бы подготовиться к взрослой жизни и не падать в обморок от пошлых рассказов одноклассников, умудрившихся каким-то образом что-то разведать.

Но в подробностях знать женские интимные переживания взрослой женщины, – собственной мамы!.. – это, поверьте, может шокировать и более зрелого человека с устоявшейся и окрепшей с годами психикой. У десятилетней же девочки это вообще способно вызвать только шок, ужас и отвращение. К собственному отцу, к мальчикам, к мужчинам вообще.

Кроме того, мама всегда делала большой упор на том, что свою невинность нужно сохранить до замужества. Иначе парень погуляет и бросит; иначе муж всю жизнь ненавидеть и мстить будет; короче, иначе счастья просто не видать... Мама делала на этом такой сильный акцент, что слегка переборщила. С ее подачи, Олеся во всех представителях мужского пола, независимо от возраста, стала видеть потенциальных

насильников, которые только спят и видят, как бы обеспечить ее и лишиться такой драгоценной добродетели, потеряв которую, можно сразу руки на себя накладывать, потому что жизнь просто будет закончена.

Все это было прямо, как в средневековых романах. И достаточно страшно, на самом деле, если честно. Да, юные девушки должны знать, что некоторые мужчины могут представлять для них потенциальную опасность, и поэтому не стоит уходить с незнакомцами, гулять по ночам, – особенно, на пустырях, окраинах и в лесополосах, – и вообще следует соблюдать осторожность. Но все хорошо, что в меру, – и любых предостережений это тоже касается. И настропалить десятилетнюю девочку так, что она еще многие годы в каждом встречном и поперечном представителе мужского рода видела потенциального маньяка-убийцу и не выходила на улицу без ножа в кармане, – наверное, все-таки это не есть хорошо...

В данном конкретном случае, очевидно, стоило просто пойти навстречу желаниям дочери, которая по натуре была очень смелой и спортивной девочкой, и позволить-таки ей ходить в секцию борьбы, о которой она всегда мечтала, чтобы она получила возможность научиться защищать себя и вообще обрела уверенность в себе и в своих силах. А вместо этого мама в подробностях рассказывала ей об ужасах, происходящих с несчастными слабыми женщинами по вине жестоких эгоистичных мужчин, и внушала, что нужно с детства

быть готовой терпеть и страдать всю оставшуюся жизнь.

Последствия этого воспитания, кстати, и маминых заветов аукаются Олеське даже спустя десятилетия. Она так и не научилась толком вести себя с мужчинами, как красивая женщина, каковой она, в принципе, и является, и адекватно реагировать на их внимание. Но это связано еще и с ее неуверенностью в своей женской привлекательности, – за что ей тоже, к сожалению, до сих пор приходится благодарить свою маму.

Олеське никогда не запрещалось категорически, например, носить короткие юбки. Будь ее мама, – как бы это помягче сказать?.. – чуть разумнее, что ли, – она просто тактично объяснила бы дочери, что не стоит одевать чересчур открытую и вызывающую одежду, потому что окружающие могут воспринимать это не совсем адекватно. А вместо этого, она умудрилась привить собственной дочери жуткий комплекс неполноценности.

Те же самые короткие юбки ей носить вовсе даже не возбранялось. Просто Олеся сама, с раннего детства, знала, – с молоком матери впитала, наверное, – что эта одежда – не для нее. Потому что ее короткие полные ноги будут выглядеть в этих юбках попросту нелепо. По той же самой причине она никогда не могла позволить себе обтягивающие брюки, – ведь ее большую задницу необходимо было как-то маскировать и обязательно чем-то прикрывать. И она всю свою юность проходила в старушечьих балахонах, напрочь скры-

вающих ее, в общем-то, весьма и весьма неплохую фигурку. Ей была совершенно не к лицу подобная свободная одежда, которая действительно делала стройную и красивую девушку приземистой, плотной и неуклюжей. Олеся чувствовала себя в ней жутко некомфортно. Но, что ж тут было сделать, – ведь другие наряды она, со своей непутной фигурой, себе позволить не могла.

Приблизительно по той же самой причине ей нельзя было носить распущенные волосы. Ведь они торчали у нее, по словам мамы, как грива у клоуна, – а головка порядочной девушки должна быть аккуратной и причесанной.

Косметикой пользоваться Олесе, вроде как, тоже не возбранялось, хотя она, к огромному сожалению мамы, делала ее лицо вульгарным. Ну, разве что совсем чуть-чуть, чтобы и не заметно было...

Плюсом ко всему этому, к извечному маминному огорчению, шло то, что Олеся была безумно неуклюжей, совершенно не умела двигаться и обладала просто жуткой походкой. Она топала, как мужик, и размахивала руками, как солдат. В общем и целом, картинка получалась совершенно неприглядная. И, прекрасно осознавая все эти свои недостатки, Олеся всегда была искренне уверена в своей жуткой непривлекательности.

Наверное, мама хотела, как лучше, внушая ей все это. Наверное, она пыталась таким образом защитить свою дочь и уберечь ее от возможных ошибок юности. Возможно, она да-

же и не осознавала, как страшно перебарщивает. Но она своего добилась. В результате ее усилий Олеся выросла закомплексованной и до боли стеснительной. Парни шарахались от нее, как черт от ладана, когда она с чопорным видом проходила мимо. Да на нее даже мухи не рисковали садиться, чтобы не нажить на свою голову неприятностей...

Самое печальное было то, что, в свои девятнадцать лет, при росте 162 см и весе около 50 кг, Олеска на самом деле обладала идеально пропорциональной фигуркой, с воистину осиной талией, стройными ножками и роскошной гривой густых вьющихся каштановых волос. С личиком у нее тоже все было в полном порядке, – зеленые миндалевидные глаза с шикарными ресницами, черные брови, ослепительная улыбка и изумительно ровные белоснежные зубы. Глядя правде в глаза, – ну, ничем ее Господь Бог не обидел!.. При этом она стеснялась лишний раз на улице показаться, ходила всегда в мешковатых одеждах для тех, кому далеко за сорок, – чаще всего, в маминых, – и в старушечьих туфлях на плоской подошве, тщательно скрывая, похоже, за всем этим свою привлекательность, в полном отсутствии которой она была искренне уверена...

Дискотеки, гулянки и прочие молодежные увеселения, разумеется, были, стараниями мамы, исключены из ее жизни полностью. Ведь это же была возможность потенциального знакомства с мальчиками, а всем мальчикам, разумеется, будет нужно от нее только одно... И если она, по глупости сво-

ей, уступит какому-нибудь незадачливому кавалеру, то навсегда останется одна-одинешенька, ведь на “непорядочной” и “не девочке” никто и никогда не захочет потом жениться...

Вдобавок к своей нестигаемой добродетельности, Олеся была еще и слишком гордой и независимой, – ну, или считала себя таковой. Так что стоит ли, при таких обстоятельствах, удивляться полному отсутствию в ее жизни хоть каких-то потенциальных женихов?.. Да на нее, как уже было замечено, даже мухи садиться боялись, – а то и падали замертво от одного ее взгляда!..

Но все это были только внешние проявления ее действительно непростого характера, сформировавшегося под большим давлением со стороны мамы. В душе же Олеска была совершенно обычной молоденькой девчонкой, – трепетной, доверчивой, мечтающей о большой и чистой любви... Да, мама сумела твердо вбить в ее глупую голову, что муж должен быть для нее первым и единственным во всех смыслах и на все времена. Но при всем этом Олеся была совершенно нормальной здоровой девушкой и имела вполне даже определенные желания и потребности, о которых не смела даже и задумываться всерьез. Ведь реализация всех этих желаний была под запретом и вообще смерти подобна. И поэтому глупенькая Олеся честно, верно и преданно ждала своего принца, любимого и единственного, и свято верила, что он оценит ее добродетель и будет потом всю оставшуюся жизнь носить на руках...

И дождалась...

ПРИНЦ

ПрЫнц был старше ее на девять лет, но внешне едва тянул на ровесника. И, судя по всему, в юной Олеське его действительно привлекла именно ее невинность, потому что никаких других общих интересов у этой пары больше не было от слова вообще...

Гера по паспорту был почти тридцатилетним мужчиной, – правда, типичным маменькиным сыночком. И он тоже очень страдал от целой кучи комплексов. И одной из проблем, из-за которой он ощущал себя совершенно неполноценным и несостоятельным, как мужчина, было как раз то, что все его ровесники давно уже были женаты, – а многие, и не по одному разу, – и, разумеется, имели детей. А он, плод заботливого воспитания властной, но весьма болезненной мамочки, просто панически боялся девушек и до знакомства с Олесей еще даже ни с кем и не встречался.

Его маму это, кстати, устраивало целиком и полностью. Она желала, чтобы сын был всегда под рукой, – чтобы сбегать за лекарствами, например, посреди ночи в круглосуточную аптеку, расположенную чуть ли не на другом конце города. И поэтому отсутствие девушек в жизни сына она одобряла всей душой.

И вот тут, на свою беду, на его пути возникает Олеся. Юная. Красивая. Совершенно невинная. И Гера быстренько

сообразил, что сравнивать ей его просто не с кем будет, так что о его мужской несостоятельности она сразу и не догадается. А потом, даже если и поймет, что у него с этим делом серьезные проблемы, деваться-то уже некуда будет. Потому что она – глупенькая, наивная, ни на что не способная, болезненно не уверенная в себе и мечтающая опереться на надежное мужское плечо... Короче, хорошая жена из нее получится, – это Гера определил сходу, как несостоявшийся, но довольно талантливый психолог. Послушная. Робкая. Даже затравленная, можно сказать. Всю жизнь будет благодарить его за то, что он вообще ее взял в жены.

Потому что кому она вообще будет еще нужна, – такая вот закомплексованная идиотка, не знающая жизни, не видевшая мужчин, – да и вообще боящаяся всего на свете?..

Да уж, впечатление на людей Олеся умела производить, – этого у нее было не отнять... Вот только, к сожалению, не совсем верное. При всей ее робости и затравленности, в ней имелся стальной стержень, который психолог Гера не сумел разглядеть вот так, сходу. Он просто ошибочно решил, что она ему подходит, и сразу же объявил о том, что им просто необходимо немедленно пожениться.

По сути, два беспомощных, не способных ни на что путное ребенка, мечтавшие любой ценой освободиться от гнета слишком опекающих и строжащих их родителей, но не решающиеся сделать это в одиночку, встретились, полюбили друг друга и решили, во что бы то ни стало, быть вместе.

Невозможно было не признать, что даже внешне это была очень странная пара. Со стороны любому сразу же становилось понятно, что у них совершенно нет ничего общего. Ну, просто ни малейших точек соприкосновения!.. Кроме, разве что, проблем с родителями. Вероятно, именно это и объединило их в какой-то момент.

К сожалению, в свои девятнадцать Олеся была еще невероятно наивной и совершенно неопытной в плане мужчин. Да что греха таить, – Гера вообще был практически первым в ее жизни молодым человеком, заинтересованно посмотревшим в ее сторону. И именно ее наивность и служила оправданием ее выбора, потому что только такая невинная и неискушенная дурочка вообще могла принять женоподобного манерного Геру за мужчину. Просто он оказался первым, кто вообще обратил на нее внимание, и ей показалось, что она полюбила его всей своей истосковавшейся по чистым и высоким чувствам душой.

Уже позже, став чуть старше, Олеся поймет, что, вероятнее всего, это была даже и не любовь, к сожалению, а всего лишь принятое за нее чувство благодарности к нему за его доброе отношение к ней. Для бедной затравленной девочки это было настоящей отдушиной в ее не слишком-то веселой, что греха таить, жизни. Живительный глоток свежего воздуха и надежда на что-то лучшее... Ей казалось, что теперь, когда у нее имеется, наконец-то, в наличие близкий человек, который понимает и поддерживает ее, у нее появится шанс

уйти из родительской семьи, избавиться от всевидящего ока мамы, почти задушившей ее своей странной опекой. И, самое главное, у нее будет возможность реализовать, наконец, все свои тайные желания, которые давно уже будоражили молодую кровь. Ведь с ним, будущим мужем, было возможно все, о чем она так долго мечтала...

Увы, – но на деле все оказалось не так-то просто.

Гера сразу же дал понять, что слишком уважает свою юную избранницу, чтобы опозлить их прекрасные и чистые отношения сексом. Он сразу же выдвинул условия, которые в нормальных парах принято было, вообще-то, выдвигать девушкам: сначала – печать в паспорте, и только потом – постель. Возможно, интуитивно он даже осознавал, что это – единственная для него возможность удержать Олесю около себя. В силу навязанных ей принципов и особенностей воспитания, она готова была выйти замуж, чтобы иметь законные основания заниматься тем, о чем она мечтала. Это было единственное, что привлекало ее на тот момент в Гере, – что уж тут греха таить... А он, зацикленный на своих мужских проблемах, очевидно, прекрасно осознавал, что, если она получит желаемое раньше времени, до свадьбы, то вряд ли пойдет с ним под венец...

Получилось так, что, в силу некоторых обстоятельств, свадьбы им пришлось ждать целых два года. Их родители были против этого союза и чинили препятствия на каждом шагу, изо всех сил пытаясь разлучить влюбленных и строя козни,

достойные Монтекки и Капулетти. К тому же, им было негде жить, – да и попросту не на что, поскольку Гера не слишком желал работать и вообще-то до сих пор сидел на шее у старухи-матери, которая, в свою очередь, не гнушалась работать сразу в нескольких местах, чтобы содержать сына. Олесина зарплата вообще на тот момент не заслуживала того, чтобы рассматривать ее всерьез, – и уж, разумеется, семью на эти деньги прокормить было бы невозможно. Тем более, что Гера страстно мечтал о детях, постоянно говорил о них, переводил на эту тему вообще любой разговор... Почему-то его это очень вдохновляло. Вот только, к сожалению, лишь теоретически, потому что практически он не делал ровным счетом ничего для того, чтобы хотя бы начать нормально работать и определиться, наконец, с датой свадьбы.

Признаться честно, Олесю эти навязчивые мечты любимого о расчудесных общих детках порой просто доводили до слез. Во-первых, она, в свои девятнадцать лет, еще просто морально не была готова пока становиться матерью семейства. Она еще и жизни-то не видела; она хотела любить, путешествовать, сделать карьеру, подняться на Эльбрус, прыгнуть с парашютом, опуститься на дно океана... Расчудесные детки в этом списке даже вообще еще не появлялись... Олесина творческая натура жаждала жизни и приключений, и она была бы очень рада, если бы вместе с ней через все эти приключения проходил ее возлюбленный, – но он, к сожалению, напрочь не желал слушать о ее стремлениях, зато упор-

но прикладывал руки к ее девственно-плоскому животу и глубокомысленно рассуждал о том, что там уже давно сидит его малыш и ждет – не дождется, когда ему позволят оттуда выбраться...

А во-вторых, при всей своей просто непробиваемой наивности, Олеся прекрасно видела, как мало годится ее возлюбленный на роль главы семейства. За два года он, в буквальном смысле слова, палец о палец не ударил ради того, чтобы это семейство действительно завести, зато буквально изводил свою дурочку-возлюбленную рассуждениями о том, какой хорошей женой она будет, и какие чудесные народятся у них детки, совершенно не желая слышать о ее реальных мечтах и планах на эту жизнь.

Олеся буквально умоляла его сделать хоть что-то для этой их замечательной будущей семьи. А для начала – хотя бы устроиться на работу, снять жилье, – можно хоть комнатку в коммуналке; Олеся и на это уже была согласна. Она вообще не хотела никакой официальной свадьбы и уже готова была попробовать пока просто пожить вместе. Но не тут-то было!.. Гера держался за свои принципы незыблемо твердо. Сначала – штамп в паспорте. Потом – постель. И только потом он будет что-то придумывать, чтобы обеспечить свою семью. Потому что сейчас у него, как у почтальона Печкина, еще нет велосипеда. А вот потом, когда он у него появится, он что-нибудь придумает, и тогда у них все будет хорошо...

При всем этом их отношения нельзя было назвать полно-

стью невинными. Своими разговорами, поцелуями, ласками Гера доводил неискушенную Олесю до такого состояния, что она уже жила лишь мечтами о продолжении... Но ее мечты постоянно откладывались, а сроки переносились...

Гера берет ее... По крайней мере, она тогда еще в это свято верила, хотя разумом и осознавала уже противоестественность происходящего.

Гера даже на полном серьезе предлагал ей расписаться, – чтобы они официально числились супругами, – а жить при этом продолжать каждый у своих родителей. Он не видел ничего особенного в такой ситуации. И ничего, что они не смогут при этом жить полноценной супружеской жизнью. Он во все не торопится и вполне сможет подождать до тех пор, пока у них не появится хоть какое-то жилье. В конце концов, секс – это вообще не главное в жизни. И они оба пока могут обойтись без него. А главное – это их великая и чистая любовь, для которой не страшны никакие преграды...

Он был такой суперблагородный и порядочный... Что это уже просто выходило за границы разумного и было напрочь лишено здравого смысла. Но Олеся была еще слишком молодой и неопытной, чтобы это осознать.

Взрослый мужчина, терзаемый жутким комплексом неполноценности, желал просто обрести законный штамп в паспорте, чтобы иметь возможность гордо демонстрировать его окружающим. Вот, мол, посмотрите и убедитесь сами: я – нормальный, не импотент, не гомосексуалист, – у меня есть

жена!.. А глупая девочка Олеся хотела просто любить и быть любимой...

НЕУДАЧА

И вот, наконец, день свадьбы назначен, банкетный зал снят, гости приглашены, и отступить им обоим уже, похоже, некуда... И Олеська, хоть и была еще на тот момент до боли наивной, все-таки кота в мешке покупать не захотела и решила хотя бы попробовать... Сама нашла возможность, – потому что ждать первого шага от Геры было уже бессмысленно, – договорилась со знакомыми насчет квартиры, привела туда Геру, попыталась создать, по возможности, романтические условия, и... У него ничего не получилось. Причем, не получилось по одной простой причине, ясной даже совершенно неискушенной в любовных отношениях Олеське. Оказавшись, наконец, с ней в постели, Гера почему-то напрочь забыл о каких-то там ненужных, очевидно, на его взгляд, ласках и поцелуях, и попытался сразу же приступить к делу. Ну, а поскольку опыта в этом вопросе он имел еще даже меньше, чем Олеся, – если таковое вообще было возможно, но Олеська хотя бы теорию заранее постаралась изучить, а он, похоже, даже и не пытался, – то его здесь, естественно, ожидал полный облом. Потому что, несмотря на кажущуюся моральную готовность к происходящему, Олеся все-таки была еще девушкой, и хотя бы минимальная подготовка в виде хоть какой-то прелюдии была ей необходима.

Итак, долгожданное событие пришлось отложить до луч-

ших времен, потому что милого постигла неудача. Несмотря на вполне естественное разочарование, Олеся изо всех сил пыталась утешить и поддержать своего будущего мужа. Она же знала, как должна вести себя любящая женщина в подобной ситуации, она очень много читала об этом... Гера чуть не плакал от отчаянья. Он был в полном шоке от своей мужской несостоятельности, которая, якобы, оказалась для него неприятным сюрпризом. На протяжении нескольких часов он повторял, как заведенный, не умолкая ни на секунду, что ему никогда прежде не приходилось иметь дело с девицами, и он вообще теперь не уверен, что сможет хоть что-то сделать... Он просто не знает, как быть, ведь он безумно боится причинить ей боль, а он просто не может так поступить с нею... Это невозможно... Это, оказывается, очень трудно и страшно, и он теперь вообще не уверен, что хочет этого... Он привык иметь дело с нормальными женщинами, а с ней, похоже, просто что-то не так, и, может быть, у него вообще никогда ничего с ней не получится... И он теперь не знает, как ему быть, и что делать...

Приехали!..

Олеся тоже была в шоке. От его странных, практически обвиняющих слов. От его неадекватного поведения. Но в душе она все-таки поначалу еще старалась его оправдывать. Она читала о том, как тяжело мужчине пережить подобную неудачу, и просто старалась заверить его в том, что все нормально, что у них все еще впереди...

До самого вечера Олеся тщетно пыталась успокоить своего любимого, причитания которого с каждым часом все больше становились похожи на обвинения. А потом у нее все-таки не выдержали нервы, и она закатила истерику. Она просто разревелась со словами: “Ну, прости меня за то, что досталась тебе девушкой!.. Хочешь, я сейчас выйду на улицу и пересплю с первым встречным, чтобы облегчить тебе задачу?.. Или, может, отложить свадьбу до тех времен, пока я не найду себе другого любовника, – который будет рад тому, что я – девушка?!”

После этого остаток вечера уже Гера утешал свою то ли разъяренную, то ли разочарованную невесту, для которой в тот день весь мир перевернулся.

Всю жизнь ей внушали, что ее чистота и непорочность будут самыми ценными ее качествами в глазах любого мужчины, и вдруг в одночасье оказалось, что все это не более, чем досадная помеха, способная вызвать лишь дикое раздражение ее будущего мужа...

В оставшиеся до свадьбы дни Олеся еще пару раз пыталась соблазнить своего возлюбленного, но тщетно. Он благополучно умудрялся избегать ее притязаний под различными предложениями.

Ну, ничего, – утешала себя несчастная Олеся, – ведь скоро они будут вместе!.. Навсегда...

И вот, наконец, свадьба. И последовавшая за ней первая брачная ночь. И четкое осознание Олеси, что все это – самое

большое разочарование в ее жизни...

И вот об этом слагают стихи и поют песни?.. Ради вот этого люди совершают подвиги, сходят с ума и накладывают на себя руки?.. Вот этого она ждала целых два года, об этом мечтала, это предвкушала в своих фантазиях?.. Вот это?..

После свадьбы было все то же самое, что и в тот первый, неудачный раз. Гера напрочь отвергал любые прелюдии. Ласки, поцелуи, объятия, – все это навсегда осталось в прошлом и так больше никогда и не вернулось в их жизнь. Гера просто честно пытался исполнить свой супружеский долг... У него ничего не получалось, но он снова пытался... И снова... Олеся поначалу искренне пыталась помочь ему научиться хоть чему-то; предлагала как-то экспериментировать, вместе читать какую-то литературу. Но все было бесполезно.

Беда была даже и не в том, что он оказался даже еще более неопытным и беспомощным, чем его молодая жена. Ведь она-то, по крайней мере, готова была учиться, – и с большим энтузиазмом. Она хорошо знала свое собственное тело и со временем научилась получать свое даже вопреки стараниям любимого мужа. Но с Герой в этом плане все обстояло совершенно иначе. Он не просто не хотел учиться, – он вообще ничего не хотел. При этом у него не было никаких физиологических проблем со здоровьем. Он просто не понимал смысла секса, не испытывал в нем потребности, и, похоже, вообще был абсолютно равнодушен к женщинам. И все попытки молодой жены хоть как-то его расшевелить оборачи-

вались провалом.

Олесе порой хотелось просто в голос выть от разочарования. Да, – ей-богу, – стоило столько лет блюсти себя и терпеливо ждать своего единственного и неповторимого, чтобы в результате после свадьбы оказаться у разбитого корыта!..

Кстати, к чести Геры, нельзя не отметить, что ребенка он все-таки сумел как-то соорудить. Правда, Олеся так никогда и не поняла, как им это вообще удалось, поскольку все их жалкие попытки были обречены на неудачу, – а она еще вдобавок и предохранялась. Видимо, без вмешательства высших сил и святого духа тут не обошлось... Но после подтверждения этого факта Гера ходит гордый, как фанфарон. Вот теперь, когда у него в наличие имеется не только штамп в паспорте, но и беременная жена, никто не посмеет усомниться в его мужской силе и состоятельности!.. Теперь он полноценный мужчина, имеющий жену и ребенка!..

Как было бы просто, если бы полноценность и мужественность диагностировались именно так!..

Уже через две недели после свадьбы Олеся поняла, что совершила ошибку. Если бы действительно не этот чертов штамп в паспорте, она ушла бы от Геры уже тогда. И даже наметившийся ребенок ее бы не остановил. Но вот только уходить-то на тот момент ей было особенно некуда. Ее родители как раз развелись; стоял вопрос о размене квартиры, и ее там, в общем-то, никто и не ждал с распростертыми объятиями. Но и продолжать жить вместе с Герой не имело

никакого смысла. Кроме некогда существовавшего сильного физического влечения, – ну, или того, что она по наивности приняла за него, – ее с этим мужчиной совершенно ничто не связывало. Они были чужими друг другу. Еще более чужими, чем до свадьбы...

Но, тем не менее, Олеся честно пыталась. Еще целых пять лет. Пока у нее просто руки совсем не опустились. Она создавала романтическую обстановку, одевала красивое белье, тщательно следила за собой... Она все еще не теряла надежды на то, что уходящие чувства все-таки удастся сохранить... Но вот только после романтического ужина при свечах Гера с невинным видом предлагал посмотреть телевизор и, якобы, совершенно не понимал, почему его молодая жена бесится и мечет молнии... Увидев ее в очередной раз в сексуальном белье, чулках и туфлях на каблуках, он просто косил под полного идиота, смеялся и спрашивал: “Здорово, конечно, – но зачем ты так вырядилась?..” Он несколько лет делал вид, что совершенно искренне не понимает, чего вообще хочет от него молодая жена...

При этом он, не переставая, твердил о своей великой любви. Прямо как заведенный, ей-богу... Доходило до абсурда. Узнав, например, что Олеся решила устроить себе пару разгрузочных дней или увеличить физическую нагрузку, чтобы подтянуть фигуру, он смотрел сквозь нее и тоскливо вздыхал: “Ну, зачем ты себя так изводишь?.. Ты все равно будешь мне нравиться, даже если поправишься!.. Я все равно тебя

буду любить!..”

Словно великое одолжение ей делал...

Наверное, Гера на самом деле хотел поддержать свою жену таким вот странным причудливым образом. Может быть, он просто не умел по-другому... Но эти, якобы, ободряющие слова произносились таким тоном и с таким тяжелым, разрывающим сердце вздохом, что после них Олеся чувствовала себя последним уродливым ничтожеством и убожеством, не заслуживающим на самом деле ни любви, ни счастья. И после них ей просто хотелось умереть...

ВПОЛНЕ ЗАКОНОМЕРНЫЙ ФИНАЛ

Олеська вовсе не была некоей нимфоманкой, затерроризировавшей несчастного мужика, – это на тот случай, если у кого-то могли возникнуть подобные предположения. Но, тем не менее, она была молодой здоровой женщиной, для которой эта часть жизни представляла интерес. Да, в силу сложившихся обстоятельств, ей приходилось вести достаточно аскетичный образ жизни, но у нее, в силу, возможно, строгого воспитания, не возникало даже мысли об измене. У нее имелся в наличии муж, чувства к которому на тот момент еще не угасли до конца. И ей пока еще очень хотелось нормализовать их отношения и сохранить семью.

И, уютно устроившись вечером под бочком у мужа, с упоением смотрящего какой-нибудь очередной дурацкий фильм, Олеся порой всеми силами пыталась намекнуть ему на то, что это время можно было бы провести с гораздо большей пользой... Иногда Гера в ответ просто делал вид, что не понимает, о чем она говорит, – или даже вообще попросту сразу же притворялся спящим. А иногда, устав, видимо, столь откровенно игнорировать ее намеки, с тяжелым вздохом соглашался: “Ну, если ты хочешь, давай...”

Поначалу Олеся на радостях готова была хоть на уши

встать и выполнить любое пожелание любимого. А он желал лишь одного: чтобы все это побыстрее закончилось. Обычно он при этом даже не удосуживался хоть на секунду оторваться от телевизора и уделить хоть какое-то внимание молодой жене. А зачастую действительно попросту засыпал... Прямо в процессе... И Олеська, придавленная его тяжело обвисшим храпящим телом, поначалу молча глотала слезы, потом начала закатывать истерики, а некоторое время спустя просто вообще отказалась от своих притязаний на выполнение супружеского долга.

При этом Геру нельзя было даже оправдать, например, усталостью на работе, поскольку почти все годы их совместной жизни он находился в вечном поиске чего-то стоящего. Причем, искал он это стоящее, по обыкновению, лежа на диване перед телевизором. А деньги на жизнь он при этом брал у своей мамы, и она почему-то ему их давала. К счастью для самой себя, в первые годы их совместной жизни Олеся не знала об этом. Ей Гера говорил, например, что удачно попал под сокращение и целый год после этого получает ту же самую зарплату на бирже, – или же ему выплатили еще какую-то компенсацию, или еще что-нибудь придумывал. Поначалу Олеся верила. Потом, конечно, узнала о том, что все это время их содержала его мать, но Гера клялся, что просто берет у нее деньги в долг и обязательно отдаст. Через некоторое время Олеся поняла, что никогда он этот долг не отдаст. Но на тот момент все это уже перестало иметь для нее

хоть какое-то значение.

Несмотря ни на что, Олеся была девушкой упертой, и долго не сдавалась, никак не желая признаться самой себе в том, что ее брак потерпел полный крах. Поэтому первую пару лет она изо всех сил пыталась наладить их жизнь, – в том числе, и интимную. Потом выдохлась, и в последующие пару лет лишь тупо отмечала, что между ними ничего не было уже три месяца... пять месяцев... восемь... А по прошествии еще какого-то времени вообще осознала, что они давно уже живут... ну, скажем, как брат и сестра. И дальше так продолжаться не может. Потому что у нее уже был брат, и еще один был ей не нужен в принципе...

К тому моменту, как они прожили вместе лет пять, их не связывало больше ровным счетом уже ничего. Гера годами не работал и денег домой не приносил. Подрастающим сыном, о котором он, якобы, некогда так мечтал, не интересовался от слова вообще. Квартира, в которой они на тот момент жили, принадлежала Олеся и была куплена при помощи ее родителей. Они с Герой стали чужими людьми. А впрочем, почему стали?.. Они всегда были ими. Чужими людьми.

А потом однажды настал такой момент, когда Олеся все это надоело. И она просто вежливо попросила мужа уйти. К маме. И он с такой готовностью выполнил ее просьбу, что это просто могло бы напугать. Он не просто ушел. Он убежал. Прямо в чем был. Не задержавшись на пару минут даже для того, чтобы собрать свои вещи. Хотя в этом Олеся ему

препятствовать не собиралась и даже готова была помочь...

После этого почти два года Олеся просто тихо и мирно жила одна. Работала, воспитывала сына и пыталась забыть странный неудачный брак, как страшный сон. Любовников, кстати, не имела, – просто не чувствовала себя готовой к новым приключениям, да и желания особого не было. Бывший муж не проявлял желания ни вернуться, ни увидеть такого долгожданного сына, ни помочь материально. Его, похоже, полностью устраивало то, как все сложилось. По крайней мере, при случайных встречах, – а жили-то они практически в соседних домах, – он выглядел вполне довольным и счастливым.

А вот саму Олесю с каждым днем эта ситуация напрягала все больше. Ни жена, ни вдова, – вроде бы, пора уже и о новых отношениях помечтать, – а как, если формально она все еще замужем?.. Надо было как-то найти в себе силы окончательно закрыть эту страницу и начать новую. И поэтому однажды, встретив Геру во дворе, она предложила ему подняться в квартиру и серьезно поговорить об их будущем. Почти что бывший муж радостно согласился. Возможно, он рассчитывал на то, что она предложит ему вернуться?.. Как бы то ни было, он, похоже, даже и не догадывался о том, какой сюрприз его ждет...

Дома Олеся не стала ходить вокруг да около, а прямо сказала: “Мы с тобой не живем вместе уже достаточно давно. Я хочу подать на развод. Надеюсь, ты не против?.. Мне не хо-

телось бы десять раз таскаться по судам; будет лучше, если мы просто обо всем договоримся!”

Олеся была на сто процентов уверена в том, что Гера с радостью согласится на ее предложение; они спокойно все обсудят и решат этот вопрос к обоюдному согласию.

А он... Он словно тронулся после этих ее слов.

Не ответив ничего вразумительного, Гера выскочил из квартиры и с нечленораздельными воплями понесся вниз по лестнице. Олеся думала, что он помчался домой. Но, добежав до первого этажа, Гера развернулся и, по-прежнему продолжая вопить, кинулся вверх. Тогда Олеся решила, что он все-таки что-то хочет ей сказать. Но, доскакав до четвертого этажа, – где жила Олеся, – Гера снова развернулся и помчался вниз...

Олеся в недоумении вышла на лестничную площадку, не совсем понимая, как ей следует реагировать на подобное неадекватное поведение бывшего мужа. Тем временем на первом этаже Гера снова развернулся и побежал вверх... При этом он продолжал дико вопить, словно его режут, но слов разобрать было невозможно. Потом опять вниз... Снова вверх... Любопытные соседи, очевидно, привлеченные его криками, начали приоткрывать двери. И это было не удивительно. У них вообще был довольно тихий и спокойный подъезд, и какие-то эксцессы здесь происходили... Да вообще не происходили. По крайней мере, Олеся не помнила ничего впечатляющего.

И поэтому сейчас она, совершенно обалдевшая, с открытым ртом, стояла на пороге своей квартиры и реально не понимала, то ли в милицию начать звонить, то ли сразу в дурку... Когда Гера пробегал мимо нее в очередной раз, – в четвертый!.. – Олеся попыталась его вразумить: “Ты бы угомонился, что ли!.. Не надо позорить меня перед соседями!.. Ты сейчас убежишь, а мне здесь еще жить предстоит!..”

“А-а-а-а-а!..” – пуще прежнего завопил Гера, снова скачиваясь вниз. Олеся по-прежнему с недоумением смотрела ему в след. Она никак не ожидала такой ненормальной реакции от человека, с которым ее два года уже вообще ничего не связывало.

Совершив еще пару пробежек, Гера, видимо, устав, выскочил, наконец, из подъезда. Выдохся, бедолага...

А Олеся долго еще не могла забыть о том, какой цирк с клоунами устроил этот бедный убогий мужчинка, осознавший, что в его паспорте больше не будет вожделенного штампа, подтверждающего его полноценность...

Олеся много лет прожила одна. Работа, сын, – все, как у многих. Как-то незаметно из заморыша в мешковатой одежде, стеснявшегося выйти на улицу, она превратилась в уверенную в себе яркую и эффектную женщину, сумевшую победить все свои комплексы и не боящуюся подчеркивать все неоспоримые достоинства своей фигуры. Время от времени она даже пыталась встречаться с мужчинами, но быстро теряла к ним интерес и расставалась. Без чувств, эмоций и

сожалений. Иногда она любит шокировать знакомых своими заявлениями о скорой смене сексуальной ориентации. Но это вряд ли... Мужчины ее интересуют... Где-то в глубине души. Ну, очень глубоко...

Настолько глубоко, что обычно, в ответ на любые намеки на отношения, она просто говорит: “Я не по этой части!..”

И каждый может понимать это так, как хочет.

МУЖСКОЕ РЕШЕНИЕ

На следующий день после свадьбы Олеся с Георгом поехали в Геленджик. В свадебное путешествие.

В принципе, Олесе там очень понравилось, потому что она в свои двадцать лет в первый раз была на море. И радостные эмоции от этого события перечеркивали все остальное.

Это уже потом, спустя много лет, привыкнув летать за границу, – когда Олесе было уже, с чем сравнивать, – она поняла, что тот санаторий, где они тогда отдыхали, был весьма далеко от совершенства. Сервиса никакого не было и в помине, кормили жутко, пляжи были неухоженными, а море очень грязное, – просто пугающе грязное... Плюс, – постоянные проблемы с водой, – как, похоже, и во многих российских южных городах, где до сих пор нет опреснительных установок, а вода завозится на машинах с цистернами, которые, по неизвестной причине, вполне могут целых три дня не приехать. Именно так и случилось во время их отдыха. И трое суток воды просто вообще не было. Никакой. А в остальное время ее давали на пару часов в день по расписанию, и нужно было еще суметь успеть ею воспользоваться...

Но тогда все это для Олеси не имело ни малейшего значения. Она была просто безумно счастлива, как, наверное, и любая новоиспеченная новобрачная. Она, наконец-то, вышла замуж за любимого человека; они находились в свадеб-

ном путешествии, наедине, – и жизнь была прекрасна!..

Олеся с Георгом много гуляли, ездили на экскурсии, загорали... И... постоянно при этом ругались. Они ссорились так жутко, что временами у Олеси просто крыша ехала от расстройства и разочарования, и ей, после этих скандалов, хотелось попросту бежать из номера, куда глаза глядят...

Именно там, на отдыхе, Олеся вдруг увидела своего Геру совсем с другой стороны. И теперь искренне не могла понять, куда же делся тот дерзкий мачо, обожавший целовать ее прямо посреди улицы, на глазах у всех, – смелый, бесстрашный, невозмутимый, – тот самый, с которым она встречалась целых два года, и за которого вышла замуж по великой любви.

При этом она не могла сказать, что Гера стал относиться к ней как-то иначе... Он по-прежнему, вроде как, любил ее, на руках готов был носить, – да вот только сил на это в его тщедушном тельце не хватало... Кроме того, он почему-то ежесекундно извинялся перед ней за каждый свой шаг, за каждое слово, за каждое действие... Получалось, что он просто, не переставая, почему-то постоянно просил у нее прощения по поводу и без повода, – что в девяносто девяти процентах случаев вызывало у Олеси только недоумение, и было, признаться начистоту, весьма утомительно. Она просто очень быстро устала, как попугай, твердить раз в тридцать секунд:

– Я не сержусь на тебя! Я не сержусь!.. Я не сержусь!..

На самом деле, это был просто какой-то детский сад “Ромашка” группа “Василек”...

Нет, Георг вовсе не изменился. На самом деле он всегда таким был. Просто Олеся, наконец-то, посмотрела на него с другой стороны. И ей совершенно не понравилось то, что она увидела.

Период ухаживаний остался позади. Теперь они были законными супругами и находились вместе двадцать четыре часа в сутки. И то, что, возможно, казалось милым и трогательным во время конфетно-букетного периода, неожиданно вдруг стало раздражать.

Похоже, просто изменилась в действительности сама Олеся.

Гера по-прежнему был очень хороший, славный, милый, добрый, ласковый... Ну, просто зайка в пушистых тапочках!.. Но... Он вообще не был мужчиной. Ни в каком смысле этого слова.

И дело было даже не в том, что он совершенно не устраивал Олесю, например, в постели, хотя все, что было связано с их интимной жизнью, представляло собой одно сплошное разочарование. Так много было ожиданий и надежд на протяжении двух лет, в течение которых они встречались, и так мало оказалось на самом деле... Но основная проблема была даже и не в этом. Бог с ней, с интимной жизнью, – в конце концов, тогда еще Олеся искренне верила в то, что в этой сфере у них все непременно наладится; нужно лишь только

обоим постараться и приложить некоторые усилия. Но вот как вообще заставить Геру играть роль мужчины в их паре, – это оказалось для Олеси одной сплошной загадкой.

С первых же дней их супружества эту роль ей поневоле пришлось взять на себя. Она принимала какие-то решения, она же придумывала, как воплотить их в жизнь, – а Гера лишь покорно соглашался с ней. Всегда. Во всем. От выбора еды в столовой до каких-то там интимных моментов. Он даже и не пытался проявить хоть какую-то инициативу ни в одной из сфер их жизни, а просто реально ждал, когда Олеся возьмет его за руку и поведет в выбранном ею самой направлении.

И эта его покорность и услужливость вкупе с ежесекундными извинениями встала Олеське поперек горла уже через пару дней, проведенных вместе.

Сразу же, как только Гера стал законным Олесиным супругом, вдруг выяснилось, что он на самом деле очень стеснителен и стыдлив, как красна девица. Почему-то Олесе никогда не приходило это в голову раньше, – особенно, когда он постоянно целовал ее посреди улицы на глазах у всех, и им обоим, похоже, это безумно нравилось. Оказывается, Гера два года просто притворялся, потому что теперь на людях он не мог решиться не то, что обнять Олесю, – а даже просто взять ее за руку. Ему постоянно казалось, что все смотрят на него и осуждают... И он признавался Олесе, что просто стесняется вести себя по-прежнему.

Геря беспрекословно соглашался с любимыми Олеськиными требованиями, даже если они явно противоречили здравому смыслу. Он не показывал какого-либо недовольства и даже и не пытался высказать свое мнение ни по одному вопросу. Он все делал так, как Олеся ему говорила. Он был очень робким, безвольным, покорным и на все согласным...

И Олесе хотелось просто взвыть в голос при виде этого дрожащего существа, бывшего отныне ее мужем. Признаться честно, она немного не так представляла себе роль мужчины в семье!..

А самым шокирующим для Олеси оказалось то, что он постоянно открытым текстом говорил ей о том, что боится ее... И это заявлял мужик, который был почти на десять лет старше ее, двадцатилетней малолетки!.. Ну, прямо хоть стой, хоть падай!.. Для нее эти его слова, произнесенные в первый раз, прозвучали просто громом небесным. Олеся никак не в силах была осознать, что так ошиблась в этом человеке. И сейчас она не могла понять только одного: почему же он скрывал это от нее целых два года?..

Если бы она только заподозрила раньше, что вызывает у своего возлюбленного такой просто панический страх, – да она никогда даже и не посмотрела бы в его сторону!.. Но он честно долгое время зачем-то пытался убедить ее в том, что он – этакая крутая помесь Шварценеггера и Брюса Уиллиса, и она, по глупости и наивности, целых два года верила в это!.. А теперь перед ней вдруг оказался дрожащий всем те-

лом ребенок, который, размазывая слезы и сопли по лицу, – в буквальном смысле, без преувеличений!.. – говорил:

– Да я просто боюсь тебя!..

И она вообще не понимала, как ей следует реагировать на это...

После свадьбы все движения и повадки Геры стали какими-то другими, даже его голос, который прежде был раскатистым басом, тоже вдруг изменился и приобрел какие-то визгливые бабьи интонации... А что?.. Отныне они с ним были мужем и женой. Между ними теперь все было честно и законно, – со штампом в паспорте, именем Российской Федерации!.. – как некогда говорила Олеськина бабушка. И у Геры больше не было необходимости завоевывать Олесю и изображать из себя Сильвестра Сталлоне в роли Рэмбо... Он просто расслабился и стал, похоже, самим собой, – таким, каким он и был на самом деле. А Олеська его с этой стороны просто никогда еще не видела...

Первый шок она испытала уже на второй день пребывания в санатории. Это было еще до всех их многочисленных ссор. В тот вечер Олеся лежала на кровати, лицом к стене, и читала книгу. Георг ходил по номеру, – взад – вперед. Они с ним разговаривали, и, хотя Олеся не оборачивалась, она, разумеется, хорошо слышала его голос, шаги, какие-то другие звуки, производимые им при движении... И в какой-то жуткий момент у Олеси вдруг появилось ощущение, что там, за ее спиной, у окна, стоит... женщина...

Олеся даже вздрогнула и в ужасе обернулась. В комнате было уже слегка темновато, – верхний свет они еще не включали, а над Олесиной кроватью горел светильник, при котором она читала. И в этом полумраке контуры фигуры мужа показались ей какими-то расплывчатыми, незнакомыми... И Олеся вдруг словно прозрела... Она как будто впервые увидела действительно довольно-таки женоподобную фигуру мужа, его реально женственные движения, совершенно не свойственные мужчинам, отдающие какой-то чисто бабьей суетливостью... Создавшееся впечатление усиливал его голос... Просто до мурашек... Вообще-то, у Геры был довольно густой бас, который до их свадьбы грохотал порою так раскатисто, что Олеся даже стеснялась перед окружающими и порой чуть ли не умоляла его говорить потише... И она так и не смогла понять, куда все это делось впоследствии. Стоящий у окна человек говорил быстро, запинаясь, перескакивая с одного на другое. При этом он слегка шепелявил, – чего Олеся никогда за ним раньше не наблюдала, – и в его речи явно проскальзывали визгливые бабьи интонации, которых она тоже никогда прежде не слышала. Даже странные выражения, появившиеся вдруг, словно ниоткуда, в его лексиконе, были присущи не мужчинам, а именно женщинам. Причем, очень пожилым женщинам...

И в этот миг Олесю словно ударила молния озарения. Господи Боже, помоги!.. Прямо перед ней, в облике ее любимого и такого желанного еще недавно мужа, стояла его преста-

релая мама, Лидия Георгиевна!..

Олесю разом прошиб холодный пот. Она помотала головой и невероятным усилием воли попыталась прогнать это нелепое наваждение. Ведь это же был ее Гера, ее любимый и обожаемый муж, о котором она столько времени мечтала, о котором буквально грезила наяву целых два года, и который теперь принадлежал ей!..

На какой-то момент ей это даже удалось. Гера снова приобрел прежние очертания. Но только на какой-то момент...

Олеся и сама так никогда до конца и не поняла, почему она так резко сразу же после свадьбы вдруг увидела своего мужа совершенно с другой стороны. Самое главное, что она даже не могла бы сказать о нем ничего плохого. Она по-прежнему, даже тогда, все еще считала, что безумно любит его, но... О Господи, ну, как же сильно он ее раздражал!.. Он бесил ее просто до истерики. И она ничего не могла с собой поделать...

На пляж Гера отправился в брюках, рубашке и ботинках. Олеся тщетно пыталась объяснить ему, что это, по меньшей мере, не совсем разумно. Тем более, что, специально для поездки на юг, они купили ему футболки, шорты и сланцы. Но оказалось, что Гера слишком интеллигентен, чтобы одеваться, как все остальные парни жарким летом в южном городе... На экскурсии он соглашался поехать только потому, что Олеся очень сильно на этом настаивала, – сам он охотнее всего проводил бы время в номере. Но он, разумеется, послушался

жену и сразу же заставил ее пожалеть об этом.

По совершенно непонятной и необъяснимой причине, во время экскурсий Гера постоянно падал, спотыкаясь реально на ровном месте, вечно за что-то запинался и зацеплялся за каждую ветку, попадавшуюся ему на пути. Интеллигентские брюки и рубашки рвались, будто сами собой, ботинки тоже можно было выбрасывать после первой же поездки. Он был настолько неуклюж, что Олеся в ужасе за голову хваталась. В той же самой первой поездке при очередном падении он умудрился даже погнуть толстое обручальное кольцо, что вообще-то было просто невысказано... На фоне других парней, встречающихся им на пути, с их пивом, сигаретами, развязными манерами и крепкими словечками, он выглядел трясущимся неловким вечно испуганным подростком, с ужасом шарахающимся от любого дуновения ветерка... И у Олеси просто волосы на голове шевелились, когда она смотрела на него...

Невольно сравнивая его с другими парнями, Олеся с горечью осознала, что совсем не таким представляла себе своего мужа в розовых девичьих мечтах, и хочет теперь совершенно другого. Того, что Гера просто не способен был ей дать...

Дело в том, что Олеся выходила замуж за мужчину, рассчитывая уютно облокотиться на его крепкое мужское плечо. А теперь у нее появилось ощущение, будто она усыновила маленького беспомощного безумно напуганного ребенка.

А она на тот момент как-то еще совершенно не была готова к тому, чтобы стать матерью для него...

На пляже в первый же день выяснилось, что Гера просто панически боится воды. Он и раньше рассказывал Олесе, что не умеет плавать, но она как-то пропустила это мимо ушей и не восприняла всерьез. Ее тоже едва ли можно было назвать пловчихой года, – так, на воде могла держаться, – и то хорошо. И она искренне полагала, что Гера, говоря о своем неумении плавать, имеет в виду что-то подобное.

Все оказалось гораздо хуже. Придя на пляж в отнюдь не пляжной одежде, Гера наотрез отказался раздеваться, потому что выяснилось, что он вообще не собирался купаться, – а загорать – тем более, потому что он, оказывается, попросту... стесняется. Олесе пришлось чуть ли не силой заставлять его, попутно пытаясь объяснить, что люди ездят к морю именно для того, чтобы купаться в нем. Но самый большой подвиг, на который Гера отважился, – это зайти в воду по колени, – да и то после долгих тщетных уговоров, ругани и даже угроз со стороны Олеси, которая упорно не желала понимать, что все это очень даже серьезно. Она опять же практически насильно сумела затащить его на метр в море, и у него тут же началась чисто бабья истерика с криками и слезами. Он безумно испугался. Он вопил на весь пляж, что Олесея хочет его утопить... А Олесея смотрела на него и на полном серьезе обдумывала, не пора ли ей самой утопиться от такой жизни...

Стоило, право, ехать к морю в свадебное путешествие!.. Лучше уж было остаться дома и не позориться!..

Больше того, Гере почему-то постоянно казалось, что сама Олеся тоже вот-вот упадет в воду и утонет, – хотя она-то как раз плавать умела, хоть и не шибко хорошо. Но для Геры это стало просто идеей фикс. Когда Олесе все-таки удалось затащить его на экскурсию на катере, – довольно большом, надо заметить, и с виду весьма надежном, – он начинал вопить и биться в истерике, едва она только бросала взгляд за борт. Подходить к перилам она даже и не пыталась, потому что реально опасалась за психику своего мужа, хотя упасть в воду у нее, – ну, реально, – не было ни малейшего шанса. Но Гера считал, что она нарочно подвергает себя опасности, чтобы поиздеваться над ним, и ей пришлось смириться и наблюдать за окружающим пейзажем откуда-то из глубины палубы...

Кстати, Гера вообще вечно чего-то боялся. По его словам, им со всех сторон грозили какие-то невысказанные беды, и он буквально сходил с ума от того, что Олеся упорно не желала воспринимать все эти его предупреждения всерьез. Он искренне был уверен в том, что все окружающие их люди только и ждут случая, чтобы напасть на них, ограбить и убить... Олеся уже откровенно крутила пальцем у виска в ответ на его предостережения. Но Гера был уверен, что буквально с минуты на минуту с ними должно случиться нечто ужасное, и избежать этого можно было, только сидя в номере, забив-

шись под стол и дрожа там от страха... Да и то шансов на спасение почти не было...

К ужасу Олеси, ее милый интеллигентный супруг, который обещал ей звезду с неба достать, на поверку оказался существом совершенно неопределенного пола, – вечно трясущимся, всего боящимся и постоянно начинающим плакать по поводу и без повода... И это, наверное, тоже оказалось для Олеси одним из самых шокирующих моментов в их отношениях...

К концу первой недели их совместного отдыха, обернувшегося непрекращающимся кошмаром, Олеся жалела лишь об одном: о том, что она фактически купила кота в мешке. Ей нужно было изначально наплевать на все предрассудки, традиции и чужое мнение и, вместо того, чтобы, сломя голову, нестись в ЗАГС, просто уговорить Георга снять квартиру и попробовать сначала попросту пожить вместе без регистрации. Она ушла бы от него уже через несколько дней. И он сам, похоже, изначально прекрасно понимал это, – ведь все-таки, что ни говори, а он был дипломированным психологом. А сейчас в Олесином паспорте стоял штамп, и ей казалось, что деваться уже некуда...

В принципе, Олеся позже никогда и не скрывала, что во всей этой ситуации, наверное, целиком и полностью была виновата именно она. Гера был хорошим... Он был слишком хорошим для того, чтобы она могла нормально жить с ним. Просто до тошноты милым и до приторности славным... Вот

только ей надо было от этой жизни совсем другое. Ей требовался обычный нормальный взрослый мужик, способный взять на себя ответственность за свою семью. А Гера... Он только всего боялся и плакал... И это сводило ее с ума...

И без того кошмарная ситуация осложнилась еще и тем, что у Олеси произошла задержка. Причем, она так никогда и не поняла, как это получилось. При всей своей наивности, она не была полной дурочкой, не знающей, откуда берутся дети. И, поскольку у нее пока не было намерений заводить их, они с Герой предпринимали все возможные меры предосторожности и даже перестраховывались. Но юмор ситуации был в том, что, судя по сроку, она должна была забеременеть за месяц до свадьбы. А такое было невозможно даже чисто теоретически, поскольку от поцелуев дети, вроде как, не заводятся...

Очевидно, на нервной почве, – из-за подготовки к свадьбе и кучи сопутствующих проблем, – у нее произошел какой-то сбой в организме. Такое случилось, кстати, впервые, – и, как назло, именно в этот момент. Ребенок родится у нее ровно через девять месяцев после свадьбы, день в день, а Олеське всю беременность придется доказывать врачам, что срок у нее на четыре недели меньше, чем они ставят ей в документах, потому что она могла забеременеть только после свадьбы. И она долго еще будет помнить, как они при этом смотрели на нее, – словно прекрасно понимали, что она все врет, но, как истинно воспитанные и интеллигентные люди, не вы-

сказывали эти свои предположения вслух. Но сама-то Олеся, к сожалению, точно знала, что других вариантов быть не может, – даже чисто гипотетически!.. Ведь ей так и не удалось совратить своего мужа до свадьбы, – как бы ни пыталась она это сделать!..

Мысль о возможной беременности тогда просто повергла ее в состояние шока. Она и не скрывала никогда, что совершенно пока не готова была к этому. Да и, если уж посмотреть правде в глаза, дело сейчас было даже и не в ее неготовности к предстоящему материнству!.. Ведь, как справедливо отмечала еще до свадьбы ее милая будущая свекровь, у них с Герой, в буквальном смысле слова, не было ни кола, ни двора. Вся мизерная Олескина зарплата полностью уходила на оплату съемной квартиры, – и это они еще задешево ее снимали, у знакомых. На деньги, которые получал Гера, они едва – едва смогли бы прокормиться сами. И позволить себе сейчас в этой ситуации еще и ребенка просто не было никакой возможности. Расходы вырастут, зарплата Олесиной в декрете не будет, – и как вообще им тогда жить?.. Но, в то же время, об аборте она не могла даже и думать серьезно, потому что просто смертельно боялась его последствий...

Первый тест на беременность, купленный ими еще на отдыхе, показал отрицательный результат. Да иначе и быть просто не могло!.. Олеся вздохнула спокойно и, вроде бы, воспрянула духом... Но напрасно. В конце смены они купили еще один тест, и он тоже почему-то оказался отрицатель-

ным. При этом Олеся прекрасно себя чувствовала и не замечала ни малейших признаков беременности, – если бы вот только не огромная задержка, на которую уже невозможно было закрывать глаза...

Через две недели, давно уже вернувшись домой, они купили еще один тест. И вот только он, наконец-то, показал положительный результат...

Олеся рыдала сутки, в голос, не в силах успокоиться, не зная, как теперь быть, и что делать дальше. А Гера все это время просто сидел рядом, смотрел на нее с ужасом и беспомощно хлопал своими коровьими глазами, будучи, совершенно очевидно, просто не в состоянии сказать ничего разумного. Сквозь неистовые рыдания, Олеся пыталась ему объяснить, что очень боится первого аборта, но они просто никак не могут позволить себе сейчас ребенка, потому что не сумеют его прокормить. Она и сама не понимала, чего ожидает от своего мужа, и на что вообще рассчитывает. Она просто надеялась, что он хоть что-то придумает, примет хоть какое-то решение, которое позволит ей понять, как жить дальше. Но напрасно. Она так и не дождалась от своего супруга ничего путного и разумного. Он лишь тупо повторял время от времени:

– Ну, что ты так плачешь?.. Как ты скажешь, так и будет!.. Я приму любое твоё решение!..

Ничего больше членораздельного он, похоже, сказать был не в состоянии...

А Олеське, все еще ожидающей, что ее муж станет, наконец, мужчиной, просто хотелось, чтобы он стукнул с размаху кулаком по столу и рявкнул на нее:

– Так, прекратить истерику!.. Раз так получилось, значит, будешь рожать!.. С деньгами разберемся!.. Я все решу!..

Или, хотя бы, пусть сказал бы по-другому:

– Да, мы никак не можем сейчас позволить себе ребенка!.. Поэтому сделаешь аборт!..

А он, вместо этого, сидел рядом и тоже тихонько плакал вместе с ней...

А Олеське хотелось закричать, что это она готова была принять любое его решение! Она хотела услышать от своего мужа хоть что-то внятное и разумное. Но это было несбыточное желание. И его беспомощно хлопающие ресницами тупые глаза вызывали у нее новый приступ истерики, потому что она прекрасно понимала уже тогда, что с этим человеком у нее нет никакого будущего...

Наревевшись вдоволь, Олеся на следующий день поехала к врачу, и он подтвердил беременность. Она сказала об этом маме, – потому что больше посоветоваться ей было попросту не с кем, а на разум своего мужа ей рассчитывать больше не приходилось.

И слава Богу, – но хотя бы со стороны мамы не было ни истерик, ни обмороков, ни причитаний об отсутствии колов и дворов, – и уже за одно это Олеся была безумно ей благодарна. И ни о каких абортах, разумеется, тоже даже и речи не за-

шло. Мама восприняла беременность дочери, как нечто совершенно нормальное и естественное, и тут же начала строить планы на будущее. И Олеся сразу же успокоилась.

Что ж, получилось, конечно, не совсем удачно, – но ведь все уже случилось, и действительно рыдать и корить себя за неосторожность уже не имело смысла. Очевидно, если ребенку суждено появиться на этот свет, то это случится, вопреки всему и несмотря ни на что. Да, самой Олесе ребенок сейчас, вроде как, был совершенно ни к чему. Но он уже существовал, и от этого факта никуда было не деться. Оставалось только принять его и постараться найти в этом что-то положительное.

И Олеся так и сделала.

На тот момент она даже не смогла бы сказать, хочет она вообще этого ребенка или же нет. Но он уже был. И она восприняла это, как должное.

А ее муж принял это ее решение. Поскольку принимать собственные он так никогда, к сожалению, и не научился.

МАМА ПЛОХОГО НЕ ПОСОВЕТУЕТ...

Олеся твердо знала, что мама всегда хотела для нее всего самого лучшего. Да и как может быть иначе?.. Думать по-другому было бы просто кощунственно. Да и сама мама всегда все свои поступки, даже не самые благовидные, оправдывала именно своими благими намерениями. И Олеся с пеленок привыкла ей верить.

Маме никогда не нравились ее подружки. Она и не скрывала, что все они, разумеется, не достойны ее дочери. На мамин придирчивый взгляд, все они были не слишком умными или воспитанными, многие из них действительно были из неблагополучных семей, с необразованными неотесанными родителями... Естественно, они могли научить Олесю плохому, и она, хорошая начитанная девочка с проблесками интеллигентности, под их влиянием могла бы измениться в худшую сторону.

Причем, мама вела себя очень по-умному, – как опытный манипулятор, о которых тогда еще даже и не знали. Она никогда не запрещала Олеске дружить с не нравящимися ей девочками. Просто она очень навязчиво, по поводу и без повода, постоянно упоминала об их многочисленных недостатках, – теперь уже и не понятно, реальных или вымышленных.

И Олеська, разумеется, как хорошая и послушная дочь, не могла не прислушиваться к маминым советам, а потому переставала со временем с ними гулять и сидела дома в гордом одиночестве.

Господь Бог был не слишком разумен, зачем-то дав Олеське яркую и красивую внешность. И мама, глядя на взрослеющую и хорошеющую с каждым годом дочь, разумеется, очень переживала, как бы ее не обидели плохие мальчишки, а позже – мужчины. Поэтому она и не могла допустить, чтобы дочь носила короткое или обтягивающее, – то, что могло бы соблазнить представителей сильного пола и заставить причинить ей вред. В какой-то степени, это было даже разумно со стороны любящей матери, но только вот методы, которые она использовала при этом, вызывали большие сомнения...

Опять же, нельзя отрицать, что она делала все это очень деликатно, – так, что не подкопаешься. Она даже и не пыталась запрещать Олесе одеваться в вызывающую одежду, – ведь та могла бы, рано или поздно, воспротивиться запретам и пойти наперекор маме. Она просто сознательно, чуть ли не с колыбели, возвращала в дочери чудовищные комплексы, которые в дальнейшем позволили без труда манипулировать ею. Олеся свято верила в то, что у нее слишком толстые ноги, которые необходимо было маскировать, а также чересчур широкие бедра, которые тоже нужно было как-нибудь прятать. Про Олеськины волосы, похожие, по словам мамы, на гриву у клоуна, – слишком пышные и торчащие в разные

стороны, – вообще говорить не приходилось. Олеське стоило больших трудов тщательно зачесывать их и закреплять, ведь их не выдерживала ни одна заколка. Но вот ведь беда, – с распущенными волосами ей можно было ворон на огороде пугать, – а головка порядочной девушки всегда должна выглядеть аккуратно...

И косметикой Олеся практически не пользовалась, потому что не хотела выглядеть вульгарно, как проститутка...

Кстати, просто для сведения, – у Олеси был объем талии – шестьдесят сантиметров, а бедер – девяносто. Почти модельные параметры, надо заметить, – только верх чуть-чуть подкачал и не дотянул до необходимого. Не удивительно, что такую неудачную фигуру необходимо было прятать и тщательно скрывать...

Так же не удивительно было и то, что мальчишки практически не обращали на Олеську внимания. Далекое не все обладали стопроцентным зрением и умудрялись что-то разглядеть под бесформенным балахоном и ортопедическими туфлями, – для тех, кому далеко за... А те, кому это все-таки удавалось, разумеется, были не парой для Олеськи. И мама, с высоты своего жизненного опыта, ясно это видела. А дочь, – до поры, до времени, – свято ей верила...

Безумная Олеся, по молодости и глупости, мечтала поступить в МГУ на факультет журналистики. Это ж надо такое удумать!.. Разве ее мама могла допустить, чтобы ее неразумная дочь уехала в большой город и жила там в общежитии?..

Там ее будет очень трудно контролировать, – а мама же переживала за нее... Поэтому она велела дочери не рыпаться и поступить в ближайший к дому техникум. И Олеся, в очередной раз, послушалась ее, – ведь мама же хочет, как лучше, и плохого не посоветует...

Олеська вбила себе в голову, что мечтает о журналистике. Мама, между делом, давала ей понять, что это – совершенно безумная идея. Посмотрим правде в глаза, – разве эта профессия подходит для порядочной девушки?.. Да ни в коем разе!..

У мамы для своей дочурки была заранее заготовлена другая голубая мечта. Она искренне считала, что та должна работать в детском садике. Дело в том, что мама, якобы, всегда очень любила детей и мечтала с ними работать, – но не сложилось. А мечта осталась. Вместе с осознанием, что это – самая подходящая работа для ее дочери.

Возможно, мама и любила маленьких детей, – хотя, на проверку, это было весьма сомнительно... Но не нам судить. Гораздо важнее то, что Олеся, – да простит ей Господь Бог!.. – их ненавидела. И при этом даже и не скрывала, что совершенно не понимает общепринятого всеобщего умиления сопливыми младенцами, поскольку сама их просто органически не переваривала... Мама считала все это некой блажью, которую дочь обязательно перерастет и поймет, как это здорово – возиться с малышами... Олеся, в буквальном смысле слова, боялась грохнуться в обморок от дикого ужаса

при одной только мысли о подобной чудесной перспективе... Она на многое была готова ради своей мамочки, но предел все-таки существовал, и здесь он был где-то уже очень близко...

Но случилось чудо, – иначе это просто никак нельзя было объяснить. Олесю взяли на работу в небольшую газетенку. Без образования, без опыта, – просто оценив, как она может и умеет писать. Это был действительно чудесный шанс, и Олеська ухватилась за него обеими руками...

Мама на какое-то время просто тихо отошла в сторонку, наблюдая, что из этого выйдет. Успехи дочери ее вовсе не радовали, но она мудро пыталась скрыть это. Она была уверена, что долго эта эйфория не продлится, и у нее еще будет шанс подобрать для дочери подходящую ей работу.

Она оказалась совершенно права. В редакции газеты Олеся проработала год. А потом возникли проблемы. Настолько серьезные, что пришлось уволиться...

И мама моментально воспользовалась этим, подсуетившись и пристроив дочь, наконец-то, в ближайший детский садик. Уборщицей на полставки...

Это была, несомненно, очень подходящая работа для двадцатилетней девочки, мечтающей об учебе, славе и мировой известности... Но мама была счастлива. Ведь она же хотела, как лучше. А то, что самой Олесе хочется забиться в угол и выть по-волчьи от ужаса... Так это уже ее проблемы!.. Никто не виноват в том, что она – неблагодарная идиотка...

А потом Олеся еще и влюбилась сдуру. Мама была против этого руками и ногами и сопротивлялась пагубной увлеченности дочери изо всех сил. Ведь она-то с самого начала отлично видела, что избранник дочери совершенно ей не подходит и, разумеется, не стоит ее мизинца... Хм, – и в общем-то, в кои-то веки, здесь она действительно оказалась права...

Но только вот глупая Олеся, впервые за всю свою недолгую покорную жизнь, пошла против мнения мамы. И, – как этого и следовало ожидать, – совершила страшную ошибку, о чем мама не ленилась практически ежедневно напоминать ей на протяжении последующих пяти лет. Из всего этого Олеся извлекла хороший урок, – а главное, лишний раз получила доказательства того, что маму надо слушаться. Она всегда права; она плохого не посоветует...

В последующие годы, – при помощи и безоговорочной поддержке мамы, – Олеся сменила очень много работ. Все они были, на мамин взгляд, совершенно не ее уровня и не заслуживали того, чтобы дочь ими занималась. Чуть что, – при возникновении хоть каких-то проблем, – мама сразу же категорически заявляла: “Увольняйся!.. Нечего тебе там делать!..”

И Олеся, разумеется, больше не смела ее послушаться. Ведь она знала, что мама желает ей только добра...

И поклонников, кстати, через Олесину жизнь прошло немало. Но все это было совсем не то. Маме со стороны,

естественно, было виднее, и теперь, после своего не слишком удачного замужества, Олеся не могла ей не верить.

А потом случилось нечто страшное...

Олеся всегда знала, что мама не испытывает каких бы то ни было особых эмоций по отношению к ее сыну. Да, да, – та самая женщина, которая громогласно вопила о своей великой безудержной любви ко всем младенцам мира, и которая едва не теряла сознание от восторга, если рядом оказывался очередной сопливый цветок жизни, с полнейшим равнодушием взирала на собственного внука, не испытывая, похоже, по отношению к нему равным счетом ничего. Олесе было очень обидно, – но что же делать!.. Ведь мама желала ей только добра, – и подрастающий мальчишка, который почему-то всегда казался ей своевольным и строптивым, к сожалению, совершенно не вписывался в ее понятия о благополучной дальнейшей судьбе дочери...

И для нее даже не имел ни малейшего значения тот факт, что Олеся прекрасно ладила со своим сыном, и что у нее не было с ним никаких особых проблем. Просто на каком-то этапе жизни собственного внука любящая мама и бабушка пришла для себя к окончательному выводу, что этот ребенок совершенно не подходит ее дочери. И она принялась ожесточенно муссировать эту тему, пытаясь убедить в этом свою непутную упертую дочь и объяснить ей, что у нее все еще впереди, что она еще родит себе другого ребенка, нормального, поскольку этот, с точки зрения Олесиной мамы, полу-

чился вообще неудачным... И надо с ним что-то делать...

И вот тут вопрос встал ребром...

Да, Олеся без проблем переставала общаться с подругами, – потому что, посмотрим правде в глаза, по настоящему близких отношений у нее не было ни с кем из них и до нелюбимой маминной характеристики. Она расставалась с мужчинами, – прекрасно осознавая при этом, что не влюблена и, в принципе, попросту не заинтересована в продолжении отношений. Олеся, по указанию мамы, меняла работы, – так она просто не могла пока отыскать дело действительно себе по душе. Все это было не принципиально, на самом деле, – поэтому она и делала с легкостью все то, что требовала от нее мама. Но в данном конкретном случае Олеся реально не понимала, что хочет от нее ее дорогая мамочка. Ведь, даже если бы Олеся и пошла у нее на поводу, – что она могла бы сделать с собственным ребенком?.. Для аборта уже все сроки были упущены, надо заметить... Так что же теперь?.. Сдать его в приют?.. Выгнать из дома?..

Усыпить, как ненужное животное?..

Она действительно так и не поняла, чего конкретно мама пыталась добиться своим поведением.

Олеся сдалась не сразу. Она еще много лет изо всех сил пыталась навести мосты между собственным сыном и собственной мамой, искренне надеясь на то, что ей все-таки удастся примирить их между собой. А точнее, – что у нее получится как-то объяснить маме, что этот ребенок, – каким

бы неудачным он ей на самом деле не казался, – тем не менее, является Олесиным сыном; она любит его и избавляться от него тем или иным способом не собирается.

Но однажды ситуация все-таки вышла из-под контроля. И Олесе пришлось сделать свой выбор.

Сейчас ее сын сам давно уже стал взрослым человеком. И замечательный, кстати, парень получился, – Олеська действительно считает его своей надеждой и опорой.

А вот что касается мамы... То Олеся искренне желает ей счастья, благополучия и долгих лет жизни. Только где-нибудь подальше от них...

В конце концов, – ведь она же всегда желала своей дочери только добра. Вот и пусть сделает доброе дело, – и никогда больше не появляется на горизонте!..

ОН ЖЕ ЮРА, ОН ЖЕ ГОГА, ОН ЖЕ ЖОРА...

Олесинуому сыну было примерно десять лет, когда его отец, незабвенный Олесин бывший муж, женился во второй раз. Саша случайно узнал об этом, увидев у бабушки, с которой он тогда общался, свадебные фотографии. Еще через год в той семье родилась девочка. Естественно, об этом они тоже знали только по слухам, так как их папа не считал нужным общаться с сыном, но речь сейчас идет даже и не об этом. Как раз в те годы бабуля со стороны папы иногда изъявляла желание “подружить” с “внучком”. В принципе, это именно она зачем-то рассказывала ему о папиной свадьбе и даже фотографии показывала, громко восхищаясь чудесными новобрачными. О том, что у нее родилась любимая внучка, бабуля Саше тоже сообщила. А еще у нее хватало ума хвататься перед внуком папиными подарками, – такими, как шикарный телевизор 3D во всю стену или мобильный телефон. Признаться честно, это было не слишком разумно со стороны славной доброй бабули. Ведь ее чудесный сынок, приобретавший для мамочки такие шикарные подарки, при этом никак не способен был наскрести на алименты, – и Олеся с Сашей прекрасно все это видели и понимали. Но счастливая бабуля не могла никак уразуметь, что таким образом

подставляет любимого сыночку, а сама Олеся была слишком гордой, чтобы попытаться поймать ее на этом и попробовать использовать это против бывшего мужа. А еще ей было просто противно.

Но речь сейчас даже и не об этом.

Мобильные телефоны появились на тот момент в их городе буквально недавно и были еще далеко не у всех. И тот гаджет, который их папуля презентовал своей мамочке, как выяснилось, ранее некоторое время принадлежал ему самому. А потом он купил себе новый, а этот отписал мамуле. И радостная бабулька, желая похвастаться перед одиннадцатилетним ребенком своим заботливым сынишкой, зачем-то дала ему им поиграть. И Саша, разумеется, изучил его вдоль и поперек.

Домой в этот день Олесин ребенок пришел в весьма задумчивом состоянии.

– Мам, ты представляешь, – поделился он с Олесей, – у папиного ребенка, оказывается, уже есть свой телефон!

– Ну, это вряд ли!.. – рассмеялась Олеся. – У них ребенку еще и года нет!.. Он и говорить-то еще не умеет, – как он будет пользоваться сотовым телефоном?..

– Папа подарил бабушке свой старый телефон. Я посмотрел его контакты. И там на самом деле есть ребенок!

– Да ладно!.. – изумилась Олеся. – А как ты понял, что это его ребенок?..

– Так там написано: “Малыш”!

Давненько Олеся так не смеялась, как в тот день!..

Когда-то давным-давно, еще на самой заре их отношений, Олесин возлюбленный просто обожал называть ее всякими милыми ласковыми прозвищами. Кем только она у него ни была в те времена!.. И Мышонком, – это был его самый любимый вариант, – и Заинькой, и Кошечкой, и Кисонькой. Ну и, конечно же, Малышом!.. Это же классика жанра!.. Куда же без этого?..

Олеське все это изначально, признаться честно, как-то не слишком нравилось. Она, вообще-то, с детства не выносила все эти уси-пуси, – ну, просто терпеть не могла!.. А возможно, все дело в том, что ее родители никогда не сюсюкали с ней, – это вообще было как-то не принято в их семье, – и Олеся просто не привыкла к такому обращению. Поэтому и воспринимала его буквально в штыки.

Да и характер у нее, признаться честно, был совершенно не подходящий для такого сюсюканья. И она поначалу пыталась возражать. Робко, чтобы не обидеть ненароком своего пламенного поклонника. Но ее милый, в ответ на все Олеськины удивленные вопросы о том, почему он никогда не называет ее по имени, лишь тарачил свои огромные глазищи и уверял, что все это – от большой и великой любви к ней. Он, мол, обожает ее настолько сильно, что только лишь подобным образом – ласковыми словечками – может выразить всю глубину своих чувств к ней.

Наверное, Олеся изначально была просто какая-то ненор-

мальная, но даже в эти их лучшие времена, даже в самый разгар их нежной и трепетной любви, все эти “мышки” и “малыши” вызывали у нее лишь зубовный скрежет. Но она мужественно терпела. И молчала. Ну, а как же иначе, – ведь она же так сильно любила своего дорогого, любимого и единственного Гекулечку, – а значит, могла немного потерпеть, чтобы угодить ему. Что же делать, если ему нравится так ее называть, если это доставляет ему такое удовольствие...

Но был один момент, на который Олеся просто не в силах была закрыть глаза. Это было единственное, что она просто категорически отказывалась терпеть, и именно из-за этого они с Герой ругались чуть ли не с самого первого дня. Олеся просто органически не выносила, когда он так обращался к ней на людях, и запрещала ему это делать. Но Гера, по обыкновению, словно и не слышал ее и продолжал вести себя по-прежнему.

Его ежедневный крик через весь салон трамвая: “Мышка, я заплачу за тебя!..” – просто сводил Олесю с ума, приводил в бешенство, и она едва сдерживалась, чтобы не начать орать на него прямо там, при толпе других пассажиров. Но Гера реально был непробиваем. Еще хуже обстояли дела у Олеси дома, когда свидетелями его “великой любви” становились ее родственники. Сидя за общим столом, Олесин милый, по обыкновению, походя, постоянно обращался к ней: “Мышонок!..” Олесину маму просто корежило, когда она слышала это; ее лицо кривилось так, словно она уксуса напилась, – и

потом она ходила с такой вот перекошенной физиономией много дней, – а то и недель, – никогда не упуская случая вставить в разговор с дочерью, словно мимоходом: “Ну, если тебе нравится, что тебя мышью называют!..” И все, что было нежным и, возможно, даже милым в таком вот обращении славного возлюбленного, от резких маминых слов, произнесенных полным отвращения голосом, сразу же становилось грубым, вульгарным, мерзким и даже каким-то грязным. Настолько, что вымыться хотелось. А потом долго и горько плакать...

Поэтому Олеська буквально умоляла своего милого, – со слезами на глазах и чуть ли не на коленях, в прямом смысле, – чтобы при свидетелях, – и в особенности, при ее дорогих родственниках!!! – он называл ее только по имени, без всяких этих словечек...

Но все было напрасно.

Как Олеся поняла, уже став гораздо старше, ее возлюбленному сам этот процесс, – обращаться *так* к ней при посторонних, – явно, доставлял какое-то извращенное удовольствие. Он словно клеймил ее таким вот образом, – а точнее, простите за пошлость, метил. Чтобы никто из окружающих даже и усомниться не посмел в том, что она принадлежит именно ему, что она – его собственность, его “мышка”, и не вздумал претендовать на нее и предъявлять какие-либо права, – даже чисто родственные...

Несколько лет Олеся просто сжимала зубы и терпела весь

этот бред. Она старалась утешить себя тем, что ведь он же не со зла так себя ведет, а от своей огромной любви, которую просто не способен выразить иначе. Она действительно изо всех сил пыталась верить в то, что Гера так сильно любит ее, что просто не может удержаться, чтобы... не назвать ее каким-нибудь ласковым словечком...

Только вот черный юмор данной ситуации заключался как раз в том, что ласково все это вовсе не звучало. И во всех этих, вроде бы, милых прозвищах, произносимых Георгом совершенно походя, на самом деле не чувствовалось ни любви, ни ласки, ни заботы, ни нежности. И звучало все это совершенно по-дежурному, как-то слишком казенно, показушно, наигранно. Из той самой серии, когда многие мужчины, не способные запомнить имена всех своих многочисленных возлюбленных, специально называют их одинаково, чтобы не перепутать ненароком. Зайка там, киска или малышка. Потому что на самом деле, – как это всем известно, – они, все эти женщины, ровным счетом ничего для них не значат, и им все равно, как их называть. Лишь бы не спалиться раньше времени.

Но самое смешное заключалось в том, что у Олесинового дорогого Геры не было других женщин. Да и быть не могло. Это, – к великому сожалению в данном конкретном случае, – было стопроцентно и не подвергалось сомнению. Других девушек у Георга не было ни до знакомства с Олесей, ни во время. Вот таким уж уникальным человеком он был. Так

что, при всем желании, перепутать Олесю хоть с кем-либо он не мог. А вот тот странный и необъяснимый факт, что он действительно не вкладывал ни малейших эмоций во все эти, типа, ласковые и милые прозвища, наглядно доказывали всю неимоверную глубину и искренность его чувств по отношению к его юной возлюбленной...

Олеся подсознательно всегда чувствовала какую-то фальшь во всем этом, но поначалу даже самой себе не могла объяснить, в чем конкретно она проявляется. И поэтому, на заре их нежных и трепетных отношений, да и потом, в первые годы их необычайно счастливого брака, – она мужественно терпела все эти его прозвища. Пока в один прекрасный день, уже на закате их пламенной любви, распсиховавшийся и разозлившийся Георг как-то во время ссоры не ляпнул, что на самом деле он просто терпеть не может ее дурацкое имя, и именно поэтому никогда не произносит его, а всегда называет ее только какими-либо прозвищами. И еще добавил в запальчивости, что, мол, как же должны были ненавидеть Олесю ее собственные родители, если догадались назвать ее таким мерзким и отвратительным именем, которое ему лично противно даже вслух произносить, – не говоря уж ни о чем другом!..

И вот тут Олеся просто выпала в осадок. Подобной развязки событий ей даже и в голову-то прийти не могло. Да такое, честно говоря, в страшном сне приснится, – не поверишь!..

Ее звали Олеся. Всего лишь. В мире существует очень много гораздо более сложных, труднопроизносимых и даже неприятных имен, чем это. Да, глядя правде в глаза, ее имя было на тот момент не слишком распространенным, но при этом очень редким или чересчур уж необычным его тоже сложно было назвать. И это, – не говоря уж о том, что почти каждому человеку нравится его собственное имя, и Олеся тут вовсе не была исключением из правил. И она еще никогда не имела оснований жалеть о том, что ее называли именно так, а не как-то там иначе. Напротив, в принципе, она всегда была очень благодарна своим родителям за то, что хотя бы в этом вопросе они ей по-настоящему угодили.

Но, опять же, – речь сейчас идет даже и не об этом. Весь черный юмор ситуации заключался в том, что весь этот бред произносил человек с весьма и весьма неоднозначным именем *Георг*. Причем, в самом этом имени тоже нет ровным счетом ничего плохого, и Олеся даже полюбила его, – когда полюбила человека, который его носил. Но при этом невозможно отрицать сам тот факт, что это имя очень сложное, и жить с ним на самом деле не так-то просто. Все мы, наверное, помним фильм “Москва слезам не верит”. Он же Гоша, он же Жора, он же Юра, он же Гога... А еще для всех, неизменно, Жорик, Гошастик, Гоня... И, поверьте, это действительно так, и Олесин муж тоже регулярно с этим сталкивался. Каждый из его знакомых старался перещеголять других и назвать его как-то по-особенному. По жизни изощрались

все, – и всем это очень нравилось и казалось весьма забавным. О чувствах человека, носящего такое имя, почему-то никто из его друзей и знакомых даже и не задумывался.

От себя Олеся еще могла добавить, что он же Гера, он же Гек, он же Гекуля, – для особо близких.

В свое время милый Гекулечка открыл ей одну страшную тайну. Оказывается, он до шестнадцати (!!!) лет не знал своего настоящего имени. Его мамуля, незабвенная Лидия Георгиевна, искренне хотела назвать сынишку в честь своего собственного папы – Георгием. Но тут вмешались высшие силы в лице ее собственного дорогого мужа, который оказался большим приколистом и зарегистрировал ребеночка Георгом.

Вообще-то, честно говоря, было даже странно, что ему это удалось, потому что дело происходило во времена Советского Союза. Сотрудники ЗАГСов обычно отказывались регистрировать детей под не совсем обычными именами.

Возможно, тут сыграло свою роль то, что у самого папы Олесиного незабвенного мужа была очень необычная для их мест фамилия – Кохане. Случилось так, что он сам был родом из Приднестровья. Именно поэтому, вероятнее всего, ему и удалось в свое время записать ребенка под таким вот не совсем обычным для их местности именем.

Олеся всегда с некоторым злорадством предполагала, что ее свекровь, незабвенная Лидия Георгиевна, была в шоке от такой выходки своего благоверного. Но почему-то менять

так ничего и не стала, – даже после их развода. Просто-напросто о том, как зовут ее сынишку, не знал, – до поры, до времени, – никто. И уж, тем более, об этом не знал он сам. Даже все его школьные тетрадки были подписаны великим честным именем *Георгий*. И на всех детских фотографиях стояло именно оно. А их многочисленные родственники, которые, наверняка, должны были быть в курсе, молчали, как партизаны.

Вот так милый мальчик Гекуля рос и рос, под неусыпным надзором любящей и заботливой мамочки. Пока ему не стукнуло вдруг шестнадцать лет, и не пришла пора получать паспорт, – ведь в СССР, если кто еще помнит об этом, он выдавался именно в шестнадцать. И вот только тогда Гера узнал, наконец, о том, как зовут его на самом деле.

В принципе, в его случае это ничего не изменило. Ведь Гекуля, – он и в Африке Гекуля...

Так что, в данной ситуации, все это было весьма и весьма неординарно. И Олеся не стала бы уверять, что в свое время была в диком восторге, узнав довольно странное и необычное имя своего избранника. Но каким бы непривычным оно ни было, – это было его имя. Имя ее любимого человека. И Олеся всегда нормально к нему относилась.

И вдруг любимый делает ей такое вот милое заявление!.. В их случае в ответ на это можно было с чистой совестью сказать лишь одно: вот уж чья бы корова мычала, а Гекулина бы помолчала!.. В прямом и переносном смысле!..

И, если перефразировать Гекулино собственное заявление об Олеськиных родителях, то можно было бы сделать один-единственный, но довольно печальный вывод. Это насколько же сильно ему нужно было ненавидеть Олеську все эти годы, чтобы даже к ее имени так относиться!..

Ну, что ж... Ладно... Проехали... Олесья прекрасно все поняла, намотала на несуществующий ус и сделала все соответствующие выводы. И она даже прожила вместе со своим дорогим и любимым мужем еще какое-то время, – прежде, чем окончательно выгнать его. Но только вот с того самого дня любые его “ласковые прозвища”, – да будь они неладны, на самом деле!.. – стали для нее, в буквальном смысле слова, как красная тряпка для быка. И стоило ей только услышать от любящего мужа: “Кошечка, передай, пожалуйста...” – как она тут же буквально начинала вопить:

– Меня зовут Олесья!!!

Признаться честно, Олесью вообще сводил с ума сам тот факт, что человек, сказавший нечто подобное о ее имени, не сделал при этом совершенно никаких выводов для самого себя и по-прежнему продолжал мышкать и кискать. Посмотрим правде в глаза, он, походя, облил дерьмом все самое святое, что только может быть у человека, и даже ни на миг не акцентировал на этом свое внимание. И, спустя всего пару дней после того весьма памятного для самой Олеси разговора, он совершенно искренне не мог понять, что с ней такое случилось, и недоумевал, почему она вдруг стала так

агрессивно настроена по отношению к нему?.. Похоже, он просто вообще даже и не запомнил эту их ссору и не придавал ей особого значения.

Да что там греха таить, – как Олеся поняла уже позже, он, похоже, вообще не придавал значения ничему, что было так или иначе связано с ней. Это просто не входило в сферу его интересов. “Малышка...” – привычно тянул он и тут же недоуменно замолкал после ее оклика: “Я тебе не малышка!!! Меня зовут Олеся!!!” Гера растерянно хлопал глазами, совершенно, похоже, не понимая, что происходит вокруг. И он, бедолага, ну просто никак не в силах был запомнить то, как нужно отныне обращаться к собственной жене...

С тех незапамятных времен, что греха таить, у Олеси появился серьезный комплекс на этой почве. Она теперь просто органически не переносит никаких этих самых дурацких прозвищ. Есть имя: Олеся. Можно Леся, – если вам так уж трудно это выговорить. Но не зайка, не рыбка, не киска, не мышка и уж, тем более, не малышка!.. Оставьте, пожалуйста, весь этот зоопарк каким-нибудь другим милым крошкам!..

И вот так получилось, что теперь, спустя добрый десяток лет, Олеся узнала о том, что их Гекулечка свою новую милую тоже Малышом кличет... Ну, право, что за человек, – ведь просто ни капли оригинальности!.. Хоть бы что-то необычное придумал, не затасканное, что ли... А зовут его нынешнюю жену знаете, как?.. Вот ни за что не угадаете!.. Снежана! **СНЕЖАНА**!!! Красивое, в принципе, имя. Необычное.

Действительно редкое и оригинальное. И сама Олеся против этого имени ничего не имела. Вот только нельзя не признать одного: в произношении оно является даже еще более сложным, чем ее собственное.

Ну, никак вот не везет бедному мужчине с Ленами, Олями и Наташами. Ему по жизни все что-то более экзотическое попадается...

И, если уж милый Гекулечка не в силах был выговорить в свое время имя *Олеся*, то можно только представить себе, насколько непривычным для него является теперь имя *Снежана!*.. Он и так слегка шепелявит, – а на этом имени он, бедняжка, просто язык сломает!..

А еще Олесе всегда было немного интересно думать о том, уж какие же там должны быть прямо-таки жуткие родители, наградившие – или наказавшие – свою дочурку таким вот сложным именем. Если уж ее собственные, догадавшиеся назвать ее всего лишь Олесей, были самими, что ни на есть, дьяволами во плоти, – с точки зрения ее бывшего мужа, разумеется, – ненавидели ее еще в зародыше, и специально решили напакостить ей таким вот диким образом, то уж те мама с папой, которые придумали для своей дочурки имя Снежана, наверное, вообще должны были быть монстрами из фильма ужасов...

Вот так и придется ей, бедняжке, похоже, до старости в Малышах ходить, – в угоду любимому мужу. Интересно, она хотя бы догадывается, что к чему?..

Вряд ли...

“КЛЕЩ” НА СЕРДЦЕ

Нельзя было сказать, что Олеся всерьез верила в сглаз, порчу и все прочее. И больше того, ее всегда удивляли люди, которые искренне верили в это. Такой, например, была ее собственная тетя, которая вечно бегала по каким-то “бабкам”, снимая сглаз, который неизменно кто-то снова на нее накладывал... И, тем не менее, сама наша жизнь иногда создает нам такие ситуации, что начинаешь невольно задумываться над тем, насколько все это может быть реально...

Однажды Олеське все-таки случилось пообщаться с бабушкой, которая, якобы, “лечила руками”. Не известно, насколько хорошо она лечила на самом деле, – по крайней мере, в плане исцеления Олеське она не слишком помогла. А вот психологом она при этом оказалась действительно отменным, и этого у нее было не отнять. Она как-то незаметно сумела разговорить Олеську, и, после этой их беседы, ей действительно немного полегчало. В психологическом плане. Может быть, просто потому, что она получила возможность выговориться, а кто-то ее выслушал и не осудил...

В том числе, эта бабушка и сама рассказала Олеся одну историю, показавшуюся ей довольно занимательной. И даже весьма познавательной.

Эта бабушка поведала, как однажды ее подруга привела к ней своего внука, мальчика лет шести с виду, который вдруг

в один прекрасный момент, ни с того, ни с сего, перестал есть. Еще накануне он с завидным аппетитом уплетал все, что было не приколочено, – а сегодня его вдруг как вырубил. И он вообще перестал есть. Ну, вот хоть убей!.. – не ест, и все!.. Сразу похудел, побледнел, ослаб, прозрачным стал... И бабуля притащила его к своей подруге, умеющей лечить руками, – на исцеление...

А та, посмотрев на бедного мальчика своим внутренним оком, – или как это там у них называется, – сразу же узрела, что у него нарушена аура, – или что-то в этом роде. По ее словам, она увидела, что у него как будто клещ впился в сердце, и высасывает из него все жизненные соки... Естественно, она тут же рассказала об этом бабушке мальчика и объяснила, что его кто-то сглазил. А потом она начала с ним работать, снимать этот самый сглаз, – и это ей, разумеется, в конце концов, удалось. К счастью, сглаз был наложен не сильный, – возможно, кто-то просто сделал это случайно, а вовсе даже и не целенаправленно пытался погубить невинного ребенка.

После излечения, разумеется, мальчик снова стал кушать, окреп, поправился, а его бабушка, после долгих раздумий, догадалась о том, кто именно мог его сглазить.

Оказывается, к ним в дом частенько захаживала ее старая подруга, у которой тоже имелся в наличие внук примерно такого же возраста. И вот, глядя, как этот мальчик с удовольствием съедает все, что находится в поле его зрения, она

каждый раз с завистью восклицала: “Ну, надо же, как ваш Васенька хорошо кушает!.. А наш Петенька вообще ничего не ест!.. И не заставишь!..”

И, после очередного такого визита, в один не слишком прекрасный день, Васенька кушать перестал... Напрочь...

После этого рассказа Олеся осталась в некотором замешательстве. И на ум сразу же пришли некоторые факты ее собственной биографии...

У ее новорожденного сына всегда был просто отличный аппетит. При этом он, к счастью, никогда не был толстым, – никаких там щечек-яблочек, складочек и перетяжек на ручках и ножках. Просто сразу же после рождения он стал довольно быстро расти, – да и вообще был мальчиком достаточно крепким и крупным.

Олеся рано начала его прикармливать, поскольку молоко у нее почти сразу же пропало. И он всегда с удовольствием кушал все, что она ему давала. Только ротик открывать успевал, как галчонок.

Любой нормальный человек радовался бы такому хорошему аппетиту ребенка, – тем более, что он, повторюсь, никогда при этом не был толстым. Но именно это почему-то являлось предметом постоянного недовольства Олесиной мамы. Она, в очередной раз, была разочарована тем, что внук оказался совсем не таким, как ей почему-то хотелось и представлялось.

Еще в один из самых первых визитов к ним в гости, –

а Сашке было тогда всего месяца полтора, – мама смотрела на своего первого внука с плохо скрытым ужасом в глазах, смысла которого Олеся тогда еще не понимала, – как на некое диковинное насекомое. А потом, когда они с бабушкой возвращались домой, мама не удержалась и заявила ей:

– Господи, ну и ребенок!.. Мои дети такими не были!..

А бабушка, по простоте душевной, была очень наивным человеком. Точнее, она всегда была бесхитростной, – что на уме, то и на языке. Олеська, кстати, возможно, именно от нее унаследовала свою собственную непосредственность и бесхитрость. Так вот, – бабушка рассказала ей о маминых словах в следующий же визит, чем, если признаться честно, причинила весьма ощутимую боль.

Мол, в ответ на такие странные слова дочери бабушка тут же возразила ей:

– Да что хоть ты такое говоришь, Марина?.. Нормальный ребенок!..

Мама поджала губы и недовольно промолвила:

– Я же не говорю, что он ненормальный!.. Я просто говорю, что *мои дети* такими не были!..

С тех пор так и повелось. К счастью для всех, мама навещала их не слишком часто. Но во время каждого своего визита, глядя на внука по-прежнему с ужасом в глазах, мама пускалась в пространные рассуждения о том, что вот *ее* дети были худенькими, – в чем душонка держалась!.. Они у нее совсем ничего не кушали, кричали постоянно, – за маму

цеплялись, – ползунки-распашонки на них подвязывать приходилось, – вот такие они у нее были крохотные... А Олесин ребенок такой большой, и он так много ест... Да нет, конечно же, это хорошо, наверное, – и ей все так говорят... Но ей просто дико на это смотреть...

Интересная подмена понятий и весьма оригинальная оценка окружающей действительности, – если уж говорить начистоту...

Саше был год и два месяца, когда он вдруг перестал есть. Просто перестал, – и все!.. Еще вчера разевал рот, как птеник, и хватался за ложку, а сегодня вдруг стал сжимать зубы, отворачиваться от любой пищи и закатывать дикие истерики. И это – тот самый дружелюбный общительный ребенок, который ранее подобных истерик никогда не устраивал, а целыми днями только смеялся...

Более того, – если Олеське каким-то чудом удавалось накормить его хоть немножко, его тут же начинало тошнить. Порой даже от глотка воды...

Через две недели такой жизни у Олеськи крышу начало сносить, и она кинулась по врачам. Но никаких проблем со здоровьем у Саши обнаружено не было. В больнице ее заверили, что он – совершенно обычный нормальный здоровый ребенок, – и пока еще даже не исхудавший. Ну, а то, что он перестал кушать, – возможно, вы его просто перекармливаете. Порекомендовали попросту оставить его в покое. Мол, проголодается – догадается...

Не проголодался. И не догадался.

Эта проблема растянулась на много лет. Олеся иногда реально не понимала, за счет чего он живет, – потому что при этом, как ни странно, ее ребенок не выглядел ни истощенным, ни исхудавшим. Он словно не чувствовал вкуса еды и не понимал ее смысла. Даже всякие вредные вкусняшки, которые просто обожают другие дети, и от которых родителям приходится оттаскивать их чуть ли не за уши, – чипсы, конфеты, мороженое, – залеживались у них месяцами и приходили в негодность.

Самое удивительное было то, что Саша даже и не привередничал больше, и от еды не отказывался, – такое имело место только в первые несколько недель после того, как все это началось. Да и тошнить его, к счастью, практически перестало. Он просто словно сам не понимал, зачем нужно есть. Над ним, в буквальном смысле слова, необходимо было стоять часами, напоминая ему о том, чтобы он не отвлекался, а ел. И вот, пока смотришь на него, он послушно пытается что-то жевать, но стоит только отвернуться от него, – и все, он тут же забывает о еде.

Иногда, когда, случалось, в выходной день у них завтрак плавно перетекал в ужин, Олеся не выдерживала, хватала ложку и начинала его кормить, – уже довольно взрослого на тот момент и, разумеется, умеющего есть самостоятельно. Ее это, в принципе, даже и не раздражало; они с Сашкой оба смеялись, превращая все это в шутку. К стыду своему, Олеся

почему-то никогда даже и не переживала по этому поводу. У нее всегда была твердая уверенность, что все это пройдет, когда Сашка повзрослеет, а пока нужно просто постараться не делать из этого трагедию.

Да и сам Сашка тоже не сказать, чтобы сильно комплексовал по этому поводу. Ну, если хочет мама покормить его сама, – пусть кормит!.. Так быстрее получился!.. И никаких проблем!..

Зато реакция Олесиной мамы на все это была крайне негативной. Она буквально билась в истерике и вопила, что, мол, кого ты растишь?.. Он, типа, даже и поесть-то у тебя самостоятельно нормально не может; что же ты дальше-то с ним будешь делать?!

Если бы Олеська была самой обычной стандартной мамашей, то она, наверное, тоже рвала бы на себе волосы от стыда и беспокойства за своего непутного сына, который, по словам любящей и заботливой бабушки, даже и пожрать-то нормально не мог. Но Олеся, очевидно, и сама была на тот момент уже не слишком адекватной, – с точки зрения общественной морали, разумеется. И она давно уже научилась воспринимать своего ребенка таким, какой он есть, – а не пытаться соорудить из него нечто другое. А потому относилась к подобным его особенностям с юмором, не сомневаясь в том, что он их, рано или поздно, перерастет, – вопреки мрачным и нелюдскими прогнозам своей дорогой мамушки. В принципе, так и получилось, – и, в конечном счете,

она оказалась совершенно права.

Саше было десять лет, когда они окончательно перестали общаться с его бабушкой. Так уж получилось, и изменить что-то было уже невозможно... Это решение далось Олеся нелегко, но другого выхода для себя на тот момент она уже просто не видела. И, – совпадение это или нет, вот в чем вопрос?.. – некоторое время спустя, она вдруг, к удивлению для самой себя, обнаружила у своего ребенка просто зверский аппетит. Внезапно он словно прозрел и понял вкус еды. И разом превратился в самый обыкновенный молодой растущий организм...

А еще через пару лет Олеся как раз и услышала от той бабульки историю про сглаз. И нельзя было при этом сказать, что она поверила в нее на все сто процентов. Возможно, все это было просто совпадение. Возможно...

Только ей, признаться честно, до сих пор немного страшновато даже задумываться об этом...

НЕБЛАГОДАРНАЯ ДОЧЬ...

У каждого из нас свои ночные кошмары. Кому-то снится война. Кому-то снятся зомби. А кому-то снится мама. Милая, любимая, заботливая и добрая мамочка... И человек просыпается от ужаса, с диким воплем, в холодном поту и с неистово бьющимся от страха сердцем...

– Неблагодарная дрянь!!! – визжала Олесяна мамочка, временами почти что переходя на нечто, близкое к ультразвуку, от чего уши закладывало, и хотелось просто в панике зажать их руками. Мамочка, словно заведенная, как в каком-то приступе маниакально-депрессивного синдрома, носилась по комнате и яростно расшвыривала во все стороны вещи своей непутной дочери, которая, на ее взгляд, не слишком аккуратно сложила их на своем стульчике. – Мама все для тебя делает, а ты не ценишь этого, свинья неблагодарная!!! Даже вещи свои нормально сложить не можешь!!! Обс...еря поганая!!!

Признаться честно, но Олеся была настолько тупой, что совершенно не понимала, как эти мамины фразы связаны между собой. Практически всегда это был просто набор случайных слов, брошенный в ярости ей в лицо...

Сейчас Олеся пряталась под кроватью, забившись в самый дальний ее угол, безнадежно сжавшись в комок и изо всех сил заткнув уши пальцами, чтобы не слышать диких

маминых воплей. Напрасная, кстати, попытка!.. Потому что ее крики, которые, как уже было сказано, были где-то почти на уровне ультразвука, все равно обладали способностью успешно проникать в Олесин мозг и заставляли ее содрогаться от ужаса всем телом и еще больше сжиматься от страха. При этом Олеська рыдала взахлеб, не в силах остановиться. Под ее лицом, уткнувшимся в ледяной пол, натекла уже целая лужа слез. Но даже в таком состоянии Олеся ни на мгновение не забывала о том, что плакать надо беззвучно, – иначе будет еще хуже!.. Рыдания дочери окончательно сводили осатаневшую фурию с ума. И она принималась вопить еще громче...

Хотя, куда уж громче, – если говорить начистоту!..

Как же сильно Олеся всегда ее боялась, – это никакими словами невозможно было выразить... Нет, мама никогда не била ее, – разве что, в запальчивости, с размаху могла отвести пощечину или подзатыльник. Это было даже и не слишком больно на самом деле, – но кто бы знал, как это было обидно!.. Особенно, когда Олеся не понимала, за что ее наказывают. А она была настолько тупой, очевидно, что практически никогда этого не понимала...

Вот и сейчас, признаться, Олеся в очередной раз терзалась в догадках. Ведь еще буквально каких-то десять минут назад все было в полном порядке. И мама была веселая и счастливая...

Они вместе с мамой пришли с прогулки с младшим бра-

тиком. Олеся спокойно себе раздевалась и складывала одежду на своем стульчике... Да, разумеется, она слышала, как мама и папа орут друг на друга на кухне, но не обратила на это особого внимания. В их семье это было совершенно в порядке вещей. Мама и папа всегда орали друг на друга, как сумасшедшие, обзывали и оскорбляли друг друга последними словами, крыли матом, – а уже пять минут спустя, прооравшись, снова вели себя так, словно ни в чем не бывало...

Но в этот раз что-то пошло не так... Потому что мама вдруг, – ни с того, ни с сего, – ворвалась в комнату, где переодевалась Олеся. Она была страшная, – действительно, как фурия... Ее выпученные глаза горели, лицо было жутко перекослено... Совершенно безо всякой причины, – просто потому, что собственный муж, очевидно, испортил ей настроение, – она начала вопить на дочь и швырять в нее только что сложенную одежду. А Олеся спряталась под кроватью и начала реветь там от обиды и страха...

Упреждая вполне закономерное любопытство, поспешу сразу же уточнить, что Олесина мама вовсе даже не была маргиналкой. Напротив. Это была очень симпатичная молодая женщина, производящая хорошее впечатление на окружающих, – умная, спокойная, интеллигентная... На людях, разумеется. У Олесиной мамы никогда не было абсолютно никаких вредных привычек; она занимала ответственную должность в профкоме, ее знал весь завод... В принципе, на первый взгляд, у них была идеальная и совершенно благо-

получная семья, которой восхищались все окружающие их люди и даже, возможно, завидовали. Но дома... Дома она, по обыкновению, превращалась в разъяренную фурию...

Если уж говорить начистоту, то мама орала целыми днями. На всех членов своей семьи. Но их отца, например, это совершенно не задевало; он и сам был не прочь подрать глотку... Поэтому он просто тут же начинал орать на нее в ответ, – разумеется, используя ненормативную лексику... По-другому они, в принципе, никогда и не разговаривали на Олеськиной памяти... Младший братец, очевидно, в силу каких-то странных особенностей характера, а также необычайной толстокожести, совершенно не обращал в такие моменты на мамочку ни малейшего внимания, словно не видя ее и не слыша. Похоже, ему вообще всегда было до лампочки, что творят его родители, потому что на нем это никогда особенно не сказывалось. Тем более, что, прооравшись, мамочка тут же бросалась обнимать и целовать своего “сыночку”, и поэтому он прекрасно знал, чем, рано или поздно, это все закончится. Очевидно, можно было потерпеть мамочкину дурость несколько минут, если осознавать заранее, что потом она, мучаясь раскаяньем, будет буквально расстилаться перед ним. Ведь он был маминым любимчиком, при виде которого мамочкино ледяное сердце таяло, как масло на горячей сковороде...

Поэтому весь удар всегда приходилось принимать на себя Олеське. А ее это каждый раз пугало, словно такое происхо-

дило впервые. Хотя ей давно уже следовало привыкнуть к тому, что она неблагодарная дрянь, виноватая во всем, что происходит вокруг. Всегда и везде. Просто по жизни.

Мама всегда вызывала у Олеси противоречивые и неоднозначные чувства. Олеська просто смертельно боялась ее... И при этом безумно любила. Олеся изо всех сил всегда старалась угодить своей маме, – лишь бы только она не кричала так страшно... Она старалась быть хорошей девочкой... Вся приборка квартиры с самого раннего детства была полностью на ней... Она часами мыла, стирала, гладила, чистила ежедневные ненавистные ушаты картошки, которые уже стояли у нее поперек горла... Она так старалась порадовать свою мамочку, показать ей, какая она послушная и аккуратная девочка...

Ей это никогда не удавалось.

– Ах ты, свинья неблагодарная!!! – снова, ни с того, ни с сего, принималась верещать Олесина любимая мамочка, и Олеська, вынырнувшая из очередного ушата с картошкой, с ужасом обнаруживала ее сидящей где-нибудь верхом на шкафу и тыкающей дочери под нос руку, испачканную пылью, которую она сумела-таки обнаружить где-нибудь за антресолями. – У тебя, что, руки вообще из ж...опы растут, неряха проклятая?! Я все для тебя делаю; ты ни в чем не знаешь недостатка; а ты при этом даже пыль нормально вытереть не можешь!!! Лишь бы с книгой кверху з...адницей лежать!!! Бока отлеживать!!!

Упрек был не совсем справедлив... Ведь читала Олеся обычно по ночам, когда все остальные уже спали, и все было прибрано... Днем у нее на это никогда не было времени...

И вот уже отец с подросшим братцем ржут над Олесью, преспокойно лежа на диване перед телевизором, глядя, как она, уже закомплексованный всего боящийся подросток, ползает перед ними на коленях по комнате с тряпкой в руках и моет пол. И тут мама врывается в комнату и привычно инспектирует следом за ней углы и плинтуса, пытаясь найти какие-нибудь огрехи. Разумеется, ей это удастся, – ведь кто ищет, тот всегда найдет!.. И в какой-то момент квартира снова оглашается ее воплями. Она чуть ли не физиономией тыкает Олесю куда-то под журнальный столик, где она, в очередной раз, умудрилась отыскать нечто, весьма похожее на пыль...

– Ах ты, дрянь неблагодарная!!! Как бы родители для тебя ни старались, – ты все через ж...опу делаешь!!! Свинья криворукая!!! Только и думаешь о том, как бы с книгой кверху з...адницей на диван повалиться, и ничего не хочешь по-человечески сделать!!!

– Правильно, правильно, – так ее, мать, ори громче!.. – довольно ржут, подзуживая ее, лежа на диване кверху задницами, их “мужчины”. – Что за баба растет, – ё-п-р-с-т!!! Пол нормально, – и то вымыть не умеет!!! Мордой ее, мать, мордой ее ткни в эту грязь!!! Об...серя!!! Пусть языком вылизывает, – раз руки у нее из ж...опы растут!!!

– Ах ты, неблагодарная!!! – захлебывается визгом мама, когда пятнадцатилетняя Олеся сдуру, – иначе это и не назовешь!.. – рассказывает ей о том, что мальчик, который ей нравится, не обращает на нее ни малейшего внимания. И закомплексованная Олеся до слез расстраивается из-за этого и переживает, потому что она очень-очень хочет понравиться этому мальчику. Мама просто теряет голову от ярости. Она ведь все делает для своей неблагодарной дочери, а та еще смеет страдать из-за какого-то дебила?! И как ей вообще роже-то не стыдно?! Ей все мало, – сколько бы мама для нее не делала!!! Она ничем не довольна!!! Свинья неблагодарная!!!

Олеся в очередной раз тупо пытается осознать, каким образом связаны между собой мамина забота, Олесина неблагодарность и молодой человек, который имел несчастье ей понравиться?.. Мамина женская логика по-прежнему, после всех этих лет, вгоняет ее в ступор...

– Да ты дрянь неблагодарная!!! – вопит мамочка, когда Олеся, в свои семнадцать лет, не проявила должного энтузиазма, узнав о том, что мама уже нашла ей работу. Чудесную работу. На моторном заводе. В не самом грязном цехе. С 6:30 до 15:20, кажется, всегда в первую смену... И Олеся там давно уже ждут, – несмотря на то, что ей учиться еще оставалось почти два года, – и постоянно спрашивают маму, когда же ее дочь, наконец, закончит свой техникум и придет к ним?.. А подлая, мерзкая Олеся, – вместо того, чтобы прыгать от радости и заверять, что именно это – мечта ее

детства, – глотая слезы в бессилии, робко осмеливается намекнуть, что не хочет работать на производстве, что мечтает совсем о другом, – да и вообще, хотела бы поступить в университет...

Чтобы картина была окончательно ясной, хотелось бы пояснить, что в свои семнадцать Олеся была одухотворенной воздушной девочкой, витающей в облаках в своих наивных розовых мечтах. При этом она имела явную склонность к гуманитарным наукам, всегда была практически полной отличницей и, что греха таить, была совершенно не приспособлена к суровым реалиям этой непростой жизни. При одной только мысли о работе в грязном цехе ей сейчас хотелось умереть... Да ей такое даже в самом страшном сне не могло присниться!..

Олесина мама на тот момент занимала ведущую должность в профкоме, имела огромные связи и при желании могла бы устроить свою дочь куда угодно, – хоть секретарем генерального директора, – если бы только пожелала. Ей никто не посмел бы отказать. Но она этого не захотела. Она почему-то решила, что ее инфантильная возвышенная дочь не заслуживает ничего другого, кроме рабочей должности.

Наверное, чтобы самой чувствовать себя еще более благополучной на ее фоне...

А потом, вдобавок ко всем своим многочисленным недостаткам, неблагодарная дочь сдуру рванула замуж за совершенно неугодного мамочке молодого человека. Увы и ах, –

тут уж даже сама Олеся вынуждена была это признать, – но он даже близко не был похож на сказочного принца... А много ли *принцев*, скажите на милость, вы встречали на производстве?.. Этот хоть был образованным и интеллигентным, – в отличие от большинства сотрудников моторного завода...

Олеся с мужем сразу же стали жить отдельно. И они с самого начала принципиально не брали у своих родителей ни копейки. Но мама все равно не оставляла Олесю в покое, постоянно вмешиваясь в ее жизнь...

– Ах ты, неблагодарная свинья!!! – снова визжит мама в лицо Олесе, когда та, беспомощно размазывая по щекам слезы бессилия, буквально умоляет ее, приходя в их дом, хотя бы открыто не оскорблять человека, которого она на тот момент все еще очень сильно любила, и от которого только что родила ребенка. Но напрасно Олеська плачет и просит маму не осложнять ей жизнь еще больше своим поведением. Мама слепа и глуха к ее мольбам. И Олеся беззащитна перед ней, – так же, как и в детстве...

– В кого ты у нас только такая уродилась, дрянь неблагодарная?! – по-прежнему оглушающе вопит мама. Прошедшие годы не сделали ее ни мягче, ни добрее. – Ты сама испортила свою жизнь и получила то, что заслуживаешь!!! Я все для тебя делала!!! Я сразу же тебе говорила, что он тебе не подходит!!! Но ты же сама все лучше знаешь, – вот и мыкайся с ним теперь!!! Ты сама во всем виновата!!! Ты просто неблагодарная!!! А теперь бесишься от зависти к тем, кто

живет лучше, чем ты, и от злобы на людей кидаешься!!!

Олеся беспомощно хлопает глазами, глядя на нее все с тем же ужасом, как и в детстве. Это она-то кидается на людей?.. От злости?.. Да у нее, если разобраться, все проблемы в этой жизни были именно из-за ее необычайной скромности, зажатости, закомплексованности и скованности. Как она вообще могла бы бросаться на людей, если она просто смертельно боялась их?.. И как же жаль, что она уже не умещается под своей любимой старой кроватью, – да и сама кровать давно была выброшена на свалку, если честно... Иначе она снова спряталась бы под ней и никогда больше не вылезала...

С годами, вроде бы, люди становятся умнее. Но это все не про Олесю. Похоже, что она, как была душой в детстве, так ей и осталась. Потому что она по-прежнему ничего не понимала. Ни причин мамочкиных воплей, ни ее извращенной логики...

Ведь все дело в том, что она, Олеся, давно уже выросла. И теперь она жила своей семьей, независимо от мамы. Она даже никогда не просила у родителей денег, – в отличие, кстати, от многих других повзрослевших детей. Не жаловалась ей на жизнь. Напротив, все время старалась все преподнести в радужном свете. Олеся все еще очень любила и уважала свою маму, несмотря ни на что, ценила ее мнение... И она лишь осмелилась попросить ее, чтобы мама, приходя в дом Олесино мужа, не обижала их, не оскорбляла, не высказывала так явно свою ненависть и презрение...

Боже мой, Олеся давно уже не просит любить ее и не ждет от мамы никаких теплых чувств по отношению к себе и к своей семье. Ведь давно уже козе понятно, что такая плохая неблагодарная дочь, как она, не заслуживает на самом деле ни капли любви или тепла... Она просит лишь не обижать их... Просто не обижать...

И вот однажды...

– Неблагодарный!!! – визжит Олесина мама в трубку в разговоре с ее десятилетним сыном. И ее вопли Олеся слышит, даже находясь в другом конце комнаты. – Ты у нас – такой же неблагодарный поросенок, как и твоя мать!!! Бабушка все для вас делает, а вы оба – неблагодарные!!! – не способны это оценить!!! И не звони мне больше!!! Ты мне не внук!!! Я с тобой, неблагодарным, больше даже и разговаривать не хочу!!!

И вот на этом, наверное, можно было поставить точку. Именно тогда Олеся окончательно пришла к выводу, что нужно что-то менять в своей жизни, а потому отныне благодарить за все хорошее ее мамочку будет кто-то другой.

Олесе так и не удалось поговорить со своей мамой на эту тему по душам, как-то объясниться, высказать друг другу свои претензии, попытаться прийти к какому-то компромиссу... Сначала это не нужно было маме. Она не признавала компромиссов. И, поскольку Олеся не пожелала-таки быть той дочерью, которая маме была нужна, то мамочка просто громогласно объявила, что у нее больше нет дочери.

Ну, что ж, – на нет и суда нет!..

А спустя энное количество лет, став взрослее и сумев посмотреть на всю эту ситуацию совсем под другим углом, Олеся тоже раздумала искать компромиссы. А что она могла бы сказать своей маме?.. Разве что:

“Прости меня, мама, если сможешь! Да, я знаю, что всегда была плохой, неблагодарной дочерью! И я устала ей быть. Поэтому мы с тобой больше не общаемся и никогда не будем общаться. Хотя сейчас, когда прошло уже много лет, вспоминая весь беспросветный ужас моего детства, которое до сих пор приходит ко мне в ночных кошмарах, мне все чаще хочется спросить тебя: “А за что, собственно, я должна тебя благодарить?..”

За то, что ты родила меня, – забеременев сдуру в семнадцать лет от человека, которого ты потом всю жизнь называла не иначе, как “поганим идиотом-хохлом”, и попрекала меня за то, что у меня такой отец?.. Словно это я его выбирала... Ты родила самой себе свою персональную девочку для битья и личную прислугу в одном лице, – но тебе все равно было этого мало!.. И поэтому ты измывалась надо мною каждую секунду моей проклятой жизни, очевидно, желая отомстить мне именно за свою не сложившуюся несчастную судьбу. А я, беззащитная маленькая девочка, обожавшая тебя, готовая ради тебя на все, разве что из кожи не выпрыгивавшая, стараясь угодить тебе... Я была полностью в твоей власти, и ты развлекалась на досуге, ломая мне жизнь.

Ты просто пыталась уничтожить меня. И тебе это чуть было не удалось.

Лучше бы ты в свое время, в свои семнадцать лет, сделала аборт и убила бы не нужного тебе ребенка! Это было бы милосерднее с твоей стороны!

Будь ты проклята!..”

УМНЕНЬКАЯ

Вопрос об Олесином высшем образовании, – а точнее, о его позорном отсутствии, – был для ее будущего мужа и его мамы весьма болезненным. Да и как же иначе!.. Ведь они оба были потомственными интеллигентами. Правда, история умалчивала о том, что на самом деле такое определение могло подойти только лишь самому Георгу, который действительно мог считаться интеллигентом аж в целом втором поколении. В случае с его мамой, – якобы, потомственной интеллигенткой, но только всего лишь в первом поколении, – оно, пожалуй, может вызывать много вопросов, потому что весьма странно называть так человека, чье беззаботное босоное детство прошло где-то в ауле Средней Азии в семье самых обычных людей, которых тогда можно было назвать крестьянами, – если бы дело происходило в России.

Но одно нельзя отрицать: оба они имели высшее психологическое образование. Честь им за это и хвала!.. И Олеська, со своим всего лишь техникумом, в общую красивую схему традиционных ценностей данной семьи, к сожалению, совершенно не вписывалась.

Но, пообщавшись со своей потенциальной возлюбленной немного на досуге, Гекуля пришел к выводу, что она “умненькая”. Не умная, а именно умненькая. Уменьшительно-ласкательное определение уровня развития взрослой, в

принципе, девушки, в котором звучало на самом деле нечто презрительно – осудительное. Это странное словечко коробило Олеську даже тогда, в пылу безумной страсти. А позднее, при одном только воспоминании об этом, ее откровенно передергивало. Это реально было достаточно унижительно, – словно речь шла вовсе и не о взрослом разумном человеке, а о ребенке. Или вообще о домашнем животном.

“Наша собачка такая умненькая!..”

Когда Олесин возлюбленный рассказал своей мамочке о том, что встречается с девушкой без высшего образования, то интеллигентная дама была просто в шоке от подобного мезальянса.

– Но я сказал ей, что ты умненькая, – милостиво успокоил Олесю любимый.

Вот так. Умненькая. И добавить больше к этому было нечего. И, похоже, на редкость глупая на самом деле девятнадцатилетняя девочка Олеся с трудом проглотила оскоми-ну, вызванную подобными словами ее доброго и славного возлюбленного, и изо всех сил попыталась расценить их, как комплимент.

Получилось это у нее, признаться, из рук вон плохо.

Мама возлюбленного, Лидия Георгиевна, сыночку, разумеется, не поверила. И все годы их странного и необъяснимого союза смотрела на Олеську, как на некое диковинное насекомое, которое ей, в силу обстоятельств, приходится терпеть, но от которого при этом она уже даже и не ждет ни-

чего путного. И когда сынуля на редких семейных застольях с восторгом рассказывал ей о книгах, которые он сам только что прочитал и которые непременно рекомендовал прочесть своей юной неотесанной возлюбленной, Лидия Георгиевна неизменно восклицала, закатив глаза и прижав руки к сердцу:

– Ну, вот, скоро и ты у нас будешь умной!..

Причем, это всегда произносилось с придыханием, сюсюкающимся шепелявым голосом, – словно она разговаривала с грудным младенцем. Олеся от изумления неизменно и регулярно выпадала в осадок, напрочь теряя дар речи. А вот сидящий рядом с ней возлюбленный при этом гордо сиял, как начищенный самовар, словно это ему сделали комплимент, – и отнюдь не такой сомнительный. Он действительно не видел в словах своей дорогой мамочки ничего особенного, и поэтому хоть как-то вступить за Олесю ему даже и в голову не приходило.

Или же он просто тоже так думал.

Вообще-то, читать Олеся научилась практически полностью самостоятельно еще в три года, а к тому моменту, как она окончила девять классов, в их местной районной библиотеке попросту не осталось книг, которые бы она еще не прочитала. Но, тем не менее, эта пара потомственных интеллигентов всегда вела себя так, словно они только что с трудом обучили грамоте бедную беспризорницу...

Возможно, высшего образования у убогой Олеськи и не

было, но, надо заметить, ложку в ухо она себе не несла и щи лаптем не хлебала. И назвать ее, несмотря на все ее недостатки, совсем уж неотесанной, было трудно. Напротив, все окружающие Олесюку люди всегда отмечали ее хорошие манеры и врожденную интеллигентность. В то время, как ее будущая свекровь с сыном этим как раз похвастаться и не могли.

Лидию Георгиевну на заводе откровенно не любили и считали очень глупой бабой с далеко не безобидными причудами. Поскольку на тот момент они все работали на одном предприятии, Олеся, разумеется, об этом прекрасно знала. В принципе, все без исключения, кто имел несчастье столкнуться с этой высокообразованной дамой, считали ее наглой истеричной беспринципной хабалкой, прущей напролом, как танк, и не считающейся ни с кем. Признаться честно, бедные окружающие от нее просто шарахались.

Что же касается ее такого суперинтеллигентного тридцатилетнего сына, то его, – и не без основания, – все воспринимали, как мальчика на побегушках. Слетай на другой конец завода ребячьим делом, съезди в типографию, сгоняй за цветами, – в общем, принеси, подай, иди на хрен, не мешай!..

Олеся с Георгом на момент их знакомства оба работали в редакции газеты и занимали одинаковые должности. Но при этом никому из их общих коллег и в голову не пришло бы послать ее, девятнадцатилетнюю малолетку, сгонять куда-нибудь ребячьим делом... А вот великовозрастно-

го почти тридцатилетнего Георга эксплуатировали по полной программе, гоняя по всему городу в хвост и в гриву.

Их общие знакомые, узнавшие, с кем встречается Олеся, просто хватались за голову со словами: “Да ты, что, с ума сошла, он тебе не пара, ты – такая хорошая девочка, а он странный какой-то, как юродивый, – просто чокнутый, ей-Богу!.. И мамаша у него такая мерзкая, противная, наглая, вечно грязная какая-то, неопрятная, и пахнет от нее плохо... Ты вся такая – растакая, – да ты принцесса рядом с ним!.. – зачем хоть тебе это чудо в перьях!..”

То есть, многочисленные окружающие их люди, глядя на них со стороны, тоже полагали, что Георг Олесе ну вот совсем не пара, – да только вот причина этого, на их взгляд, была прямо противоположная...

Но любовь зла. Полюбишь и Гекулю...

И вот, несмотря ни на что, умненькая рафинированная домашняя девочка вышла замуж за интеллигентного образованного всесторонне развитого мужчину. И с удивлением и ужасом для самой себя обнаружила, что, кроме всех этих чисто внешних понтов и приклеенного изолентой ко лбу диплома о высшем образовании, у этого великовозрастного чуда природы за душой больше ничего и нет. Да, он прочитал много умных книжек и очень интересно рассуждал порой о жизни, что и нашло отклик в нежном девичьем сердце в свое время. Но к самой этой жизни, как это ни удивительно, он, в свои тридцать лет, был абсолютно не приспособлен. Не гово-

ря уж ни о чем прочем, этот милый интеллигентный мальчик не имел даже элементарных навыков гигиены, не умел, простите, нормально пользоваться туалетом, а грязное вонючее белье с него приходилось соскребать с боем. При этом он сопротивлялся до последнего: “У меня чистые носки!.. Я всего лишь неделю в них хожу!..”

Этот чудесный высокообразованный интеллигент не желал работать вообще, поскольку ни одна работа в мире попросту не была его достойна, а должности, типа президента или премьер-министра, вполне подходящие такой высококультурной персоне, на тот момент как-то вакантными не были. Дома он не то, что гвоздь не умел вбить, – лампочку ввернуть не мог, – а найти денег на мастера, разумеется, было просто невыносимо. Но все это было бы еще полбеды, – поскольку Олеся, как выяснилось, оказалась вполне способна самостоятельно решать любые возникающие проблемы. Но это высокоинтеллектуальное чудо природы даже есть нормально не умело. Может быть, Олеся и была недостаточно образованной и неотесанной девчонкой с рабочей окраины, но при этом она совершенно случайно оказалась обучена хорошим манерам и, по крайней мере, умела вести себя за столом. И, глядя на своего новоявленного мужа, Олеся с удивлением осознавала, что, похоже, в среде интеллигентов принято чавкать, рыгать, простите, пускать газы прямо за столом, одновременно с этим одной рукой ковыряя в носу и в зубах, а другой при этом почесывая остальные, еще

более труднодоступные отверстия на теле... И понимала, что она не желает примыкать к такой вот высококультурной интеллигенции...

И быть умненькой она тоже больше не хочет.

И вообще, – какое все-таки мерзкое слово!..

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Если признаться честно, то Олеся всегда неизменно радовалась тому, что у нее в свое время родился именно сын, а не дочь. И вовсе даже не потому, что она имела что-то против девочек или по какой-то причине недолюбливала их. Просто она вовсе не была уверена в том, что смогла бы разумно и правильно воспитать девочку, и всерьез опасалась, что просто не сумела бы дать ей то, что было необходимо.

Если уж говорить начистоту, то начинать надо с того, что ее вообще сложно было назвать идеальным родителем. Тем не менее, с сыном у нее всегда были очень хорошие отношения. Да, к сожалению, – что уж тут поделаться!.. – он у нее рос совершенно без мужского влияния. Родному папе он не угодил еще в колыбели, и тот с удовольствием “развелся” и с ним тоже после развода с Олесей, никогда больше даже и не пытаясь появляться в жизни некогда такого желанного и долгожданного наследника. Дедушке по материнской линии всегда были ближе другие внуки, тогда как на сына дочери он, по обыкновению, смотрел, как на некое диковинное насекомое. Достойные поклонники, готовые хотя бы попытаться подружиться с чужим ребенком, Олесе тоже как-то не попадались. Так что его воспитание целиком и полностью легло на плечи ей самой.

Она об этом как-то не шибко сожалела и виноватой себя

по этому поводу никогда не чувствовала. Она просто всегда старалась дать своему сыну то, что могла, пытаясь вырастить из него достойного человека, – мужчину, защитника, добытчика. И ей все это было, в принципе, достаточно близко, поскольку у нее и у самой характер был далеко не женский.

И только лишь время покажет, насколько она сумела добиться успеха в этом непростом деле. Олеся просто делала все, что было в ее силах, – а уж жизнь покажет, что из всего этого получилось. Наверное...

Но вот в одном Олеся, к сожалению, всегда была уверена на все сто процентов. В том, что она просто не сумела бы правильно воспитать девочку, и совершила бы на этом пути гораздо больше ошибок, чем даже можно было себе представить.

Самое печальное заключалось в том, что у самой Олеси имелась куча детских комплексов, связанных с ее собственным воспитанием. Ее мама старалась растить ее по своему образу и подобию, – и, к сожалению, не преуспела в этом. К своему великому сожалению...

Олесина мамочка всегда была очень красивой, женственной, пластичной и безусловно элегантной. Она всегда умела прекрасно готовить и обладала непревзойденным даром содержать квартиру в безупречной чистоте. Мама безумно любила танцевать и имела просто толпы поклонников, – пока не вышла замуж, разумеется. И с мужем она жила прекрасно, – долго и счастливо, – пока не развелась...

И Олеся с детства изо всех своих силенок пыталась стремиться к этому недостижимому для нее идеалу. Беда была лишь в том, что она, к своему великому огорчению, подкачала ну вот просто со всех сторон...

Ослепительно красивой Олеся, к сожалению, не догадалась уродиться, – опять же, по мнению мамы. Правда, та признавала, что дочь у нее достаточно симпатичная, в принципе, – но вот вовсе даже не безупречная красавица, перед которой молча укладываются в штабеля мужчины, сраженные наповал ее безупречной внешностью. А с ними, кстати, вообще всегда было туго, если уж говорить начистоту. Ну, никогда не было у Олеси изобилия поклонников!.. Она вообще не умела их заводить. Возможно, как раз из-за ее подкачавшей внешности, полного отсутствия каких бы то ни было намеков на женственность, недостатка пластичности и неспособности танцевать... Вполне возможно... Но, что гораздо более вероятно, так получилось попросту потому, что самой Олеся все это было совершенно не интересно. Ну, не уродилась она роковой женщиной изначально и так и не смогла этому научиться даже под мудрым руководством своей опытной мамы!.. В самой Олеся вообще природой было не заложено флирта и кокетства, а самое главное, если уж говорить начистоту, то она просто ненавидела ощущать себя каким-то куском мяса, который кто-то почему-то должен хотеть!.. Ну, вот хоть убей сразу, – но ее все это почему-то ни капли даже не вдохновляло и не возбуждало!.. По простоте душевной, она

всегда наивно смела желать, чтобы окружающие ее люди, – и мужчины, в том числе, – видели в ней, в первую очередь, человека. Личность. А все эти брачные игры, которые были ей совершенно не понятны, она с удовольствием оставляла тем, кто сумеет все это оценить!

Но ни интересного разностороннего человека, ни уж, тем более, независимую и самостоятельную личность мама из нее никогда не воспитывала. Олесю с колыбели настойчиво готовили к жизни в мире, который принадлежит мужчинам. А она при этом должна была выступать, в принципе, в качестве обслуживающего персонала. Никто в свое время не подсказал ей, что нужно учиться, работать, стремиться к самостоятельности и независимости, добиваться каких-то серьезных поставленных целей. До всего этого она, худо или бедно, доходила своим умом. Мама же, наоборот, с самого раннего детства весьма настойчиво внушала ей, что от нее требуется лишь удачно выйти замуж, – желательно, за богатенького, – а потом полностью раствориться в своем мужчине, почитая за великую честь полностью обслуживать его, забывая о своих собственных нуждах и чаяниях, и растить его детей.

Беда была лишь в том, что в Олесе изначально имелся какой-то врожденный дефект. И ей, несмотря на суровое домостроевское воспитание, вовсе не чужды были определенные желания и амбиции, а также не понятно, откуда взявшееся стремление к самостоятельности и независимости. А вот безупречное ведение домашнего хозяйства почему-то отсут-

ствовало в списке ее приоритетов напрочь. Ну, не нравилось ей никогда готовить, мыть и чистить целыми днями; просто не лежала у нее к этому душа!.. У нее было великое множество интересов, – но вот повторять печальную, на ее взгляд, судьбу собственной матери и превращаться в прислугу для любимого мужа она изначально была не готова.

Олесина мама апофеозом женского счастья считала удачное замужество и не допускала даже мысли ни о чем другом. И всегда старалась внушить дочери именно эту единственную возможную в ее положении мысль. Они с ней вместе запоем читали любовные романы о Золушках и дружно грезили о прекрасных принцах, которые однажды прискачут вдруг к ним на своих белых жеребцах и вытащат их обеих из всего этого дерьма. И даже первое не слишком удачное замужество не смогло сломить ни ту, ни другую. И они обе дружно продолжали грезить, верить и ждать.

Но на каком-то этапе их пути постепенно начали расходиться.

Мама действительно сумела найти себе нового мужа взамен осточертевшего старого. И на этот раз – богатого, успешного и даже весьма известного в определенных кругах. Ей просто сказочно повезло. Правда, в придачу к прекрасному принцу шел его хронический алкоголизм, – но, согласитесь, ведь это же такие мелочи в сравнении с его неоспоримыми достоинствами!.. Мама нашла, наконец, свое женское счастье и теперь искренне желала своей дочери такой же “удач-

ной” судьбы. А вот сама Олеся уже тогда начала смотреть на все это с изрядной долей скептицизма.

Да, деньги, да, рестораны, заграницы, золото, наряды, – все это было здорово, без сомнения... Но как быть с тем, что при этом ее мама оказалась практически содержанкой, не имеющей права голоса в собственной семье, не смеющей самостоятельно потратить лишнюю копейку из имеющихся, вроде бы, под рукой миллионов, – да что уж там говорить, даже из дома не имеющая права выйти без разрешения мужа?.. Он, в буквальном смысле слова, заточил ее в четырех стенах и попрекал каждым куском хлеба. Хотела ли Олеся для себя того же самого?.. Да ей подобное “счастье” и в страшном сне не могло привидеться!..

Для Олеси, в принципе, было даже и не удивительно, что уже через некоторое время, – и, причем, довольно быстро, – мама пришла к выводу, что и этот ее брак совсем неудачный. Самым удивительным для Олеси при этом было то, что ее мама даже и не попыталась сама хоть что-то изменить в своей жизни, – а ведь это было бы, на ее взгляд, вполне естественным. Но мама лишь с еще большим усердием начала молить Бога, чтобы он дал ей нового – *хорошего* – мужа...

Как Олеся поняла уже позже, у ее мамы просто не было никаких других целей в этой жизни. Попытаться найти нормальную работу, заняться бизнесом, отыскать другое жилье, увлечься каким-нибудь хобби, в конце концов, – все это было не про нее. Ничего этого ей, похоже, просто не приходи-

ло в голову. Она никогда не желала стать самостоятельной и независимой, не стремилась хоть чем-то заняться, не хотела никак реализовываться. На протяжении всей своей жизни у нее была только лишь одна голубая мечта, и она, как заклинание, повторяла ее изо дня в день: Господи, будь милосердным, – вынь да положь мне нового мужчину!..

Олеся подозревает, что она так и ждет его, наверное, до сих пор. Потому что даже на седьмом десятке в маминой жизни ничего не изменилось.

Очевидно, Господь устал поставлять ей новых хороших мужчин по первому требованию.

Тем временем, наблюдая, отчасти, и за мамиными попытками обрести свое женское счастье со стороны, Олеся еще много лет назад пришла к выводу, что никакой чудесный принц не прискачет к ней на белом коне и не вытащит ее из того болота, в котором она тонула. Пришлось учиться как-то выбираться из него самой.

При этом Олесе всегда казалось, что их с мамой поиски смысла жизни – это две крайности, ни одна из которых не может привести ни к чему хорошему. Для счастья следовало бы найти какую-то золотую середину. Но это, к сожалению, не всегда возможно.

Вероятнее всего, Олесе просто немного не повезло, и она так и не смогла найти правильный путь.

Поэтому-то она никогда и не была уверена, что смогла бы подсказать верную дорогу другому человеку.

ПРАВА ИЛИ ОБЯЗАННОСТИ?..

Олесина семья никогда раньше не была религиозной. От слова вообще. Олеся даже не помнила никаких упоминаний о Господе Боге в их социалистическую бытность. Впервые эта тема как-то всплыла, когда ей исполнилось двенадцать. Именно в тот момент ее мама вдруг вспомнила, что дети у нее некрещеные, – да и она сама, кстати, тоже, – и решила исправить это упущение. Олесину брату на тот момент было лет шесть. Эта торжественная, наверное, церемония не вызвала у Олеси ровным счетом никаких особых эмоций, – ну, решила мама, так решила; значит, так тому и быть!.. И в ее памяти запечатлелся один лишь, в принципе, весьма незначительный момент.

Поскольку сама Олесина мама, судя по всему, тоже была необычайно далека от церкви на тот момент, то она и понятия не имела о том, что женщинам при ее посещении нужно надевать платок. Это вдруг выяснилось перед самым входом в церковь, и они обе дружно и лихорадочно стали искать, чем можно повязать голову. И тогда, увидев это, к ним подошла пожилая женщина, помогающая – или прислуживающая – при церкви. Она помогла Олесиной маме правильно повязать платок, а по поводу самой двенадцатилетней Олеси сказала, что он ей не нужен.

– Девушкам не надо прикрывать свои волосы, – пояснила

она, – они могут ходить прямо так! Платок повязывает только замужняя женщина. Вы же знаете, наверное, что раньше на Руси вообще не принято было, чтобы женщина показывала свои волосы. Было даже такое выражение: опростоволоситься. Это как раз об этом. А вот молодым девочкам, пока они еще не замужем, можно ходить в церковь без платка!

Олеся тогда запомнила это на всю жизнь. И была необычайно удивлена, когда в последующие годы вдруг выяснилось, что голову платком при входе в церковь необходимо повязывать всем представительницам женского пола, начиная с младенчества. А у Олеси в ушах, даже спустя несколько десятилетий, все еще звучали слова той женщины, и это каждый раз вводило ее в ступор.

Олеся представления не имела о том, правда это или же нет. Она никогда не испытывала особого желания серьезно разбираться в церковных правилах и канонах, и они так и остались для нее тайной за семью печатями. Но ее до сих пор передергивало, когда она видела несчастных пятилетних девочек в балахонах до земли и обмотанных платками, которых их, очевидно, глубоко и искренне верующие родственники тащат за собой в церковь. В то время, как рядом с ними идут довольные жизнью мальчики и мужчины в нормальной одежде.

Наверное, это изначально и стало Олесиным камнем преткновения в отношениях с православной церковью, чьи традиции и обряды она просто не в силах была понять, при-

нять и разделить. Ну, хоть убейте, – а это всегда казалось ей просто-напросто унижительным. Да, ей не повезло уродиться женщиной в мире, принадлежащим мужчинам, – и это было ее главной ошибкой. Причем, она сдуру появилась на свет еще в те ветхозаветные времена, когда об эмансипации еще никто даже и не слышал, – по крайней мере, в их провинциальном городке с доисторическими нравами и обычаями. Тем не менее, Олеся даже в самом раннем детстве ненавидела эту незавидную и унижительную роль, навязанную ей матушкой-природой, – или окружающими людьми, – только потому, что на ее теле отсутствовал один-единственный соответствующий орган.

Их с братом изначально воспитывали совершенно по-разному, несмотря на то, что они, вроде бы, росли в одной семье и в одинаковых условиях. Но у Олесиноного брата были все права. Он был мальчик; ему принадлежал весь этот мир, и поэтому ему было позволено все, что его душенька пожелает. Все самое лучшее и вкусное – ему, – ведь он должен правильно расти, развиваться и получать все необходимые витамины. Хорошее образование – тоже ему, – ведь ему предстоит многого добиться в этой жизни; родители верят в него и рассчитывают на него. Все нажитое непосильным трудом в виде квартиры, машины и гаража, разумеется, достанется именно ему, – ведь у него же должен быть начальный капитал, который добрые и заботливые родители ему с удовольствием обеспечат. И, естественно, не дай Бог, чтобы этот буду-

щий мужчина хотя бы кружку за собой помыл!.. Такое даже в страшном сне представить себе было невозможно!.. Ведь как раз для обслуживания этих божественных существ и придуманы женщины. Бабы. Тупые и недалекие, ни на что больше не годные. К коим как раз и относится его глупая старшая сестра. А он, *мальчик*, всегда имеет право отдыхать и наслаждаться жизнью.

У его непутной сестры, напротив, прав не было никаких, – ведь она же будущая женщина, и должна была привыкать к осознанию этого с пеленок!.. Зато у нее было очень много обязанностей. Просто немеренно. И, в первую очередь, она обязана была *любить* прибираться в квартире, готовить и ухаживать за своими мужчинами, которые пока представляли перед ней в образе отца и брата. К тому же, она просто обязана была стать доброй, послушной и милой, всем угождать и под всех подстраиваться, – иначе на ней никто и никогда не женится, и она так и помрет никому не нужной старой девой. При этом ей, разумеется, не нужно было ни образование, ни начальный капитал. Зачем все это глупой бабе, если все, что от нее по жизни требуется, – это удачно выйти замуж, благодаря своей красоте, кротости и расторопности. Это и есть та самая женская доля. И Олеся была обязана просто смириться с этим и не мечтать ни о чем другом, потому что все остальное для нее в этом мире было недоступно.

Олеся всегда, даже в самом раннем детстве, осознавала, что просто родилась не в то время и не в том месте. Она и

тогда яростно протестовала против этих всех воистину средневековых устоев и не желала с ними смиряться. Но тогда ей еще очень трудно было решиться и пойти против всех, – а в особенности, против своей семьи. Мама всегда воспитывала ее очень жестко и даже жестоко, и она уже в зародыше сурово подавляла любой бунт, который еще только намеревался назреть где-то в глубине души.

Олесе потребовалось немало лет на то, чтобы научиться жить по своим законам, не обращая ни малейшего внимания на всех остальных и напрочь игнорируя их мнение. Если бы она изначально оказалась чуть разумнее и умудрилась бы родиться на пару десятков лет попозже, в эпоху гендерного равенства, для нее все было бы гораздо проще. Правда, до нашей страны это самое гендерное равенство еще толком и не дошло, – а теперь и вообще, вероятнее всего, будет забыто и похоронено, поскольку теперь у нас снова в приоритете возврат к традиционным ценностям. Но тогда сама Олеся хотя бы теоретически знала бы о том, что такое возможно, и не ощущала бы себя, благодаря своим убеждениям и принципам, абсолютно белой вороной.

Правда, ту глухую провинцию, в которой Олеся проживала, эмансипация и гендерное равенство не затронули даже краешком. И обитающие здесь бедные женщины по-прежнему считают, что единственный смысл их жизни – это прикрепиться к каким-нибудь более или менее приличным штанам и раствориться в них полностью, забыв обо всем. Возможно,

в других, более крупных городах дело обстоит как-то и по иному. Но здесь все осталось так же, как и сто лет назад.

Но, тем не менее, Олеся со временем просто научилась быть самой собой. И стала вести тот образ жизни, который, в принципе, в окружающем ее мире больше свойственен мужчинам. Ей всегда приходилось много работать. Но зато в выходные она отдыхала, – и это было святое. Да, у нее, – к сожалению, наверное, – никогда не было стерильной чистоты в квартире. У нее просто не было ни времени, ни сил ее наводить, а класть свою жизнь на алтарь домашнего хозяйства она никогда не собиралась. Да, чаще всего она питалась тем, что легко приготовить, не считая нужным все выходные напролет варить борщи и жарить котлеты. Вместо этого она предпочитала много гулять, заниматься спортом, читать, играть в компьютер, в конце концов. И даже в плане отношений с мужчинами она также сразу же четко разграничивала правила. Ее принципиально никогда не интересовало ни совместное проживание, ни даже потенциальное замужество. Только ни к чему не обязывающие встречи, приятные для обоих. И все.

Потенциальные кавалеры, по обыкновению, выпадали в осадок от подобных условий. Олеся это только смешило.

В принципе, – а ведь это было как раз то, что обычно мужчины предлагают женщинам. И бедные женщины без проблем это проглатывают и чувствуют себя необычайно счастливыми уже от самого факта наличия в их жизни мужчины.

И любят, и ждут, и надеются, и верят. Годами. А вот сами мужчины, когда им предлагают нечто подобное, бывают просто в шоке от такой наглости. Ведь они по жизни привыкли считать себя вершиной мироздания; они – независимо, кстати, от возраста, внешних данных, материального благосостояния и даже семейного положения – искренне уверены, что любая только и мечтает заполучить их в свое распоряжение, особенно, когда они, типа, намекают на свои серьезные намерения. А тут – такой облом по полной программе...

При этом не стоит ошибочно предполагать, что с годами и под влиянием сложных обстоятельств Олеся стала полной мужененавистницей. Вовсе даже нет. Просто она всегда желала быть равным полноценным партнером, а не службой и даже не сексуальным объектом. Она всегда наивно желала, чтобы ее признавали таким же человеком, личностью, с равными правами и обязанностями.

Не совсем понятно, наверное, какое все это имеет отношение к церкви, да?.. А самое прямое. Олесю никогда нельзя было назвать атеисткой в буквальном смысле слова, но в седого сердитого и даже злого старичка, сидящего на облаке и мечущего молнии во всех неугодных, она, хоть убей, не могла поверить. При этом она не сомневалась в том, что Бог есть. Она всегда ощущала его незримое присутствие в своей жизни, в окружающем мире, всегда чувствовала его помощь и поддержку. Помощь и поддержку, – а не наказание и страх. Олесе всегда казалось, что всей ее судьбой руководит некая

высшая сила, которую, наверное, действительно не постичь разумом обычного человека. И руководит, и помогает, и ведет по жизни, и поддерживает.

Но Олеся никогда, – ну, хоть убей, – не готова была поверить в то, что этой силе действительно может быть дело до того, юбку она надела сегодня или брюки, повязала голову платком или нет, накрасилась или же вообще не стала пользоваться косметикой. Для того высшего разума, которым представлялся ей Господь Бог, все эти мелочи должны были быть просто несущественны. Она всегда считала, что Бог – он у нас в душе. Да, твои поступки и мысли имеют значение. Но не платок, завязанный, чтобы скрыть твои волосы, соблазняющие и искушающие благочестивых мужчин, не способных контролировать свои эмоции, в храме.

Так называемая сильная половина человечества всячески подчеркивает свою слабость и неумение держать себя в руках и обвиняет во всем этом подлых женщин. Да ладно!.. У сильного всегда бессильный виноват, – так, кажется, сказал известный классик?.. Но об этом никто почему-то даже и не задумывается.

А вот у Олеси имеется с детства некий дефект конструкции, и поэтому она не может следовать всем этим общепринятым правилам. Возможно, иногда у нее и появляется желание зайти в ту же церковь. Но для этого сначала нужно надеть благочестивую юбку и повязать на голову платок. А этого она делать не будет просто принципиально. И не сме-

нит удобные джинсы на бесформенный балахон, – чтобы угодить, – нет, не Богу, потому что ему на самом деле все это безразлично, – а людям, которые придумали все эти правила и условности, – а также платки, балахоны, паранджи и хиджабы, – только для того, чтобы лишний раз указать глупой и слабой женщине ее подчиненное и униженное положение в этом мире. В мире, до сих пор принадлежащем мужчинам. И эти хозяева жизни все еще желают, чтобы глупые, безвольные и бесправные, – несмотря на то, что на дворе давно уже двадцать первый век, – самочки, чаще всего просто по-прежнему не способные еще выжить самостоятельно, закутывались поплотнее, чтобы скрыть свое грешное естество, и прислуживали своим хозяевам.

А сейчас и вовсе повсюду агитируют за возвращение к традиционным ценностям, вроде семьи и усиленного деторождения. Замечательно!.. Бабы должны четко знать свое место, а также свою роль и предназначение в этом мире. Иначе у них есть риск остаться одинокими и никому не нужными.

Хотя... А кто сказал, что это плохо?.. Снова мужчины?..

В общем, – да здравствует эмансипация и гендерное равенство!..

НО ТЫ СКАЗАЛА МНЕ...

Однажды Олеся случайно попало в соцсетях фото ее бывшего мужа. Она не удержалась и сохранила его на рабочем столе, чтобы можно было изредка открывать и поглядывать. Ведь он был там такой няшка, – просто глаз не отвести... Как это ни удивительно, но он даже ни капли не изменился за прошедшие двадцать лет, не постарел, не обрюзг... Видать, правду говорят люди, – маленькая собачка до старости щенок... И костюмчик, похоже, на нем был тот же самый, – мешковатый, плохо сидящий на его худой долговязой фигуре... Хотя, нет, такого, вроде бы, не может быть даже чисто теоретически, – ведь он истлел прямо на нем еще во время их счастливого семейного проживания, хотя Олеся, по настойчивой просьбе мужа, еще долго и тщетно пыталась его реанимировать... И видеть все это было так странно...

И вот теперь, когда Олеся временами становится совсем хреново, когда все проблемы разом наваливаются и душат, и кажется, что сил справляться с ними больше нет, Олеся смотрит на его фотографию, и ей сразу же становится легче. И именно в такие моменты она необычайно остро осознает, насколько она счастливый человек, и как ей вообще несказанно повезло в этой жизни. Потому что однажды она нашла в себе силы окончательно вышвырнуть из нее вот *это*...

Когда-то она была всего лишь глупой девятнадцатилет-

ней девчонкой, повстречавшей свою первую любовь. Тогда как Гера – по возрасту – был уже полностью взрослым почти тридцатилетним мужчиной, как на грех, именно в этот момент пришедшим к мысли, что ему давно уже пора хоть с кем-нибудь сочетаться законным браком, а то окружающие уже начали подозрительно коситься на него и в чем-то его подозревать. А мнение других людей значило для Геры очень много, поэтому для него было крайне важно доказать им всем свою полноценность и состоятельность.

И вот, среди миллионов гораздо более подходящих ему и по возрасту, и по взглядам, и по образу жизни, мечтающих о замужестве и действительно готовых стать примерной женой и матерью семейства девушек, этот несчастный убогий закомплексованный мужчинка выбрал наивного невинного ребенка, чуть ли не со школьной скамьи, который к этой самой семейной жизни был совершенно не готов, никогда не мечтал о ней и вообще в принципе не желал такого счастья.

Гера искренне полагал, что легко сможет подмять под себя глупую неискушенную девочку и без труда заставить ее принять все свои убеждения. Чужая судьба и чужие чувства на самом деле волновали его не слишком сильно, и он даже ни на миг не задумывался о том, а стоит ли ломать ей жизнь в угоду своим прихотям.

И поначалу ему все это, вроде как, даже и удалось, и он решил, что добился успеха в своем начинании. Наивная Олеська влюбилась в казавшегося ей таким взрослым мужчину

со всем пылом неискушенной юности. Она вообще никогда прежде не мечтала о замужестве. Вместо этого она чуть ли не с колыбели собиралась уехать в Москву и поступить на журфак. Она работала в газете именно для этого, – потому что для поступления необходимо было два года опыта подобной работы. Она никогда не видела себя в роли степенной матери семейства, зато собиралась спасти и изменить этот мир, осчастливить все человечество, и, подобно Моисею, вывести людей на свет и избавить их от многовекового рабства...

Она хотела слишком многого. Он желал, чтобы она стала его женой. И он решил, что она просто обязана отказаться от всех своих нелепых идей и поставить во главу угла его счастье.

“Но ты сказала мне, это мечты, и ничего в них нет, вот и все, что сказала мне ты!..”

Только в их случае все получилось с точностью до наоборот...

Олесин милый без труда убедил ее, восторженную возвышенную дурочку, что в этом мире нет ничего важнее их великой любви. И она даже на какой-то миг согласилась с ним, потому что тогда она, по простоте душевной, не знала одной банальной истины: любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда... Георг был очень умным человеком на самом деле и талантливым психологом в придачу. И в своей юной возлюбленной, несмотря на всю ее молодость, наивность и инфантилизм, он сумел разглядеть огромный потенциал для

будущей совместной жизни.

Георг увидел в Олесе потенциальную жену – маму, способную взвалить на себя огромную ответственность, готовую вкалывать на трех работах без выходных, чтобы достойно содержать свою семью и воспитывать детей. Причем, дети были обязательным условием, – ведь все окружающие должны были наглядно убедиться в том, что он, Гера, полноценный мужчина, способный иметь потомство. Но первоочередной задачей своей жены он видел желание ограждать любимого мужчину от всех проблем и невзгод этой тяжелой жизни. Единственной обязанностью этого чудесного мужа и дето-производителя должно было стать лежание на диване кверху жо... ну, то есть, кверху ногами и рассуждения о несправедливом устройстве этого брэнного мира. Гера всегда считал, что работа – это совершенно не мужское занятие; работа – это для быдла, к каковому он, разумеется, не относился. Он пытался уверить Олесю, что деньги и квартиры – это нечто грязное и мещанское, а они будут безумно счастливы даже без всего этого, питаюсь, наверное, воздухом и порхая друг над другом, как бестелесные ангелочки...

И Олеська поверила. Сдуру. Но много ли вы видели умных девятнадцатилетних девушек, охваченных пылом первой любви и искренне верящих, что это – на всю жизнь?..

Они долго тянули друг друга в разные стороны, безуспешно пытаясь изменить. В общей сложности, лет семь. Гере, как на поверку оказалось, не нравилось в Олесе ничего. Он

хотел заставить ее читать другие книги, слушать другую музыку, смотреть другие фильмы. Он возмущался и обижался, потому что Олеся твердо держалась за определенные устои и не желала отказываться от них в угоду ему. Ее глупые мелкие мещанские интересы не подходили для такого высокообразованного интеллигента, как Георг, и поэтому он не сдавался и был упорен в своих стремлениях. Но подлая Олеска, хоть и была поначалу сильно влюблена и искренне пыталась угодить своему любимому, тем не менее, твердо отстаивала свое право читать Джекки Коллинз, а не военную научно-техническую литературу, которую упорно подсовывал ей милый. И фильмы она желала смотреть художественные, а не документальные о политике и различных общественных деятелях. А самой ужасной ее ошибкой было, наверное, то, что она упорно отказывалась боготворить Алсу и петь дифирамбы Анжелике Варум, настаивая на том, что ей больше по вкусу певцы, музыканты и актеры мужского пола...

Со своей стороны, Олеся практически силой заставляла его мыться, – ведь до рокового знакомства с ней этот интеллигент во втором поколении искренне полагал, что от “купания” чаще одного раза в неделю можно смертельно заболеть. Олеся с руганью и истериками гнала его в магазин за одеждой, – *для него*, не для себя!.. – потому что ему реально было нечего надеть. А то, что имелось, представляло собой одно сплошное недоразумение.

Можете представить себе мужские трусы, – простите за

интимную подробность, – от которых не осталось даже лохмотьев, просто одна сплошная дыра с парой ниточек, еще удерживающих остатки расплывающегося материала?.. Но Гера вцеплялся в эту дыру с отчаянным криком: “Их же мне мать подарила!!!”

Смешно сидящий на нем старомодный костюмчик “а-ля восьмидесятые” протерся до дыр, но Гера отказывался вылезать из него и ходил в нем, в буквальном смысле слова, и в пир, и в мир, и в добры люди. А на любые попытки Олеси уговорить его одеть что-то другое лишь начинал кричать: “Ты не понимаешь, – мне его мать купила на выпускной в школе!!!” Да нет, Олеся все это прекрасно понимала. Вот только это чудесное памятное событие случилось уже почти без малого двадцать лет назад...

А еще у мужа имелся дорогой его сердцу китайский пуховик цвета детской неожиданности, – он настолько выцвел и вылинял со временем, что теперь, глядя на него, невозможно было даже предположить, какого цвета он был изначально, – то ли желтый, то ли зеленый, то ли коричневый. У Олеси был такой же лет десять назад, когда они только-только начали появляться в нашей стране. И, кстати, у этого Гериного пуховика была очень интересная изюминка: за все эти годы его ни разу не стирали и не сдавали в химчистку. Они с мамой много слышали о том, что после стирки эти пуховики приходят в негодность, и не желали рисковать.

И это правда, кстати. Насчет негодности. Поэтому подоб-

ных раритетов на тот момент ни у кого уже не было...

Но отдельного упоминания заслуживает Герина шапка-ушанка. Такие тоже были в моде в их городе много лет назад. В принципе, это были очень даже неплохие теплые шапочки, заячьи, с висящими ушками, – как раз для наших российских зим, которые были тогда достаточно суровыми. У Олеси тоже такая некогда была, и она очень ее любила...

На Гериной шапке от времени практически не осталось меха, – он был полностью истерт. Разве что на макушке. И эти болтающиеся ушки с огромными проплешинами реально пугали... Потому что не каждый бомж решится надеть нечто подобное. Зато образованный и интеллигентный молодой мужчина, тридцати с небольшим лет, носил ее гордо и повторял, как заведенный: “Мне ее мать из Питера привезла, когда я еще в школе учился!..”

Но самой большой подлостью со стороны Олеси было то, что она изо всех сил пыталась заставить своего мужа работать. Хотя бы немного, пусть хоть время от времени... Упаси Боже ее грешную душу за такие страшные намерения по отношению к любимому человеку... Сама Олеся, в принципе, вовсе не была меркантильна, золота и бриллиантов не требовала, – но вот их подлый ребенок все-таки должен был иногда кушать... Жили они всегда очень экономно. Денег не было даже на транспорт. Но ведь это не страшно, – с колясочкой через весь город, в любую погоду, просто милое дело, – да и для здоровья полезно... За детским питанием, которое

было на несколько копеек дешевле в магазине, находящемся в другом районе города. А население города на тот момент было почти миллион жителей...

Да, кстати, все пять лет счастливой супружеской жизни Олеся питалась практически одной молочкой. И то, – по остаточному принципу, – то есть, покупали ребенку, а ей доставалось то, что он не доел. Но она даже и здесь не роптала. Зато фигура в порядке... И продолжала надеяться на лучшее...

Но вот однажды ее любимый муж, в которого она все эти полуголодные годы старалась верить, произнес свою коронную фразу: “Ты слишком много от меня требуешь! Я не могу зарабатывать столько, чтобы каждый день покупать тебе литр молока и литр кефира!..”

А ведь это было единственное, что они ели... И никак сократить это еще больше было уже попросту нереально и невозможно...

Олеся еще поняла бы, – постаралась бы понять, – если бы речь шла о банке икры и килограмме сырокопченой колбасы в день... Да, тут можно было бы и не потянуть, – ведь существуют же еще и другие необходимые расходы... Но они говорили всего лишь о молоке и кефире...

С тех самых пор Олеся жила вдвоем с сыном. Их папа ни разу за двадцать лет не изъявил желания хотя бы взглянуть на своего некогда такого долгожданного наследника. Просто благополучно вычеркнул его из жизни вместе с бывшей же-

ной. Но это, наверное, даже и к лучшему...

Да, в Олесиной жизни после развода было немало такого, о чем ей потом было страшно даже вспоминать. Ей и работать приходилось годами без выходных, и в долгах временами тонула, пока не научилась зарабатывать, и рыдала взахлеб по ночам от отчаянья и дикой жалости к себе. Но уж что-то, – а молочные продукты у нее в холодильнике никогда не переводились даже в самые тяжелые времена. А порой и икра с сервелатом пускали корни...

Худо ли, бедно ли, – но все выжили. И Олесин бывший муженек, похоже, тоже не пропал. Нашел-таки себе жену-маму, которая о нем, наверное, заботится все эти годы. Завел другого ребенка, – без сомнения, гораздо более удачного. Самое главное, что там, в той семье, ему позволяют не работать. Похоже, ценят и берегут, – не то, что Олеська...

Но нельзя отрицать теперь, что в одном Гера был прав. Некогда совершенно не готовая к жизни глупая инфантильная девочка оказалась на многое способна. И она вовсе не собиралась останавливаться на достигнутом. Просто иногда Олесе тоже, как и всем людям, становится немного грустно. И тогда она открывает на рабочем столе фотографию своего мужа и смотрит на него. И это мигом излечивает любую хандру.

В такие моменты Олеся всегда понимает, что она – очень счастливый человек.

ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ...

Как Олеся поняла, уже став взрослой, она всегда была одним сплошным разочарованием для своей несчастной бедной мамочки.

Не секрет, что у каждого, наверное, человека имеется в голове какой-то определенный идеал. И все мы – вольно или невольно – стремимся, по возможности, общаться с теми людьми, которые ему более или менее соответствуют. Но ни один живой человек не может быть полностью идентичен нашим представлениям о том, каким ему на самом деле следует быть. И тогда для нас, – если мы, конечно, люди разумные, – остаются только два варианта дальнейших действий.

Мы можем смириться с тем, что данный человек отнюдь не идеален в наших глазах, но при этом принять его, – принять его индивидуальность, оценить его положительные качества, возможно, перевешивающие то, что нам в нем не нравится. Либо, – если это совсем невозможно, – расстаться с ним, потому что он нас, в силу каких-то своих особенностей, совершенно не устраивает, и иметь с ним дело нам не хочется.

Правда, есть еще один – и очень сложный – вариант. Мы можем попытаться полностью переделать этого совершенно

неудачного в наших глазах человека, попробовать слепить из него то, что нам надо, то, что мы хотим в нем видеть.

При этом его собственные желания и потребности, разумеется, уходят на второй план. Ведь мы же с вами лучше знаем, как он должен жить!..

Проблема при этом заключается лишь в том, что люди не меняются.

Да, их можно подчинить себе при определенных обстоятельствах, – лучше силой; это гораздо более эффективно. Можно подавить, затравить, сломать. Все это на самом деле не так уж и сложно. Но вот полностью изменить саму сущность человека, его потребности, отрегулировать его под себя и сделать таким, каким мы сами хотим его видеть, невозможно. Рано или поздно, опять же под воздействием каких-либо обстоятельств, уставшие от таких сложных отношений друзья уходят к тем, кто их понимает и принимает; внешне любящие и преданные супруги находят других спутников жизни, способных оценить их положительные качества. Но самая несчастная категория таких вот людей, которых вечно кто-то стремится переделывать под себя, – это дети. И вдвойне печально, что зачастую за свое место под солнцем не умеют бороться именно беспроблемные дети, – хорошие, послушные, любящие своих родителей, а потому искренне стремящиеся порадовать их и угодить им.

И таких детей на самом деле можно только пожалеть.

Олесина мама никогда и не скрывала, что всегда мечтала

об изящной дочери-лебедушке, которая выступала бы, словно пава, плыла по воздуху, едва касаясь земли кончиками бальных туфель, и вызывала бы у окружающих обмороки восторга и восхищения. У этой сказочной волшебной принцессы любое дело должно было спориться в руках, как у работающей и трудолюбивой Золушки, и она должна была всегда быть такой же беспричинно вечно счастливой, доброжелательной ко всем окружающим, покорной, безропотной, бессловесной и ставящей во главу угла свою готовность в любой миг угодить любимым членам своей чудесной раскрепасной дружной семьи, которые с удовольствием будут принимать ее любовь, внимание и заботу.

При этом само собой разумелось, что эта истинно правильная и добродетельная девушка должна была просто обожать ребятишек всех мастей, – ведь дети – это же счастье!.. – и больше жизни мечтать работать в детском садике. А потом она, разумеется, – как в старой доброй сказке, – должна была встретить своего принца, – такого же милого и безответного, а главное – покорного, – чтобы он, не дай Бог, не посмел не согласиться с мнением своей глубокоуважаемой тещи!..

Через положенное время у них непременно должны были народиться чудесные принцики и принцессочки, – такие же добрые, милые, легкие, изящные, изо всех сил стремящиеся угодить любимой бабушке, и вечно счастливые от этого...

Но бедной женщине изначально не повезло. Ее странная неудачная дочь с раннего детства была напрочь лишена ка-

ких бы то ни было зачатков изящества и женственности. Олеся была, на придирчивый мамин взгляд, слишком худой, высокой, неуклюжей и скованной. Когда ей исполнилось восемь лет, отчаявшаяся мамуля предприняла робкую попытку отдать дочь в танцевальную студию, – в надежде, что это благотворно повлияет на ее внешность и манеры. И Олеся очень старалась, потому что видела, какое огромное значение придает всему этому ее мама. Но с танцами у нее так и не сложилось, потому что, спустя всего пару месяцев, руководитель буквально вышвырнул ее прямо с занятия. В прямом смысле слова. Правда, в тот день была какая-то проверка, и, помимо несчастной Олеськи, руководитель вышвырнул еще человек десять, что составляло почти половину группы. Но, тем не менее, уверенности в себе и оптимизма это Олеське, явно, не прибавило.

Зато она без малейших усилий добивалась хороших результатов в спорте. Но мама при виде этого лишь в ужасе закатывала глаза. А после Олесиных робких просьб отдать ее в какую-нибудь, – ну, хоть какую-нибудь!.. – секцию, хваталась за сердце...

Олеся мечтала серьезно заниматься спортом. У нее получалось ну просто все без исключения: гимнастика, бег, прыжки, силовые упражнения, футбол, волейбол, пионербол, вышибалы, бадминтон... Мама раздраженно поджимала губы и лишь осуждающе качала головой. Дочь-спортсменка в ее красивые планы ну уж точно не вписывалась... Она

ужасно переживала, что неумемные занятия спортом сделают ее и без того не слишком удачную и не похожую на девочку дочь еще более мужеподобной. Ведь Олеська и так, – мама с прискорбием вынуждена была это констатировать, – ходила, как мужик, топала, как мужик, сжимала руки в кулаки, тоже как мужик, – и так далее, и тому подобное...

Мама не жалела ни сил, ни времени на то, чтобы объяснить Олесе, как правильно ходить. Особый упор она делала на то, что красивая девушка должна двигаться с изяществом и достоинством; самое главное в хорошей походке – это правильно держать ручки за спиной, зачем-то их там растопырив... Очевидно, Олеся была совершенно бездарной ученицей. Она изо всех сил пыталась прилежно следовать маминим рекомендациям, но сказать, что у нее ни хрена не получалось, – это вообще не сказать ничего!.. Она просто стала посмешищем всего двора из-за этих своих неуклюжих и нелепых попыток “стать изящной”. Раньше, когда она просто была самой собой, на нее никто не обращал внимания... А теперь, стоило ей только появиться на улице, над ней все откровенно смеялись, ей кричали вслед пакости и оскорбления, свистели и передразнивали... На каком-то этапе Олеся просто полностью замкнулась в себе и стеснялась выходить из дома, чтобы пореже становиться объектом насмешек...

Мама, якобы, украдкой, – но, разумеется, так, чтобы дочь это видела, – смахивала с ресниц слезы разочарования, глядя на Олесю с осуждением и укоризной в глазах, словно та на-

рочно не желала соответствовать ее идеалу. Олеся старалась еще сильнее... А на деле получалось все нелепее и нелепее...

В результате всех этих невообразимых усилий она лишь приобрела дикий комплекс неполноценности, который аукается ей до сих пор...

К сожалению, хорошей хозяйшки, как мечтала мама, из Олеси тоже не получилось. Несмотря на то, что ей целыми днями приходилось прибираться и готовить, она никак не желала полюбить все это дело, и занималась этим лишь по необходимости, – а не для того, чтобы осчастливить членов своей замечательной семьи уютом в квартире и вкусной едой. К тому же, по твердому убеждению все той же мамы, руки у Олеси росли совсем не из того места, и работа в них никак не спорилась...

Но самым большим изъяном Олеси было то, что она за чем-то писала. Ну, вот просто ничего более нелепого и бесполезного невозможно было даже представить себе... Мама просто готова была зарыдать, – или по привычке забиться в истерику от ярости, – наблюдая, как ее непутная дочь тратит на подобную ерунду такое драгоценное время. И это – вместо того, чтобы к вечеру еще раз протереть пол в квартире, – а то он с утра уже запылится... Или же окна лишний раз помыть, – а то они уже недели две не мыты; через них уже скоро улицу не видно будет... И мама постоянно, неустанно, изо дня в день, вдалбливала Олесе, что вот она в свое время очень любила работу по дому и даже в детстве всегда вы-

полняла ее с удовольствием и радостью. И вот наказал же ее Господь Бог такой дочерью, которая все это делает без малейшего энтузиазма, разве что из-под палки, – зато бумагу марает тоннами, не напасешься на нее...

Хоть Олесю и выгнали из танцевальной студии в детстве, но танцевать она, тем не менее, любила, и всегда ходила на дискотеки на базе отдыха, где они отдыхали каждое лето. Но однажды вместе с ней туда пожелала прийти и мама. Олеся не углядела в этом ничего особенного и, в принципе, не была против... До тех пор, пока мама, увидев, как танцует ее дочь, не схватилась за сердце в ужасе...

Разумеется, выяснилось, что Олеся не умеет танцевать от слова вообще, и глубоко шокированная этим фактом мама тут же кинулась учить ее... Но, – вот беда!.. – ученицей она, разумеется, оказалась совершенно бездарной. Несмотря на все усилия мамы, ей так и не удалось научить свою дочь красиво двигаться. А ведь у любой нормальной девушки, с точки зрения мамы, все это уже изначально должно было быть заложено в настройках, потому что без умения красиво танцевать у нее просто нет никаких шансов в этой жизни... Очевидно, на Олесе девичья природа решила отдохнуть, – потому что в ее чертовых настройках было заложено нечто совсем другое...

С тех пор Олеся больше никогда не танцевала. Нигде и ни при каких обстоятельствах. Поначалу она просто стеснялась и не желала лишний раз выставлять себя на посмешище. По-

том стесняться перестала. Но осознала, что просто не хочет ни танцевать, ни быть изящной. Возможно, это уже просто сработал некий психологический протест, наложившийся на детскую травму.

Просто в какой-то момент Олеся осознала, что больше не желает быть нормальной девушкой, – такой, какой всегда хотела увидеть ее мама, и какой она так и не сумела стать, несмотря на все затраченные воистину титанические усилия. И она перестала ломать себя, пытаясь быть женственной и изящной. И просто решила быть самой собой, – такой, какой зачем-то создала ее матушка-природа. И, в первую очередь, она начала серьезно заниматься спортом, посвящая этому много времени и сил. Ей пришлось, скрепя сердце, признать, что лебедушкой она уже никогда не станет, – а вот профессиональной спортсменкой, кстати, вполне могла бы, если бы поняла это чуть раньше. Ну, да ничего, – еще не поздно!.. Главное, все-таки суметь понять, что тебе нужно в этой жизни, и правильно расставить, в конце концов, приоритеты.

Но если бы она осмелилась сказать в свое время об этом маме, та, наверное, просто умерла бы от разочарования...

В детстве Олеся много, кем мечтала стать, когда вырастет. От воздушной гимнастки до космонавта. Но ее мама не желала даже слушать подобный бред и много лет, настойчиво и упорно, внушала дочери, что та должна работать в детском садике. Мол, это – самая подходящая для девушки профессия, а маленькие дети – это же такая прелесть, что и словами

не выскажешь... Не в обиду педагогам будет сказано, – их труд весьма и весьма почетен на самом деле, – но вот только подобная карьера не могла присниться Олеське даже в самом страшном сне...

И все-таки обстоятельства сложились так, что однажды голубая мечта мамы чуть было не сбылась. Олесе тогда как раз пришлось уволиться из редакции газеты, – а эта работа была для нее на тот момент действительно смыслом жизни. Олесья чувствовала себя совершенно потерянной, сломленной, и просто вообще не представляла, что ей делать дальше. И мама, подсуевившись, тут же, по великому благу, запихала ее в садик. Уборщицей на полставки...

Олесья там не продержалась и двух месяцев. Для нее это был один сплошной непрекращающийся кошмар... Эти чудесные детки повсюду, – а Олесья никогда не любила детей, боялась их до ужаса и просто вообще не знала, с какой стороны к ним подойти, и на каком языке с ними разговаривать. Поэтому, вымыв те помещения, за которые она отвечала, Олесья просто забивалась куда-нибудь в самый дальний угол и мечтала умереть...

Ей было тогда девятнадцать лет. Но ее жизнь была закончена.

Спасибо одной их общей знакомой за вмешательство. Увидев, в каком состоянии находится Олеська, та просто кинулась к ее маме со словами: “Марина, да что же ты делаешь?! Ты же погубишь девочку!.. Ты посмотри на нее!.. Она

же на себя перестала быть похожа; глаза потухли... Она же у тебя пропадет!..”

Ну, может, и не так категорично, – но, в общем и целом, она была права...

После этого Олесиной маме пришлось-таки смириться с тем, что она все же не сможет реализовать свою собственную юношескую мечту через дочь... И ее губы поджались еще более разочарованно...

Олесин прекрасный принц, которого ей сдуру удалось-таки отыскать, не устроил ее маму вообще. Не о таком зяте она мечтала двадцать лет, и она разве что из штанов не выпрыгивала, пытаясь всеми доступными ей способами объяснить это дочери на протяжении всей ее недолгой семейной жизни. А уж народившийся в результате этого нелепого и неудачного брака младенец вообще, похоже, изначально оказался бракованным. В ее глазах, разумеется.

И вот тут Олеся, будучи еще, что греха таить, очень молодой и глупой, чуть было сама не повторила ошибку своей мамы.

Признаться честно, ей тоже поначалу ничего не нравилось в собственном ребенке. А уж если учитывать, что он достаточно рано начал проявлять свой характер, который оказался не таким уж и простым, то ее даже, отчасти, можно было понять... И Олеся, находясь тогда еще под сильным влиянием мамы, которая вообще, похоже, почему-то возненавидела своего старшего внука с первого взгляда, тоже старательно

начала переделывать собственного ребенка и подгонять его под себя.. Ну, а что ей еще оставалось делать?.. Ведь он был совсем не таким, каким она желала видеть своего сынулю; у него всегда были какие-то странные и непонятные Олесе интересы и увлечения, – да и вообще он, к сожалению, все делал не так, вел себя не правильно, и был совершенно не похож на других – нормальных – детей. А самое ужасное заключалось в том, что он казался Олесе уменьшенной копией своего отца, – и это был, наверное, самый страшный его грех...

А ее мама постоянно подливала масла в огонь, подначивала Олесю, поддерживала ее в стремлении переделать несчастного неудачного ребенка. Она постоянно капала ей на мозги, уверяя, что сын у нее получился совсем не такой, как надо, и она вовсе даже и не обязана любить его, такого неудачного и неправильного, зато должна заставлять, наказывать, переучивать...

Но однажды в Олесиной голове что-то вдруг перемкнуло. Она даже сама так и не поняла никогда, с чего вдруг это произошло, и что послужило тому причиной. Просто словно реально кто-то свыше вправил ей мозги, и они вдруг встали на место. И Олеся очень четко осознала, что ее ребенок, – даже несмотря на то, что он – *ее* ребенок, – вовсе не должен быть каким-то другим, в угоду ей самой или ее матери. Он – другой человек; и у него должна быть своя жизнь, свои интересы, свои потребности, свои желания. Дети – это, в ка-

кой-то степени, как лотерея. И они далеко не всегда получают по образу и подобию своих родителей. Они могут быть совсем другими, и в этом нет ничего страшного. И то, что у них другие интересы, отличные от родительских, еще не делает их плохими. И просто глупо плохо относиться к ним только лишь потому, что они мыслят немного иначе и стремятся к чему-то другому.

И тогда до Олеси дошло, что не стоит искать в собственных детях недостатки, которые, в принципе, и недостатками-то вовсе не являются. Просто все люди разные. И это совершенно нормально.

Слава Богу, что у Олеськи хватило ума понять все это еще тогда, когда ребенок пешком под стол ходил, в буквальном смысле слова, – в противном случае, она могла бы травмировать его психику еще больше. И свою заодно, – да еще и при помощи мамы... В дальнейшем Олеся всегда старалась с уважением относиться к интересам своего сына, – даже если они были ей самой не совсем понятны, – и радоваться любым его достижениям, никогда не считая их несерьезными или незначительными. Она всегда настроена была поддержать его, если ему это потребуется, – но при этом свою жизнь ему предстоит прожить самому; он сам совершит свои ошибки, сам набьет свои шишки и сам будет заниматься тем, чем посчитает нужным.

Мама – это очень близкий человек. Но это всего лишь *близкий человек*. А не судья и, тем более, не Господь Бог.

И она не имеет права вершить чужие судьбы, ломать чужие жизни и указывать, что следует делать. У каждого человека имеется своя жизнь. Которую он проживет так, как посчитает нужным.

На самом деле нужно всего лишь любить своих детей. Это очень просто.

Только, к сожалению, не для всех.

ПОМОГИ БЛИЖНЕМУ СВОЕМУ...

Олесин младший братик, вопреки всем желаниям родителей, умудрился в свое время жениться на девочке из очень неблагополучной многодетной семьи. Которая жила, по словам Олесинной мамы, просто в жуткой бедности. Их отец был алкоголиком; он много лет не работал вообще, и они все честно жили на деньги мамы – пенсионерки. Один из старших братьев по молодости занимался чем-то сильно противозаконным и, очевидно, связался не с тем, с кем надо, – поскольку в какой-то момент попросту сгинул без вести. Найти его тогда не удалось. Правда, двадцать лет спустя, он вдруг обнаружился где-то в Прибалтике, удачно женившимся и на тот момент уже вполне благополучным. Он сам однажды вышел на связь, сообщил, что у него все хорошо, – и, в принципе, этим его вмешательство в дела своего семейства и ограничилось.

Еще один из братьев был честным вором, реально жившим по принципу “украл, выпил, сел”. Поэтому на зоне он проводил куда больше времени, чем на свободе, и с этим все давно уже тоже смирились.

Третий братик – самый старший – поначалу оказался довольно удачливым. У него было хорошее образование и весь-

ма неплохая работа. Он даже умудрился жениться на дочке главного архитектора города, что очень даже благоприятно сказалось на его карьере, – а также принесло квартиру, машину и прочие дотации. Но в какой-то момент в нем что-то “перещелкнуло”. Очевидно, правильно говорят, что гены пальцем не размажешь... И он тоже начал пить, буяннить, дебоширить, – а потом и воровать. Пару раз отсидел, – немного, но неудачно, – на зоне отморозил ноги так, что ступни пришлось наполовину ампутировать. И, в довершение ко всему, – словно этого мало!.. – он совершенно осознанно решил стать бомжом. Из родительской трехкомнатной квартиры его никто не выгонял; мать, разумеется, жалела его и была готова помогать и ухаживать за ним. Но он сам почему-то решил, что на улице жить лучше.

Четвертая сестра у них была инвалидом детства с целым букетом психических проблем. Они долго мучались с ней, пытались как-то лечить и поддерживать, но, в конце концов, вынуждены были признать ее недееспособной и определить в психбольницу на постоянное место жительства.

И только лишь младшенькая, Анечка, – разумеется, самая любимая, – оказалась без явных изъянов. К счастью, ее удалось более или менее удачно выдать замуж. И это было большим облегчением для ее родителей, поскольку ее мама, вдобавок к собственному весьма и весьма буйному семейству, воспитывала сама еще и двоих внуков от своих неудачных старших детишек.

Но речь сейчас, в принципе, идет даже и не об этом.

А о том, что Олесина мамуля, – добрейшей души человек, особенно, правда, почему-то именно по отношению к другим людям, – тут же кинулась им помогать. Ну, и Бог бы ей в помощь, – но вот только делать это она почему-то неизменно пыталась за чужой счет. И в данном случае, разумеется, за Олесин. А кто же еще, если не она, Олеська, поможет всем бедным, сирым и убогим?..

И в первую очередь мама чуть ли не силой заставила дочь собрать все старые вещи, – от практически не ношенных до тех, которые даже уже и на помойку-то вывесить не решишься. И, под предлогом того, что “...там совсем нищета; они и этому рады будут!..” – мамочка отправила все эти баулы с подарками новоявленным родственникам в качестве гуманитарной помощи.

Олеся тогда даже шибко и не противилась. В конце концов, действительно, – надо же помогать своим ближним!..

Правда, через пару лет все это рваньё зачем-то вернулось к Олесе обратно, – да еще и с “довеском” из их собственных старых вещей. Очевидно, это уже была материальная помощь самой Олесе со стороны добрых и заботливых родственников... После чего все эти гуманитарные дары благополучно перекочевали на помойку, где и нашли место последнего упокоения...

За это время Олеся уже узнала, что Анькина мама, Тамара, на самом деле является жуткой шмоточницей. Дома шка-

фы у нее буквально ломятся от одежды, и ей действительно впору самой помогать нуждающимся... К тому же, Олеся поняла, что это семейство на самом деле не такое уж и бедное, – несмотря ни на что, Тамара, невзирая на некоторое присущее ей мотовство, тем не менее, жить умела и вполне приспособилась содержать свою семью на те, на первый взгляд, весьма скудные средства, которые у нее были.

После того, как у Олеси открылись на все это глаза, с идеей помощи “бедным родственникам” она, разумеется, благополучно завязала. Да у нее и у самой тогда как раз настали такие тяжелые времена, что впору самой было просить милостыню...

А вот ее мама, – которая, вроде бы, видела все то же самое, – с идеей “творить добро” никак расстаться не желала. Она ведь у них была очень добрая, милосердная и свято верующая в Бога. Поэтому, чуть только в разговоре с Олесей речь случайно заходила о том, что у той пришло в негодность что-то из одежды, и необходимо задуматься о покупке нового, мама тут же, ни капельки не переживая об отсутствии шмоток у самой дочери, начинала, в буквальном смысле слова, вопить:

– Вот и хорошо!.. Вот и отдай это Тамаре!.. Они же там голые ходят!.. Им вообще носить нечего!..

Голыми в той семье, к счастью, никто не ходил, и Олесья прекрасно знала об этом. Ее подачки нужны были Тамаре еще меньше, чем прошлогодний снег. И Олеся так прямо

и говорила маме. Но та вообще не желала ее слушать. Кроме того, Олесину милую мамулю почему-то просто сводили с ума “скупость и жадность” дочери, и она тут же начинала вопить, уже не выбирая выражений. А со временем, по мере прогрессирования у нее, как заподозрила Олеся уже гораздо позже, некоторых психических отклонений, истерики мамы по этому поводу начали принимать просто гротескный оттенок и весьма напоминали какой-то нелепый фарс.

Например, как-то Олеся случайно, – по великой глупости, не иначе!.. – обронила в разговоре, что у нее совсем разорвались кроссовки, и ей надо срочно куда-то выбираться и покупать новые. Окончание фразы мама, разумеется, благополучно пропустила, зато начало услышала и тут же буквально заверещала в трубку:

– Вот и отдай их Эдику!.. Ему же совсем ходить не в чем!..

Мамина неадекватность давно уже в последнее время ставила Олесю в тупик, и она не совсем понимала, как ей следует на нее реагировать.

– Мама, – недоуменно, но очень осторожно возразила Олеся, – кроссовки вообще развалились! Полностью! Их уже невозможно носить, они дырявые!..

– Вот и отдай их Эдику!.. – Мама просто, похоже, упивалась счастьем от возможности еще хоть чем-то помочь той семье. – Ему же все равно!.. Он же у них бомжует!.. Тамара рассказывала, что он у них сейчас прямо в песочнице около дома живет!.. Вот и отнеси их прямо сейчас Ане; пусть она

ему их передаст!..

– Мама, – снова, в полном шоке от ее слов, осторожно возразила Олеся, – ты подумай сама!.. Зачем взрослому мужику, – каким бы бомжом он ни был, – мои кроссовки тридцать шестого размера?.. На что он их натянет?.. Они же ему не налезут, – даже дырявые!..

Ответ мамы заставил Олеся просто выпасть в осадок.

– Так у него же все равно ноги ампутированы, – вот они ему как раз и подойдут!!! – радостно закричала мама. Какая-либо логика в ее словах отсутствовала напрочь. – Отдай ему их прямо сейчас; ему ходить не в чем!.. Я сейчас позволю Ане и скажу, что ты принесешь ей кроссовки для Эдика!..

Разумом Олеся тогда уже начинала осознавать, что все это уже просто не совсем нормально. И она попыталась деликатно объяснить маме, что вот прямо сейчас бросить все и кинуться с кроссовками к Ане, – это, мягко говоря, не совсем реально. В конце концов, ей еще элементарно необходимо хоть в чем-то дойти до магазина, чтобы купить новые.

– Так ты же сказала мне, что они у тебя совсем рваные?! – от возмущения резко перешла на визг мама.

– Да, совсем рваные, – подтвердила Олеся, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие, хотя уже тогда было понятно, что ничем хорошим это не закончится. – Но ведь босиком-то я все равно не смогу идти в магазин! Хоть в чем-то мне до него еще дойти надо!.. Да и до Ани!..

В глубине души у Олеси еще теплилась тщетная надеж-

да, что к тому времени, когда она действительно сможет добраться до магазина, мама уже забудет про этот их разговор. Она уже миллион раз успела пожалеть о том, что опять случайно затронула эту тему, – потому что нечто подобное у них уже происходило, и не раз. А сейчас надо было хоть как-то разруливать эту ситуацию и закругляться...

– Дойдешь в чем-нибудь!!! – проорала любимая мамуля в трубку так громко, что Олеся, наверное, смогла бы услышать ее и без телефона. С другого конца города... – Отнеси их Ане прямо сейчас, Эдику вообще ходить не в чем!!!

На улице, – это так, между словом, – хлещет почти тропический дождь, – явление не такое уж и частое для их климатической зоны. Хороший хозяин собаку из дома не выгонит, – как говорят... А мама, между тем, все настойчивее требует бросить все и вот прямо сию минуту рвануть к Ане...

В голову Олеси тогда уже закрадывались не очень хорошие мысли о том, что кто-то из них двоих, вне всякого сомнения, безумен. Но она была настолько хорошо вымуштрована суровым воспитанием и жестокими реалиями жизни, что пока еще даже про себя не смела обвинить в этом маму и с ужасом полагала, что это у нее, наверное, имеются какие-то психические проблемы, мешающие ей видеть данную ситуацию адекватно.

Наивная, – что тут еще можно сказать?..

Поэтому Олеся, – устало, даже изможденно, уже явно из последних сил, – снова попыталась объяснить маме свою

проблему:

– Мам, но мне даже до Ани сейчас не в чем будет дойти!..

– Так они же у тебя разорвались, – как же ты собираешься идти в них в магазин?! – рявкнула на нее мама так, что заложило уши.

Олеся почувствовала, что у нее просто руки опускаются от всего этого. И она проговорила, оправдываясь и уже чуть ли не плача:

– Господи, мама, но другого-то выхода у меня все равно нет!.. Босиком-то я, согласись, уж точно дойти не смогу!.. Мне нужно сначала купить хоть что-то на замену, а потом уже отдавать!..

Если она надеялась таким вот образом воззвать к маминому разуму, то ее затея с треском провалилась.

– А-а-а-а-а!!! – резко перешла на ультразвук мама, которая от охватившей ее ярости, похоже, потеряла последние остатки разума. Этот ее “переход”, хоть и вполне предсказуемый, тем не менее, всегда происходил неожиданно и до сих пор пугал Олеся просто до безумия и до полной потери дара речи. – А-а-а-а-а!!! Так значит, носи их сама!!! Я хотела, как лучше, но ты будешь носить их сама!!! Вот и носи тогда их сама!!! Я-то пыталась тебе помочь, но ты будешь носить их сама!!! Ну, и ладно!!! Ну, и живи тогда, как хочешь!!! Ты же будешь носить их сама!!!

Если послушать весь этот бред со стороны, то любой нормальный человек останется в замешательстве, наверное, так

и не сумев понять ту особую, свойственную лишь Олесиной маме, женскую логику, связавшую весь этот набор почти случайных фраз между собой. Уже одно только это могло бы вызвать сомнения в разуме и адекватности человека, выкрикивающего нечто подобное, – и одним только лишь приступом ярости это не объяснишь...

Повторив все эти несколько фраз раз сто в самых различных вариациях и интерпретациях, добавив напоследок, разумеется, что Олеся ей больше не дочь, прокляв ее и одновременно с этим пожелав ей счастья и удачи такими словами, которые обычно не употребляют в приличном обществе, мама швырнула трубку.

Олеся размазала слезы по щекам и неимоверно тяжело вздохнула. Она чувствовала себя оплеванной и в очередной раз так и не смогла понять, чем вызвала этот приступ дикой ярости у своей любимой и ненаглядной мамочки?..

Позже ей обязательно придется перезванивать маме, вымаливать у нее прощение, попутно соглашаясь с тем, что никого хуже нее в этом мире Господь Бог еще не придумал, и она, очевидно, послана своей бедной мамочке в наказание за какие-то ее страшные грехи. В ответ мама, как всегда, заверит свою дочь, что и про нее, такую злобную, жадную, скупую, беспутную и неправедную, Господь не забудет и обязательно накажет ее, – за ее ненавистность, озлобленность, грубость и наглость. И так далее, и тому подобное... И уже только после этого мама все-таки милостиво согласится про-

стить свою совсем пропащую дочь, сопроводив все это очередной тирадой на тему: “Ведь ты же – моя дочь, и я обязана простить тебя!.. Что же делать, если Господь дал мне и такое пережить!..”

Но все это будет возможно только при одном-единственном условии: если Олеся прямо в тот самый миг, бросив все, кинется к Ане и отнесет ей кроссовки для Эдика... Ну, или что там от них еще останется на тот момент... И не дай Бог ей не сдержать испуганный вздох...

При таком раскладе все останутся счастливы. Как и всегда.

Позже Олеся тысячи раз задавала себе вопрос, почему она так безропотно терпела все это тридцать лет?.. И так и не нашла на него ответа...

Но, наверное, никого теперь не удивит то, что она уже очень много лет не общается со своей доброй и милой мамочкой?..

ЛЮБИМЫЙ И ЕГО ИСПОРЧЕННАЯ МЕТРИКА...

В тот самый день, когда Олеся договорилась со своим будущим мужем поехать во Дворец Бракосочетаний, чтобы подать заявление, Георг прибежал к ней в жутком состоянии. Еще хорошо, что, кроме Олеси, в тот момент никого из ее родственников дома не было. Едва открыв дверь своему возлюбленному, прямо с порога, Олеся сразу же поняла, что случилось нечто страшное. Геру всего трясло, словно от пришел с сорокоградусного мороза и никак не мог отогреться. Он был не в силах даже говорить нормально. Только повторял, как заведенный, словно в каком-то трансе:

– Я тебе сейчас такое расскажу!.. Такое расскажу!..

Сказать, что Олеся перепугалась до полусмерти, – это не сказать ничего...

Гера, по-прежнему содрогаясь всем телом, прошел в комнату, сел на диван – и вдруг разрыдался в голос, как ребенок. Олеся растерялась и перепугалась еще больше. Она просто застыла от ужаса, боясь даже пошевелиться.

Прекрасно зная о том, что его избраннице нравятся спокойные и сдержанные мужчины, Гера обычно всегда изображал из себя этакого непроницаемого и выдержанного супермачо. И вдруг с ним случается такая просто дикая истери-

ка, с морем размазанных по физиономии соплей и судорожными безудержными иканиями... На самом деле, это было так на него не похоже, что Олеся реально застыла рядом, в шоковом состоянии, как соляной столп, не зная, что с ним делать, и как его успокоить...

К тому же, – да прости ее, Господи!.. – но к этому ее страху примешивалось жуткое чувство отвращения, омерзения и брезгливости при виде того, как любимый реально намазывает соплю на кулак и вытирает их об одежду, которая и так, к сожалению, была далеко не первой свежести...

Уже потом, после свадьбы, пожив некоторое время с этим странным человеком, Олеся поймет, что подобные эффектные истерики – любимый конек ее супруга. Именно это и есть его естественное состояние, а вовсе не спокойствие, хладнокровие и выдержка. И надо всего лишь дать ему как следует выплакаться, по возможности не обращая на него внимания. Но тогда, в тот миг, – в тот день!.. – это стало для Олеси откровением. И, надо признаться, весьма шокирующим...

А Георг лишь по-прежнему повторял, как заезженная пластинка, в перерывах между судорожными всхлипами, вздохами и иканиями:

– Мне мать такое рассказала!.. Такое рассказала!.. Ты не представляешь!.. Ты теперь не захочешь выходить за меня замуж!.. Я такое узнал!.. Такое узнал!.. Она скрывала это от меня всю жизнь!..

Признаться честно, у Олеськи просто ноги подкосились, потому что единственная мысль, промелькнувшая у нее в голове, была о каком-нибудь наследственном заболевании, передающемся генетически. Что-то типа шизофрении или биполярного расстройства. Она сразу же предположила, разумеется, самый худший вариант. Возможно, Гера был чем-то болен, но до сих пор действительно не знал об этом. Признаться честно, у Олеси и у самой иногда возникало подобное подозрение, – и это обуславливалось, в первую очередь, тем, что его мама во всеуслышание и на каждом углу кричала о том, что ее тридцатилетний сынок пока еще просто не способен самостоятельно принимать какие-либо серьезные ответственные решения, – и, тем более, ни в коем случае не сможет сейчас содержать семью...

И Олесе хватило ума тут же предположить, что, возможно, мама всю жизнь мужественно скрывала от него какой-то страшный диагноз, чтобы он не чувствовал себя неполноценным и мог жить нормальной жизнью. Но именно поэтому она всегда и опекала его, как маленького ребенка, – из страха, что правда может, рано или поздно, выйти наружу, если позволить ему полностью жить самостоятельной взрослой жизнью. Но теперь, когда он надумал, наконец, жениться, она больше не имела права молчать и посчитала себя обязанной рассказать ему обо всем, поскольку подобное заболевание может передаваться его детям...

Олеся стояла перед Георгом, ни жива, ни мертва от стра-

ха, ожидая его дальнейших слов и будучи уже, как ей казалось, готова к самому худшему. Она из последних сил пыталась сохранять спокойствие и не поддаваться панике. И вот, наконец, судорожные рыдания стали понемногу затихать, и возлюбленный, – кое-как, с грехом пополам, – смог объяснить Олесе, в чем дело...

Оказалось, Гера с утра сообщил матери, что сегодня они планируют пойти подавать заявление в ЗАГС. И тогда его матушка, Лидия Георгиевна, вдруг разрыдалась и сказала, что должна сообщить ему нечто очень важное. Такое, о чем он просто обязан поставить в известность свою невесту, потому что просто не имеет права ее обманывать...

Сама Лидия Георгиевна всю жизнь скрывала это от своего сына, поскольку заранее догадывалась, каким шоком будет для него это известие. Но сейчас, когда он собрался жениться, она больше не имеет права его обманывать. И он, как порядочный человек, просто обязан сообщить об этом своей девушке. И тогда уже она, – то есть, Олеся, – будет решать, стоит ей выходить за него замуж или же нет...

И после такого многообещающего вступления Лидия Георгиевна достала свидетельство о рождении сына, которое она скрывала от этого бедолаги тридцать лет. И показала запись о регистрации ребенка. А там, еще по старым советским правилам, в графе с данными его отца, стояла его национальность...

– Он – еврей, понимаешь, еврей!!! – завопил несчастный

Гера и снова зашелся в отчаянных безумных рыданиях.

“И никакой шизофрении?..” – чуть было не вырвалось у Олеськи.

Только сейчас она, наконец-то, смогла выдохнуть и почувствовала невыразимое никакими словами облегчение. Ведь она реально опасалась гораздо худшего. Признаться честно, национальность отца Георга на тот момент не имела для нее ровным счетом никакого значения. Ей это вообще было фиолетово. Но, чтобы объяснить, чем была вызвана такая жуткая истерика Геры, сейчас необходимо сделать небольшое отступление.

Евреев он всегда ненавидел просто лютой ненавистью. Как только речь, хотя бы случайно, заходила о представителях этой славной нации, Олесин возлюбленный, обычно внешне такой невозмутимый и спокойный, тут же начинал рвать, метать и в ярости топтать ногами, с пеной у рта доказывая самой Олесе, – и всем окружающим, кто желал его слушать, – что все беды в этом мире происходит именно по вине представителей этой национальности.

Сама Олесья, признаться честно, никогда не понимала причин такой странной горячности, и чувства и эмоции Георга по этому поводу казались ей слишком уж ненатуральными и преувеличенными. Но что было, то было... К счастью для Олеси, никакие расовые предрассудки были ей пока что еще не ведомы, и поэтому ей было совершенно все равно, к какой нации относится тот или иной человек. Она действительно

пока еще наивно полагала, что моральные качества не зависят от национальности. Русские тоже как-то далеко не все являются образцами честности и порядочности, – как ни печально это осознавать. Наверное, то же самое можно сказать и обо всех остальных.

И о евреях, в том числе.

Так что, несмотря на патологическую ненависть Георга, которую он изо всех сил пытался привить и Олесе, она вовсе даже не собиралась огульно считать всех евреев негодяями и обвинять во всем, что происходит – или когда-либо происходило – в этом мире. И вопрос о возможной истинной национальности будущего супруга по-прежнему оставался для нее совершенно неактуальным.

Но для самого Георга эта тема была просто необычайно болезненна. И кошмарная для него ситуация осложнялась еще и тем, что сам он имел типично еврейскую внешность, благодаря которой представители этой национальности, что уж тут греха таить, всю жизнь принимали его за своего. И, как это ни удивительно в данном случае, но следует признать, что подобную внешность он унаследовал от своей матери. Поскольку как раз его отец, к слову сказать, был совершенно другим, имел более тонкие черты лица, и на еврея, в принципе, как раз был не сильно похож...

А теперь вот выяснились такие жуткие подробности, буквально сразившие бедного Геру наповал...

К слову тут следует заметить, что вопрос о национально-

сти Гериного отца на самом деле был весьма и весьма спорный. Точно о нем известно лишь то, что он родился на территории Приднестровья в самом начале Великой Отечественной Войны. И кем при этом были его настоящие родители, история, к сожалению, умалчивает, поскольку в возрасте примерно двух месяцев он остался сиротой и попал в детский дом. И уже только после войны его усыновила немолодая еврейская пара, давшая мальчику свою фамилию и, разумеется, национальность.

Они воспитывали его, как родного, и он лет до шестидцати даже и не знал, что является приемным. А узнав, сбежал из дома и больше никогда туда не возвращался.

И вот теперь Лидия Георгиевна призналась сыну, что, оказывается, его отец всю жизнь ненавидел своих приемных родителей именно за то, что они “испортили ему метрику”. Он считал их виноватыми в том, что вся его жизнь сложилась непутно из-за этой графы о национальности.

Олеся недоверчиво покачала головой. Для нее все это звучало, как какой-то бред сумасшедшего!.. Это насколько нужно быть моральным уродом, чтобы так рассуждать?.. Вместо того, чтобы быть благодарным людям, не давшим ему сдохнуть с голоду в детском доме в послевоенное время, вырастившим его, как своего, он переживал из-за их национальности и, даже несколько десятков лет спустя, все еще не мог простить им того, что они, по его словам, сломали ему жизнь...

Честно говоря, если кого Олесе и жаль было в подобной ситуации, так это его приемных родителей. Тем более, что, даже по словам Лидии Георгиевны, это были очень достойные люди. И они просто, наверное, не заслужили такой мерзости.

Очевидно, свою ненависть к еврейскому народу Олесин возлюбленный, достойный сын своего отца, унаследовал именно от него. Яблочко от яблони, как говорится, недалеко падает... Поэтому для него и было таким страшным потрясением узнать, что он, хоть и чисто гипотетически, возможно, тоже принадлежит к представителям этой славной нации.

А хитрая Герина мамуля, которая изначально была против любых его отношений с Олесью, решительно потребовала от своего сына, чтобы он немедленно поставил свою невесту в известность о своем "происхождении". И все это под предлогом того, что нормальная русская девушка, узнав об этом моменте биографии своего любимого, вполне может попросту отказаться выходить за него замуж, потому что не пожелает иметь детей-полукровок. И Гера, под впечатлением от всего этого, в полуобморочном от ужаса состоянии, приехал к Олесе с намерением честно ей об этом рассказать...

Олеся предполагала про себя, что для славной и милой Лидии Георгиевны это был последний отчаянный шанс избавиться от неугодной невестки. Но только вот в данном конкретном случае она, явно, просчиталась. Потому что, как уже упоминалось, Олеся напрочь была лишена каких бы то

ни было предрассудков в этом плане.

Олесе кое-как удалось успокоить своего полностью уни-чтоженного и раздавленного возлюбленного и заверить его в том, что она выйдет за него замуж, даже если он окажется китайцем с негритянскими корнями, уходящими в глубокое рабовладельческое прошлое. Для нее все это действительно не имело ни малейшего значения. Гекуля вытер слезы и воспрянул духом. И они поехали во Дворец Бракосочетаний.

Как покажет будущее, это был один из самых нелепых поступков в Олесиной жизни. Но, тем не менее, возможное еврейское происхождение ее мужа тут действительно было ни при чем...

Я СВОБОДЕН!.. СЛОВНО ПТИЦА В НЕБЕСАХ...

Первой любви как таковой у Олеськи попросту не было.

Потом, уже став старше, она стала понимать, как это, на самом деле, разумно, когда подростки общаются между собой, флиртуют, влюбляются, встречаются... Они просто учатся жить, ищут себя, пытаюсь понять, что конкретно они хотят от жизни в целом и от отношений в частности... Из этой первой любви, к сожалению, не всегда получается что-то путное и серьезное, но... Олесе всегда казалось, что на самом деле она хороша только одним: тем, что чаще всего, рано или поздно, проходит. Молодые люди попросту взрослеют. Их взгляды на жизнь меняются. И эти чувства, которые казались такими пылкими и страстными еще вчера, благодаря бушующим гормонам, зачастую просто сами собой сходят на нет...

Конечно, далеко не всегда и не у всех это происходит легко и безболезненно. Зачастую это, напротив, очень больно и печально. Но из всего этого молодые люди обоих полов могут извлечь только один, но очень важный урок: все в этой жизни рано или поздно проходит. И, как это ни грустно, но любовь тут не исключение...

Но у Олеськи, как уже упоминалось, первой любви попро-

сту не было. В подростковом возрасте все окружающие ее мальчики казались ей слишком глупыми, – да они и сами не обращали на нее тогда ни малейшего внимания, если уж говорить начистоту. Правда, Олеся всегда очень нравилась мужчинам, которые были гораздо старше ее. Но, к счастью, на ее пути тогда попадались достаточно порядочные и благородные представители сильного пола, которые даже и не пытались заходить дальше легкого флирта. А возможно, просто сама судьба свято хранила Олеся для ее милого и единственного, – по крайней мере, самой ей приятно было думать именно так. Так что никаких, более или менее напоминающих серьезные, отношений у нее, – до поры, до времени, – попросту не было.

Но так как Олеся верила в свою судьбу, то она честно и безропотно ждала этого своего единственного, искренне и непоколебимо веря в то, что их с ним обязательно свяжет крепкая и великая любовь. А потом они проживут вместе долгую, счастливую и безмятежную жизнь и непременно благополучно умрут в один день. Потому что жить друг без друга они попросту не смогут...

Такая святая наивность может быть свойственна только человеку, который действительно знал о каких бы то ни было отношениях только по книгам и вообще не имел представления о реальной жизни.

Олесе было уже целых девятнадцать лет, когда она, наконец-то, влюбилась.

Признаться честно, даже тогда, своими наивными полуподростковыми мозгами, Олеся прекрасно понимала, что ее избранник был бесконечно далек от идеала. Более того, у нее даже хватало ума осознавать, что они с ним совершенно не подходят друг другу. Но она была влюблена. В первый раз в своей жизни. И просто сражена наповал силой открывшихся ей чувств и эмоций.

Ведь это же и есть *любовь*, – рассуждала Олеся, – и она дается человеку только один раз в жизни!.. По крайней мере, тогда она совершенно искренне верила в это. А любовь, в ее понятии, значила для человека так много, что добровольно отказаться от нее на тот момент для Олеси было равноценно тому, чтобы отказаться от жизни вообще. И она даже мысли такой кошунственной не могла допустить, что эта ее всепоглощающая, безумная, вечная любовь может уйти в одночасье, испариться, исчезнуть. И уж, тем более, Олеся, напрочь ослепленная пылом своей первой страсти, даже и представить себе не могла, что будет способна когда-нибудь – после разлуки – полюбить кого-то другого...

Олеся со своим возлюбленным преодолели все преграды на трудном и тернистом пути к своему счастью. А их, поверьте, было немало... Для чего, спрашивается, вообще было биться лбом о бетонную стену ради отношений, у которых изначально не могло быть никакого будущего?.. Но вот они вместе. Они добились своего. И даже соединены святыми узами законного брака. Олесе казалось тогда, что их сча-

стью просто не будет конца...

На самом же деле все закончилось очень быстро. Практически моментально, можно сказать... Уже через две недели после свадьбы Олеся совершенно не в силах была понять, что делает рядом с ней этот неприятный, абсолютно чужой для нее человек, который был отвратителен ей даже чисто внешне...

Вот тогда к Олесе и пришло страшное осознание того, насколько же не права была ее мама, с пеленок внушавшая дочери, что свою честь нужно беречь смолоду до самой регистрации законного брака!.. Этот долгожданный штамп в паспорте был самой глупой и нелепой ошибкой в ее жизни!

Так тщательно и долго оберегаемая честь оказалась потерянной совершенно напрасно. А Олеська оказалась в западне, связанная совершенно ненужным ей браком с абсолютно неподходящим мужчиной. О том, что эта проблема, в принципе, решается очень легко, – всего лишь еще одним походом в ЗАГС, – она тогда еще даже и не подозревала. Ведь сыграна свадьба, потрачены деньги, родственники с обеих сторон погрузились в глубокий траур, словно и не на свадьбе побывали, а на похоронах... И на фоне всего этого – объявить о разводе... Да Олеся не без оснований полагала, что ее тогда просто-напросто порвут на части. Уж морально-то – точно...

Жестоким юмором данной абсурдной ситуации оказалось то, что именно Олесина мама, так ратовавшая за честь до-

чери, изначально была против этого брака. Но, если бы не сложные взаимоотношения в родной семье, от которых хотелось бежать за тридевять земель, Олеся, возможно, и не стремилась бы так уйти от нее любыми путями. А уж если бы не мамино суперстрогое воспитание, если бы сама Олеся на тот момент проще относилась бы к отношениям между мужчиной и женщиной, если бы не ждала целых два года заветной официальной церемонии, если бы они со своим избранником просто попробовали жить вместе без росписи, этой нелепой и никому – кроме жениха – не нужной свадьбы никогда и не было бы.

Потому что они попросту расстались бы уже через неделю.

Но такая долгожданная свадьба состоялась. А сразу же после нее любовь – пшик!.. – и исчезла. Испарилась бесследно. И теперь Олеська точно знала, что любовь действительно умирает на пороге ЗАГСа... И вот в замкнутом пространстве оказались два совершенно несовместимых во всех смыслах и абсолютно чужих друг другу человека, еще даже и не понимающих до конца, что между ними просто и не может быть ничего общего...

На память о неудачном и нелепом замужестве у Олеси остался сын. И стойкое осознание того, что все в этой жизни проходит. И хорошее, и плохое...

Потом Олеся, разумеется, влюблялась еще, – и не раз. Иногда очень даже сильно. И далеко не всегда удачно, к

сожалению. Порой даже страдала и плакала. Но, какой бы сильной ей в тот миг ни казалась ее любовь, какие бы мучения она порой ей ни причиняла, – Олеся всегда точно знала, что это – еще не конец света. Да, порой бывало очень больно, и она просто не представляла, как найти в себе силы жить дальше. Но, даже рыдая по ночам в подушку от тоски и беспомощности, Олеся всегда знала: это пройдет. Рано или поздно. Нужно лишь просто потерпеть какое-то время, и все пройдет...

Возможно, просто в силу своего рационального характера и жесткого логического мышления, Олеся просто была не способна на вечные, искренние и всепоглощающие чувства, которые испытывают прекрасные героини мелодрам. Может быть, она была просто слишком эмоционально холодной и расчетливой. А вероятнее всего, она просто еще так и не встретила своего мужчину, за которым оказалась бы готова пойти хоть на край света... Но в Олесином случае всегда и безотказно срабатывал один-единственный принцип: с глаз долой, из сердца вон!.. В последующие годы она всегда необычайно легко расставалась с мужчинами, – даже с теми, кто, казалось, был ей по-настоящему дорог. И всегда твердо знала, что пройдет неделя, месяц, год, – по разному бывало, – но все забудется, уступив место чему-то другому. Новым чувствам, новым эмоциям, новым впечатлениям...

Да, вечная любовь до гроба, – это, к сожалению, оказалось совсем не про нее...

Чаще всего ее сердце было совершенно свободно. Нет, она вовсе не стала мужененавистницей, настроенной против всех представителей сильного пола. Она готова к новым отношениям. Наверное...

Просто с годами она все чаще стала задумываться о том, а нужны ли ей вообще эти новые отношения?..

Олеся никогда не ощущала себя одинокой. Отнюдь.

Она просто стала свободной!

ОПЯТЬ НЕ УГОДИЛА...

Почему-то в детстве Олеся ничего не ела и была очень худой. Мама всегда с каким-то непонятым удовольствием рассказывала ей о том, что даже в самых маленьких ползунках и распашонках, – не говоря уже о колготках чуть позже, – ее крошечный ребенок буквально тонул, и маме всю одежду на ней приходилось не только подворачивать, но и подвязывать. В начальной школе мальчишки даже дразнили ее скелетом, и Олеся жутко страдала от этого.

Но в подростковом возрасте она начала поправляться. Ну, точнее, как поправляться... Так говорят, скорее, о человеке, который начинает полнеть... А Олесина фигура просто приобрела женственные очертания. Талия у нее стала шестьдесят сантиметров, бедра – девяносто; до вождеденных модельных пропорций не дотянула слегка только грудь, – да ну и ладно!.. При росте метр шестьдесят два Олеся весила в пределах сорока восьми – пятидесяти килограммов. Как она поняла уже позже, став постарше, у нее все было просто почти идеально. Другим о таком только мечтать приходилось. Но тогда, в те годы, Олеся почему-то искренне считала себя очень толстой. Сам собой просто напрашивается вопрос: с чего бы это?..

Насколько Олеся помнила свою маму, ее всегда все считали очень стройной женщиной. Вероятно, в сравнении с боль-

шинством других дам ее возраста, – как уже позже поняла Олеся. У ее мамы действительно была достаточно тонкая талия, – сантиметров семьдесят пять, примерно, – но при этом чересчур широкие, даже на Олесин отнюдь не критический взгляд, бедра, – где-то сантиметров сто двадцать.

Многие, наверное, помнят, что тогда, лет тридцать – сорок назад, это, скорее, была норма, чем отклонение. О какой-либо диете или физических нагрузках дамы, – особенно, замужние, – тогда еще даже и не ведали, и не помышляли. Поэтому на фоне других женщин Олесина мама действительно выглядела невероятно стройной, – ну, прямо как тростиночка!.. Но сама она относилась к себе весьма критично и так не считала.

В детстве мама имела на Олесю просто колоссальное влияние. Ее мнение действительно значило для Олеси все, – а своего у нее тогда, похоже, вообще еще просто не было. И мама, страдая, вероятно, от своих собственных комплексов по поводу внешности, зачем-то всю Олесину юность старательно внушала ей, что у них с ней одинаковые проблемы и одна общая беда: слишком широкие бедра и чересчур полные ноги, которые просто жизненно необходимо всегда и изо всех сил скрывать от окружающих.

Олеся выросла с этой мыслью. Всю свою юность, – ту самую, которая должна была, по смыслу, стать самой прекрасной порой в ее жизни, – она ужасно стеснялась своей некрасивой толстой фигуры и всегда, по совету мамы, ходила в

мешковатых одеждах на два – три размера больше, чем требовалось, призванных скрывать ее жуткую полноту. Она долгие годы с затаенной завистью поглядывала на своих стройных ровесниц, щеголяющих в коротеньких юбчонках или обтягивающих джинсах, и постоянно мечтала о том, как однажды она приведет себя в порядок, похудеет и станет такой же красивой, как и все они...

Олеськину фигуру, в принципе, не испортила даже беременность. Вскоре после родов она достаточно быстро и без усилий приобрела прежние параметры. И, поскольку бдительного ока мамы, неустанно следящей за каждым ее шагом в юности, больше ежесекундно поблизости не наблюдалось, прикупила-таки себе и обтягивающие джинсы, и короткие юбки. И, к удивлению для самой себя, поняла, что выглядит во всех этих нарядах очень даже неплохо. Тем более, что мама, уже изначально настроенная осуждать каждый ее вздох, занялась, наконец-то, своей собственной жизнью и хотя бы частично оставила дочь в покое. Но почувствовать до конца собственную привлекательность и признать, наконец, все явные, неоспоримые и очевидные достоинства своей фигуры Олесе мешала ее непоколебимая, впитанная, похоже, с молоком матери убежденность в том, что она толстая. Этот дикий комплекс был просто неискореним. И она постоянно, в тщетных попытках улучшить свою фигуру, пыталась сидеть на каких-то там диетах, которые, к сожалению, не приносили ни малейших результатов. Ведь худеть-то ей на самом деле

было уже шибко некуда...

А при нечастых встречах мама по-прежнему неизменно вздыхала о том, что ее бедная дочь так же всю жизнь будет мучиться из-за своей непутной и несуразной фигуры, как мучается и страдает всю жизнь она сама...

К сожалению, даже несмотря на замужество, рождение ребенка, развод и прочее, прочее, прочее, мозгов в Олесиной голове на тот момент пока еще так и не прибавилось. И она по-прежнему продолжала свято верить каждому маминому слову и терзаться по поводу своего невыносимо жуткого ожирения...

И вот лет в тридцать случилось как-то Олеся пару недель попереживать из-за не совсем удачной любовной истории. А у нее всегда – с детства – была такая странная особенность: если она из-за чего-нибудь волновалась и нервничала, то просто не могла есть. Обычно большинство людей наоборот страдают из-за привычки заедать все свои проблемы, а вот у Олеськи в подобных ситуациях кусок в горло не лез, и одни только мысли о еде способны были вызвать тошноту. И как-то так уж само собой получилось, что, поглощенная своими переживаниями, она пару недель почти ничего не ела. А потом любовные страдания, слава Богу, сошли на нет. Ну, вот не дано ей было, как декабристке, влюбляться один раз и на всю оставшуюся жизнь... У Олеси, скорее, всегда действовал принцип: “С глаз долой, из сердца вон!..” Поэтому она перестала страдать, вытерла слезы, встала на ве-

сы и с неопишным восторгом обнаружила, что терзания по поводу несчастной любви улучшили ее фигуру килограмма на три. Это Олеся вдохновило просто необычайно. И тогда она, уже на трезвую голову, решила попробовать еще пару – тройку дней ничего не есть. Ну, то есть, совсем ничего...

При этом не стоит думать, что она тогда безалаберно отнеслась к своему здоровью. У нее на тот момент и так уже было с ним немало проблем, и усугублять их она вовсе даже не собиралась. Скорее, наоборот, надеялась все исправить. Интернета тогда еще в их городе, к сожалению, не было в свободном доступе, но в этом не было ничего страшного. Олеся раздобыла всю возможную доступную ей на тот момент литературу о лечебном голодании, обложилась энциклопедиями и тщательно проштудировала все, что ей удалось найти. Проще всего дело обстояло с рекомендациями о том, как подготовить свой организм к лечебному голоданию, поскольку оказалось, что большую часть подготовки она уже успешно на тот момент преодолела. Большое внимание Олеся уделила тому, как следует правильно голодать, и какие очищающие процедуры необходимо при этом производить, чтобы, вместо оздоровления, не свести себя окончательно в могилу, – потому что все это на самом деле далеко не безопасно, и подходить ко всему этому следует с умом. И самое главное, на что необходимо было обратить внимание, – это как выйти потом из этого состояние, не подорвав свое здоровье.

Девушкой Олеся была, без сомнения, волевой и целе-

устремленной, поэтому ей, разумеется, все удалось. Единственное, – она голодала не двадцать один день, как было рекомендовано в умных книгах, которые она читала, а восемнадцать. Чуть-чуть не дотянула, – но тут уж Олеся ориентировалась на собственное самочувствие, и просто, начав ощущать слабость, поняла, что из этого состояния пора потихоньку выходить.

Результат этой то ли диеты, то ли лечебного голодания оказался потрясающим. Начать перечисления можно с самого малого, хотя и довольно значительного: с проблем с кожей. На тот момент Олеся уже лет пятнадцать буквально страдала. То у нее появлялась какая-то сыпь непонятного происхождения, то волдыри крапивницы по всему телу, – жутко зудящие, которые она порой, не в силах удержаться, расчесывала до крови, – то жуткие огромные чирьи на спине... Последние были самой большой проблемой. Особой боли они не причиняли, но имели обыкновение появляться ранней весной из года в год, начиная с подросткового возраста, и не поддавались никакому лечению. Летний сезон, открытая одежда, пляж, купальник, – и невозможность открыть плечи и спину без стыда... Обычно в конце осени они исчезали сами собой, чтобы вновь вернуться вместе с весенним солнышком...

Из-за всех этих проблем Олеся даже в больнице пару раз лежала, но причину врачи так и не смогли установить.

Очевидно, благодаря лечебному голоданию и сопутствующему

щим процедурам по очищению организма, в нем что-то наладилось, потому что о подобных проблемах Олеся вообще забыла раз и навсегда. И за прошедшие с той поры без малого пятнадцать лет больше никогда не сталкивалась с подобными бедами.

Кроме того, у нее с детства имелся в наличие гастрит и, извините за интимную подробность, серьезные проблемы с пищеварением. Из-за этого она тоже еще в детстве и ранней юности дважды в больнице лежала. Так вот, за все прошедшие годы у нее больше никогда ничего не болело, – ни разу не было так называемых весенне-осенних обострений, – как не было и никаких неприятных последствий всего этого. С тех пор Олесин организм всегда работал, как часы.

Но это все, так сказать, цветочки.

На тот момент Олеся давно уже состояла на учете у ревматолога с серьезным системным заболеванием. У нее имелись проблемы с суставами, очень низкое давление, от которого она чуть ли не падала в обморок, дикие мигрени, когда ей целыми днями приходилось лежать в темной комнате, закрывшись с головой под одеяло, потому что любой шорох или лучик света буквально сводил с ума, сильно выраженный варикоз и какие-то необъяснимые непонятки с кровью. Никто из обследовавших ее врачей не мог разобраться, почему, при слишком густой крови, которую необходимо разжижать, так как, в противном случае, это может привести к образованию тромбов, Олесина кровь вообще не свертывается, и

любая царапина кровоточит по несколько дней, а от небольшого удара синяк образуется такой, словно на нее рухнула бетонная стена и накрыла целиком.

В общем, что греха таить, в анамнезе у Олеськи на тот момент, к ее тридцати годам, имелся целый букет. И это еще – помимо проблем с иммунитетом. Поскольку он у нее, похоже, вообще отсутствовал.

После лечебного голодания прошло *все!*..

Уважаемые читатели, я только прошу вас, ради Бога, не подумайте, что я агитирую вас голодать! На самом деле это очень трудно. И еще более тяжело подготовить свой организм к этому процессу и уж, тем более, правильно выйти потом из этого состояния! И, признаться честно, если бы у Олеся уже не было на тот момент стольких проблем со здоровьем, она едва ли смогла бы решиться на нечто подобное. Но так уж получилось, что терять ей тогда было уже нечего, – все и так казалось безнадежно потерянным, – а крохотная надежда на волшебное исцеление в душе еще теплилась...

Олеся не была уверена в том, что сможет еще когда-нибудь повторить этот свой подвиг. Несмотря на такой очевидный положительный эффект, подобная авантюра требует слишком много сил и смелости. Но тогда, на тот момент, она реально просто родилась заново. Она не знала точно, голодание ли ей так помогло, или это просто сила самовнушения и огромное желание жить. Но Олеся действительно зачастую думала, что живет до сих пор нормальной и полноценной

жизнью, возможно, отчасти именно благодаря этому своему безумству. А также последующим занятиям спортом почти на профессиональном уровне и обливаниям холодной водой.

Но, как известно, то, что подходит одному, совсем не обязательно поможет другому...

Побочным же – и самым приятным в данной ситуации – эффектом Олесиного лечебного голодания, разумеется, оказались еще несколько сброшенных килограммов. Ее “толстая” фигура стала просто идеальной, – даже на ее весьма критический взгляд. Олеся была безумно счастлива. Она с удовольствием любовалась на свои ставшие немислимо стройными ноги и переставшие быть широкими бедра, а уж про талию, которая прекратилась в осиную, и говорить было нечего! Весь имевшийся в наличии – или даже воображаемый – целлюлит просто исчез!!! И, – о чудо!.. – теперь Олеся могла, без малейшего стеснения, носить любую обтягивающую одежду, любые самые короткие юбки, – хоть по самое дальшее некуда!..

Наивная Олеся уже заранее предвкушала, как ее мамочка порадует за нее и будет гордиться ее достижениями. Но тут ее, как всегда, ждал очередной облом...

Увидев обновленную дочь, мама недовольно поджала губы и сказала одну-единственную фразу:

– И вообще, мне совсем не нравится это твое похудение!.. Вот так Олеся опять не угодила...

Правда, свои законные сорок восемь – пятьдесят кило-

грамм она после снова набрала примерно за год. Очевидно, это просто и был ее естественный вес, нормальный для ее организма. Но комплексы вместе с набранными “лишними” килограммами, к счастью, обратно не вернулись, и Олеся больше никогда особо не переживала по этому поводу. Она поняла, что является толстой только лишь в глазах своей любимой мамочки.

Но Олеся также поняла, что ей она вообще никогда не сможет понравиться. Ни худой, ни толстой. И, похоже, с этим стоит просто смириться. Пережить.

И идти дальше. Своей дорогой.

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Много лет назад, в какой-то старой книге, – Олеся, разумеется, теперь уже даже и не помнила, в какой именно, – она прочитала историю, которая невольно запала в душу. Смысл ее был в следующем.

Когда-то давным-давно жил-был один человек, у которого был очень больной сын. Человек этот был совсем не бедный. Он имел возможность приглашать к своему сыну известных и опытных врачей, но никто не мог ему помочь. И проблема была даже не в том, что никто из этих именитых врачей не мог вылечить мальчика, – никто из них даже не смог определить причину его недуга.

И вот однажды узнал об этом какой-то мудрый человек и сказал, что мальчик никогда не выздоровеет, и виноват в этой его непонятной болезни, как ни странно, его отец. Потому что он изначально совершил ошибку и сейчас живет не своей жизнью, – не той жизнью, которую предначертал для него Господь Бог. Оказывается, Всевышний дал этому человеку великий талант, и он должен был стать известным художником. Но он побоялся проблем, которые могли подстергать его на этом трудном и тернистом пути, и, вместо того, чтобы следовать за своим призванием, занялся чем-то другим. Причем, этот его выбор оказался очень удачным; он разбогател и многого достиг, – чего, возможно, никогда не смог

бы добиться, если бы по-прежнему продолжал заниматься рисованием. Но талант свой он при этом похоронил. И Господь разгневался на него за это, потому что он не прощает, если человек оказался не способен оценить его великий дар. И наказал его вот таким образом.

Поэтому его сын тяжело болен и скоро умрет. И, каких бы светил медицины он к нему не приглашал, никто из них не сможет облегчить его страдания. Единственная возможность для этого человека спасти своего сына – это бросить все нажитое и все-таки стать художником. Тогда его, в конце концов, ожидают еще большее богатство и слава, и сын его вылечится...

Но человек не понимает этого. И он никогда не изменит свою жизнь, – на ту, настоящую, изначально предназначенную ему Богом и судьбой. Поэтому мальчик умрет. У него нет никаких шансов на исцеление.

Олесе эта история запала в душу, хотя, вроде бы, со стороны она может показаться глупой и незамысловатой. Но она часто вспоминала о ней. Дело в том, что у Олеси была тётя. И она тоже с детства была очень талантливой художницей, – хотя нигде не училась, не посещала художественную школу, – просто был ей дан такой вот дар.

Между Олесей и её тётей Элей была разница всего в десять лет, и Олеся всегда помнила её что-то рисующей. Это были какие-то замысловатые картины, поражавшие Олеськино детское воображение, различные плакаты, яркие стен-

газеты... Олесе запомнилось, что у неё всегда были разноцветные тюбики с красками, – красивые, яркие, блестящие, в большом количестве. Где она брала их во времена тотального советского дефицита, Олесе было совершенно непонятно. Но Эля всегда разрешала Олесе играть с ними, и это было так здорово.

После школы Эля поступила в техникум, где уроки черчения и рисования у неё вёл профессиональный художник. Он не был широко знаменитым, – но, как тогда говорили, был довольно известным в своих кругах. А поскольку рыбак рыбака видит издалека, – то он, разумеется, сразу же заметил выдающиеся Элины способности. И, когда она заканчивала четвертый курс, он предложил помочь ей с переездом в Москву.

Он объяснил ей, что они, художники, – да и вообще все творческие люди, – всегда держатся сплочённо, потому что прекрасно понимают, как трудно пробиться в одиночку в этом мире. Своим, – то есть, другим таким же талантливым людям, – они, по обыкновению, помогают всем, чем могут. Вот и он, в свою очередь, пообещал устроить её в соответствующее учебное заведение, чтобы она могла продолжать учиться и развивать свои способности. Он заверил, что у него в этом мире огромные связи и влияние, и её, с её необычайным талантом, везде примут с распростёртыми объятиями.

Он и с жильём в Москве пообещал ей помочь, – потому что у него, опять же, в этих кругах много друзей, и любой

из них с удовольствием пустит её жить к себе, – совершенно бесплатно и безвозмездно, потому что многие из этих людей в своё время были в подобной ситуации, и им всем когда-то тоже помогали. Причём, предлагал он ей все это без малейшего сексуального подтекста, – как можно было бы предположить, глядя на всю эту ситуацию со стороны. Он просто пытался объяснить ей, что такой великий талант, как у неё, непременно нужно развивать, и просто грех хоронить его на ближайшей обувной фабрике...

Но... Во всем этом было одно “но”. Этот человек сразу же честно объяснил Эле, что они, свободные художники, ведут весьма своеобразный образ жизни. А это – свободные, ни к чему не обязывающие отношения, случайные заработки, странные друзья, зачастую, – алкоголь и наркотики. И все это изначально подразумевает, что вряд ли у неё будет крепкая и надёжная семья, стабильная работа и какой-то достаток. Как правило, большая часть людей творческих так и живут, – не зря же они даже сами именуют себя свободными художниками. Добиться славы и известности, в конце концов, удаётся лишь единицам, а большая часть вынуждена влачить довольно жалкое, с точки зрения обычных обывателей, существование.

Эля, разумеется, отказалась от всего этого с ужасом. Это было совершенно не то, чего она желала. Она на тот момент как раз встречалась с мальчиком, планировала выйти за него замуж, и вообще мечтала о стабильной и обеспеченной жиз-

ни. И вечные поиски себя где-то в сфере искусства, среди свободных художников, в эту схему совершенно не укладывались.

Стабильной жизни, к сожалению, у неё так и не случилось. С первым мужем, – тем самым мальчиком, – она вскоре развелась. Осталась одна с маленьким ребёнком. На счастье, подвернулся другой мужчина, который, вроде бы, души не чаял в них обоих, – и даже ребёнка готов был усыновить. Но почему-то опять не сложилось, – хотя он был и богатым, и заботливым. А жизни так и не было.

Ничего не было, – ни семьи, ни жилья, ни работы. Она вечно что-то искала, но это что-то все время ускользало от неё. Вечно какие-то мужчины, постоянно сменяющие друг друга, никакого даже намёка на стабильность, все время какие-то чужие квартиры и съёмные углы; ребёнок воспитывался бабушками, одна из которых – мать второго мужа – даже и не была ему родной, и годами не видел мать. Работать тоже нигде не получалось. Вообще нигде...

Она начала пить. Остановиться уже не смогла. И умерла в тридцать восемь лет. Якобы, от отёка мозга, вызванного белой горячкой. Но это было лишь предположение, – согласно диагнозу, установленному вскрытием. А что произошло на самом деле, – так навсегда и осталось тайной... Но разгадать её никто даже и не пытался.

И только Олеся всегда казалась, что Эля умерла от того, что так и не смогла жить этой не своей жизнью, которая из-

начально не была для неё предназначена, просто так и не научилась жить в этом совершенно чуждом и неподходящем для неё мире. Послушалась бы она в своё время своего преподавателя, уехала бы в Москву, стала бы художником, – и все могло бы сложиться по-другому. Но – не сложилось. Не судьба...

А вспоминала всю эту грустную историю Олеся по одной простой причине. Так уж вышло, что ей тоже всегда казалось, будто она живёт не своей жизнью. И как все это изменить, она не ведала...

Насколько Олеся себя помнила, она всегда что-то сочиняла. Ей всегда казалось, что писать она начала раньше, чем говорить. Это было единственное, что она хотела делать, и поэтому она даже и не представляла для себя другого будущего.

Лет в десять Олеся осознала, что хочет быть журналисткой. Она бегала по различным газетам, получала какие-то задания, приносила статьи. Их охотно печатали, а саму Олеся хвалили и пророчили ей большое будущее. И она никогда даже и на мгновение не сомневалась в том, что после школы уедет в Москву, поступит там на факультет журналистики, успешно закончит его и станет известной и знаменитой. Она мечтала объехать весь мир, познакомиться с множеством великих людей, взять у них интервью, написать о них, сделать репортаж... Жизнь представлялась ей интересной, заманчивой, полной неожиданностей и весьма прият-

ных перспектив...

Семья, муж, дети, быт, – все это совершенно даже не вписывалось в её прекрасные, идеализированные понятия об интересной жизни. Тогда одни только мысли об этом пугали её чуть ли не до истерики. Олеся никогда не пыталась быть почтенной матроной и уважаемой матерью семейства. Она грезила лишь о свободе и независимости. А ещё – всего лишь о мировой славе.

Но реальность оказалась куда более суровой и даже жестокой. “Какая Москва?! Ты, что, совсем сдурела?! – кричала на неё мама. – Ты закончишь ближайший к дому техникум и пойдешь работать на моторный завод! Я и место тебе уже нашла в цехе; тебя там давно уже ждут!.. Где ты лучше-то найдёшь?..”

Олеся долго сопротивлялась, – как она потом уже поняла, слишком робко и слабо, – но все же сопротивлялась. Надо было, разумеется, делать это более решительно, – но противиться её маме, которая всегда перла напролом, как танк, было не так-то просто... И все-таки нельзя было не признать, что определенных успехов она все же достигла. Она не пошла в цех, – и это уже само по себе было хорошо. И ещё лучше было то, что вместо этого она устроилась в редакцию небольшой местной заводской газетенки, которая на тот момент прекрасно подходила ей для старта.

Казалось, её мечты потихоньку начинают сбываться...

В этой паршивенькой газетёнке её поначалу на руках но-

силы и обещали помочь с поступлением в МГУ через два года. А потом... Потом все полетело кувырком...

Это был самый конец девяностых. Зарплату на предприятии, являющемся, кстати, градообразующим, не выплачивали почти год. В редакции намечались сокращения, – как и везде... А кого сократят в первую очередь, разумеется?.. Ну, никак не подающую большие надежды, молодую, талантливую журналистку, готовую дневать и ночевать на работе, а, скорее всего, досиживающих рядом свой век и перепечатающих материалы из других изданий пенсионерок. А они этого очень боялись...

И поэтому Олеся, в одночасье, как-то вдруг из безумно талантливой и подающей большие надежды превратилась в полнейшую бездарность, неспособную самостоятельно написать ни строчки, за которую другим – более опытным – сотрудникам приходилось отдуваться в двойном размере. Пришлось увольняться, – да ещё и не без скандала. Олеся была просто в шоке от той травли, которую ей пришлось перенести в стенах редакции, и почти не заметила, как ее мама, несколько не огорченная из-за неудачи дочери, пристроила её уборщицей в детский садик. На мамин взгляд, это место было самым подходящим для ее амбициозной дурочки-дочери...

Параллельно с этим у Олеси развилась нейроинфекция, – предположительно, осложнение после перенесенного на ногах гриппа. Она безумно плохо себя чувствовала, но все рав-

но упорно рвалась в бой, стремилась покорять какие-то недоступные вершины... Мама готова была удерживать её хоть силой, если потребуется...

“Какая тебе Москва?! – кричала мама, чуть ли не топая ногами от возмущения. – Куда ты все рвешься?! Какая тебе учёба, – ты же еле на ногах держишься!!! Тебе здоровье не позволит!!!”

В общем, – если перефразировать слегка слова мамы, – сиди себе спокойно дома, в тепле и в уюте, – да и замуж, в принципе, давно уже пора выходить, детей рожать... А ты все ерундой какой-то занимаешься...

Рождённый ползать летать не... должен!..

Позже, спустя много лет, Олеся осознает, что надо было тогда просто бежать. Закинуть смену белья в сумку – и прочь из дома, не оглядываясь!.. Но тогда, в тот момент... Тогда она просто сломалась.

Ей, как воздух, нужна была поддержка близких людей, которые сказали бы, что верят в неё, и что она не должна сдаваться. В двадцать лет жизнь еще не закончена, – да она ещё и начаться-то толком не успела!.. И первая же неудача и возникшие, в связи с ней, проблемы, какими бы страшными и болезненными они ни были, не должны перечеркнуть все стремления и желания. Но таких близких людей на её пути как-то не подвернулось...

Её мама готова была костями лечь на ее дороге, лишь бы только она позабыла все свои дурацкие мечты и чаяния. Да и

молодой человек подвернулся очень кстати, как по заказу, и он тоже изо всех сил стал уверять ее в том, что их великая и чистая любовь важнее всех остальных глупостей, которыми напичкана ее непутевая голова. Против молодого человека мама тоже, кстати, возражала изо всех сил, но потом, скрепя сердце, смирилась. Из двух зол, как говорится, выбирают меньшее, – и, очевидно, лучше уж дочь, неудачно вышедшая замуж и тем самым сломавшая себе жизнь, чем та же самая дочь, но свободная и сбежавшая в Москву... Поэтому мама была согласна даже на свадьбу в перспективе, – лишь бы только её удержать... Тем более, что милый тоже не разделял Олеськины стремления к звёздам и желал всего лишь, – ни много, ни мало, – чтобы она стала обычным нормальным человеком ради их большой и чистой любви...

И Олеся сдалась, решив, что действительно лучше синица в руках, чем журавль в небе...

Потом была свадьба... Рождение сына... Олесе всегда казалось, словно все это происходит и не с ней, словно она наблюдает за самой собой откуда-то со стороны... Была нескончаемая череда бесконечных работ, не приносивших ей ни радости, ни удовлетворения, на которые Олеся заставляла себя идти по утрам пинками, – в буквальном смысле, – потому что вечно нужны были деньги... Ведь милый, любимый, дорогой и единственный зарабатывать их так и не научился; вместо этого он по-прежнему сидел на диване и рассуждал об их великой любви, которой к тому времени давно

уже и след простыл... Все окружающие, – и родственники, и супруг, – искренне верили в то, что Олеся, рано или поздно, попросту остепенится, поумнеет и повзрослеет, и станет обычной нормальной женщиной, держащей в надёжной узде мужа и детей, наводящей целыми днями чистоту и красоту в уютной квартирке и готовящей вкусные обеды... Ведь именно такой должна быть образцовая хозяйка, и именно в такой роли видели её родные и близкие... А Олеся продолжала писать по ночам, падая со стула от усталости, засыпая на столе от переутомления, и все равно верила, что именно это – её судьба; именно это поможет ей достичь всего, о чем она некогда мечтала, и именно это она и должна делать, вопреки всему...

А вот прибиралась и готовила она всегда разве что для галочки и так никогда и не научилась этому всему в полной мере...

Олеся честно старалась приспособиться к своей жизни, – той, которая ей досталась. Но из неё, к сожалению, так никогда и не получилась приличная, порядочная женщина, у которой муж и дети облизаны, а дом – полная чаша... Все свои обязанности она выполняла разве что через силу, потому что ей все это было совершенно неинтересно, и она не видела ни малейшего смысла в такой жизни. Поэтому через пять лет она выгнала мужа, сбросила со своей шеи это придавливающее ее к земле ярмо и снова стала свободной.

Поклонники у Олеси время от времени появлялись, – и

даже замуж она могла бы выйти ещё не один раз, если бы захотела; но она на тот момент уже очень чётко осознавала, что все это, – муж, семья, дом, дети, работа, – просто не её. Олеся всегда хотела только лишь свободы и независимости. Наверное, поэтому и со своими родственниками она перестала общаться на каком-то этапе, – потому что они тоже тянули её на дно, душили и не давали дышать полной грудью...

Мама зловеще предрекала ей повторение Элиной судьбы. И была не права. Нет, Олеся никоим образом не повторила судьбу своей несчастной тёти, – хотя, возможно, к этому действительно были все предпосылки. Но, – словно назло всем тем, кто каркал за её спиной, – она не спилась и не пошла по рукам. Она сама вырастила сына, даже не пытаясь его на кого-то сбросить, и у нее сложились с ним прекрасные отношения. Олесе всегда приходилось много работать, потому что рассчитывать-то ей было не на кого. Так получилось, что она перепробовала в своей жизни, наверное, все профессии, которые только можно было, пока не сумела выбрать то, что уж не сказать, что сильно подходило ей, но, по крайней мере, что она могла бы выполнять без отвращения.

Олеся никогда не считала, что её жизнь прошла напрасно. Но... Она прошла напрасно.

И как-то мимо.

Ее детские мечты, – несмотря на прошедшие уже с той поры десятилетия, – никуда не ушли и, даже несмотря на занимаемые высокие должности и неплохую зарплату, Олеся,

к сожалению, не смогла избавиться от очень печального осознания того, что она ровным счетом ничего в этой жизни не добилась. И это вовсе не прибавляло оптимизма, – особенно, по утрам, когда приходилось буквально силой заставлять себя сползать с кровати и тащиться на неплохую, но все-таки нелюбимую работу, а вечером падать с ног от усталости, но при этом все еще продолжать о чем-то мечтать...

Прошло уже больше двух десятилетий с тех пор, как она работала в редакции той паршивой газетенки, а Олеся так и не смогла забыть тот счастливый и наполненный событиями год, который она провела там. Какое удовольствие ей доставляло бегать весь день по городу, а потом писать статьи всю ночь напролет, – и при этом даже ни капли не уставать!.. Вот тогда она жила. Жила этой работой, жила своими эмоциями, мечтами, надеждами... А все, что было после этого... Да, в принципе, словно ничего больше и не было....

Все эти годы её так и не покидало ощущение того, что она словно смотрит на саму себя со стороны и ждёт, когда же можно будет начать жить. Когда же, наконец, можно будет отложить в сторону этот черновик и начать все-таки переписывать свою жизнь на белом...

Да, теперь Олеся это точно знала: Господь Бог не просто так дает нам таланты. И он очень сердится, если у нас по какой-либо причине не хватает ума оценить этот его дар. Внешне у Олеси, слава Богу, теперь все было совершенно нормально. Жизнь, можно сказать, наладилась. Есть непло-

хая работа, нет проблем с деньгами, здоровьем, внешностью. Сын вырос и стал для неё действительно поддержкой и опорой. Даже грех, вроде бы, на что-то жаловаться, но...

Она все время это ощущала: недовольство Бога, я имею в виду. Вроде бы, все хорошо, но... Очень многие её начинания срывались, хотя, вроде бы, все только что было на мази, и не существовало ни малейших проблем или предпосылок для этого. Очень многие её попытки достичь чего-либо большего буквально пресекались на корню по независящим от неё причинам... И все было как-то бесполезно... Зачастую у Олеси просто создаётся впечатление, что весь мир против нее, и ей никогда не пробиться сквозь все эти преграды. Но она упорно идет вперед. Надевает на лицо улыбку и идет.

Продолжает жить этой чужой и чуждой ей жизнью.

КАК МАМА ДОЧЬ К ПОРЯДКУ ПРИУЧАЛА...

Как-то так уж изначально получилось, что с мамой Олеся всегда связывали очень странные и весьма неоднозначные отношения. С одной стороны, Олеся безумно ее любила. Просто боготворила. Так уж вышло, что ни друзей, ни подруг у нее никогда не было. Олеся всегда очень остро ощущала свое одиночество. И до девятнадцати лет, – пока она не встретила своего будущего мужа, – мама вообще была единственным близким человеком для нее. И поэтому все, что было связано с мамой, было для Олеси святым и непреложным.

Вне всякого сомнения, мама тоже очень сильно любила свою дочь... Наверное, любила... Потому что, даже не смотря на то, что тогда, в те годы, Олеся свято верила в это, она всю свою сознательную жизнь ощущала себя одинокой, брошенной и никому не нужной. Теперь уже, право, трудно понять, почему так вышло. То ли ее мама просто как-то не слишком умела демонстрировать свои чувства, то ли дело было в самой Олесе, поскольку ей, в некоторой степени, обделенной и обиженной судьбой девочке, требовалось нечто большее, чем мама могла ей дать... Что из этого больше соответствует истине, понять теперь не удастся уже никогда.

Но сам факт остается фактом: Олеське безумно не хватало маминой любви...

Глядя правде в глаза, на самом деле упрекнуть ее маму было не в чем. Она всегда безукоризненно выполняла все самые главные функции образцового родителя. Олеся никогда и ни в чем не испытывала никакой нужды. Ее всегда сытно кормили, – честно говоря, как на убой. Ее хорошо одевали. Те же золотые украшения, например, которые по тем, еще советским, временам достать было совсем не просто, – да и стоили они тогда слишком дорого, чтобы обычные родители покупали их своим детям-подросткам, – у Олеси начали появляться еще лет в четырнадцать. Если это не любовь и не забота, – то как еще тогда можно было все это назвать?..

Но при этом нельзя было не отметить, что мама всегда была безмерно строга со своей дочерью. Она никогда не прощала ей ни малейшего промаха и жестоко наказывала ее не только за реальные провинности, но даже и за нечаянные мысли о них. Шаг вправо, шаг влево, – и за все это следовал моментальный расстрел, без предупреждения, без малейшей надежды на амнистию и без каких бы то ни было отсрочек. И Олеська всю свою жизнь вынуждена была шагать строго по струнке, смертельно боясь хотя бы ненароком оступиться, потому что расплата была неминуемой...

Олеськиного брата, кстати, воспитывали совершенно иначе. И это было довольно странно, потому что они оба росли, вроде бы, в одной и той же семье. Но если чувства к своей

старшей дочери мама, по ее же собственным словам, всегда скрывала, чтобы не привлекать ненужного внимания и лишней зависти, то младшего сына она любила напоказ, громко, шумно, с восторженными междометиями, охами и ахами, – так, чтобы в этом не сомневался никто в радиусе нескольких тысяч километров. С самого первого дня мама смотрела на своего долгожданного и такого желанного мальчика сияющими от счастья и умиления глазами, и любой его поступок, даже самый неблагоприятный, – даже очевидная низость и подлость, – почему-то все равно неизменно казался ей верхом совершенства, свидетельствующим, в первую очередь, о его некой уникальности и неповторимости.

Олеся, наверное, всегда невольно завидовала своему брату. Ему никогда не приходилось терзаться вопросом, любит его мамочка или же нет?.. Да что тут говорить, – она не просто обожала его, – она его буквально боготворила. Долгие годы вся жизнь их семьи вращалась вокруг этого нового и не слишком скромного солнца, а Олеске оставалось лишь тайком страдать и гадать, почему на нее тепла никогда не хватает...

Мамуля никогда не наказывала своего сына. Ведь он же был идеален во всем!.. Больше того, – никогда на Олесиной памяти она даже не одернула его, не отругала за неподобающее поведение, – даже голос ни разу на него не повысила!.. Хотя, глядя правде в глаза, ангелом он никогда не был. Но мама даже и не пыталась хотя бы объяснить ему, что такое

хорошо, а что такое плохо. Она лишь умилялась, глядя на него, и восхищалась всем, что бы он там ни натворил.

И это реально был очень жесткий контраст, потому что Олеське всегда влетало под первое число за все, – и не только за какие-то реальные прегрешения. Мама могла наказать ее, – и причем, очень сурово, – за один только лишь неосторожный взгляд, случайно перехваченный ею и показавшийся ей, например, не слишком ласковым.

В детстве для Олеси было самым большим разочарованием то, что любимая мамочка никогда даже и не пыталась интересоваться ее увлечениями, – не говоря уж о том, чтобы хоть как-то поддерживать их. Наоборот, они ее почему-то всегда очень сильно раздражали. Просто до истерики. И в первую очередь, то, что Олеся чуть ли не с колыбели всегда что-то писала. Вместо хоть какого-то вполне естественного в таких случаях интереса и даже, возможно, гордости, – как это бывает у всех нормальных родителей, – это вполне, кстати, невинное занятие дочери почему-то всегда вызывало у мамы только лишь злость, – причем, зачастую совершенно необоснованную. Она ни разу не поинтересовалась тем, что именно пишет ее дочь, не радовалась этому, не пыталась приободрить и что-то посоветовать, не просила, в конце концов, дать ей почитать что-то из написанного. Напротив, она никогда даже и не пыталась скрывать свое раздражение из-за того, что ее дочь опять валяет дурака, – вместо того, чтобы заняться гораздо более важными, – с точки зрения мамы, ра-

зумеется, – делами. В квартире, например, прибраться, или обед приготовить. И постоянно говорила дочери об этом открытым текстом, принижая ее достоинства и напрочь обесценивая все ее способности.

А Олеся, на беду свою, была девочкой очень впечатлительной, невероятно скромной, и страдала от просто патологической неуверенности в себе и в своих силах. И потребовалось не так уж много времени, чтобы она действительно начала стесняться и даже стыдиться этого своего “неприличного” занятия. Олеся даже честно много раз пыталась перестать писать, но полностью отказаться от этого она так и не смогла. Похоже, это просто было у нее в крови. В ее маленькой непутной головенке постоянно теснились, словно распихивая друг друга, какие-то смутные образы и мысли, и для Олеси всегда самым важным делом на свете было придать им четкую форму и изложить все это на бумаге.

Любой нормальный человек гордился бы такими своими способностями. Но, с легкой руки мамы, Олеся привыкла считать это свое увлечение не только чем-то несерьезным, но даже постыдным. С самого раннего детства у нее отложилось, что это занятие необходимо скрывать от других людей, словно какой-то срам. И Олеся начала очень тщательно прятать ото всех свои тетрадки, – чтобы, не дай Бог, кто-то из окружающих даже случайно не нашел их, не прочитал ее записи и не узнал об этом ее постыдном грехе, достойном лишь осуждения, презрения и насмешек. А на извечный во-

прос мамы о том, чем это она там занимается, Олеся всегда очень смущалась и отвечала: “Да так, дурака валяю...”

Однажды, когда Олесе было девять лет, и она училась в третьем классе, с ней произошел один просто жуткий случай, о котором она не в силах была забыть, даже спустя десятилетия.

Вышло так, что Олесина мама всегда была буквально помешана на идеальном порядке в квартире. Поэтому большую часть времени по вечерам – и все выходные напролет – они проводили за уборкой их и без того идеального жилища. А мама, к сожалению, всегда была человеком настроения, и предугадать ее следующий шаг было просто невозможно.

И вот в какой-то не слишком прекрасный день мама вдруг, – ни с того, ни с сего, – пришла к выводу, что Олесе нечем заняться. И потребовала, чтобы она немедленно разобралась в своем письменном столе и выбросила из него весь накопившийся там хлам. А медлительная и нерасторопная Олеся, – вместо того, чтобы, по обыкновению, сразу же браться выполнять мамино приказание, – почему-то просто пообещала сделать это чуть попозже. Она даже и сама не запомнила, по какой причине поступила тогда так опрометчиво...

Потому что, глядя правде в глаза, это она сглупила так сглупила... Ведь она прекрасно знала свою маму, и должна была, разумеется, понимать, что с ней такие номера не проходят... Все мамины распоряжения, – даже самые нелепые

и невразумительные, – должны были исполняться еще за секунду до того, как они были произнесены. А Олеся в тот миг, похоже, как-то слегка забылась и опрометчиво посмела продолжать заниматься чем-то другим...

Да, Олеся заранее знала, что так нельзя, и в тот день случайно совершила роковую ошибку. Но, тем не менее, последующие события оказались для нее шокирующей неожиданностью. Такого она все-таки не могла себе представить, даже зная истеричность и несдержанность своей любимой мамочки...

Уже в следующую секунду после Олеськиного неосторожного ответа мама с криком подскочила к ее письменному столу и с дикими воплями зачем-то начала все из него вышвыривать... Олеся на какое-то мгновение обалдела, растерялась, лишилась дара речи, и лишь беспомощно наблюдала за происходящим... В голове отчаянно билась мысль о том, что ведь она же вовсе не отказывалась выполнять мамино распоряжение; она лишь собиралась сделать это чуть-чуть попозже... К тому же, она прекрасно помнила о том, что на самом деле в столе у нее на тот момент был полный порядок, – ну, разве что пару школьных тетрадок можно было сложить поаккуратнее...

Олеся беспомощно присела на свою кровать, не представляя, что ей делать, и со страхом ожидая, чем же все это может закончиться... Но то, что произошло в дальнейшем, не могло бы ей привидеться даже в самом страшном из ее ноч-

ных кошмаров...

У мамы не ушло и десяти минут на то, чтобы вытряхнуть из трех ящичков стола их содержимое, а потом сложить его обратно. Олеся была совершенно права, предполагая, что порядок там был практически идеальный. Да с ее мамой иначе и быть не могло!.. Если что-то и можно было еще сделать, то только лишь уложить все это еще ровнее. И мама, разумеется, не могла этого не видеть. Поэтому на ее вопли о том, что "...Раз ты сама не хочешь прибираться, то я просто сейчас выброшу все то, что посчитаю нужным!.." – Олеся, в принципе, постаралась просто не обращать внимания...

И совершенно напрасно.

Итак, через десять минут мама закончила приборку. Особо лишнего хлама, который можно было бы выбросить, в столе, увы, действительно не оказалось... Но зато, как на грех, мамочке под руку попались пять тонких тетрадок, – тех самых, в которых тупорылая Олеська писала свои "романы"...

Это были почти новенькие, чистенькие, пока еще не исписанные целиком, – даже не измятые еще, – тетрадки, в которых она часами прилежно выводила свои "каракули"... Олеся берегла их, как зеницу ока, тряслась над ними, словно курица над своим яйцом, и имела обыкновение, от греха подальше, прятать их поглубже, на самый низ, под стопку учебников, – возможно, инстинктивно предугадывая как раз подобное развитие событий... И вот именно они, – красивые, аккуратные, никоим образом не выдающие своего "срамно-

го” предназначения, спокойно лежавшие в одном из ящиков и никому не мешавшие, – и оказались тем самым лишним хламом, который ее милая и заботливая мамочка посчитала своим святым долгом тут же выкинуть...

Спустя много лет, глядя на все это глазами человека, разменявшего уже не первый десяток, прошедшего огонь, воду и медные трубы, Олеся не могла понять, каким же все-таки нужно было быть чудовищем, и насколько же сильно нужно было на самом деле ненавидеть своего собственного ребенка, чтобы намеренно, целенаправленно, изо дня в день, на протяжении многих-многих лет, измываться над ним подобным образом, издеваться, нарочно и осознанно причинять ему такую немислимую боль и тешить подобным образом свое, очевидно, большое и ущербное самолюбие...

Моментально сообразив, что собирается сделать любимая мама, – та самая мамочка, которую глупая Олеся буквально боготворила, которой никогда не смела возразить даже мысленно, которой подчинялась слепо и ни на миг не задумываясь, и которую беспрекословно слушала всегда и во всем, – Олеска, попросту, похоже, не отдавая себе отчета в том, что она творит, мертвой хваткой, как бультерьер, вцепилась в эти свои несчастные тетрадки, пытаясь вырвать их у мамы из рук. Она изначально знала, что будет потом жестоко наказана, но в тот момент ей уже было все равно. Вся ее крохотная бестолковая жизнь заключалась в этих записях. Кроме них, – кроме этой поганой писанины, как называла ее ма-

ма, – у Олески больше не было ничего, и она реально готова была защищать их даже ценой этой своей проклятой, ничемной и никому не нужной жизни. В тот миг Олеся даже почти не слышала оглушающих воплей мамы, обзывающей ее последними словами, кроющей ее матом и обвиняющей во всех смертных грехах. Они словно доносились до нее откуда-то со стороны и не имели к ней никакого отношения. В другой раз Олеся умерла бы, наверное, со страху, услышав все это, но сейчас ей просто было все равно. Все в этом мире разом потеряло свой смысл. Олеся лишь твердо знала в тот момент, что готова прямо сейчас умереть, если потребуются, – но ни при каких обстоятельствах не позволит маме выбросить то, что было для нее в этой жизни самым дорогим. В этих злосчастных, неизвестно, чем вообще помешавших ее доброй, милой, ласковой и заботливой мамочке тетрадках, заключался весь ее мир. И Олеся прекрасно понимала только одно: если она лишится их сейчас, то жить ей больше будет незачем. Если она допустит, чтобы мама их выбросила, то ей останется тогда просто лечь и умереть...

Олесина добрая мамочка вопила, как умалишенная. Если перевести ее слова на литературный русский язык, то смысл бы в том, что она все равно непременно выбросит весь этот хлам, и её обсеря-дочь сама виновата во всем, что происходит. Ведь она сама не пожелала прибираться в своих вещах, как ей было велено, и это пришлось делать маме, которая сразу же предупредила ее, что выбросит все, что посчитает

нужным. И винить в этом нехорошей Олесе следует только себя...

Олеська в ответ лишь молчала, как партизан, крепко сжав зубы, отчаянно намертво вцепившись в эти несчастные тетрадки, не замечая, что они мнутся и рвутся...

Через несколько минут мама, очевидно, устала орать и требовать, чтобы Олеся разжала руки, – или же просто поняла, что это бесполезно. И тогда она просто изловчилась и с силой отшвырнула дочь от себя. Олеся, как пушинка, отлетела в сторону кровати и, потеряв равновесие, рухнула на нее. А мама – с торжествующим воплем одержавшего победу над лютым врагом вождя краснокожих – унесла ее тетради на кухню и сделала вид, что выбросила их в помойное ведро...

А может быть, и на самом деле выбросила, – Олеся этого так никогда и не узнала. Но, по крайней мере, в тот миг она искренне в это поверила...

Потом она лишь помнила, что начала громко выть, – в голос, не стесняясь, обреченно, как смертельно раненный зверь. Ей казалось, что она даже билась от отчаянья головой о стену, потому что ее охватило необычайно острое осознание того, что жить ей больше незачем и не для чего... Влетевшая через минуту в комнату мама, очевидно, взбешенная этими звуками, с яростью отвесила дочери пару пощечин. Хочется верить, что она сделала это не со зла, а лишь из желания прекратить эту жуткую истерику и в надежде, что после этого Олеська придет в себя. Но та просто реально поте-

ряла голову от отчаяния. Она больше ничего не боялась. И терять ей в этой жизни просто больше было нечего...

Поэтому Олеся, вскочив с кровати, бесстрашно прокричала в лицо любимой матери, что ненавидит ее и никогда не простит ей того, что она сейчас сделала, потому что она выбросила то, что было ей дороже всего на свете. Но мамуля не стала особенно церемониться с ней и слушать ее вопли. Она легко, как котенка, отшвырнула дочь обратно на кровать, велев ей немедленно заткнуться, если она не хочет еще раз получить по морде... Но Олеське было все равно. Она была уже не в силах остановиться. Она рухнула на кровать в полнейшем изнеможении, продолжая выть и рыдать в голос, не обращая больше на маму ни малейшего внимания. Кажется, мама тоже все это время не переставала орать и обзывать дочь, но Олеся даже не была потом уверена в этом на все сто процентов. В тот момент она была в таком состоянии, что все вокруг было ей безразлично. Даже если бы мама убила ее, она этого и то, наверное, не заметила бы. Она уже ощущала себя мертвой... В тот день она, как ей казалось, потеряла все, и больше терять ей было уже попросту нечего. Ничего больше вообще не имело значения, потому что вся ее жизнь больше не имела смысла...

Мама сходила на кухню, забрала эти ее злосчастные, теперь уже полностью измятые и изорванные тетрадки, снова вернулась в комнату и в ярости швырнула их дочери в лицо, вложив в этот жест столько злобы и ненависти, что просто

страшно было себе представить. Но Олеся этого даже в тот момент и не заметила. Она испытала такое облегчение, которое было не описать никакими словами. Олеся схватила эти несчастные тетрадки и прижала их к себе, к самому сердцу; она баюкала их, словно живое существо, истерзанное, израненное, страшно страдающее... И она еще много-много часов пролежала в тот день на кровати, почти не шевелясь и не меняя позы, продолжая – уже беззвучно – плакать и поливать горячими слезами эти свои почему-то такие неугодные и даже ненавистные маме записи, которые оказались для нее дороже всего на свете...

А потом, на протяжении последующих десяти лет, до самого своего замужества, временно положившего конец ее грустному обитанию в отчем доме, Олеся прятала их так далеко и надежно, чтобы мама, затеявшая еще какую-нибудь грандиозную уборку с перестановкой, даже случайно не отыскала их...

С тех пор прошло уже очень много лет. Олеся давно уже выросла, и тот жуткий случай остался где-то в далеком прошлом, иногда напоминая о себе время от времени только ночными кошмарами. Если бы не они, то Олеся, наверное, давно уже забыла бы о нем... Но эта психологическая травма, очевидно, осталась с ней на всю жизнь...

Глупое и совершенно непонятное самодурство близкого человека, которого некогда Олеся любила больше всего на свете, что-то навсегда разрушило в ее детской душе и, оче-

видно, серьезно повредило ее не окрепшую еще на тот момент психику. Как бы Олеся ни любила свою маму, но с того самого дня она навсегда потеряла безусловное доверие к ней и подсознательно все время ожидала от нее какого-то подвоха. И, как показало время, вовсе даже и не зря. Но самым страшным для Олеси на тот момент было осознание самого того факта, что мама настолько жутко ненавидит ее записи, что только и ждет повода избавиться от них...

Избавиться от всего того, что для ее дочери было важно...

К сожалению, не подлежит сомнению и тот факт, что именно благодаря своей дорогой и любимой мамочке Олеся выросла такой замкнутой, болезненно стеснительной, смертельно боящейся людей и совершенно не уверенной в себе и в своих силах. Эти ее комплексы реально были просто на грани патологии. Мамина какая-то совершенно беспочвенная жестокость, равнодушие к чувствам дочери и полнейшая бесчувственность к ее увлечениям и способностям просто напрочь выбили почву у нее из-под ног еще в самом начале пути, и Олеся так никогда и не смогла оправиться от этого до конца...

С годами она настолько привыкла прятать любые свои записи, стесняться этого своего занятия и стыдиться не то, что показать, – а даже просто рассказать кому-нибудь о них, – что впоследствии всегда испытывала мучительный, просто панический страх, даже когда ей необходимо было всего лишь отдать свое сочинение на проверку учителю русского

языка. Олеся было физически плохо даже от самого осознания того, что кто-то – пусть это всего лишь учитель – прочитает ее записи, – не говоря уж ни о чем другом. И возможно, отчасти, именно по этой причине она так и не смогла приработаться в редакции газеты, куда умудрилась-таки, вопреки всем желаниям мамы, попасть после техникума. Даже когда ее статьи хвалили, она все равно подсознательно всегда ожидала осуждения и какого-то подвоха со стороны своих более опытных коллег и необычайно болезненно воспринимала любую, – даже вполне разумную, – критику. Но Олеся действительно настолько боялась осуждения и неодобрения, что, по возможности, всегда просто избегала их всеми доступными ей способами.

На протяжении многих лет Олеся даже и не пыталась бороться за свое место под солнцем и просто сразу же покорно складывала лапки, чувствуя со стороны окружающих хоть малейшее неодобрение. И кого, спрашивается, она должна была благодарить за все это?.. Как ни печально и не горько это было осознавать...

Уже гораздо позже, когда она научилась-таки справляться с большинством своих детских комплексов, она даже и не скрывала от самой себя, что большая часть ее жизни прошла в каком-то непроглядном мраке. Но, к сожалению, повернуть время вспять уже было невозможно.

Главное, что она вообще сумела выжить в этом аду. В ее случае это уже можно было считать достижением. И в

дальнейшем нужно было продолжать в том же духе. Даже не смотря на то, что весь этот груз детских обид неумолимо тянул ее на дно.

До сих пор. Сквозь десятилетия.

ЖИРНАЯ ТОЧКА В КОНЦЕ СТАТЬИ...

Олесе не исполнилось еще и пятнадцати, когда ее первую статью напечатали во “взрослой” газете. Для нее на тот момент это было необычайно значимое событие. Узнав от редактора, в каком номере выйдет ее статья, Олеся, радуясь, с гордостью рассказала об этом маме. Возможно, этого делать не стоило; вероятнее всего, надо было просто выждать время и потерпеть, посмотреть, что из всего этого получится... Но ведь Олеся с детства была приучена делиться с мамой всеми своими радостями и горестями, и она просто не смогла удержаться, чтобы не рассказать маме такую экстраординарную новость.

На самом деле это было необычайно наивно с ее стороны. На что она вообще рассчитывала в тот момент?.. Ну, разумеется, на то, что мама восхитится ее небывалыми успехами, порадует за нее, похвалит, пожелает удачи, может быть, и, тем самым, поощрит на дальнейшие подвиги. Ведь для самой Олеси важнее всего в этой жизни было получить мамино одобрение. И она все делала только ради этого.

И, поскольку данное событие действительно было из разряда неординарных, то Олеся, по простоте душевной, даже и не сомневалась, что на этот раз ей удастся заставить маму

гордиться своей дочерью. И ей даже в страшном сне не могло присниться, что события могут пойти по какому-то другому сценарию. Вроде бы, с чего?.. Для этого ведь не было никаких предпосылок... Как уже упоминалось, Олесе на тот момент еще не исполнилось и пятнадцати. Но ее работу уже заметили и сумели оценить, и теперь ее статья будет напечатана в серьезной взрослой газете, где работали, вне всякого сомнения, вполне разумные образованные люди, которые уж точно разбирались в таких вещах и не стали бы печатать материал, если бы он не был достоин этого. Олеся искренне полагала тогда, что это событие разом поставит ее на одну ступень с известными и преуспевающими журналистами, что, разумеется, не может не вызвать у ее любимой мамочки гордости за свою достойную и талантливую дочь.

Как же все-таки бедная Олеська всегда мечтала о том, чтобы ее мама гордилась ею!.. Как же сильно ей хотелось доказать своей маме, что она вовсе даже не неудачный гадкий утенок, каковым все члены их дружной семьи, по обыкновению, считали ее, а необычайно талантливый и на многое способный человек, – и вообще, личность, достойная уважения!.. Олеська, совершенно не без оснований, вполне справедливо предполагала, что ее мама всегда была недовольна своей совсем никудышной дочерью. И поэтому все ее поступки, без исключения, были продиктованы именно стремлением доказать маме, что это не так; что она удачная, достойная и талантливая...

Ей просто так хотелось, чтобы мама восхищалась ею!..

Ну, пусть бы даже она и не упала бы в обморок от восхищения и изумления, – Олеся уже тогда прекрасно осознавала, что ожидать от ее мамы чего-то подобного было практически не реально. Какое-то повышенное проявление эмоций по отношению к дочери было вообще не в ее стиле. Но, тем не менее, наивная Олеся даже ни на миг не усомнилась в том, что ее мама будет приятно удивлена, похвалит ее и поддержит. По этому поводу у нее не было даже никаких тревог и волнений.

Мама, по обыкновению, терпеливо выслушала рассказы дочери, никак не показывая ни своей заинтересованности, ни недовольства. Она никогда в таких случаях не одергивала Олесю, не говорила, например, что она занимается ерундой, – просто слушала. Как только Олеся узнала, в каком конкретно номере будет напечатана ее статья, она тут же наивно попросила маму по пути с работы купить газету. Ей тогда еще даже и в голову не приходило, что маму нужно стесняться, скрывать от нее свои опусы, – да и вообще давать ей поменьше информации о своей жизни. Все это придет гораздо позже, с весьма болезненным опытом. А тогда она ещё не ожидала никакого подвоха.

В тот день Олеся ждала свою мамочку с работы, как истинно верующие ждут второго пришествия Иисуса Христа, буквально сгорая от нетерпения. И вот мама, наконец-то, возвратилась. Олеся тут же бросилась к порогу встречать ее.

У нее на языке вертелись тысячи вопросов, которые ей хотелось тут же задать маме, но, лицезрея ее совершенно равнодушное лицо, Олеся изо всех сил пыталась сдерживаться. Мама выглядела далекой и неприступной, озабоченной какими-то своими проблемами. Олеся просто побаивалась сама обращаться к ней и честно ждала, когда мама заговорит на эту тему первая.

Не дождалась.

Мама упорно молчала или говорила о чем-то другом, словно и не понимая причин нетерпения и беспокойства дочери. А Олеся уже была вся на нервах, не понимая, почему она так себя ведет. И, в конце концов, через пару часов, она не выдержала и спросила у мамы:

– А ты газету-то купила?..

– Да, купила, – совершенно равнодушно обронила мама. Со стороны создавалось впечатление, что она вообще напроць забыла об этой досадной мелочи и вот только сейчас вспомнила.

После этих слов мама достала, наконец, из сумки газету и протянула ее дочери. Олеся с жадностью схватила ее и торопливо начала листать, разыскивая свою фамилию. Ей это быстро удалось. Олеська стала читать свою статью, и у нее даже дыхание перехватило при одной только мысли о том, что это именно она – она!.. – ее написала... Она была так увлечена этим и так поглощена охватившими ее чувствами, что смысл последующих маминых слов не сразу дошел до

нее.

– Что-что?.. – переспросила Олеся, осознав вдруг, что все это время мама что-то говорила ей.

– Я прочитала твою статью на работе, – совершенно спокойно и даже равнодушно произнесла мама и добавила, – все тем же самым ровным невыразительным голосом, без малейших эмоций. – И знаешь, что я хочу тебе сказать?.. Мне она, честно говоря, вообще не понравилась!

Если бы она просто окатила свою дочь ушатом ледяной воды, Олеся и то, наверное, не была бы в таком шоке, как после этих ее страшных и жестоких слов. Полностью оглушенная, ослепленная, ошарашенная этой маминой фразой до такой степени, что почти утратила способность обрабатывать и мыслить здраво, Олеся смотрела на свою такую строгую и честную мамочку, с трудом сдерживая готовые хлынуть из глаз слезы, с непередаваемым словами ощущением дикой никчемности и беспомощности. А ее дорогая любимая мама тем временем поразительно спокойным и ровным голосом перечисляла своей просто сраженной наповал дочери все недостатки ее статьи, сразу же, якобы, бросившиеся ей в глаза.

Тут следует весьма кстати упомянуть о том, что Олесина мама, вне всякого сомнения, была женщиной весьма начитанной и, наверное, не глупой, но вот к русскому языку и литературе, – а также к сочинительству, писательству, журналистике и прочим издательским делам, – отношения не име-

ла от слова вообще. Она даже газет никогда не читала и вряд ли представляла, что и как там пишут. Так что ее мнение относительно дефектов написанной Олесей статьи, вне всякого сомнения, было просто необычайно авторитетным.

– Честно говоря, я думала, что ты как-то гораздо лучше пишешь! – закончила мама свой пространный монолог.

Признаться честно, Олеся не запомнила и даже не поняла из него ни слова. Она пребывала сейчас в состоянии глубочайшего шока и на самом деле была способна в тот миг осознать только то, что она снова, как и всегда, совершила нечто на редкость глупое и неудачное, и теперь ее мама, – вместо того, чтобы гордиться дочерью и ее достижениями, как та по простоте душевной рассчитывала, – опять, как и обычно, очень сильно разочарована Олесей и сейчас монотонно выговаривает ей все это. Впоследствии Олеся помнила лишь то, как она изо всех сил пыталась удержать улыбку на своих дрожащих губах и не показать, насколько ей больно, – дико, страшно больно, – потому что ей просто нельзя было обижаться на свою мамочку или еще каким-то другим способом позволить ей понять, в каком она состоянии. Потому что, если показать маме эту свою боль, если признаться сейчас в ней, – то потом будет только еще хуже...

– Я, конечно же, понимаю, что тебе сейчас неприятно все это слушать! – по-прежнему совершенно спокойным ровным голосом, без малейшего намека на эмоции, продолжала отчитывать Олесю ее дорогая мамуля. – Ты, наверное, ожида-

ла, что я буду тебя хвалить! Но я не вижу здесь поводов хвалить тебя, а лицемерить я не умею, – и ты прекрасно это знаешь! И я всегда говорю только то, что думаю, – не зависимо от того, нравится тебе это или нет!.. В конце концов, кто же еще скажет тебе правду, если не мама?..

О Господи, помилуй!.. Но Олеся вовсе не хотела такой правды!.. Она-то, по простоте душевной, наивно мечтала о том, что ее похвалят и поддержат!.. И эти “честные” слова мамы показались ей настолько жестокими, что она была просто убита морально. Сражена наповал. Без какой-то надежды когда-либо воскреснуть.

Мамины жестокие слова нанесли Олесе в тот день такую мучительную рану, от которой она, похоже, так никогда и не смогла до конца оправиться. Но при этом она была настолько вымуштрована, что, несмотря на страшную боль, не посмела даже обидеться на свою дорогую мамочку, потому что она заранее знала, что, если она хотя бы попытается возразить ей или еще как-то защититься, то на нее тут же хлынет новый поток недовольства, в котором она просто-напросто захлебнется. Ведь ее славная мамочка действительно всегда говорила только правду, – и ничего кроме правды. А на правду ведь нельзя обижаться...

А кроме того, – Олеся вообще не имела права на такую вольность, как чувства... Особенно, чувства отрицательные, – а обида и недовольство как раз к ним и относились...

– Правда, у меня на работе твоя статья всем понравилась, – бесстрастно продолжала мама. – Все очень хвалили ее и сказали, что ты – молодец. Но я ожидала от тебя чего-то большего! Мне всегда казалось, что, уж если ты пишешь постоянно, то должна уметь писать хорошо... И мне очень жаль, что я ошибалась! Потому что мне эта твоя статья, к сожалению, совершенно не понравилась! Я ожидала от тебя чего-то совсем другого и не думала, что это будет вот так!..

Эта несправедливая, – но, главное, честная!.. – мамина критика что-то убила в Олесиной душе. Ей и так, на самом деле, ой как нелегко далась эта ее первая серьезная попытка приобщиться к миру журналистики, но она справилась, – по крайней мере, до той минуты ей так казалось... Но только вот опять, вместо хоть какой-то поддержки и одобрения, она в очередной раз услышала от своей мамы о том, что она – беспутная неудачница, не сумевшая даже статью написать нормально, – так, чтобы она понравилась самому строгому критику из всех возможных – ее маме. И сил продолжать дерзать после этого у нее как-то больше не осталось... Олеся пришла к выводу, что просто не способна писать нормально, – а значит, ей следует заняться чем-нибудь другим. Чтобы лишний раз не разочаровывать свою мамочку, мнение которой значило для нее все...

Эта первая неудача, разумеется, расстроила Олеся, но, как ей казалось тогда, не настолько сильно, чтобы сломать ее

окончательно. На тот момент ей было всего лишь четырнадцать лет; она только что закончила школу, поступила в техникум, и ей казалось, что жизнь удивительна и прекрасна... В душе она была наивно уверена в том, что у нее все еще впереди. Она точно знала, что удача ждет ее, – где-то там, за очередным жизненным поворотом. И стоит только лишь протянуть руку, чтобы ухватить ее покрепче и больше уже не выпускать...

Поэтому, несмотря ни на что, Олеся решила ни в коем случае не отчаиваться и не сдаваться. Она честно попыталась продолжить жить, искренне намереваясь получать удовольствие от этой самой жизни. Только вот она тогда еще не понимала до конца, что жестокие слова ее доброй и заботливой мамочки окажутся окончательным приговором, поставившем на этой ее будущей прекрасной и полной обещаний жизни жирную точку...

А ЕСЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ?..

Летом, когда у Олеси с братом были каникулы, а у их родителей – отпуск, они, по обыкновению, куда-нибудь ездили всей семьей. Вот и в тот год, когда Олеся закончила седьмой класс, они все вместе поехали в пансионат Ярославль.

Как раз пару месяцев назад Олеся уговорила-таки маму завести собаку. На момент поездки Дине было уже около трех месяцев. Обычно Олеся гуляла с ней по берегу реки Которосль. И еще в самом начале смены она заметила, что ей очень часто навстречу попадаются два мальчика, которые выглядели чуть постарше ее самой. Ребята ни разу даже и не попытались заговорить с ней; они просто проходили мимо. Но при этом в их поведении было что-то не совсем обычное, чему Олеся еще не смогла бы дать название, но что сразу же невольно привлекло ее внимание. Очевидно, впервые в жизни какой-то первобытный инстинкт женщины, заложенный где-то на генетическом уровне, безошибочно подсказал ей, что кому-то из этих мальчиков она понравилась, и он таким вот образом привлекает ее внимание, не решаясь пока познакомиться. И ей, разумеется, тоже очень захотелось, чтобы это знакомство состоялось.

В отношениях с противоположным полом Олеся на тот момент не имела ни малейшего опыта, и поэтому совершенно не представляла, как ей вообще следует себя вести. И, как

девушка необычайно гордая, она старалась никак не показывать им своей заинтересованности. К несчастью для самой себя, по натуре Олеська была совершенно простодушна, наивна и напрочь лишена пока еще какого бы то ни было кокетства и умения флиртовать. И поэтому она день за днем проходила мимо них с крайне неприступным видом, совершенно искренне полагая, что именно так должна вести себя разумная порядочная девушка, прекрасно знающая себе цену.

В принципе, подсознательно Олеська даже догадывалась, что эти мальчики, просто в силу своего пока еще очень юного возраста, тоже очень робкие, нерешительные и неуверенные в себе. И они тоже попросту не могут решиться подойти к понравившейся им девушке, потому что не умеют знакомиться. Олеся разумом все это прекрасно понимала. Но и помочь им хоть чем-то или хоть как-то показать, что она тоже вовсе даже и не против знакомства с ними, она была просто не в силах. Ведь она тоже безумно боялась быть отвергнутой и стать объектом насмешек с их стороны.

В течение этих двух недель ребята так часто прогуливались где-то поблизости, что Олеся, естественно, ожидала от них каких-то дальнейших шагов. Но, поскольку особенно близко они не подходили, то Олеся к ним и не приглядывалась особенно тщательно, – просто обратила внимание и ждала дальнейшего развития событий. Но дни отдыха летели, а все оставалось без изменений. И, поскольку време-

ни оставалось все меньше, и любая возможность познакомиться с ними представлялась все более и более призрачной, то вскоре Олеся вообще перестала обращать внимание на эту странную парочку. Она просто словно и не замечала их, несмотря на то, что они по-прежнему паслись где-то поблизости.

Поэтому Олеся и была более, чем просто удивлена, когда в предпоследний день смены один из мальчиков, по привычке прогуливаясь неподалеку от их домика, стал бросать весьма многозначительные взгляды в ее сторону. Правда, на самом деле она даже и не была на все сто процентов уверена в том, что это “тот самый” молодой человек, поскольку раньше просто стеснялась разглядывать их слишком пристально и внимательно. Их отличительной особенностью всегда было то, что они везде появлялись вдвоем, и это было, пожалуй, их самой запоминающейся чертой. И теперь ей казалось, что, возможно, она просто обозналась, приняв спокойно гуляющего рядом совершенно постороннего парня за одного из этой парочки.

Около домика, в котором проживала Олесина семья, на самом краю довольно крутого обрыва, располагалась беседка. Молодой человек по-прежнему ненавязчиво маячил где-то за углом, но Олеся как-то инстинктивно ощутила, что сегодня он к ней все-таки подойдет. И, терзаемая любопытством, – тот это молодой человек или же не тот?.. – она вошла в беседку, присела на лавочку и стала ждать. Динка на-

шла себе какой-то прутик и задорно грызла его у Олесиных ног.

Не прошло и пары минут, как молодой человек все-таки решился войти в беседку следом за ней и сел на лавочку напротив.

– Привет! – просто сказал он. Так легко, – словно они давно уже были знакомы.

Олеся, против воли, почувствовала просто жуткое смущение. Общаться вот так запросто с мальчиками, – а тем более, с совершенно незнакомыми мальчиками, – ей вообще не приходилось еще ни разу в жизни. Но она изо всех сил постаралась скрыть свою растерянность, попыталась придать себе как можно более взрослый вид и тоже проговорила:

– Привет!

– Как его зовут? – поинтересовался молодой человек, кивая на щенка, сосредоточенно обнюхивающего его ботинки.

– Дина, – ответила Олеся. – И это девочка.

– Сколько ей?

– Почти три месяца.

Какой-то странный у них разговор получался... Олеся чувствовала себя все более неловко. Ей очень не хотелось бы, чтобы мальчик заметил ее смущение и принял на свой счет, но Олеся просто не представляла, как вообще следует вести себя в подобной ситуации. Что нужно говорить, что делать?..

– Тебя Олеся зовут? – спросил вдруг молодой человек, отрываясь, наконец, от созерцания щенка и поднимая глаза

на сидящую перед ним девушку.

Олеся, в принципе, догадывалась, что он тоже изо всех сил старается казаться взрослее и опытнее, чем он был на самом деле. Впрочем, – мелькнула у нее мысль, – он мог бы и не усердствовать так сильно. Теперь, вблизи, Олеся ясно видела, что он и так был старше ее года на три. В их возрасте такой разницы вполне было довольно для того, чтобы действительно казаться внешне и взрослее, и умнее, – даже если на самом деле ты – всего лишь робкий подросток, и пока еще ровным счетом ничего из себя не представляешь...

– Да, – кивнула Олеся в ответ на вопрос о своем имени. Впрочем, это была просто констатация вполне очевидного факта.

– А меня Алексей, – незамедлительно отозвался юноша. – Ты мне с самого начала понравилась, но я не решался с тобой познакомиться. Ты, наверное, заметила, что мы с Кириллом повсюду за тобой ходили?

Олесе вдруг стало как-то легко, просто и даже немного смешно от всего этого. Но она изо всех сил попыталась скрыть так и напрашивающуюся на губы улыбку, поскольку опасалась, что она может серьезно обидеть ее немного незадачливого и тоже, похоже, весьма смущенного кавалера. Поэтому она просто кивнула:

– Да, заметила.

– Кириллу тоже здесь одна девчонка понравилась, но он так и не подошел к ней... – вздохнул Алексей. – А я вот ре-

шился... В последний день... Глупо, да?..

– Вы тоже завтра уезжаете? – спросила Олеся, старательно игнорируя его последний вопрос, – чтобы не смущать его еще больше и не смущаться самой.

Олеся знала, что даты заездов и отъездов у некоторых отдыхающих отличаются.

– Да, завтра, – утвердительно вздохнул Алексей. – А ты из Ярославля?

Этот вопрос Олесю одновременно и удивил, и расстроил. Ведь, обрадовавшись, наконец-то, состоявшемуся знакомству с мальчиком, Олеся как-то совсем не ожидала, что ее кавалер может оказаться иногородним. Следовательно, их встреча не имеет никаких перспектив, ведь продолжить свое знакомство они все равно не смогут.

– Да, – погрустневшим голосом отозвалась она. – А ты?

– Кирилл тоже из Ярославля, – с умным видом зачем-то пояснил ей Алексей, словно и не сомневаясь в том, что Олесю непременно должна заинтересовать подобная информация. – А я из Череповца.

– Далековато, – с деланным равнодушием пожала плечами Олеся. Хотя, признаться честно, на самом деле она весьма смутно представляла, где вообще находится такой город.

– Да, – согласился Алексей, – далековато... А ты мне свой адрес дашь?

– Зачем? – нарочито удивилась Олеся, хотя внутри у нее почему-то все буквально затрепетало от радости и восторга.

Значит, их знакомство не напрасно; значит, у них еще есть шанс его продолжить...

– Чтобы письмо написать, конечно же, – зачем же еще?.. – очень сильно удивился Алексей. – Так дашь?

– Хорошо, дам, – кивнула Олеся и осмелилась, наконец-то, улыбнуться. Она испытывала просто невероятное смущение от того, что чувствовала себя ужасно скованно в присутствии этого юноши. Но при этом ей вдруг просто безумно захотелось понравиться ему, – чтобы он влюбился в нее раз и на всю оставшуюся жизнь, – но она просто не представляла, как нужно себя вести для этого, и что следует делать. Поскольку, признаться честно, от этого своего нелепого смущения она сейчас не могла даже найти нужным слов, чтобы просто нормально поддерживать беседу с ним.

– А где ты учишься? – спросил Алексей. – В школе?

– Да. А ты?

– А я в ПТУ.

– А сколько тебе лет? – поинтересовалась Олеся.

– Шестнадцать. А тебе сколько?

Олеське на тот момент не исполнилось еще и тринадцати. И она вдруг очень испугалась этого, потому что вполне разумно предположила, что Алексей, узнав об этом, может посчитать ее глупой малолеткой и уйти.

– А сколько ты мне дашь? – весьма неловко попыталась пококетничать она.

– Ну, лет четырнадцать – пятнадцать, – чуть подумав,

предположил Алексей.

Олеська непроизвольно расплылась в улыбке. Ей это необычайно польстило. Она вообще почему-то очень любила, когда окружающие давали ей больше лет, чем ей было на самом деле. На тот момент она всегда чувствовала себя гораздо старше своих пока еще совершенно неразумных, на ее взгляд, сверстников, и выглядеть тоже хотела соответствующе.

– Я угадал? – тут же поинтересовался Алексей.

– Да, – чуть помедлив, кивнула Олеся. Врать она никогда не умела и не любила, но говорить ему правду тоже, разумеется, не желала. Поэтому она просто попыталась перевести разговор на другую тему. – А на кого ты учишься?

– На плавильщика.

Олеся почувствовала легкое разочарование, но изо всех сил постаралась его скрыть. До сих пор она как-то не задумывалась особенно над тем, какими качествами должен был обладать ее потенциальный кавалер, но, естественно, ей хотелось бы, чтобы ее избранник учился в каком-нибудь университете, происходил из богатой семьи, – да и сам был бы успешным и желал бы добиться в этой жизни столь же многого, как и сама Олеся. Но, к ее великому сожалению, в разговоре очень быстро выяснилось, что Алексей был самым обычным мальчишкой из простой рабочей семьи, и, – на первый взгляд, по крайней мере, – он казался полностью лишенным каких бы то ни было амбиций и тщеславия. Но на тот

момент все это еще не имело для Олеси такого уж серьезного значения, – важнее всего было то, что Алексей вообще оказался первым мужчиной в Олесиной жизни, обратившим на нее внимание. А Олеська в свои неполные тринадцать уже так давно мечтала о любви, что могла бы, на самом деле, полюбить его уже за одно только это.

Совершенно неопытной Олеське Алексей показался прямо-таки сосредоточием всех положительных качеств. Он представлялся ей очень ласковым и вежливым. И, в то же время, почему-то она сходу наделила его такими свойствами характера, как уверенность в себе и даже властность. В ее наивном воображении он представал очень сильным. Скорее всего, просто потому, что ей очень хотелось бы, чтобы он был именно таким.

Олеська всегда была довольно строптивой и независимой, и ей казалось, что она точно так же будет вести себя и с мальчиками. Но, общаясь с Алексеем, она с удивлением ощущала в себе потребность подчиняться мужчине и готова была признать его власть над собой.

Похоже, при знакомстве с этим мальчиком в ней просто сработала какая-то генетическая память предков. И ей неожиданно захотелось быть нежной и слабой. И именно тогда она впервые, наверное, осознала, насколько она на самом деле безумно устала пытаться быть сильной и уверенной в себе в глазах окружающих ее людей, и ей очень захотелось тоже на кого-то опереться... На сильное мужское плечо...

Но, к сожалению, на этот раз идиллия оказалась совсем короткой. Из домика, в котором они проживали, вышла мама и, с весьма суровым видом, подозвала дочь к себе. Алексей, разумеется, обещал подождать ее и никуда не уходить, пока она не вернется.

Правда, он, вероятнее всего, вовсе даже и не ожидал, что ждать ему придется довольно долго. Потому что выяснилось, что любимая мамочка позвала свою дочь не просто для того, чтобы поговорить; она решила, что именно сейчас им просто жизненно необходимо устроить уборку в их жилище. Что поделаться, – но даже здесь, на отдыхе, мама никогда ни на йоту не отступала от своих твердых и незыблемых принципов, и они обе ежедневно тратили довольно много времени и сил на приборку той маленькой комнатки, в которой они жили. И даже в этот, – знаменательный для Олеси, – день, несмотря на то, что Олеся была с мальчиком, – а любопытная мамочка, разумеется, тут же выспросила все мельчайшие подробности их знакомства, – она не позволила дочери отлынивать от уборки.

Гулять и развлекаться Олеся могла только после выполнения своих “домашних обязанностей”.

Признаться честно, только спустя много лет, вышколенная и вымуштрованная Олеся решилась-таки прийти к выводу, что все-таки мама была не права, и с ее стороны это была совершенно необоснованная и неоправданная принципиальность, строгость и суровость, на самом деле гранича-

щая с дуростью, идиотизмом и даже садизмом. Но тогда ей ничего подобного еще даже и в голову не приходило. И, разумеется, Олеся заранее прекрасно знала, что такая незначительная мелочь, как первое в ее жизни свидание с молодым человеком, не способна была поколебать твердые мамины убеждения.

В их семье испокон веков существовали определенные “домашние обязанности”, которые Олеся, как будущая женщина, должна была выполнять, наверное, даже в том случае, если бы наступил конец света. Самостоятельно и без помощи дочери привести в порядок и так безукоризненно вылизанную площадь, едва ли равную десяти квадратным метрам, Олесина мама была, разумеется, просто не в силах. Да и с какой стати она должна была делать это одна, – в то время, пока ее дочь где-то там шляется и развлекается?..

И первое в Олесиной жизни знакомство с мальчиком – в предпоследний день отдыха!.. – не было, разумеется, достаточно серьезным оправданием для лени в глазах ее чудесной, любящей и заботливой мамочки...

Наконец, их крохотная комната была надраена, в буквальном смысле слова, до зеркального блеска, огромный пакет с мусором, состоящий из пары фантиков, отнесен на помойку, находящуюся на другом конце пансионата, а набегавшаяся от души Дина мирно уснула. Олеся терпеливо выслушала от своей горячо любимой, но слишком уж суровой и принципиальной мамочки кучу советов и наставлений по поводу то-

го, как ей следует правильно вести себя в обществе молодого человека, – а это, поверьте, тоже заняло немало времени, за которое Алексей, чьим терпением оставалось только восхищаться, при желании, вполне мог бы успеть жениться, а не только найти себе другую девушку, менее обремененную кучей обязанностей. И только лишь после всего этого Олеся была, наконец, отпущена на прогулку...

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДРУЗЕЙ...

Увы, – но ее такая долгожданная “свобода” длилась едва ли больше часа. Потому что проснулась Дина. А она была “Олесиной собакой”. И поэтому, разумеется, никто из Олесиных добрых и милых родственников не мог немного поиграть с трехмесячным щенком, не дергая его непосредственную хозяйку и не мешая ей хоть немного пообщаться с молодым человеком. Ведь несчастная собака тоже была “ее обязанностью”, и не дай бог кто-то из ее дорогих родственников переломился бы, часок приглядев за ней... Тем более, что заняться им всем было особенно нечем, и они просто дружно лежали на своих кроватях в комнате...

Но, вместо этого, мама, с Диной на поводке, не поленилась методично прочесать всю территорию пансионата, нашла молодых людей, уединившихся в каком-то укромном уголке, и вручила дочери собаку с крайне суровым видом и строгими чопорными укоризненными словами:

– Ты не забыла про своего друга?..

Признаться честно, это повергло Олесю в состояние, близкое к шоковому.

Даже тогда, при всей ее безумной и преданной любви к своей маме, Олесе было очень сильно не по себе от того, что она так себя повела. Ну, неужели же действительно было невозможно позволить дочери в такой необычный и да-

же знаменательный для нее день хотя бы немного забыть о “своих обязанностях”?.. До сих пор Олеся никогда и ни при каких обстоятельствах не смела отлынивать от них и всегда воспринимала их, как должное. Наличие многочисленных “обязанностей” в ее жизни было так же естественно, как воздух, которым она дышала. Но тогда, в тот день, в Олесиной душе впервые зародился какой-то слабый робкий протест против такого обращения.

Олесе стало немного обидно и даже стыдно перед Алексеем. Хоть он сам и не сказал ей ничего по этому поводу, но Олеся безошибочно угадала, что он тоже был очень сильно удивлен и даже задет такой вот воистину шокирующей бесцеремонностью со стороны ее дорогих родственников. Во всей этой странной ситуации было все-таки что-то не совсем правильное... Олеся уже тогда ощущала это просто как-то физически... Но только вот в те времена она еще не понимала толком, что конкретно не так в их чудесной и, якобы, такой дружной семье...

А ведь, глядя правде в глаза, вся эта ситуация действительно была где-то вообще за гранью абсурда. Неужели ее добрая и любящая мама не могла в тот день самостоятельно прибратся в крохотной комнатухе, – в которой, на самом деле, и прибирать-то было нечего, – не прибегая к помощи дочери?.. Неужели никто из ее родственников не мог часок краем глаза приглядеть за щенком, который на тот момент был совершенно беспроблемным, прекрасно зани-

мал себя сам и, в принципе, не требовал никаких особых хлопот?.. Неужели ситуация действительно была настолько сложной и критической, что вот просто никак нельзя было позволить родной дочери хоть на миг вырваться из рутинных повседневных оков и ощутить, наконец, всю прелесть юности, первой влюбленности, первых трепетных желаний и ощущений?.. Это был последний день отдыха, и уже завтра, по возвращении домой, все само собой вернулось бы на круги своя...

Но нет. Это было немыслимо и невозможно. Ведь у дочери был определенный и весьма внушительный список “обязанностей”, и нельзя было ни на миг позволить ей расслабиться и забыть о повседневной рутине...

И все-таки этот день был чудесным, несмотря ни на что, и пролетел он как-то совершенно незаметно для Олеси. И на тот момент это был один из самых прекрасных дней в ее непростой и не слишком радостной, – что уж тут греха таить, – жизни. Они просто сидели рядом с Алексеем, держались за руки и разговаривали. Обо всем на свете. И на тот момент это уже казалось счастьем...

А на следующий день они оба разъезжались по домам. И у них, к сожалению, даже не было возможности нормально попрощаться, – не говоря уж ни о чем другом... Олеся вместе со своими родственниками ждала машину, когда из-за угла домика появился Алексей. То ли просто не решаясь подойти ближе, то ли стесняясь ее родственников, он остановился на

некотором расстоянии от них. Олеся попросила своего отца подержать собаку, чтобы подойти к молодому человеку, но ее дорогой расчудесный папочка отказал ей, – причем, в такой грубой форме, что Олеся опешила и растерялась. Не понятно вообще, на что она надеялась, обращаясь с такой нелепой просьбой к родному отцу, – ведь это же действительно было невысказанно трудно, – две минуты подержать поводок мирно сидящего рядом с ними щенка... Разумеется, Олеська тут же занервничала, заволновалась и в итоге бросилась навстречу Алексею прямо с Диной на поводке. Они торопливо успели перекинуться с ним буквально парой ничего не значащих фраз, и Олеся тут же позвали обратно. За ними приехал родственник на машине, – очень спокойный, кстати, миролюбивый и доброжелательный человек, муж мамин сестры. Но, тем не менее, задержаться хотя бы на пару минут ради глупой Олеськиной первой любви, разумеется, у членов ее дружной семьи не было никакой возможности...

Всю дорогу до дома в машине играла музыка. И все песни, как назло, были, разумеется, о несчастной любви... Олеське хотелось плакать... Она старалась дышать ровно и глубоко, чтобы сдержать готовые хлынуть из глаз слезы. Но на нее всю дорогу слишком пристально смотрела мама, не допускающая у дочери внешнего проявления хоть каких-то отрицательных эмоций и готовая, как коршун, пресечь их на корню. Она еще утром дала Олеське это понять, заявив достаточно безапелляционно:

– Я надеюсь, никаких рыданий на прощанье не будет!..

Так что с Олесиной стороны было бы просто невысказано страшным преступлением сознаться в том, что ей плохо и грустно. Мама никогда не позволила бы своей дочери распустить нюни по поводу едва знакомого парня и сделала бы это таким способом, что мало не показалось бы... Подобные никчемные чувства и эмоции в их семье всегда были под запретом. Поэтому Олеся мужественно улыбалась всю дорогу во все тридцать два зуба, – которые у нее, правда, тогда еще даже и не отросли. И очень старалась, чтобы никто и никогда не догадался о ее страданиях...

Алексей ей, кстати, так и не написал...

Первое время Олеска очень переживала и ждала письма, чуть ли не подкарауливая почтальона на лестнице. Потом, поняв, что оно вряд ли придет, потихоньку начала остывать. Признаться честно, она, наверное, на самом деле очень быстро забыла бы об этом знакомстве, потому что лозунг “с глаз долой, из сердца вон!..” был актуален для нее уже тогда, и она вовсе не собиралась, как вечная декабристка, страдать из-за не сдержавшего свое слово мальчика. Но, как это ни странно, забыть обо всем ей очень долго не давала ее собственная мама. Она каждый божий день, на протяжении многих месяцев, по несколько раз интересовалась у дочери, не написал ли ей ее друг?.. Словно письма приходили голубиной почтой, и это могло произойти в любой момент, – даже спустя ровно пять минут после предыдущего вопроса. А услышав

очередной отрицательный ответ, мама снова и снова пускалась в пространные рассуждения на тему того, почему он так подло поступил с несчастной Олесей, и что могло помешать ему написать ей письмо...

И эти совершенно никому не нужные мамины измышления снова и снова очень ясно напоминали Олесе мгновения их памятной встречи с Алексеем, и ее растревоженная маминими словами душа снова начинала страдать и тосковать...

Глядя правде в глаза, нужно было просто вообще перестать говорить на эту тему, которую маме почему-то так нравилось мусолить снова и снова, и тогда это мимолетное чувство, едва затронувшее Олесино сердце, очень быстро испарилось бы без следа, не оставив даже в памяти никаких зарубок. И сама Олеська подсознательно даже прекрасно осознавала это. Не настолько сильно, если уж говорить начистоту, она была тогда влюблена, и не так уж больно ранило ее на самом деле то, что мальчик так и не написал ей. В конце концов, ей было всего тринадцать лет, а в этом возрасте любые страдания еще имеют обыкновение забываться достаточно легко. Но ее мама зачем-то снова и снова тыкала ее в это больное место. Ей словно доставляло какое-то извращенное удовольствие наступать на эту любимую мозоль дочери и травить ей душу рассуждениями о том, что же такое могло помешать Алексею написать ей?.. Наверное, она делала это не со зла... По крайней мере, Олесе очень хотелось бы верить в это. Наверное, этот вопрос действительно тревожил

и беспокоил маму, – похоже, даже гораздо сильнее, чем саму Олесю. И именно поэтому мама вновь и вновь пыталась найти ответ на него, словно и не отдавая себе отчет в том, что причиняет тем самым своей дочери лишнюю и совершенно ненужную боль. Наверное... Потому что найти какое-то другое объяснение такому странному маминому поведению было просто невозможно...

Ведь было бы просто кощунственно, наверное, предположить, что мама специально травила душу собственной дочери, осмысленно заставляя ее вновь и вновь вспоминать и переживать случившееся и плакать по ночам из-за человека, даже лицо которого давно уже стерлось у нее из памяти?.. Конечно же, такое даже представить себе было невозможно. Просто она очень волновалась и переживала за свою дочь и пыталась поддержать ее таким вот странным образом... Словно и не понимая, что этими своими слишком эмоциональными переживаниями превращает жизнь собственной дочери в ад на протяжении еще многих – многих месяцев...

Правда, все эти ожидания мамы на самом деле оказались не совсем напрасны. Через полгода, на Новый год, Алексей зачем-то все-таки прислал Олесе поздравительную открытку. Эта, в принципе, никому уже не нужная весточка всколыхнула Олеськину память и разом возродила в ее душе все былые надежды, казавшиеся давно уже надежно похороненными. Олеся даже и не знала, как конкретно реагировать на это событие, но мама тут же заверила ее, что она должна

непрерывно ответить ему, поздравив с Рождеством. А чтобы туповатая Олеська не написала какую-нибудь несусветную сентиментальную глупость, ее мама даже озаботилась тем, чтобы лично продиктовать ей текст поздравления, – такой, какой он должен быть на ее – умный, взрослый и опытный – взгляд.

И бессловесная Олеся, не смея ей возразить, безропотно написала: “...И желаю тебе никогда не забывать своих друзей!” Ей очень не хотелось этого делать. Она инстинктивно чувствовала, что совершает ошибку, добавляя эти слова. Да нет, что уж там говорить, – Олеся твердо знала, что совершает ошибку. Это была совершенно лишняя и никому не нужная фраза, которая, – и Олеся была на все сто процентов уверена в этом, – окончательно поставит точку в этой истории. Возможно, если бы она тогда написала что-то другое, – то, что сама посчитала бы нужным написать, – Алексей ответил бы ей, и между ними еще могла бы завязаться переписка. Но мама безапелляционно заявила ей, что необходимо написать именно эту фразу, и Олеся, разумеется, не посмела послушаться ее.

Само собой, больше об Алексее она никогда не слышала. Да она и не ожидала ничего другого.

В принципе, во всей этой истории не было совершенно ничего из ряда вон выходящего. Просто это была одна из первых, – очень глупых и нелепых, – ошибок, совершенных Олесей в своей жизни по велению ее мамы.

Но винить в этом ей следовало лишь себя.

НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ, А ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ!..

В детстве Олеся была очень одинока. И безумно страдала из-за отсутствия у нее друзей. Она просто готова была рыдать над фильмами о гардемаринах и мушкетерах и необычайно завидовала их героям. Но грустное детство рано или поздно должно было закончиться. И поэтому Олеся свято верила, что когда-нибудь все изменится, и в ее жизни будет очень много друзей, – таких же верных, преданных и готовых на все друг ради друга.

Так вышло, что Олеся, к сожалению, совершенно не нравилась окружающим ее людям. Она, кстати, так никогда и не поняла, почему. Олеся всегда была достаточно симпатичной девочкой, – скромной, вежливой, воспитанной, улыбчивой... Если так подумать, – то получается просто ангел во плоти!.. Ну, что же этим окружающим людям еще было нужно-то?.. Почему так вышло?..

Но, как бы то ни было, – а ее никто не любил. Ни дети, ни взрослые, ни сверстники, ни их родители, ни учителя. Да что уж тут греха таить, – даже собственные мать и отец никогда не испытывали к ней ровным счетом никаких теплых чувств. Очевидно, был в ней с рождения некий изъян, не понятный ей, но сразу же бросающийся в глаза окружающим, который

и заставлял их относиться к ней не слишком хорошо.

Все свое безрадостное детство и печальную юность Олеся невыносимо страдала из-за этого. Она ведь действительно так искренне хотела всем понравиться, так самозабвенно пыталась всем угодить!.. Олеся так мечтала о том, что окружающие люди рано или поздно заметят, какая она хорошая, добрая, честная, верная, преданная, и оценят это. И, чем больше люди отталкивали ее, тем сильнее она старалась, и тем печальнее был окончательный результат.

Олеся была чересчур закомплексованной и абсолютно не уверенной в себе, поэтому она даже и не сомневалась никогда, что это она сама во всем виновата, что причина этой всеобщей неприязни таится в ней, и именно она должна что-то сделать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Если люди не любят ее, значит, она недостаточно хороша. И она старалась быть еще более красивой, умной, порядочной, честной, веселой, надеясь, что все однажды все-таки заметят это рано или поздно и непременно полюбят ее.

Но никто этого не замечал. Как это ни удивительно, – но люди почему-то вообще не видели в ней ничего хорошего. Сверстники дразнили ее, кричали ей вслед всякие мерзости и пакостили исподтишка. Взрослые люди, – в том числе, и учителя, – всячески выражали свое неодобрение, наказывали, занижали оценки. Этого Олеся вообще никогда не в силах была понять. Она всегда хорошо училась, не прогуливала, не безобразничала, – но к самым заядлым двоеч-

никам-второгодникам добрые милые учителя относились с большим теплом, чем к ней.

Родственники, – самые близкие люди, – постоянно, даже не желая притворяться, всячески подчеркивали, что не видят в ней ровным счетом ничего хорошего. Впрочем, им, к счастью, она вообще была, в принципе, безразлична. Всем. Кроме мамы.

А вот маме, к Олеськиному глубочайшему сожалению, она вовсе даже не была безразлична. Но при этом мама ни капли не отличалась от других окружающих Олеську людей. Ей, – так же, как и всем остальным, – совершенно ничего не нравилось в собственной дочери. И она долгие годы билась над тем, чтобы полностью изменить совершенно неправильного и неудачного ребенка. Успеха в этом нелегком деле она, к сожалению, так и не добилась. Но Олеся на самом деле была весьма неглупой девочкой и все понимала. И осознание маминого разочарования лишь добавляло ей уверенности в том, что только лишь она одна виновата во всех своих бедах. Потому что она уродилась настолько плохой, что даже ее собственная горячо любимая мамочка едва терпит ее...

К сожалению, согласно законам физики, каждое действие рождает противодействие. И поэтому, разумеется, чем больше Олеська старалась, тем хуже относились к ней окружающие. Потенциальная свекровь, – да и все остальные родственники ее будущего мужа, что уж тут греха таить, – откровенно возненавидели ее просто лютой ненавистью. Глу-

пая Олеся никак не могла уразуметь, за что, и ей было обидно просто до слез. Она ведь действительно так хотела понравиться им, готова была полюбить их, мечтала, чтобы они все стали одной большой семьей, а они раз за разом отталкивали ее... Друзья будущего мужа вообще встретили ее в штывы, хотя они все были, вроде бы, намного старше, и делить им с ней, в принципе, вообще было нечего... Да и вообще было совершенно непонятно, им-то чем могла не понравиться хорошенькая скромная юная девочка, только что со школьной скамьи, не сводящая влюбленных глаз со своего ненаглядного избранника?..

Олеся прилагала немало усилий для того, чтобы всегда хорошо выглядеть. Одеваться старалась красиво, но не слишком вызывающе. Вела себя вежливо и скромно, всегда улыбалась, со всеми была неизменно внимательна и доброжелательна... А они все дружно ненавидели ее... И даже не считали нужным хоть немного скрывать это...

Вывод из всего этого напрашивался один-единственный, и для Олеси он давно уже был не секретом. Она была твердо уверена в том, что просто от рождения является настолько плохой и ужасной, что никто и никогда ее не полюбит. И надо радоваться уже тем ничтожным крохам тепла, которыми ее изредка кто-нибудь да и одаривает. Тот же возлюбленный, например. Или мама, когда не сердится, – что бывало не часто... Нужно быть счастливой уже от этого. Потому что ничего другого она попросту не заслуживает.

С годами все это вылилось в такой жуткий комплекс неполноценности, что временами Олеся просто реально боялась выйти на улицу. Какие там новые люди, новые знакомства, новый коллектив!.. Олеся стала просто изначально безумно бояться любого общения и страшиться всякого, с кем сводила ее жестокая судьба. Потому что она не ждала уже от людей ничего хорошего.

Но в какой-то необъяснимый момент, когда Олесе было уже слегка за тридцать, она вдруг осознала, что все это, – я имею в виду, всеобщая любовь, – стало ей совершенно безразлично. То ли она, наконец-то, повзрослела и посмотрела на окружающий мир другими глазами, то ли еще что, – но в какой-то миг ей вдруг стало глубоко плевать на мнение других людей. И, даже если она им очень сильно не нравится, – да и ради Бога, на здоровье!.. В конце концов, она вовсе не червонец, чтобы всем нравиться!.. И как-то одновременно с этим у Олеси появилась какая-то незыблемая уверенность в себе и в своих силах. Олеся очень резко перестала стремиться всем понравиться и всем угодить; в какой-то миг она просто стала вдруг самой собой. И, что самое главное и удивительное, она научилась, наконец-то, любить себя такой, какой, очевидно, зачем-то создал ее Господь Бог.

Она стала думать только о себе и делать только то, что интересно или выгодно ей самой, перестав угождать всем окружающим и заботиться об их мнении.

И оказалось, что вся загвоздка была именно в этом. Ей

давно нужно было просто принять свою индивидуальность и непохожесть на других, как особый дар, а вовсе даже и не пытаться изо дня в день бороться с этим. И – все!..

С тех самых пор Олеся больше никогда не мечтала о друзьях. Более того, она поняла, что они ей попросту не нужны. Олеся всегда была ярко выраженной индивидуалисткой, интровертом, практически не нуждающимся в общении с себе подобными, только раньше не осознавала этого до конца. Но на самом деле она всегда была совершенно самодостаточной и не то, что не боялась, – она любила быть одна. И она хотела быть одна! Она абсолютно не нуждалась в обществе других людей. Но...

Почему-то все окружающие ее люди вдруг резко захотели с ней дружить! Причем, без разбору, – и женщины, и мужчины, и ровесники, и те, кто намного старше или младше. И, ей-богу, – но Олеся теперь просто не могла понять, чем это она вдруг стала так привлекать их всех! Она теперь жила по-своему, по своим собственным стандартам. Можно было сказать, что она всегда была на своей волне. И в последующие годы она не только не пыталась скрывать, – она, напротив, попросту выпячивала свои недостатки, гордилась ими, с удовольствием подчеркивала свой эгоизм и эгоцентризм, вела себя непривычно и вызывающе, одевалась необычно и всем своим видом давала понять, что плюет на любое общественное мнение с высокой колокольни и презирает все сложившиеся веками устои... При этом Олесе стало казаться,

что она напрочь потеряла способность сама привязываться к людям. Очевидно, та часть мозга, которая отвечает у человека за привязанность, дружбу и любовь, с годами у нее попросту атрофировалась за ненужностью, поскольку на протяжении всей предыдущей жизни была не востребованной.

Вокруг Олеси появилось много людей, которые громко именовали себя ее друзьями и подругами. И она даже тоже достаточно неплохо – по ее собственным меркам – относилась к ним. Но стоило только в ее жизни чему-то поменяться, – например, она находила другую работу, и, соответственно, у нее менялось окружение, – и она попросту забывала о тех людях, которые были рядом с ней еще буквально вчера. Волею обстоятельств они исчезали из ее жизни, и она смело вычеркивала их из памяти, словно ее с ними ничего и не связывало. Но...

Проблема в том, что теперь уже они не могли успокоиться. Они звонят, пишут; они приходят и пытаются продолжать общение, хотя сама Олеся никогда даже и не скрывает, что прекрасно обходится без этого. Она не пытается как-то оставить их “про запас” или же хотя бы чисто символически поддерживать отношения на всякий случай, – ведь мало ли, что в жизни может быть, и кто может еще когда-нибудь в будущем пригодиться... Она даже и не пытается лицемерить и делать вид, будто счастлива видеть их...

Раньше Олеся была бы безумно рада такой популярности. Но, видать, правильно говорят, что дорого яичко к Христову

дню. И сейчас у нее не вызывает ничего, кроме раздражения, то, что ее друзья постоянно пытаются общаться с ней. Зачастую они бывают так настойчивы в этом своем стремлении, что она просто не знает, куда деться от этой их навязчивой привязанности. Они стремятся что-то рассказывать о себе, делиться с ней своими чувствами и эмоциями, хотят услышать ее мнение по разным вопросам и надеются, что она сможет подсказать им, как вести себя в той или иной ситуации... Зачастую при этом вынужденном общении с ними Олесе с трудом удается удержать на губах вежливую улыбку, – самой ей кажется, что улыбаться искренне она давно уже разучилась... Самое удивительное заключается в том, что Олеся даже и не пытается изобразить, будто бы все эти люди ей хоть чем-то интересны. Более того, ей откровенно скучно с ними, и она даже и не скрывает этого. И она всячески пытается избежать этого навязчивого и совершенно не нужного ей общения, – вплоть до отключения звонка на телефоне, смены номера и удаления всех своих аккаунтов из соцсетей. Но даже это не всегда помогает. Ведь, по совершенно необъяснимой причине, почему-то сама Олеся вдруг стала всем очень интересна...

Гремите, фанфары!.. Свершилось!..

Только вот все это свершилось слишком поздно. Тогда, когда потеряло уже всякий смысл...

И вот результат: сейчас у Олеси имеется куча очень хороших знакомых, – сама она не готова называть их друзьями-

ми даже мысленно, – которые всегда рады видеть ее в своей компании. Но только вот она сама радуется их так очень редко. В исключительных случаях. У нее есть несколько, типа, подруг, про которых Олеся точно знает, что может позвонить им в любое время суток, может приехать к ним когда угодно, – хоть ночью... Но вот только вряд ли она когда-нибудь намерена этим воспользоваться... И сама она перезванивает им только тогда, когда ей это удобно – или хочется – разговаривать. А это бывает нечасто...

Как это ни смешно осознавать, но из угодливой девочки, буквально умолявшей окружающих ее людей подарить ей хоть каплю тепла и участия, Олеся превратилась в матерую эгоистку, не считающую нужным думать ни о ком, кроме себя. И тем самым обрела в обществе небывалую популярность, о которой прежде не могла даже и мечтать.

И иногда ей становится по-настоящему страшно от всего этого. Не за себя, нет, – ведь саму себя она теперь, наконец-то, устраивает целиком и полностью. А за этот самый чудесный окружающий мир, который сделал ее такой. И она просто искренне не может понять, что не так с этими людьми?.. Почему они годами не могли оценить честность и порядочность другого человека, понять и принять его искренние чувства, любовь, привязанность, преданность, в конце концов, готовность помочь им?.. И почему сейчас их, как магнитом, притягивает к холодному расчетливому эгоисту, который попросту не видит в общении с ними никакой

очевидной выгоды для себя?..

ПЛОХАЯ РУССКАЯ ДЕВУШКА

Познакомилась Олеся как-то однажды с мальчиком-узбеком. Это произошло прямо в магазине, в котором она на тот момент работала.

Хороший был мальчик. Просто чудо. Высокий, накачанный, красивый, – аж глаз не отвести!.. На фоне всех других гастарбайтеров, толпами ходивших в тот магазин, он смотрелся очень выгодно. И совсем не был похож на трудового мигранта.

По его словам, влюбился он в несравненную Олеся, типа, прямо с первого взгляда. Розы таскал ей охапками, вызывая дикую зависть и косые взгляды других сотрудниц магазина. Олеся же в буквальном смысле шарахалась от него, не желая даже разговаривать. Несмотря на наличие в анамнезе бывшего мужа, Олеска все еще была совершенно наивной и неискушенной, словно юная девушка, и с представителями мужского пола общаться попросту не умела. К тому же, парень, явно, был гастарбайтером, – наверняка она тогда еще этого, разумеется, не знала, но догадывалась, что вряд ли у него имеется Российское гражданство. И, несмотря на то, что в душе Олеся ко всем людям относилась вполне лояльно и ровно, не обращая внимания на их национальность, – в этом плане какие-то предрассудки всегда были ей чужды, – тем не менее, встречаться с нерусским мужчиной

она была совершенно не готова. Все-таки, что ни говори, но разницу в менталитете, религии, жизненном опыте и взглядах на эту самую жизнь никто не отменял, и сбрасывать все это со счетов не стоило. А кроме того, Олеся слишком хорошо знала, в каких ужасных условиях живут эти несчастные гастарбайтеры, – прямо на стройке около магазина, – и этот их достаточно жуткий со стороны образ жизни тоже как-то не располагал к близкому знакомству.

Но мальчик оказался очень настойчивым. Прямо на редкость. От него было ну нигде не укрыться!.. После работы он ежедневно караулил Олесю с очередной охапкой цветов. Провожал до дома, – который весьма неудачно находился буквально в двух шагах, так что у Олеси просто не было шансов скрыть от него, в каком подъезде она живет. Пытался дарить дорогостоящие подарки. Но Олеся, – будучи, что греха таить, совершенно дикой, – в ужасе отказывалась от них. Она была девушкой порядочной, и поэтому не желала чувствовать себя обязанной, ведь, по понятиям самой Олеси, принять дорогой подарок от мужчины было равноценно тому, чтобы стать продажной женщиной.

Ну, я же говорю, – она была совершенно дикой в этом плане и не испорченной цивилизацией!..

Тогда, не теряя времени, молодой человек умудрился подружиться с Олесиним восьмилетним на тот момент сыном, стал приносить для него какие-то вкусняшки, частенько просил у Олеси разрешения сводить его в “Макдональдс” или

еще куда-нибудь. Саша был безумно доволен тем, что у него появился такой взрослый друг. И у Олеси, в какой-то степени, просто не осталось причин, чтобы продолжать шарахаться от такого настойчивого поклонника.

Так они, в конце концов, и подружились, и стали в выходные ходить куда-нибудь гулять все вместе. Однажды даже обстоятельства сложились таким образом, что им пришлось забежать в гости к Олесиной маме. И тут произошло чудо, – иначе это назвать было невозможно, – которое Олеся так никогда и не смогла объяснить.

Он ей понравился. Олесиной маме понравился потенциальный парень дочери!..

Чтобы понять, насколько это просто фантастически невероятно, надо немного знать предысторию. Олесиной маме не нравился никто и никогда из окружения дочери. Ни мальчики, ни девочки, ни мужчины, ни женщины, ни молодежь, ни старики. После самого мимолетного знакомства с Олесиными потенциальными друзьями и подругами, – любого пола, – мама тут же методично и с завидным упорством начинала внушать своей неразумной и беспутной дочери, что данный человек просто категорически не достоин общаться с ней, не подходит ей ни в каком смысле и вообще является, по меньшей мере, исчадьем ада. Если, случалось, Олеся не понимала мамины внушения с полуслова и с первого раза, в ход в дальнейшем шли и угрозы, и слезы, и дикие скандалы, и даже шантаж. И до тех пор, пока глупая Олеся безоговорочно не

признавала мамину правоту, не соглашалась вслух со всеми реальными или вымышленными недостатками своего потенциального приятеля и не расставалась с ним окончательно, ее жизнь превращалась в неопиcуемый кошмар.

В принципе, признаться честно, у нее не было никаких шансов противостоять маме. И поэтому Олеся даже и не сомневалась в том, что маму хватит удар, когда она увидит ее нового молодого человека.

Его, кстати, звали Алишер. Правда, по паспорту он почему-то был Ганишер и так и не смог объяснить Олесе причину такого несоответствия. Ну, да это не важно!..

Гораздо более важным было то, что маме Алишер понравился просто безумно. Она прямо-таки вспылала к нему материнской любовью и целиком и полностью одобрила выбор дочери. И получилось так, что в дальнейшем они даже общались через нее. Олеся отказывалась куда-либо пойти с Алишером, и тогда он звонил ее маме и просил, чтобы она уговорила свою дочь. И мама тут же перезванивала Олесе и с радостью убеждала ее принять приглашение Алишера, разом отменяя все ее аргументы о том, почему ей, в принципе, не стоит с ним встречаться.

А аргументов, на самом деле, было немало, и все они были весьма и весьма серьезными. Начать с того, что Алишер был младше Олеси лет на пять; это сильно не бросалось в глаза, потому что Олеся всегда выглядела очень молодо, а он, как восточный мужчина, наоборот, казался намного старше сво-

их лет, – но факт остается фактом!.. Кроме того, разумеется, Алишер был мусульманином, – но на Олесину маму, свято верующую, можно сказать, фанатичную православную, посвящающую неистовым молитвам большую часть свободного времени, это почему-то вообще не произвело ни малейшего впечатления. К тому же, у Олеси имелся в наличии ребенок, постоянные проблемы с работой и патологическая нехватка денег, – зато у ее избранника не было ни постоянной работы, ни хоть какого-то жилья, – даже временное разрешение на нахождение на территории России, – и то подходило к концу. Но почему-то Олесину маму не смущало ничего из вышеперечисленного. Ей настолько пришелся по душе данный молодой человек, что она почему-то искренне сходу поверила в то, что вот он прямо сейчас всего добьется, и Олеся весь остаток жизни будет с ним в шоколаде!..

Не прошло и пары недель, как Алишер предложил Олесе пожениться. И она даже всерьез задумалась об этом, потому что подобная мысль уже не вызывала у нее отторжения... Молодой человек за это время стал, в принципе, ей вовсе не безразличен; кроме того, он очень хорошо относился к ее сыну, – что тоже было немаловажным аргументом. А самое главное, – он нравился ее маме, – и уже одно только это способствовало появлению довольно устойчивой мысли о том, а не пора ли им действительно побежать вместе с ним навстречу солнцу?..

Увы, их безмятежному счастью не суждено было не толь-

ко продлиться долго, но и вообще возникнуть на горизонте. Потому что Олеся очень вовремя узнала о том, что на Родине у него уже имеется в наличие жена и даже дочь.

Олеся, признаться, была просто в шоке от подобного открытия. Романы с женатыми – это вообще было не ее амплуа, да и чудесный молодой человек, пытавшийся так удачно вешать ей лапшу на уши и даже немало преуспевший в этом, больше как-то и не казался таким уж чудесным. Да он и на шибко порядочного-то, посмотрим правде в глаза, уже не сильно походил. Но вот Олесина истинно верующая мама, как ни странно, восприняла эту новость совершенно спокойно. Возможно, она даже изначально предполагала нечто подобное. И она, не моргнув глазом, – и забыв, очевидно, все божьи заповеди, которые доселе так свято чтילה, – предложила своей дочери просто жить вместе с этим молодым человеком, не расписываясь. Олесю сама по себе мысль об этом как-то не слишком вдохновила. Не то, чтобы она так уж мечтала о новом штампе в паспорте, – но сожителство с чужим мужем ее уж точно вообще нисколько не прельщало. И, пока она обдумывала все “за” и “против” подобного расклада, Алишер заявил ей, что съездит домой и официально разведется со своей женой.

Олеська была хоть и наивна, но все же не настолько глупа, чтобы поверить в это. Она прекрасно знала, что “южные” мужчины никогда не разводятся со своими законными женами там. И, даже имея здесь другую семью и детей, – как

бывает практически всегда, – всю жизнь продолжают отсылать деньги домой и всячески помогать своей законной семье. Возможно, Олесе просто стоило попытаться смириться с самой мыслью об этом и не загадывать так далеко на будущее, – тем более, что она на тот момент и не сказала, чтобы была так уж сильно влюблена, и пока еще даже совершенно не была уверена в том, что действительно хотела бы связать с этим человеком свою судьбу. И то, что сам Алишер рассказывал о себе, как-то вовсе не внушало ей оптимизма и надежд на счастливую и безоблачную дальнейшую жизнь с ним.

Если верить Алишеру, то до свадьбы он даже не был знаком со своей потенциальной невестой, – за них обоих все решили их родители. С Олесиной точки зрения, это, конечно же, было дикостью несусветной, – что ни говори, а двадцать первый век на дворе, – но, говорят, так и до сих пор принято в этих странах. Сразу же после свадьбы он, якобы, уехал в Россию на заработки, и с тех пор был дома только один раз, – и так далее, и тому подобное...

Бедная жена, если ему верить, даже не знает, где он, что с ним, жив ли он вообще?.. Просто живет в доме его родителей, верно и преданно ждет мужа и растит его дочь...

Признаться честно, подобная ситуация Олесю шокировала просто безгранично. Ей дико было пытаться осознать то, что молодая и, наверное, привлекательная женщина вот так сидит и безропотно ждет уехавшего мужа, с которым ее даже

и не связывает никаких особых чувств. За эти годы она миллион раз могла бы уйти, уехать, изменить свою жизнь, выйти замуж, в конце концов, еще раз, – но она верно и преданно ждет человека, которому она безразлична, который ухаживает, тем временем, за другими женщинами и даже делает им предложения... Алишер пытался объяснить, что у них так принято, но это было совершенно недоступно Олесиному пониманию. И она сразу же заявила своему поклоннику, что, если бы мужчина оставил ее по какой-то причине и на протяжении долгого времени никак не давал бы о себе знать, то она, разумеется, не стала бы его ждать.

Имелось в виду не то, что она могла бы пуститься во все тяжкие и на смену одному сбежавшему любовнику завела бы троих других. Вовсе нет. Просто Олеся попыталась донести до своего потенциального избранника, что, если бы мужчина когда-нибудь поступил бы с ней подобным образом, то с этим человеком для нее раз и навсегда все было бы кончено. Раз и навсегда. Он бы для нее просто умер.

Получилось так, что она словно в воду глядела...

Через несколько дней Алишер действительно купил билеты и уехал домой. По его словам, он собирался разводиться с женой. Зачем на самом деле, – Олеся так и не поняла, потому что версия о разводе не казалась ей достаточно правдоподобной. Но она слышала, что ему звонили родители и в приказном порядке зачем-то велели срочно возвращаться домой. Алишер очень не хотел уезжать, но родители наста-

ивали. Он заверил Олесю, что вернется не позднее, чем через две недели, – свободный и холостой, – и они непременно сразу же поженятся. Умолял дождаться его и ни с кем не встречаться эти две недели...

Олеся смотрела на всю эту ситуацию гораздо более реалистично. И она прекрасно понимала, что, даже если он действительно попытается развестись, – в чем она глубоко сомневалась, прекрасно понимая, что мужчины этих национальностей никогда не бросают своих законных жен, – то это должно занять гораздо больше времени. К тому же, она отдавала себе отчет в том, что он все-таки возвращался домой, где не был очень много лет, и ему необходимо пообщаться с родными и близкими, побыть с ними хоть какое-то время перед тем, как снова уехать в другую страну, и, возможно, опять надолго...

В общем, Олеся пообещала ему, что будет ждать его два месяца. Это, на ее взгляд, был вполне приемлемый срок, чтобы разобраться со всеми своими проблемами. А если же ему все-таки придется по каким-то причинам задержаться подольше, Олеся просто попросила сообщить ей об этом. Они с Алишером обменялись всеми контактными данными, – он даже все номера телефонов и адрес Олесиной мамы на всякий случай записал, чтобы уж точно не потерять друг друга. Потом было очень трогательное прощание, со слезами, клятвами и обещаниями, – причем, преимущественно с его стороны. И после этого он уехал.

Если бы кто-то раньше сказал Олеся, что в двадцать первом веке, при наличие не только проводной связи в каждом доме, но и появившихся уже давно сотовых телефонов, – не говоря уже о старой доброй почте, телеграфе и всем прочем, – человек может просто пропасть бесследно, она бы просто не поверила. Но именно так и произошло.

Алишер тут же кинулся звонить ей, едва только тронулся поезд. Потом связь пропала. И – все.

Телефон недоступен.

На протяжении долгого времени – ни открытки, ни письма...

Жив человек или нет, добрался он до дома или сгинул где-то по дороге, – а времена были тревожные, – не известно...

Первые дни и недели Олеся реально очень сильно переживала. Получается, что человек просто исчез где-то в пути. А вдруг с ним в дороге, не ровен час, что-то случилось?.. Олеся и волновалась, и переживала, и даже плакала... А потом решила позвонить одному из его коллег, оставшихся здесь, чей номер она тоже на всякий случай записала. Олеся изменила голос и представилась потенциальным заказчиком, зная, что они подрабатывают, в том числе, и ремонтами квартир. И узнала от него, что Алишер дома, в Узбекистане; что он жив и здоров и возвращаться в Россию пока не планирует.

Это было все, что ей нужно было знать на тот момент об этом человеке. Больше ее ничего не интересовало.

Ну, а поскольку данную информацию Олеся получила как раз по истечению тех двух месяцев, в течение которых она и обещала его верно и преданно ждать, то она посчитала, что отныне может быть свободна от любых обязательств.

И после этого попросту вычеркнула этого человека из своей жизни.

Алишер объявился через полтора года. Как ни в чем не бывало. Со словами: “Я к тебе приехал!..” Олеся спокойно посоветовала ему убираться туда, где он был все это время, и больше никогда ее не беспокоить.

К слову, – все эти полтора года Олеся жила одна. С мужчинами не встречалась. Не потому, что хранила какую-то верность Алишеру, – хотя формально так и получилось, – просто такова, очевидно, была ее судьба. Но возвращаться к прошлому она не собиралась ни при каких обстоятельствах. И Алишера ну вот ни сколько не ждала!..

Ей не нужен был такой человек, который может вот так запросто исчезнуть, а потом вдруг пожелать объявиться. Она же была не сумасшедшая, в концов концов, – и даже не покорная восточная женщина.

Для Олеси на тот момент он просто умер. Давно, окончательно и бесповоротно. И ей было совершенно безразлично, где он был, чем занимался, почему так долго не давал знать о себе и зачем, в конце концов, решил вернуться. Поезд ушел. И в Олесиной жизни ему больше места не было.

Алишер долго еще не желал смириться с этим ее решени-

ем и не хотел оставлять ее в покое. И просил, и умолял, и даже угрожать пытался. Он подключил Олесину маму, которая тоже очень настаивала, чтобы Олеся хотя бы выслушала его. Ее не совсем умной мамуле, – прости ее, Господи, – даже пришлось в голову сообщить мужику, сыплющему угрозами, адрес новой Олесиной работы, о которой Алишер до этого, разумеется, не знал. Ну, очень умная женщина, у которой, явно, с мозгами все в полном порядке...

Олесе было все равно. Для нее все давно было забыто и похоронено. Никакие оправдания и объяснения ее не интересовали и уже все равно не смогли бы ничего изменить.

Факт оставался фактом: однажды этот человек уже бросил ее. Значит, в любой момент он может это повторить. И, если в тот раз все обошлось без явных потерь, и слегка пострадало только Олеськино самолюбие, то в следующий раз все может сложиться куда более печально. Она могла бы оказаться беременной, с ребенком на руках, с долгами, без работы, без жилья... С таким ненадежным кавалером и не такое возможно...

А оно ей надо?.. Спасибо, Господи, что отвел такую беду!..

Несчастный Алишер был очень зол и безумно разочарован всеми русскими женщинами в Олесином лице. Он и не ведал до той поры, что все они такие подлые и бесчестные, не способные ни любить, ни ждать. И только лишь теперь понял, что верить им вообще нельзя. Потому что они не идут ни в какое сравнение с верными и преданными женщинами

из его народа...

А ведь Олеся заранее его предупреждала!..

Зря не поверил.

БУТЕРБРОДЫ С МАСЛОМ И МОЛОКОМ...

Никто не станет возражать в ответ на утверждение, что каждый человек имеет право на свою точку зрения. Как обычно говорится, – о вкусах не спорят, и сколько на свете людей, столько может быть у них и различных мнений. И все они, без сомнения, заслуживают свое право на существование.

У Олеси тоже всегда был свой взгляд на любую ситуацию, – причем, очень часто сильно отличающийся от взглядов окружающих ее людей. При этом она никогда не имела привычки настаивать на том, что именно ее точка зрения единственно верная. Напротив, она всегда с большим уважением относилась к мнению других людей, – даже если оно полностью расходилось с ее взглядами на данный вопрос. Олеся считала, что всегда можно все обсудить и прийти к какому-то консенсусу, удобному для всех заинтересованных сторон.

Но при этом ее всегда откровенно бесило то, что некоторые люди пытаются навязать другим свои взгляды на жизнь чуть ли не силой, испытывая непоколебимую уверенность в том, что только они – истинно правильные.

Посмотрим правде в глаза, – с какой стати взрослого, ра-

зумного и вполне дееспособного человека должно на самом деле волновать ваше мнение?.. Да оно ему фиолетово, мягко говоря...

Но даже такой категоричный подход Олеся, – чисто теоретически, – могла хотя бы понять, – пусть и не принять. Подобная ситуация подразумевает, что человек очень уверен в себе и в правильности каких-либо своих действий, – а поскольку он искренне полагает, что только он, в отличие от всех остальных, все делает верно, то он и пытается, порой даже насильно, осчастливить окружающих его людей, заставив их жить по тем же исключительно верным канонам, чтобы быть в ладу со всеми и с самим собой. Естественно, подобная бестактная навязчивость раздражает практически всех, – а то и бесит до крайности, если уж говорить начистоту, – но, в данном случае, безапелляционность человека и его нетерпимость объясняется хотя бы его собственными твердыми убеждениями.

Поверьте, в этом мире существует гораздо более худший вариант развития событий. Порой среди нашего окружения встречаются весьма забавные люди, которые готовы просто с пеной у рта отстаивать нечто, о чем на самом деле вообще не имеют даже ни малейшего представления, никогда в своей жизни не пробовали и, – что самое удивительное, – даже и не собираются никогда пробовать, – хотя бы из спортивного интереса, чтобы знать, о чем спорят. Но им это вообще не надо. Это не входит в круг их интересов и приоритетов;

они привыкли на самом деле к чему-то совершенно другому и вовсе даже не собираются теперь изменять своим привычкам.

Просто в один прекрасный момент человеку пришло в голову нечто, сильно отличающееся от привычной точки зрения, и он яростно начинает отстаивать свое право делать именно так, а не иначе. Так, вроде бы, делай, – кто ж тебе мешает?.. Но не тут-то было!.. Сам он даже и не пытается воплотить свои желания в жизнь, – напомним, на самом деле он привык к чему-то совершенно другому, – но зато он чуть ли не силой пытается заставить окружающих его людей не просто согласиться с его правом так думать и поступать, а немедленно позабыть и презреть все, что было в их собственном прошлом, в один миг отказаться от всех своих бывших привычек и взглядов и сию минуту прямо начать жить конкретно по этим навязанным им понятиям, потому что только они – единственно верные...

И вот именно таким необычным человеком и был Олесин возлюбленный супруг.

Поженились они с ним в самом конце девяностых. Времена были сложные, и их все это тоже, разумеется, коснулось. На тот момент у них, в буквальном смысле этого слова, не было ни кола, ни двора. И вообще ни копейки денег, не запланированных заранее еще до того, как вообще возникла хоть какая-то перспектива их заработать. Так что им приходилось довольствоваться малым и как-то изощряться, чтобы

хоть немного нормализовать свою жизнь.

Например, такая весьма прозаическая для многих из нас вещь, как сладкая булочка с маком, – или даже мороженое!.. – появлялись на их столе только разве что по большим праздникам. А кушать, как это ни печально, хотелось гораздо чаще. И изобретательная и совершенно не избалованная жизнью Олеська пыталась, как могла, разнообразить их весьма и весьма скудное меню.

К сожалению, это было весьма проблематично, так как по их доходам выбор был невелик.

Например, одно время, за неимением под рукой ничего лучшего, Олеся приноровилась готовить на завтрак бутерброды с обычным сливочным маслом. А что в этом такого?.. Довольно вкусно и питательно, – особенно, если ты не слишком избалован роскошью и не жаждешь разнообразия. И это было для их маленькой семьи на тот момент куда более доступно, чем колбаса или даже тот же сыр.

И вот каждый раз, изо дня в день, на протяжении многих-многих месяцев, когда Олеся мазала эти несчастные бутерброды маслом, ее новоявленный муженек, стоящий рядом, с очень умным и серьезным видом задавал ей один и тот же вопрос, казавшийся самой Олесе совершенно нелепым: – Ты с молоком будешь бутерброды или с чаем?..

Этот странный вопрос, признаться честно, начал очень серьезно раздражать Олеську уже через несколько дней. Но, тем не менее, она терпеливо, раз за разом, отвечала Геор-

гу, – удивляясь его необычайно забывчивости, – что, конечно же, она будет пить чай. Ведь она же делает бутерброды со сливочным маслом, – и, если есть его вприкуску с холодным молоком, то оно попросту завязнет в зубах, и это будет не слишком вкусно и даже неприятно. Олеся даже сама поражалась своей выдержке, – другая на ее месте, наверное, начала бы биться в истерике уже через неделю такого вот повторяющегося диалога. Но Олеся сдерживалась, отвечала мужу по-доброму, нормально, спокойно. Ведь она же тогда еще очень сильно любила своего славного милого супруга и никоим образом не хотела хоть как-то задеть его или оскорбить. Ей, конечно же, было немного обидно, что он никак не в силах запомнить ее предпочтения за столько времени, – но, что же делать, он же не со зла, в конце концов, он же заботиться о ней пытается таким вот образом...

Но только вот почему-то эти Олесины, вроде бы, совершенно безобидные слова вызывали у ее милого просто дикий приступ истерики. И он, изо дня в день, начинал, брызжа слюной, вопить о том, что безумные Олесины родители совершенно дебилыно воспитали ее. Они, мол, зачем-то, – по злему умыслу, не иначе!.. – привили ей кучу каких-то дурацких правил, которые сама Олеся даже и не понимает, но просто бездумно и бессмысленно повторяет вслед за ними.

Вот, например, она уже столько времени упорно талдычит ему, как попугай, что сливочное масло нельзя есть с молоком. Но с чего она вообще взяла подобную глупость?.. Это

ей просто изначально внушили ее глупые негибкие родители, которые закалились в своих дебильных привычках!.. Да и сама Олеся настолько неумная, на его взгляд, что просто жуть берет!.. Она даже и попробовать не желает хоть как-то отступить от нелепых правил, навязанных ей ее недалекой мамашей, и испытать что-то новое!..

На самом деле, – согласно мнению Георга, – бутерброды с маслом и молоком – это очень вкусно!.. И это гораздо вкуснее, чем с чаем, к которому Олеся почему-то привязалась, как ненормальная!.. И сам Георг с удовольствием ел бы их именно так, – но она ему не позволяет!.. И все – лишь потому, что ее тупые и необразованные родители придумали в свое время какую-то глупость, и совершенно не способная мыслить своей головой Олеся теперь никак не желает отходить от навязанных ей нелепых стереотипов и непутных традиций!..

Олеся смотрела на него с изумлением. Признаться честно, но все эти рассуждения ее милого уже тогда вызывали у нее сомнения в его адекватности. Но она изо всех сил пыталась заглушить так мешающий ей по жизни голос разума. Она же любила своего Гекулю. Прямо больше всего на свете...

Но понять в такие моменты, что он хочет от нее, она, хоть убей, была просто не в силах...

Нет, Олеся еще смогла бы понять его недовольство, если бы ее ненаглядный Гера просто любил бы именно такое блюдо. Да и на здоровье, – какие тут могут быть возражения?..

Она действительно всегда полагала, что о вкусах не спорят. Ну, если нравится человеку есть масло масляное, – так и ради бога, никто же тебе не мешает и не навязывает нечто другое!.. Каких только вкусовых пристрастий не бывает у других людей, – и это их полное право!.. Поэтому ты, милый, кушай на здоровье, – так, как тебе нравится, так, как ты любишь!.. А я сама буду есть так, как нравится мне, хорошо?..

Нет, не хорошо. Да и вообще фишка здесь была совсем в другом.

Дело в том, что, до несчастливого знакомства с Олесей, ее любимый вообще не представлял себе, что такое бутерброды, – а тем более, с маслом. Он их никогда не ел, – большое спасибо за это его мамочке, всю жизнь работавшей на трех работах, чтобы иметь возможность хорошо кормить своего сына. Такое весьма необычное для него блюдо открыла ему Олеся, и с большой голодухи Гекуля его, вроде бы, полюбил... Но, что еще более смешно, – он вообще до знакомства с Олесей не признавал молоко. Вовсе не из-за непереносимости или каких-то там других возможных проблем со здоровьем. Он просто реально раньше не знал, что взрослые люди тоже иногда могут его пить. По Гериным понятиям, молоко пили только младенцы, которых их плохие матери отказывались кормить грудью. Но Олеся когда-то показала ему, что это вовсе не так; он попробовал, не умер и даже начал иногда его пить.

Так что, опять же, это именно Олеся поведала ему, что

в природе вообще существует такой продукт, и он вполне съедобен.

И каждый раз, когда Гекуля закатывал свою очередную истерику, Олеся просто спокойно предлагала ему налить себе молока, а ей – чаю.

Но, как это ни странно, несмотря на все Олесиные предложения, Гекуля почему-то вовсе даже и не спешил сам проверить совместимость этих двух продуктов на самом деле. Не попытался ни разу, – хотя это, вроде бы, было бы вполне естественным в подобной ситуации. Но при этом для него стало просто определенным смыслом жизни заставить именно Олесью питаться подобным образом. Она просто обязана была, рано или поздно, принять его точку зрения и во всеуслышание отказаться от всех своих нелепых и глупых принципов, признать ошибочность своих тупых убеждений и немедленно начать есть именно так, как желал distinguished Георг. А зачем?.. Да бог его знает!.. Этого Олеся так никогда и не сумела постичь своим скудным умишком.

Очевидно, она действительно была глуповата от природы.

Еще одним извечным камнем преткновения между ними был совершенно нелепый, – с точки зрения Георга, – отказ Олеси носить носки с босоножками.

В современном мире многое изменилось. Сейчас даже немного смешно об этом говорить, потому что сегодня мода не только допускает, но, в некоторых случаях, и откровенно требует подобный стиль одежды. Хотя весьма далекая от со-

временных веяний и тенденций Олеся до сих пор его не приемлет. А уж двадцать пять лет назад ни одна уважающая себя девушка, – какой бы продвинутой модницей она ни была, как бы экстравагантно ни одевалась и как бы сильно ни стремилась выделиться из толпы, – никогда, под страхом смерти, не позволила бы себе надеть открытые летние босоножки с носками. Некоторые поддевали следки в тщетной надежде не натереть ноги, но и это тоже смотрелось, если честно, не очень... И Олеся, – как и многие другие, – за исключением крайне редких случаев, пыталась носить босоножки на голые ноги. И, что греха таить, обычно нещадно натирала их.

У своего возлюбленного Олеся советов по этому поводу, в принципе, никогда и не спрашивала. Тогда принято было считать, что мужчинам попросту не дано понять сложных девичьих проблем. Да и жаловаться на какие-то неудобства тоже было не принято. Но Олесин суженый, к несчастью, обожал ее настолько сильно, что ему до всего было дело. И поэтому, наблюдая за Олеськиными постоянными мучениями, он весьма и весьма регулярно начинал в запальчивости вопить о том, как ему уже надоело, что она постоянно мается дурью, – вместо того, чтобы попросту надеть носки.

Олеся возражала, что так ходить не принято, и эти ее нелепые возражения просто сводили бедного Георга с ума...

Он начинал кричать, что все его одноклассницы в школе в свое время носили босоножки с носками, и это прекрасно смотрелось, и никто их не осуждал. А Олеська просто слыш-

ком глупа и зачем-то все время следует намертво вбитым ей в голову ее безумной матерью тупым понятиям, – тогда как на самом деле она просто вообще ничего не понимает ни в моде, ни в жизни, ни в правилах приличия. Вообще ни в чем.

Подобные вопли любимого, опять же, поначалу вызывали у Олеси лишь крайнее недоумение и удивление. И она даже в чем-то готова была согласиться с ним, признавая, что в школе она тоже одевалась именно так. Но ведь то было в школе, – и она тогда была еще подростком!.. Но сейчас-то ситуация несколько иная.

Более того, – своему маленькому сыну на прогулку Олеся тоже всегда надевала носочки с любой обувью, даже открытой. Но ведь на то это и ребенок!.. И она тщетно, раз за разом, пыталась объяснить своему милому, что приличные и привлекательные взрослые девушки, – к коим она себя тогда тоже, разумеется, причисляла, – не разгуливают по улице в коротких юбках и босоножках на каблучке с носочками!.. Олеся никак не могла осознать, почему Георг не видит разницу и не понимает, насколько абсурдно его предложение. Но он действительно не видел и не понимал...

Не в силах сдержать эмоций при виде Олесиной беспросветной глупости и деревенской дикости, Гекуля начинал биться головой о стену, выкрикивая нечто совсем уж невразумительное...

Читая все это, можно, наверное, предположить, что Олесин супруг был каким-нибудь слишком продвинутым

для замшелого посткоммунистического общества модником, презирающим глупые провинциальные общепринятые стандарты и далеко обогнавшим свой век?.. Этаким последним стилиста, с отвращением глядящий на своих отсталых соотечественников... А вот и нет!.. Увы и ах, – к Олесину великому смущению, – но у Геры напрочь отсутствовали хоть какие-то зачатки вкуса и стиля. Круглый год, – и зимой, и летом, и в лютый холод, и в тридцатиградусную жару, – он ходил в старомодных, весьма потрепанных рубашках с длинным рукавом, – под которые обязательно надевал еще и майку, потому что так было принято во времена его босоногого детства, – и в одном и том же стареньком шерстяном костюме, купленном ему в свое время любимой мамой на выпускной в школе. С памятного дня окончания этой самой школы на тот момент прошло уже более пятнадцати лет. Но Гера держался стойко, как оловянный солдатик, и никогда не изменял своим привычкам.

Гера не признавал никакой другой обуви, кроме полностью закрытых ботинок из кожи молодого дерматина. Даже в сногсшибательную жару. Да что там говорить, – даже на пляж. Олеся на протяжении многих лет, – поначалу робко, а потом уже настойчиво, – пыталась объяснить ему, что в этом мире существует много куда более удобных вещей, таких, как футболки, джинсы, летняя обувь и даже плавки для купания. Но одни только намеки на то, что он мог бы приобрести себе пару-тройку подобных, – и, по крайней мере, го-

раздо более подходящих по сезону вещей, – вызывали у Геры очередной приступ истерики. От пошлых слов Олеси он, в буквальном смысле слова, падал в обморок и вопил, что никогда не позволит себе опуститься до этого. Вся эта неподобающая одежда предназначалась исключительно для быдла, а он, Гера, человек интеллигентный, – и этим все сказано!..

Ха-ха...

Но апогеем всего этого безумия, наверное, стал их с Олесей спор о женских гигиенических прокладках. Даже как-то смешно и нелепо, наверное, мужчине спорить на эту тему с женщиной... Особый юмор ситуации заключался в том, что до знакомства с Олесей ее милый и не подозревал о подобных благах цивилизации и был просто в шоке, узнав однажды о том, для чего на самом деле предназначены так часто мелькающие на экране телевизора в рекламе эти предметы гигиены. А узнав, очень заинтересовался, – даже слишком, можно сказать, – и быстро разобрался, что к чему. И, – очевидно, как истинно продвинутый опытный пользователь данного продукта, – он, разумеется, приобрел свое четкое и безоговорочное мнение о том, изделиями какой именно конкретной марки Олесе следует пользоваться. Стоит ли упоминать о том, что всю необходимую и столь безумно полезную для него информацию он почерпнул исключительно из все той же телевизионной рекламы?..

Невозможно отрицать, что для человека, еще некоторое время назад и не ведавшего о таких диковинках, Гера очень

быстро вошел во вкус. При этом ему почему-то безумно понравилось самому покупать Олесе данные средства гигиены, – разумеется, исключительно с целью обеспечить ее всем самым удобным и качественным... И то, что он предпочитал гордо нести данный продукт в руке, не убирая в сумку, и с восторгом ловил на себе удивленные взгляды других людей, очевидно, изумленных его небывалой смелостью и раскованностью, – это, наверное, не извращение, а просто так, странности и особенности мышления... Он желал, чтобы все окружающие знали, какой он продвинутый, современный, смелый, и как он заботится о своей девушке.

Но его странная девушка не была способна в полной мере оценить его трогательную заботу. И она упорно, – вот ведь ненормальная-то!.. – твердила своему возлюбленному о том, что этот чересчур широко разрекламированный бренд на самом деле превосходит продукцию всех остальных марок только лишь в цене, и упорно отказывалась покупать его самостоятельно. Вот Гере и пришлось, в конце концов, полностью взять это на себя, – ведь он же лучше знал, что ей нужно!.. Тогда как сама Олеся упорно – и тайком от него – выбирала то, что ей действительно было удобно, – благо, тогда уже, слава богу, было, из чего выбирать... Георг топал ногами и громко ругался, отнюдь не смешно брызжа слюной, – такая вот у него была отвратительная, если честно, особенность... Он обвинял Олесю в том, что она, такая нехорошая и неблагодарная, не способна оценить по достоинству

его любовь и заботу, и очень злился на нее из-за ее глупости, из-за того, что она, являясь настолько недалекой, к сожалению, просто не способна понять, что на самом деле является для нее наиболее удобным и подходящим. Но он все равно не сдастся и будет еще более настойчив, – из большой любви, разумеется. И он все равно осчастливит ее, – пусть даже и против ее воли...

Ведь он же, черт побери, лучше знал, что для Олеси будет удобнее!..

Как-то однажды Олеся вместе с Георгом пришли на базар. Это было самое начало двухтысячных; торговых центров тогда еще, разумеется, в природе не существовало, и все необходимое, – от продуктов до одежды, мебели и машин, – приобреталось на рынке. По крайней мере, в их провинциальном городе. И получилось так, что Олеся буквально на секунду отвлеклась от своего мужа, выбирая краску для волос. За это короткое время он успел прочитать весьма познавательную лекцию о женских прокладках случайной женщине, по злой воле судьбы выбравшей именно этот момент, чтобы потянуться за данными средствами гигиены. Она, разумеется, пыталась выбрать что-то на свой вкус, но рядом с ней так вовремя оказался великий специалист по прокладкам по имени Георг, и он, естественно, не смог удержаться от того, чтобы не объяснить ей, что она просто обязана взять товар именно этой конкретной марки, поскольку пользоваться им будет гораздо удобнее и комфортнее, – уж он-то точно это

знает!..

Несчастливая, – немолодая уже, кстати, – женщина буквально выползла из палатки в полуобморочном состоянии, разумеется, так ничего и не купив. Ее шок можно без труда понять и объяснить, – в те почти уже былинные времена в глухой провинции о таких вещах даже женщины не всегда решались говорить между собой, а с ней на данную тему попытался побеседовать молодой мужчина!.. Ошарашенная продавщица так же смотрела на Олесю с неопишваемым ужасом в глазах, тоже не в силах сказать хоть что-то членораздельное... А Олесю... А сама Олеся, несмотря на то, что была, в общем-то, девушкой довольно современной, – или, по крайней мере, считала себя таковой, поскольку выяснилось, что угнаться за продвинутым Гекулей ей не удалось, – невольно подумала в тот момент, что для нее было бы весьма неплохо реально провалиться тогда под землю. Вот прямо не сходя с этого места...

В тот день она до конца осознала, что означает выражение “испанский стыд”...

А вот ее дорогой супруг так и не понял, что вообще такого особенного он сделал. Ведь он всего-навсего случайно увидел, что бедная женщина собирается совершить ошибку, и попытался помочь ей сделать правильный выбор.

Даже странно, что эта дамочка отреагировала на это так неадекватно. Он ведь добра ей хотел. Он же лучше знает, какие средства наиболее удобные для женщин...

Когда, некоторое время спустя, Олеся снова пополнила стройные ряды свободных женщин, она, в буквальном смысле слова, вздохнула от невыразимого никакими словами облегчения. И тут же пришла к выводу, что вот это – и есть счастье...

Потому что это действительно просто счастье: иметь возможность спокойно жить так, как ты считаешь нужным. Навсегда оставив позади странных людей, которые лучше тебя знают, что тебе необходимо.

А ГОВОРЯТ, КРОВЬ – НЕ ВОДИЦА...

Несколько лет назад Олеся, к огромному удивлению для самой себя, узнала одну очень интересную вещь. Оказывается, ее отец, который всю жизнь безумно любил своего сына и терпеть не мог дочь, при этом искренне полагает, – и уже довольно давно, похоже, – что на самом деле сын-то ему, увы, и не родной. Разумеется, это было полным бредом. Но вот только это странное предположение отца опирается, как ему кажется, на вполне даже научную теорию, а не просто является плодом глупой ревности и разыгравшейся фантазии.

Дело в том, что у обоих Олесиных родителей, согласно неоднократно проводимым анализам крови, резус-фактор положительный. У самой Олеси, кстати, тоже. А вот у ее брата он был отрицательным. Причем, это было известно, можно сказать, с момента зачатия. При постановке на учет по беременности мама сдавала кровь, прекрасно зная, что у нее первая группа, резус положительный. И вдруг ей приклеивают на карточку красную наклейку и объявляют, что она в группе риска из-за отрицательного резус-фактора.

Поскольку с первой беременностью мама тоже наблюдалась в этой же поликлинике, то она сразу же настояла на том, чтобы врачи подняли все документы и взяли кровь на анализ

еще раз. Что и было сделано. И, да,— повторный, какой-то уже более углубленный анализ показал, что резус-фактор у нее действительно положительный. А когда у родившегося ребенка определили отрицательный резус-фактор, то предположили, что это именно его кровь так повлияла на первоначальный анализ, и он выдал неправильный результат.

Так что, все это было известно с самого начала. И мама никогда даже и не пыталась скрывать это, что было бы, например, вполне естественно, если бы у нее действительно рыльце было в пушку. Но она не видела оснований для этого.

На самом деле удивительный резус-фактор Олесиного брата вовсе не был чем-то загадочным, необъяснимым или подозрительным. Если почитать медицинскую литературу на эту тему, то сразу же становится понятно, что подобное явление хоть и не слишком распространенное, — но и не редкое, в то же время. И даже тогда, во времена дремучего средневековья, — коим являлись восьмидесятые годы прошлого столетия в небольшом провинциальном городке, — исследования на эту тему уже существовали. Отрицательный резус-фактор может передаваться через поколения и, рано или поздно, вот так вот всплыть у потомков резус-положительных людей.

И в их семье это, кстати, действительно было, похоже, наследственное. Точно так же у Олесиной тети, — маминой младшей сестры, — при резус-положительных родителях, тем не менее, свой резус-фактор отрицательный. Но там, слава богу, никаких сомнений в отцовстве никогда не возникало.

То ли Элин отец был не настолько любопытным, просвещенным и подкованным в медицине, то ли внешнего сходства ему было вполне достаточно. Но все восприняли этот факт, как нечто совершенно естественное, и успешно позабыли об этом.

В Олесиной семье тоже, вроде бы, никаких поводов для сомнений, – до поры, до времени, как оказалось, – никогда прежде не возникало. Младший братец всегда был светом в окошке для обоих родителей. И про тот же резус-фактор знала даже сама Олеся. А кроме того, она в подробностях была ознакомлена с самой историей зачатия обоих детей своей мамы в самых жутких интимных подробностях. Не спрашивайте, зачем, – даже для самой Олеси всегда было необъяснимой загадкой, зачем мама рассказывала ей такие вещи, о которых все-таки, наверное, не должен был знать никто посторонний, – а уж, тем более, они были совершенно не предназначены для ушей ребенка. Но факт остается фактом, – Олеся знала все, и поэтому ей на сто процентов было известно, что тогда ее мама отцу не изменяла. Тогда она его еще любила и планировала жить с ним долго и счастливо.

Это во-первых. А во-вторых, – Олесин братец был похож на своего отца настолько сильно, что это аж пугало до жути. И речь тут даже не только о чисто внешнем сходстве, – тут он взял от обоих родителей примерно поровну, – но все равно ошибиться было просто невозможно. Но и внутренне Олесин братец был просто клоном своего папаши. У них бы-

ли совершенно одинаковые взгляды на жизнь, интересы, повадки, привычки. Они с ним понимали друг друга без слов и реально были единым целым.

До поры, до времени.

Тут уж, скорее, в родстве с Олеськой ее родители, – причем, оба, – могли бы усомниться, потому что она всегда была в их семье неким чужеродным элементом: ни на кого из них не похожая ни внешне, ни внутренне.

Отец всегда любил в их семье только брата. Саму Олеську он вообще, по большому счету, не признавал, не видел в упор и не считал за человека. К маме у него отношение было ничуть не лучше; они общались только матом и посредством регулярных почти нечленораздельных воплей. Но сына он любил. Сын действительно значил для него все.

С тех пор прошло уже очень много лет. Олеся с братом уже давно выросли и сами стали родителями. При этом Олеська, несмотря ни на что, так и осталась нелюбимым ребенком, до которого никому нет дела, – но, наверное, из-за этого теперь переживать было уже попросту поздно. Хотя, как сказать... Ей до сих пор было обидно за собственного сына, потому что равнодушие, – если не сказать больше, – ее родителей распространилось и на него тоже. Например, тот же дедушка относится к нему совершенно параллельно, как и к дочери всю ее жизнь. Он по-прежнему признает только своего сына и его семью.

Он до сих пор много помогает им, – в том числе, и матери-

ально, – хотя его сынишке уже пятый десяток пошел, и у него самого, возможно, скоро уже внуки появятся. По крайней мере, их старший сын дает все основания на это надеяться. Олесин отец практически вырастил и вынянчил всех троих детей ее брата, – да и до сих пор постоянно сидит с младшей, пока родители на работе. Тогда как о существовании четвертого внука, – того, который от дочери, – он может не вспоминать годами. Ну, что ж, насильно мил не будешь!.. – вырос и без его помощи, не пропал... Правда, о том, что данный человек является его родным дедушкой, Олесин сын, как выяснилось уже позже, узнал только лет в пять-шесть. А до этого даже и не понимал, кем ему приходится этот мужчина.

Этот факт в свое время удивил даже саму Олесю, когда Саша признался ей. Она-то сама никогда не скрывала от него имеющихся родственных связей и не пыталась как-то отрицательно настроить ребенка по отношению к своим родителям. Просто отец – и дедушка – возникал в их жизни далеко не каждый год; Олеся с детства никогда не называла его “папой”, – только по имени-отчеству, – вот бедный ребенок и запутался в свое время, не понимая, кем ему приходится случайно объявляющийся раз в пятилетку не шибко добрый и приятный дяденька...

И вот на фоне всего этого Олеська однажды узнала, что ее отец, оказывается, – по крайней мере, уже очень много лет, – пребывает в абсолютной уверенности, что любимый

сын ему, якобы, не родной. Причем, по его собственным словам, он, в свое время, даже на консультацию к какому-то главному гематологу области ездил, и тот стопроцентно заверил его, что у двух резус-положительных людей ну ни при каких условиях и обстоятельствах не может родиться ребенок с отрицательным резусом. Очень странное утверждение со стороны образованного медика, – если таковое вообще имело место, в чем Олеся, признаться, весьма сомневалась, – но сам ее отец, похоже, свято в это уверовал. И, исходя из всего этого, согласно его собственным убеждениям, – он вырастил чужого ребенка, как своего, любил его больше, чем родного, и теперь всю жизнь тащит на себе и его самого, и его детей, которые, оказывается, даже и не родные ему по крови внуки...

Но упорно тащит. И любит. И не сдается. И, похоже, даже и не помышляет о том, чтобы бросить весь этот груз и хоть на старости лет начать жить в свое удовольствие. Если уж говорить начистоту, то честь и хвала ему за это!.. Правильно, очевидно, всегда говорилось в народе, что не тот отец, кто родил, а тот, кто вырастил...

На самом деле, разумеется, Олеся думала об этом просто в насмешку. Смех сквозь слезы, как говорится... Потому что, несмотря на все заверения отца, она-то сама ни на миг не усомнилась в том, что ее братец – совершенно законный наследник их незабвенного папули. Просто можно же иногда посмеяться, хоть и поводов особых для этого нет...

Над самой собой, скорее всего... Потому что во всей этой ситуации есть еще один весьма занимательный момент.

Женился Олесин братик в свое время очень рано и по залету. Ну, ничего, бывает и не такое, – дело-то житейское... Родился сын, – расчудесный, удачный, – словом, такой, как надо, – в отличие от некоторых... И стали они жить-поживать да добра наживать...

С дедушкой им повезло просто сказочно. Признаться честно, Олесин отец тогда просто поразил всех до глубины души, – и саму Олеся, и ее мать, и прочих окружающих. Они вообще прежде не подозревали в нем способности к каким-либо чувствам, – а тем более, таким глубоким и пылким, которые пробудил в нем этот чудесный младенец. Но новоявленный дедушка полюбил его всей душой и всем сердцем с самого первого взгляда, – так, как не любил, наверное, даже своего драгоценного сынишку в детстве.

Ну, что ж, опять же, правду, видать, говорят, что внучат любят больше детей... И у Олеси перед глазами было живое доказательство этого.

В данном случае гораздо интереснее другое. Во всей этой истории был еще один весьма примечательный момент.

Олеся, в принципе, не могла сказать ничего плохого про семью брата, – да она практически ничего толком о них и не знала. Но в самом начале их совместной семейной жизни, когда Артем у них только родился, они еще довольно тесно общались. На самом деле, семья была, как семья; ребенок,

как ребенок... Все, как у всех, – не лучше и не хуже... Но Олесю реально всегда бесил во всем этом один момент. А именно, – то, как Анна, жена брата, очень навязчиво, назойливо, изо всех сил пыталась подчеркнуть внешнее сходство ребенка с мужем.

Все ее многочисленные родственники, – очевидно, по ее настойчивым просьбам, – с периодичностью три раза за пять секунд, экзальтированно, прижав руку к сердцу, дружно восклицали: “Ну, надо же, как Артем похож на Сашу!.. Ну, прямо копия!.. Совершенно одно лицо!..”

Все их знакомые, – и знакомые знакомых, и соседи, и подруги, и чуть ли вообще не посторонние люди, проходящие мимо, – увидев случайно вместе отца и сына, в буквальном смысле слова, перебивая друг друга, начинали верещать те же самые фразы в их различных интерпретациях. И вот тут-то, слушая все это, Олеся каждый раз буквально застывала от недоумения.

Ее незабвенный братец, – светлокожий блондин с копной вьющихся волос, – был счастливым обладателем чисто славянской внешности. И уж, простите за откровенность, – но необычайно смуглый от рождения мальчик с жесткими черными волосами и раскосыми нерусскими темными глазами ну просто никак не мог быть его копией, под каким углом на него ни посмотри!.. Причем, сама по себе Олеся, в принципе, наверное, даже и не обратила бы внимание на такую вот внешность малыша и не придала бы этому никакого зна-

чения. Возможно, он просто был похож на саму Анну в детстве, – она тоже была темненькой и смуглой. Но вот это непрерывное навязывание мифа о необычайной схожести отца и сына действительно заставляло задуматься и немного поразмышлять на эту тему.

Ну, ведь не сумасшедшие же все эти люди, чтобы искренне утверждать, что Артем необычайно похож на Сашу!.. У них же есть глаза, в конце концов, и видят они перед собой ту же самую картинку, что и Олеся!.. Тогда зачем они так упорно повторяют весь этот бред?.. И не раз и не два, – а изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, прямо как заведенные!.. Причем, совершенно посторонние люди, не знакомые с их семейством, – которое, очевидно, не имело возможности их предупредить, – этого потрясающего сходства почему-то тоже не видели. Наоборот, на прогулках у Ани постоянно спрашивали, на кого похож малыш, поскольку на родителей он реально похож не был.

Надо было видеть, как бесилась Анна, когда кто-нибудь задавал ей этот вопрос!.. И тут же истерически, взхлеб, принималась верещать, что все и всегда с первого же взгляда замечают, что Артем – просто точная копия своего отца, прямо одно лицо, и не увидеть этого невозможно, – и так далее, в том же духе...

На лицах этих людей Олеся всегда видела то же самое недоумение, которое испытывала и сама...

Если бы сама Анна так усердно не пыталась убедить всех

окружающих в этой, признаться, не слишком правдоподобной версии, то никто, возможно, не придавал бы значения этому вопросу. По крайней мере, Олеська уж точно прожила бы совершенно спокойно всю жизнь, даже и не задумываясь об этом. Но слишком уж энергично гордая и счастливая мамаша пыталась навязать всем такую странную точку зрения, чтобы это не насторожило и не привлекло внимание чуть более пристальное, чем следовало бы. Олесина мама так вообще прямо говорила своей дочери, что мальчик похож на нерусского, поскольку он был слишком чернявым и с явным монголоидным разрезом глаз. Правда, мама тут же поспешно добавляла, что ее все это совершенно не касается и не волнует. Мол, ей вообще безразлично, на кого похож ребенок, и, даже если он на самом деле и не является родным сыном Олесиноного брата, то какая ей разница, если он принял его и воспитывает, как своего...

Ну, в данном случае Олесина матушка слегка лукавила. Ей вовсе даже не было все это безразлично. Но она и к сто процентно-то родному внуку, – Олесину сыну, – никаких особо теплых чувств не испытывала, – так что же говорить про мальчика, которого она изначально не считала родным?.. Кроме полнейшего равнодушия и безразличия к этому ребенку Олеся у нее в глазах ровным счетом ничего не видела. Зато прекрасно знала, как ее мама бесится на самом деле из-за того, что родственники Анны под ее чутким руководством изо всех сил пытаются ввести ее в заблуждение,

активно навязывая ей, судя по всему, чужого ребенка... По крайней мере, сама мама была практически уверена в этом...

Уж лучше бы Анькины родственники во главе с ней самой тактично помалкивали и не поднимали при каждом удобном и неудобном случае этот вопрос. Так они только привлекали лишнее ненужное внимание к этому факту...

Кстати, когда позже у Олесиного брата появились еще двое деток, это уже не вызвало такого ажиотажа и стольких обсуждений. Потому что вот там-то ни у кого не могло возникнуть ни малейший подозрений или сомнений в отцовстве. Второй сын Олесиного брата действительно получился его точной копией, – такой же светленький, кудрявый, – и даже выражение лица такое же вечно хнычущее и капризное. А младшая девочка получилась настолько похожа на Анну, что теперь, при взгляде на нее, для всех становится еще более очевидно, что старший ребенок, Артем, действительно ни капли не похож ни на кого из родителей.

Сейчас все детки уже выросли. Дедушка не обделил своим вниманием никого из них, и до сих пор с удовольствием продолжает с ними возиться. Вот только сильнее всех он по-прежнему любит старшего. Он у него всегда был вне всякой конкуренции. Самый лучший, самый умный, самый красивый... Самый-самый во всем мире...

Олесе давно уже не обидно и даже не больно наблюдать за тем, как их отец буквально боготворит Артема. А ведь, если немного задуматься, – получается, что он считает его

не родным внуком. Ведь сын-то, Олесин братец, ему, якобы, не родной, и он искренне верит в это. К тому же, – ну, как ни крути, – но существует весьма большая вероятность того, что и брату-то Артем не родной сын...

Но для дедушки, души не чаявшем в этом внуке, подобные мелочи не имеют, похоже, ни малейшего значения.

Если при этом следовать простейшей логике и законам наследования, то, вообще-то, получается, что именно Олеся – единственная законная дочь своего отца. Но, тем не менее, он по-прежнему не испытывает к ней ни малейших хоть сколько-нибудь теплых чувств, – не говоря уж об отеческих. Так же он совершенно равнодушен к своему единственному, как получается, родному внуку, который по совместительству является Олесиным сыном.

Зато тех деток, – якобы, не родных, – добрый дедушка обожает; ради них готов горы свернуть и в лепешку расшибиться... Вот такая странная получается ситуация на деле...

И кто только придумал, что кровь – не водица?..

Не всегда. Далеко не всегда...

ЕЩЕ НЕМНОГО О МИЛОСЕРДИИ...

Однажды Олесиному сыну Александру, которому на тот момент было уже двадцать два года, пришло в соцсети сообщение от бабушки. От той самой любящей и заботливой бабушки, бывшей по совместительству, согласно нелепой насмешке судьбы, еще и Олесиной мамой, которая в свое время буквально объявила беспощадную войну беспомощному ребенку, не известно, чем не угодившему ей, без преувеличения пытаясь заставить свою дочь сжить его со свету. От той самой незабвенной бабушки, от которой он за первые десять лет своей жизни не услышал ни одного доброго слова. От той самой задыхающейся от ненависти бабушки, с которой Саша, будучи на самом деле необычайно добрым и жалостливым мальчиком, еще целый год после того, как сама Олеся окончательно перестала с ней общаться, пытался поддерживать отношения, потому что искренне жалел ее и даже осуждал Олеся за жестокость по отношению к ней... Но он тогда все еще надеялся на то, что бабушка поймет, какой он хороший, оценит это, и все еще наладится...

Хотя даже Олеся, вытерпевшая от своей матери очень многое за долгие годы, на тот момент уже поняла, что ничего исправить нельзя, и ее мама никогда не станет относить-

ся к ней и к ее сыну нормально. И смирилась с этим. Потому что просто больше было невозможно продолжать закрывать глаза на то, что любящая и заботливая бабушка никогда не называла внука по имени, – только бросала презрительное “твой сын”... Как невозможно было продолжать игнорировать и то, что бабушка целыми днями, без устали, на какой-то своей непонятной волне, вещала Олесе о том, какой он уродливый и убогий, постоянно передавала ей слова каких-то знакомых, которым не повезло где-либо случайно встретить Олесиною ребенка, и которые тут же падали в обморок при виде него, настолько он был глупый, юродивый, отвратительный и на внешность, и по поведению... А еще эта самая бабушка постоянно пыталась внушить Олесе, что “он у нее больной”, – правда, Олеске так никогда и не удалось понять, чем же он был так сильно болен...

Апофеозом всего этого было заявление милой бабушки Саше, на тот момент десятилетнему, что ей не нужна его любовь, – у нее для этого имеются другие внуки, нормальные, – а вот уважать ее и слушаться он обязан...

Перечислять все это можно было до бесконечности, но именно эта фраза любимой бабушки оказалась роковой и окончательно поставила точку в ее отношениях с внуком. После нее Саша тоже перестал с ней общаться. Рано или поздно даже святой апостол устал бы слушать о том, как его, такого уродливого, грешного и нечестивого, черти во главе с дьяволом будут жарить на медленном огне в аду, куда ему

прямая дорога за его безобразное поведение...

Олеся так никогда и не сумела понять, что не так было с Сашиним поведением. И вовсе не потому, что она, как истинная ягода, оправдывала все его безобразные выходки. Просто, как это ни смешно в контрасте с угрожающими бабушкиными предсказаниями, но Саша реально был на редкость вежливым и тактичным ребенком, никогда не сказавшим бабушке ни одного резкого или грубого слова. И это – несмотря на всю ту грязь, которой добрая бабуля поливала его, – особенно, в последние месяцы, когда Олеся уже перестала общаться с ней. И славная бабушка звонила десятилетнему внуку и поносила их обоих последними словами, не выбирая выражений, словно забыв, что имеет дело всего лишь с невинным ребенком...

Но даже тогда внук не говорил ей ничего грубого или оскорбительного.

И вот с тех пор прошло более десяти лет. Жизнь изменилась. Дети выросли. Бабули, очевидно, постарели. И вспомнили, что у них еще где-то есть внуки. Те самые, которые когда-то были не нужны...

“Здравствуй, Саша, – писала теперь бабушка. – Случайно наткнулась на твою страничку и осмелилась написать тебе. Ты стал настоящим мужчиной. Если бы встретила тебя, не узнала. Прошло много лет с тех пор, когда мы виделись с тобой. Я подумала, может сейчас ты стал милосерднее, и мы могли бы с тобой общаться. Все эти годы вы всегда были в

моем сердце. Я вас очень люблю. Прошу у тебя прощения. Если у тебя появится желание, мы могли бы переписываться. Не так много нас осталось в этом мире. Иногда в жизни наступают такие моменты, когда нужна помощь, совет, а не к кому обратиться. ТЫ всегда можешь на меня рассчитывать. Не спеши сразу включать меня в черный список. Извини, если это сообщение тебе неприятно. Я больше не побеспокою тебя, если ты этого не захочешь. Прощение и любовь самые главные в этом мире. Всего тебе доброго, Саша. Удачи и успехов во всем.”

О Господи Боже ты мой!.. Это была первая фраза, которая вырвалась у Олеси в тот миг, когда она узнала об этом сообщении. Эта милая женщина смеет говорить сейчас о милосердии взрослому мужчине, чье детство превратилось в один сплошной неопиcуемый кошмар благодаря ей!.. Где было ее милосердие в те дни, месяцы и годы, когда она травила маленького беспомощного ребенка, для которого с десяти лет нежное слово “бабушка” является бранным?..

Да, прошло больше десяти лет. И “больной”, с точки зрения доброй бабули, и уж чуть ли не юродивый ребенок вырос. Он немало перенес для своего возраста, повзрослел, приноровился жить в этом странном мире, научился работать и зарабатывать, в конце концов... По возрасту уже вполне давно мог бы сам быть мужем и отцом, но пока не до этого...

Бабуля, кстати, вообще представления не имеет о том, как

он жил все эти годы, что у него за душой, есть ли у него семья и дети, в конце концов... Да она, по большому счету, даже толком не знает, жив ли он еще, – разве что по слухам от людей, которые могли где-то случайно увидеть его... От других родственников, например, которые в соседнем доме живут...

Стал ли он милосердным за все прошедшие годы?.. При одной только мысли об этом Олеся чувствовала, что ее охватывает истерический смех. Дело в том, что ее сын всегда был очень добрым. Настолько, что, в его случае, это уже, скорее, недостаток, а не достоинство. И такого вот ребенка бабуля ненавидела и считала неким недостойным жизни вообще отродьем...

Да, несмотря ни на что, Саша всегда был добрым и жалостливым, – только вот бабушка никогда не желала этого видеть. Он и сейчас заботился о тех, кто слабее, он любил животных и готов был в клочки порвать тех, кто их обижал. С людьми ему общаться было не всегда легко, потому что такая вот непростая жизнь с самого раннего детства сделала его жестким и непримиримым, но она же и закалила его.

Олесю всегда очень удивляло в Саше то, что, несмотря на такую вот непростую жизнь, он остался в душе очень отходчивым и незлопамятным. И она даже не стала бы на самом деле зарекаться в том, что он никогда не сможет простить свою бабушку. Это сейчас он на словах клялся в том, что никогда не пустит ее на порог. Но при этом Олеся прекрас-

но знала, что, если бы ее мать действительно захотела этого и приложила бы определенные усилия, то Саша, наверное, с радостью простил бы ее, и был бы готов и помогать, и ухаживать, и так далее...

Но только вот бабуля все эти годы даже и не вспоминала о его существовании. А теперь вот вдруг заговорила о милосердии...

Не смешно, ей-богу...

На тот момент Олеся еще не знала, чем все это закончится. Она даже и не собиралась влезать в его взаимоотношения с бабушкой, тем более, что Саша давно уже принимал все решения сам. При этом Олеся, разумеется, понимала, что ей будет очень неприятно узнать, что они все-таки действительно возобновили общение. Но она готова была это пережить. На самом деле ее гораздо больше тревожило другое.

В свое время, – как раз, когда Саше исполнилось десять лет, – он уже пытался “дружить” с другой бабушкой, со стороны отца. Она тоже на каком-то этапе вдруг вспомнила, что у нее есть внучек, и пожелала начать с ним общаться. Олеся тогда даже и не пыталась мешать ей или препятствовать этому. Хотя, к сожалению, заранее предполагала, чем все это может закончиться.

Саша с удовольствием поддерживал отношения с “той” бабушкой. Он словно моментально забыл, что она многие годы и не вспоминала о нем, он с радостью навещал ее, созванивался с ней... Вот только через два года бабушке все

это, очевидно, надоело. И она просто снова тихо и мирно исчезла из их жизни...

Признаться честно, Саша тогда очень сильно переживал из-за всего этого. В принципе, этот бабушкин поступок и был, наверное, тем самым последним гвоздем, вбитым в крышку гроба, в котором двенадцатилетний на тот момент мальчик похоронил все свои надежды и иллюзии на какие бы то ни было отношения со своими достопочтимыми родственниками. Но он выжил, разумеется, – а, как известно, то, что нас не убивает, делает нас сильнее...

И вот сейчас, когда очень сложный и полный испытаний отрезок жизни был позади, когда Олеся с Сашей оба, наконец-то, встали на ноги, когда у них, – после чуть ли не полнейшей нищеты, – появился определенный достаток, стабильная работа и, как следствие всего этого, уверенность в завтрашнем дне, еще одна бабуля соизволила вспомнить о том, что ведь у нее, оказывается, есть внук, – да еще и взрослый!..

Это, наверное, могло бы быть смешно, если бы на самом деле не было так грустно...

Несмотря ни на что, наивной Олеся давно уже не была. И она никогда не надеялась на то, что ее мать, хотя бы со временем, может что-то осознать. Пока Олеся верила в это, она продолжала с ней общаться, в надежде на лучшее, и только поняв, наконец, что это лучшее не наступит никогда, поставила на этом общении точку.

А сколько раз за эти годы ее мама пыталась звонить и говорить пакости, портить настроение в дни рождения, пытаться что-то требовать от них... Благодаря этому они были вынуждены отключить домашний телефон еще много лет назад, потому что иначе она не желала угоманиваться...

Поэтому сейчас Олеся прекрасно понимала, что ее мать ни капли не изменилась. И она ничего не осознала. Даже в этом своем сообщении она надеется на то, что внук стал милосерднее... Господи, что это вообще за дикий бред сумасшедшего?! Со стороны можно предположить, исходя из этой фразы, что причина ссоры с бабушкой была в том, что он некогда был, например, злым, жестоким и испорченным ребенком, с которым несчастная бабушка не смогла в свое время общаться именно в силу этих его отрицательных качеств. И теперь она лишь надеется, что он, став взрослее и умнее, осознал свои ошибки и хочет их исправить...

Но только вот проблема была вовсе даже не в глупом испорченном ребенке. А в безумной уже тогда, много лет назад, сорокалетней (!!!) старухе, превратившей жизнь собственных дочери и внука в один сплошной непрекращающийся кошмар... Для Олеси решение перестать общаться с ней было самым правильным решением из всех, которые она когда-либо принимала в своей жизни. И она не пожалела об этом ни разу, несмотря ни на что.

Олеся была изначально воспитана так, что готова была простить своей маме очень многое. И прощала, – до поры, до

времени, – что греха таить... Она даже и не осознавала того, что мама всю жизнь травила, унижала и обижала ее саму, – напротив, Олеся всегда воспринимала это, как должное, потому что искренне была уверена в том, что мама имеет на это право. И, спустя годы, ей было просто жутко вспоминать все это, потому что, перестав общаться с матерью, Олеся одновременно с этим перестала понимать, как вообще могла допустить по отношению к себе нечто подобное.

И камнем преткновения, давшим Олесе силы прекратить весь этот кошмар, стал именно ребенок. Олеся много страдала по вине своей мамы, – но боль сына она ощущала гораздо острее, чем собственную, и вытерпеть ее Олеся уже не смогла.

К сожалению, она не сразу осознала до конца весь смысл этой жуткой ситуации, поэтому до десяти лет ее сын жил в аду. И только потом Олеся, – с помощью Саши, кстати, – нашла в себе силы это прекратить. Она прекрасно осознавала теперь, что в том кошмаре, в котором прошло детство ее сына, есть существенная доля ее вины, потому что она тогда была не в силах его защитить. Она лишь всегда надеялась в дальнейшем, что Саша простил ее за это... Но при этом Олеся всегда считала, что бесполезно теперь посыпать себе голову пеплом, ругать себя и жить с вечным ощущением вины. Ни к чему хорошему это все равно не приведет. Надо просто найти в себе силы жить дальше, с обретенным чувством собственного достоинства и новым опытом.

Все без исключения люди совершают ошибки. Но далеко не все из них находят в себе мужество это осознать.

Олеся никогда не поверит в то, что ее мать хоть что-то осознала. И поэтому она не понимала, зачем этому лживому беспринципному чудовищу, уничтожающему все живое на своем пути, понадобился ее сын? Почувствовала приближение старости?.. Ищет запасные варианты, чтобы не остаться без “досмотра”?..

Она лишь надеялась, что Саша сумеет принять правильное решение. Каким бы оно ни было.

На самом деле, в этой весьма странной, – если не сказать более грубо, – попытке бабушки возобновить отношения с давно утерянным внуком были два пункта, на которые Олеся просто не могла не обратить внимание.

Первое, – на тот момент, когда бабушка написала Саше, она заблокировала Олесю. Хотя до этого Олеся в черном списке не была, – она знала об этом наверняка, – и, после того, как бабушка, очевидно, поняла, что ответа не дождет-ся, она Олесю снова разблокировала. Но в тот момент бабуля подстраховалась и попыталась обезопасить себя от возможных неприятностей.

Чего она побоялась?.. Того, что Олеся немедленно кинет-ся выяснять с ней отношения?.. Так это, если подумать, бы-ла бы прекрасная возможность хоть как-то начать разговор и прийти к какому-то консенсусу. Ведь она же хотела поми-риться?.. Разве не так?..

А второй момент представлял, на самом деле, еще больший интерес. Потому что он имел свою предысторию.

Когда Олеся в свое время перестала общаться с мамой, она не думала, что это навсегда. Просто в какой-то момент гиря до полу дошла, и Олеся поняла, что так дальше продолжаться не может. Отношения, которые связывали их с мамой на протяжении многих лет, нельзя было назвать здоровыми. И в какой-то момент Олеся просто пришла к выводу, что их необходимо изменить.

Она думала, что через несколько дней, – ну, максимум, через пару недель, – мама, тоже поняв, что в их отношениях что-то не заладилось, свяжется с ней, – позвонит, придет, пригласит к себе. Они сядут и спокойно поговорят. Олеся объяснит, почему такой формат отношений изжил себя, и что им необходимо поменять, чтобы продолжать нормально общаться. Мама, возможно, выскажет какие-то свои предложения и замечания. Они спокойно обсудят все это вместе и придут к разумному совместному решению.

Диалога с мамой не получилось. Она даже и не пробовала нормально поговорить с дочерью. На протяжении еще многих-многих месяцев она пыталась регулярно звонить, – но только для того, чтобы снова оскорбить Олесю и Сашу и вылить на них очередную порцию помоев. Поговорить по-человечески она даже и не пыталась. В конце концов, чтобы избежать ее оскорблений и начать, наконец, жить спокойно, Олесе пришлось просто отключить домашний телефон.

За все эти годы мама так ни разу и не попыталась нормально встретиться и просто поговорить, – спокойно, разумно, как взрослые люди. И, в конце концов, Олеся просто перестала этого ждать и окончательно вычеркнула ее из своей жизни.

Пару-тройку лет назад мама отыскала в соцсетях и ее тоже. И принялась вдруг поздравлять ее с праздниками. После второго поздравления Олеся просто ее молча заблокировала. Везде.

И теперь вот это сообщение Саше... И, опять же, ни одного разумного слова, никакой попытки что-то обсудить, как-то помириться реально... Только что-то невнятное, с позиции обиженного и брошенного человека...

Что могла бы написать бабушка внуку в подобной ситуации, на взгляд Олеси, если бы действительно осознала какие-то свои ошибки и искала бы пути к примирению?..

“Мы столько лет с тобой не виделись!.. Как я хотела бы это изменить, возобновить отношения, исправить совершенные ошибки!.. Может быть, и вы тоже хотели бы помириться?.. Приезжай ко мне, – буду рада, если вы приедете вместе с мамой, но, если она пока не готова, буду рада видеть и тебя одного!.. Я вас очень жду! Мы поговорим, обсудим, найдем выход, – ведь мы же с вами родные, близкие люди!.. Приезжайте в любое время, – я буду очень счастлива!.. Или хотя бы позвони, – напоминаю мой телефон! Я буду очень ждать звонка! Я так хотела бы помириться с вами; я так мечтаю

снова вас увидеть!.. Ну, или хотя бы напиши мне, если тебе так будет проще!.. Давайте попробуем начать все с начала!..”

Вот чего Олеся ожидала подспудно все эти годы. Но так и не дождалась... А не того: “...Если у тебя появится желание, мы могли бы переписываться!..” Да с чего бы у него появиться-то этому желанию?.. С какой стати взрослый сложившийся парень, выросший, к сожалению, без любви бабушек, пожелает вдруг переписываться с совершенно чужой для него женщиной, изливать ей душу, обращаться за помощью и советом?.. Он вырос без ее любви и поддержки. Так зачем же она нужна ему сейчас?..

Он – взрослый мужчина. Он может сам решить свои проблемы, он может посоветоваться с матерью, которая является для него авторитетом, он может поделиться с друзьями, – он может напиться с ними, в конце концов. Он может многого добиться в жизни или опуститься на самое дно, жениться, развестись, уйти на фронт, уехать, заняться бизнесом, – все, что угодно. Но с какой стати ему просить в соцсети совета у чужой безумной старухи, от которой он даже в детстве не слышал ни одного доброго слова, и просить ее о помощи?.. Чем она может ему теперь помочь?.. Подножку подставить, разве что...

Отвечать бабушке, – а тем более, возобновлять с ней общение, – Саша не стал. И она, воодушевленная, очевидно, тем, что ее сразу же не послали на три буквы, стала постоянно мониторить его страницу и лайкать его фотографии и

записи. Саша несколько дней любовался на это, а потом просто молча занес ее в черный список.

Ибо нефиг...

МУЖ-ПСИХОЛОГ – ГОРЕ В СЕМЬЕ...

К тому моменту, когда сыну Олеси и Георга исполнилось шесть месяцев, их брак давно уже висел на волоске. И даже Олесе, которая изначально была нацелена сохранить его любой ценой, – просто потому, что ей некуда было возвращаться, так как в отчем доме ее давно уже никто не ждал, – теперь уже было понятно, что сейчас это просто вопрос времени. Они с Георгом за эти месяцы стали совершенно чужими друг другу, и любые попытки, предпринимаемые Олесей, чтобы спасти их несчастливый союз, изначально были обречены на провал.

Они давно уже не могли даже просто нормально общаться между собой. О чем бы они ни начинали говорить, – тема уже не имела значения, – они тут же ругались. К ужасу для самой себя, Олеся осознавала, что ее раздражает в собственном муже буквально все без исключения. А Георгу, в свою очередь, похоже, точно так же ничего не нравилось в самой Олесе.

Да это было бы еще полбеды, если бы только в Олесе!.. Проблема в том, что настоящим камнем преткновения между ними стал их ребенок. Георга он не устраивал совершенно. Похоже, уже самим фактом своего существования.

При этом даже нельзя было сказать, что шестимесячный Саша был проблемным. Совершенно нормальный, здоровый, к счастью, малыш, развивающийся в полном соответствии со своим возрастом, – а кое в чем даже и опережающий своих сверстников. Наверное, не идеальный, – потому что он мало спал и требовал очень много внимания к себе; с ним необходимо было постоянно находиться рядом. Но полностью идеальных детей не существует в природе. А Саша был веселый, дружелюбный, общительный, контактный; он охотно шел на руки к родственникам и много смеялся. В общем, совершенно обычный нормальный малыш, который еще только начинал с интересом познавать увлекательный окружающий мир.

Беда, очевидно, была в том, что Георг попросту никогда раньше не видел вблизи маленьких детей, и поэтому вообще не представлял, что именно следует от них ожидать. Его собственные рассуждения о малышах всегда ранее неизменно укладывались в три странные фразы, от которых Олесю поначалу попросту жутко корбило и передергивало от какого-то непонятого чувства, которому она тогда еще не могла дать точного названия, но которое больше всего было похоже на отвращение и даже омерзение. Со временем она, правда, немного привыкла, наверное, потому что перестала реагировать на слова Георга так болезненно, – хотя более приятными и понятными для нее они так и не стали. Но что поделать... Олеся тогда еще любила своего будущего супруга и

пыталась смириться и принять его странное чувство юмора и еще более непонятное для нее его общее восприятие жизни.

Георг так мечтал о детях, – до того, как его мечта превратилась в реальность. На протяжении двух лет, что они с Олесей встречались, Георг повторял эти так шокирующие Олесю фразы по несколько раз в день.

– Маленькие дети такие заба-а-а-а-вные!.. – растягивал он до бесконечности последнее слово своим тогда еще густым рокочущим басом, который теперь, после свадьбы, почему-то все чаще срывался на бабий визг. – У них такие крошечные писю-ю-ю-ю-ю-льчики!.. – На этом месте он обычно начинал оглушительно ржать, очевидно, искренне веря про себя, что говорит нечто донельзя забавное. – Они пи-и-и-и-и-сают в разные стороны!..

Почему-то видение писающих в разные стороны детей возбуждало Георга просто до крайности и приводило в какой-то нелепый, непонятный и совершенно недоступный Олесе восторг. Реально казалось со стороны, что он сам сейчас описается в предвкушении удовольствия. Но ничего другого о детях он попросту не знал и никогда не видел их вблизи. В его больном воображении ребенок, похоже, вплоть до половозрелого возраста должен был преспокойно целыми днями лежать на полу и пи-и-и-и-и-сать своим крошечным писю-ю-ю-ю-ю-льчиком... А потом, рано или поздно, похоже, просто должен был встать и уйти своей дорогой, не тревожа занятых родителей.

Но на самом деле все получилось совсем не так.

Саша реально с самого первого дня жизни был необычайно дружелюбным, любопытным, постоянно был готов рассмеяться. Он совершенно не боялся других людей, – даже незнакомых, – был необычайно контактным, с удовольствием шел ко всем на ручки, и, казалось бы, должен был доставлять всем без исключения окружающим только радость. Саша очень хорошо кушал, быстро рос, был очень сообразительным и любознательным. То есть, он уродился совершенно нормальным и полностью благополучным ребенком, который, появившись он на свет в другой семье, мог бы стать неиссякаемым источником неземной радости для своих счастливых и любящих родителей.

Но не стал.

Проблема была в том, что, при всех прочих своих неоспоримых достоинствах, которые Георг не видел и не замечал, Саша вовсе даже не желал смиренно лежать на полу и писать в разные стороны.

Он с самого рождения был очень подвижным. В нем реально словно был установлен вечный двигатель, потому что он никогда не уставал. И он совершенно не желал ни спать днем, ни играть самостоятельно, – как это делают, по мнению Гекули, все нормальные дети. Вместо этого он хотел все время быть со своими родителями.

Сама Олеся не видела в этом ничего особенно страшного и с удовольствием занималась сынишкой целыми днями.

Тем более, что у Саши был один весьма существенный плюс: ровно в восемь вечера он засыпал намертво и по ночам никогда ее не беспокоил. Да и утром, – как это ни странно, – проснувшись самостоятельно, он мог часов до восьми – девяти спокойно лежать в своей кроватке, ничего не требуя, не тревожа маму и давая ей еще немного отдохнуть. Поэтому Олеся, к счастью, не ведала бессонных ночей у кроватки ребенка и многочасовых укачиваний.

В принципе, даже нельзя было сказать, что Олеся уставала от ребенка, несмотря на то, что днем они неизменно проводили практически все время вместе. Для нее это все получилось как-то совершенно естественно. Но вот несчастный новоявленный папа уставал очень сильно, лежа на диване целыми днями напролет и переключая телевизор с одного новостного канала на другой. И он желал абсолютного покоя и тишины, потому что ему требовался отдых от долгих и бесплодных поисков работы в радиусе все того же дивана. А как тут отдохнешь, успокоишься и наберешься сил для новых подвигов, если где-то поблизости вечно копошится наглый и подлый ребенок, который, словно нарочно издеваясь над своим нелепым папашкой, постоянно мешал ему, просился на руки, то и дело, – вот ведь негодяй!.. – хотел кушать, играть, капризничать...

На взгляд дорогого папули, этот ребенок был дефектным и вел себя совершенно неправильно, ненормально и нестандартно. А Георг, – это нельзя упускать из виду, – был, вне

всякого сомнения, непревзойденным специалистом в области заболеваний психики. Как же иначе, – ведь он в свое время сумел закончить педагогический университет по специальности учитель истории и школьный психолог. Поэтому он, разумеется, сразу же увидел своим опытным наметанным глазом, что с этим младенцем, явно, что-то не то. И, когда долгожданный сынуля находился еще всего в возрасте двух – трех месяцев, любящий папочка поставил своему, такому, вроде бы, некогда желанному наследнику целую кучу серьезных диагнозов.

От шизофрении до маниакально-депрессивного синдрома. На полном серьезе. Со знанием дела. Кроме шуток. И бесился до истерики, когда Олеся возражала ему, потому что он точно знал, о чем говорил.

В то время, когда неудачный младенец еще только-только учился головку держать и агукать, папа уже предсказал ему незавидное будущее и даже описал его во всех душераздирающих подробностях. Из его слов следовало, что если этот ребенок уже сейчас так себя ведет, – тем более, что у него имеются столько поставленных папой практически несовместимых с нормальной жизнью диагнозов, – то у них с Олейсей, разумеется, всю жизнь будут с ним жуткие проблемы. Его вышвырнут из садика и из школы за плохое поведение и неуспеваемость; он, естественно, свяжется с дурной компанией, будет наркоманом, вором, а может, и похлеще; потом станет уголовником – рецидивистом, отсидит в тюрьме мно-

го лет, а вернувшись с зоны, непременно убьет своих ненавистных родителей, – и бабушку, что немаловажно, мать Геккули, – и все это ради того, чтобы завладеть их квартирой...

У Олеси просто реально волосы на голове шевелились, когда она слушала все это. И шевелились они, разумеется, пока еще вовсе не от страха перед сыном-уголовником, рецидивистом и потенциальным убийцей, а от дикого ужаса при одной только мысли о том, что все эти мерзости так легко вылетают из уст ее еще недавно такого любимого и желанного мужа, без которого она некогда просто не мыслила своего существования. Того самого, который когда-то так хотел детей, что целыми днями мог говорить только о них, не обращая ни малейшего внимания на то, что саму Олесяю все эти его разговоры расстраивают до глубины души... Того самого, в котором она была так уверена... Пока не родился их сын...

А Георг, прекрасно понимая, что Олеся не желает внимать его разумным и справедливым словам, – словам образованного человека, профессионала и специалиста, – срывался и начинал визжать, по привычке разбрызгивая вокруг слюну:

– Ты ничего не хочешь слушать!.. Ты считаешь меня придурком!.. А я тебе это, как психолог, говорю!.. Это так и будет!.. Я знаю!!! Я в этом разбираюсь!!! Я – психолог!!!

Олеське, дурочке, гнать бы этого психолога в шею еще тогда, потому что все диагнозы, – его, а не ребенка!.. – уже были налицо... А она все еще напрасно пыталась что-то объ-

яснять ему, доказывать, успокаивать, уговаривать, в конце концов... Потому что тогда она все еще была не в силах осознать самое страшное в этой ситуации. Георг не был психологом. Он был психом. И Олеся с каждым днем осознавала это все более отчетливо, – просто пока еще не в силах была смириться с печальной действительностью.

Олеське на тот момент было чуть больше двадцати, и у нее просто крыша ехала от всех этих свалившихся на ее голову проблем. Безумный муж, вопящий на диване и выкрикивающий такие вещи, которые любой нормальный человек просто побоялся бы произносить вслух... Сумасшедшая свекровь, – теперь понятно, в кого у нее сынок пошел!.. – затевающая очередные пакости и никак не желающая успокоиться... Ее собственные дорогие родственники, открывающие рот только для того, чтобы еще раз напомнить любимой дочери, что ее жизнь закончена в двадцать лет; что она разрушила ее собственными руками и теперь пожинает плоды всего этого... И ребенок, который почему-то оказался никому, кроме нее, не нужен, – ни мечтавшей уже много лет о внуках бабушке, ни грезящему писающими младенцами отцу... На тот момент Олеся уже не способна была даже понять, кого из них она еще любит, а кого – давно уже ненавидит... Она просто чувствовала, что всему этому необходимо положить конец, потому что иначе, если это так и будет продолжаться, она сама попросту окажется в психушке...

А самое главное, самое обидное во всей этой ситуации за-

ключалось в том, что Олесин муж считал ее виноватой ну буквально во всем. Плачет ребенок – она виновата, потому что родила не пойми кого... Родственники с обеих сторон козни затевают, – это она не желает идти с ними на компромисс... Работы у него нет, – это тоже по Олескиной вине он ее лишился. Ведь это она, очевидно, как-то сумела внушить его начальству мысль о том, что необходимо сократить его должность. Устроиться он теперь никуда не может, – так это она со своим ребенком мешает ему, отвлекает его от усиленных поисков...

А еще более удивительным для Олеси было то, что Георг вдруг вообще пришел к выводу, что она с самого начала к нему очень плохо относилась. И вышла замуж за него исключительно с целью испортить ему жизнь... Только тогда за чем же, спрашивается, он сам-то вообще женился на ней?.. Но он на полном серьезе заявлял теперь, что она, на момент их знакомства девятнадцатилетняя малолетка, оказывается, постоянно обижала и унижала его, пока не сделала из него, некогда сильного и уверенного в себе тридцатилетнего мужчины, безвольную тряпку, действительно уже ни на что не годную и не способную... Она забрала у него все, – вопрос был только в том, что именно, поскольку в наличие у Георга, как в той поговорке про латыша, были лишь портянки да душа... И высосала из него все соки, – опять же, если прогнать пошлые мысли, высасывать там было просто нечего, да и с пошлыми мыслями – тоже, поскольку, простите, но да-

же в этом плане мужчиной Гера, к сожалению, не являлся... А теперь вот, после всего этого, Олеся уже готова предать и бросить все отдавшего ей супруга, потому что взять с него больше нечего, и он стал ей теперь не нужен...

Олеся слушала его бредовые рассуждения и ничего не могла понять. Видимо, в силу своих слабых умственных способностей... Потому что, в свете всего этого, у нее всегда напрашивался только один вопрос: что же такого ей все-таки удалось поиметь с этого человека?.. Ведь он, изначально не имевший ни кола, ни двора, ни Родины, ни флага, – похоже, при этом искренне был уверен, что она обобрала его до нитки. Прямо по законам жанра...

Что же на самом деле он сумел дать ей за все время их знакомства?..

Ребенка. Того самого, о котором он некогда так мечтал, что просто грезил наяву. И который теперь вдруг почему-то оказался ему совершенно не нужен.

Ну, что ж, спасибо ему и за это!..

НЕДОЛГО МУЗЫКА ИГРАЛА...

В один прекрасный день, – лет десять назад, – Олесе вдруг неожиданно, ни с того, ни с сего, соизволил позвонить ее братец Александр. Получилось так, что на тот момент они не общались с ним уже лет пять, – или даже больше. Вообще. Причем, нет, как раз с ним-то Олеся и не ругалась, как это ни странно, – в отличие от всех остальных. Просто сначала она перестала общаться с мамой, потом мама приложила все усилия для того, чтобы рассорить ее с женой брата – Анной, с которой они на тот момент даже, можно сказать, дружили. Но мамочка подобного терпеть не стала, поэтому, после пары искусственно спровоцированных ею конфликтов, от общения с Анной тоже пришлось отказаться. И, одновременно с этим, братец тоже деликатно исчез из Олесиной жизни.

Она по этому поводу быстро не переживала. Признаться честно, она, скорее, не находила бы себе места, если бы этого не произошло. Олеся с братом всегда были совершенно чужими людьми, и, поскольку лицемерить она никогда не умела, то сейчас, во взрослом возрасте, можно сказать, скинув оковы многолетнего семейного рабства, Олеся не готова была даже чисто внешне поддерживать хоть какие-то зачатки отношений между ними.

Итак, примерно лет пять Олеся о нем практически ничего и не слышала. За все это время они пару раз случайно

встречались на улице, – ведь жили-то они все в соседних домах, – и обменивались дежурным приветствием. Не больше и не меньше.

И вдруг однажды, уже ближе к вечеру, Саша ей позвонил. Олеся еще удивилась тому, что он вообще помнит номер ее телефона... И после весьма дружелюбного приветствия, включающего: “Привет, сестрёнка, ну, как у вас дела, как хоть вы поживаете-то, давно не виделись!..” – Саша начинает толкать ей какую-то суперфантастическую, а потому совершенно неправдоподобную идею о том, что им просто необходимо снова начать общаться между собой. Неправдоподобную – потому, что, даже в детстве, живя в одной квартире, они вообще не общались... Но теперь, мол, когда они оба с Олесей давно уже стали взрослыми людьми, им больше нечего делить, – так почему бы им не позабыть все детские обиды, не зарыть топор войны и не начать дружить?..

Сказать, что Олеся была удивлена и ошарашена этими его словами, – это не сказать вообще ничего... В принципе, глядя правде в глаза, никаких детских обид конкретно на него у нее давно уже не было. Как-то так уж получилось, что они тоже давно уже канули в прошлое, – остались навечно в том несчастливом времени, когда у Олеси еще была семья. Ну, или, по крайней мере, когда она еще наивно, но искренне полагала, что она у нее есть.

За прошедшие годы у Олеси была возможность неоднократно переосмыслить сложившуюся ситуацию. И она даже

пришла к выводу, что ее братец сам по себе изначально был не так уж и плох. Атмосферу всеобщей ненависти в их семье зачем-то создала и поддерживала их дорогая мамочка. А Саша, по сути, был такой же жертвой обстоятельств. Просто, в его случае, эти обстоятельства сложились в его пользу. А в случае с Олесей – они изначально были против нее. Вот и все.

Так что, да, теплых отношений у нее с братом никогда не было и быть не могло, но и зла она на него больше не держала. Просто вышло так, что родной, вроде бы, человек был для нее совершенно чужим. Но вот, спустя годы, он сам первый позвонил. И предложил возобновить общения. И Олеся ответила, что, в принципе, готова попробовать. Потому что, действительно, смешно, наверное, в тридцать пять лет вспоминать о том, кто, кого и как обзывал в детстве...

Правда, в разговоре очень быстро выяснилось, что все не так-то и просто на самом деле. И подружиться с Олесей братик захотел не от каких-то там проснувшихся вдруг чувств и эмоций, – и даже не по собственной инициативе. А впрочем, это было даже и не удивительно. Чего она еще от него ожидала?..

На тот момент Олесин братик уже лет десять был счастливо женат и обзавелся двумя чудесными детками. И, в принципе, несмотря на постоянное недовольство их общей мамочки его неподходящей женой, он вполне мог похвастаться образцово-показательной семьей. До недавнего времени.

Потому что не так давно у его супруги капитально поехала крыша. Иначе это назвать было невозможно.

История получилась совершенно незамысловатая. Его жене, Анне, видите ли, за столько лет брака их семейные отношения стали казаться скучными, пресными и неинтересными. А ее тонкая душа желала романтики, страсти, – или чего-то там еще в том же духе... И она нашла для себя отдушину в этом тоскливом безрадостном мире.

Анна на каком-то сайте в интернете познакомилась с неженатым молоденьким мальчиком. И они, что называется, нашли друг друга, потому что их, типа, накрыла пылкая любовь. Причем, пока что чисто платоническая, по переписке, так как лично они еще даже и не встречались. Но в этих отношениях она обрела и любовь, и страсть, и романтику, – то есть, все то, чего ей так давно не хватало в супружеской жизни. И у них – по переписке!.. – все зашло уже так далеко, что они оба пришли к выводу, что жить больше не могут друг без друга. И он уже готов был принять ее с двумя детьми в придачу, и она почти решилась бросить опостылевшего мужа и отправиться на поиски своего женского счастья...

Раскрылось все это как-то совершенно глупо. То ли Анна страничку на сайте забыла закрыть, то ли еще что... Саша прочитал ее переписку. Был жуткий скандал; Олесин братец обвинил жену в неверности и пригрозил разводом. Анна вопила, что была несчастна с ним, а теперь нашла любовь всей своей жизни и немедленно уходит к нему. Дети

плакали. Анина мама почему-то переживала из-за того, что зять, оставшись один, немедленно сопьется... С чего такие мысли у нее вообще зародились, было совершенно непонятно, потому что Саша никогда, в принципе, не был любителем выпить... Очевидно, так просто было принято, по ее понятиям... А Сашины собственные добрые, чудесные и любящие родители возмущенно подначивали сына немедленно изгнать изменницу и никогда не прощать...

В общем, сумасшедший дом. Вселенский апокалипсис в отдельно взятой квартире...

Со своими мозгами у Олесиноного брата всегда было не густо, и, очевидно, за прошедшие годы в этом плане мало, что изменилось. Поэтому он, как и всегда, покорно пошел на поводу у своей мамочки, кричащей о том, что измену нельзя прощать ни в коем случае, и он немедленно должен – просто обязан!.. – подать на развод.

Ну, что ж, – сказано – сделано!.. И Саша с позором выгнал из дома жену с двумя малолетними детьми. Анна гордо ушла, громко хлопнув дверью, с криками о том, как она счастлива, что, наконец-то, сможет найти свое счастье. В общем, семейный апокалипсис разросся до весьма угрожающих масштабов...

А дальше все пошло немного не по плану. Саша так и не понял до конца, почему, – но ушла Анна вовсе даже и не к своему молодому человеку, а к маме. Похоже было на то, что, оказавшись перед фактом, ее возлюбленный на самом

деле по какой-то причине оказался не готов принять ее. Потому что после этого все разговоры о большой любви и женском счастье как-то резко прекратились, и начались стенания на тему того, почему и за что Саша вдруг так жестоко ее выгнал?..

Анна, якобы, не могла теперь этого понять, потому что ни в чем она перед мужем на самом деле не виновата. Она же не изменяла ему на самом деле; у нее не было реального любовника, с которым она встречалась бы тайком, нарушая супружескую верность... Ну, а то, что она общалась с мальчиком на сайте, – это же не серьезно!.. Это и не измена на самом деле, а так, ерунда, глупость... Она просто шутила от безделья... А Саша все как-то странно воспринял...

В общем, получилось так, что из коварной изменницы она как-то чуть ли не на глазах переквалифицировалась в жертву, которую муж-самодур просто так, – ни за что, ни про что, – выгнал из дома. Да еще и с малолетними детками, которые теперь страдают и плачут...

Олеся ни на миг даже и не усомнилась в том, что все, что случилось с ними, произошло конкретно с подачи их дорогой мамули. Та Аньку всегда на дух не переносила. Годами спала и видела, как они с Сашей расстаются. И, разумеется, только лишь услышав о том, что Анька чуть было не изменила ее сыну, – по крайней мере, мысленно она, разумеется, давно уже была к этому готова, – мамуля быстренько подсустилась и настропала Сашку немедленно выгнать ее. И все

это, разумеется, под весьма благовидным предлогом, что такая непорядочная женщина им в семье не нужна.

А детки... Да бог с ними, с детками... Еще народятся, наверное. От хорошей порядочной жены...

И сразу же после этого мамочка зачем-то уговорила Олесиного братца позвонить блудной сестре и помириться с ней. И не имеет значения тот факт, что он не вспоминал о ней много лет и при этом как-то прекрасно обходился без общения с ней... Но мама сумела доходчиво объяснить Александру, что для него наступили трудные времена, и ему сейчас просто необходима поддержка, – а кто сможет поддержать его лучше родной сестры?.. Вот под это дело она, глядишь, еще и пригодится...

Получилось так, что в тот день Олеся с братом впервые за всю свою жизнь смогли поговорить по-человечески. И, признаться честно, мнение Олеси о нем отнюдь не изменилось в лучшую сторону. Откровенно говоря, ей было очень неприятно слушать то, что Саша рассказывал о своей жене, – теперь уже, наверное, бывшей... Но, хотя Олеся никогда и не питала к Аньке особой любви, – ей казалось, что все это достаточно мерзко и низко, когда мужчина говорит о своей женщине такие вещи.

Дело в том, что Анна у них была девушкой просто ну нереально крупной. Так было не всегда. На момент свадьбы, десять лет назад, у нее из-под короткой юбочки торчали настолько обтянутые кожей худые ножки-палочки, что хоте-

лось просто обнять и плакать... Но после первые же родов Анна очень сильно поправилась, а после вторых ее вообще разнесло до невероятных размеров. Кто бы только мог подумать...

Олеся никогда не понимала, как можно было запустить себя до такой степени, – но ее одобрение или осуждение никого, разумеется, не интересовало, поэтому Олеся деликатно держала все свои мысли при себе, – даже на тот момент, когда они еще общались. Но, на самом деле, она же не знала доподлинно, что в действительности является причиной Анькиной пугающей полноты. Возможно, она просто-напросто много кушает и не желает – или не может – себе ни в чем отказывать. Но также существовала вполне реальная вероятность, что Анькин хороший аппетит здесь вообще ни при чем, и у нее имеются какие-либо серьезные эндокринные нарушения, из-за которых у нее полностью сбит обмен веществ. Олеся вполне допускала нечто подобное, потому что у каждого человека могут быть свои проблемы со здоровьем, о которых не знают окружающие. Поэтому Олеся никогда на самом деле даже в душе не осуждала Аньку, хотя сама и не понимала, почему та не пытается хоть как-то привести себя в порядок.

В конце концов, даже если у человека имеются проблемы со здоровьем, то ему тем более давно уже пора было бы обратиться к врачу. Ей же самой тяжело было так жить... А немного спорта – или хотя бы более подвижного образа жиз-

ни – вообще никому не помешает... Но Олеся еще с былых времен знала, что к спорту Анька относится с глубочайшим презрением.

Ну, что ж, – в конце концов, это ее выбор.

Но при этом Олеся и раньше догадывалась, что ее художничья сестрица, – у которого всегда в чем только душонка держалась, по словам их восторженной мамочки, – наверное, не слишком рад тому, что его некогда такая тощая невеста увеличилась в объемах, наверное, раза в три. Опять же, Олеся было неведомо, какие разговоры на эту тему у них происходили раньше, до расставания. Устраивала ли Сашу фигура его жены, ведь не секрет, что многим мужчинам даже нравятся полные женщины, – или же он и ранее предъявлял к ней какие-то претензии по поводу ее внешнего вида и требовал худеть?.. Как она сама относится к своему избыточному весу, – может быть, она чувствует себя в нем совершенно комфортно, а возможно, давно пытается бороться с ним и переживает?.. Олеся не знала всего этого, – да и не хотела знать, если честно. Это была их жизнь и их семья. И ей вовсе даже не хотелось погружаться в их проблемы.

Поэтому, признаться честно, Олеся было очень неприятно, когда братец стал рассказывать ей, – посмотрим правде в глаза, совершенно постороннему человеку, – о том, что растолстевшая, как свинья, Анька ему противна, как женщина. Он испытывает омерзение при мысли о том, чтобы лечь с ней в одну постель, его тошнит, стоит ему только предста-

вить все остальное... Разве можно хотеть такую образину?.. Разве можно желать что-то иметь с ней?..

Олесю реально покорило от того, что братец, во-первых, вообще обсуждает подобные темы с другими людьми, – в том числе, наверняка, и со своими родителями, которые с удовольствием попеременно выкидывают косточки нелюбимой невестке и поваливают ее в грязь... Интимная жизнь, – полагала Олеся, – на то и названа именно так, поскольку посторонним людям знать о ней вообще ничего не следует... А во-вторых, до Олеси вообще не доходило, как можно так унижать человека, с которым ты живешь?.. Ну, или жил, – буквально до недавнего времени...

Да, вне всякого сомнения, она растолстела до невероятности, – но ты только сейчас заметил это, спустя десять лет совместной жизни?.. Да, вполне возможно, у вас из-за этого возникли проблемы, – в том числе, и в интимной сфере, – такое бывает сплошь и рядом, – но разве они у вас возникли только сегодня?.. Как бы то ни было, – но ты много лет прожил с этим человеком, ты воспитывал вместе с ним двоих общих детей, которых она, кстати, и родила!.. Ну, какой бы она ни была на самом деле, – неужели она не заслуживает хоть каплю уважения уже только за это?.. Зачем же ее оскорблять за глаза, зачем втоптывать в грязь перед посторонними?.. А Олеся всегда считала, что в том, что касается интимных подробностей, родственники – это вовсе не близкие люди. По своему собственному опыту она могла сказать, что родствен-

ники в такой ситуации – это посторонние вдвойне...

В общем, после этого разговора с дорогим братцем у Олеси такая неприятная оскомина осталась на душе... И она втайне не могла не порадоваться тому, что живет одна, и никто вот так за глаза не обливает ее грязью...

Братец торжествующе похвастался, что его родители оба, – правда, к счастью, по отдельности, – празднуют его освобождение. Здорово, – что уж тут еще можно сказать... Семья Александра тогда еще жила в одной квартире с его отцом, который теперь чуть ли не танцевал от радости и с удовольствием рассуждал о том, как прекрасно и дружно заживут они теперь вдвоем, без проклятушей Аньки, которая им всем жизнь испортила... Деток будут забирать на все выходные, – а могут и вообще их у нее отсудить, ведь этой стерве и шлюхе они будут не нужны... А самое главное – что ее поблизости больше не будет...

Мама Александра на радостях благодарила Господа за помощь и в промежутках между танцами не забывала еще усерднее молиться. Ведь теперь, когда ее сынуля избавился, наконец-то, от недостойной падшей женщины, Господь должен быть милосердным к нему и прислать-таки ему хорошую спутницу жизни, чтобы он, – сынуля, то есть, – понял, наконец-то, что такое любовь...

Добрые и заботливые родители предпочли благополучно забыть о том, что вообще-то до сего дня их сын вполне благополучно жил со своей семьей и был, кстати, вполне счаст-

лив в этом неудачном на их взгляд браке. И уж, тем более, вообще никто не считал нужным вспоминать о том, что, в случае развода, двое детей, привыкших жить в полной семье с обоими родителями и искренне считавших, что мамочка с папочкой счастливы и любят друг друга, останутся без отца...

При всем этом, несмотря на оскорбительные эпитеты и нелицеприятные замечания в адрес своей жены, – теперь уже, возможно, бывшей, – вопреки торжествующим и отплясывающим лезгинку родителям, особой радости в голосе братца Олеся не уловила. Зато четко различила сквозившую в нем тоску, печаль и обреченность. Из чего она, разумеется, сразу же сделала вывод, что, несмотря на всю эту внешнюю браваду, показную бодрость и напускное бахвальство, чувствует братец себя не ахти, как хорошо, и расставанию с опостылевшей, якобы, супругой на самом деле не шибко рад.

Олеся даже не знала, что тут сыграло большую роль. Может быть, Александр, несмотря ни на что, все еще любил свою Аньку. Может быть, он просто за все эти годы привык к определенному образу жизни и не хотел бы ничего менять. А может быть, он переживал так из-за детей... Но было совершенно очевидно, что решение расстаться с женой – это вовсе не его решение. Она учудила по полной программе; он психанул; она в ответ сдуру закусил удила... Возможно, они даже и разобрались бы сами между собой, но тут вмешались прознавшие о ее “грехе” добрые родители и стали верещать :

“Ату ее!..”

Глядя правде в глаза, маму с папой Александру вообще не стоило бы посвящать в свои проблемы, – тем более, в проблемы такого рода. Но Олеся вынуждена была констатировать, что ее братец, – несмотря на то, что ему уже давно четвертый десяток пошел, – думать своей головой и принимать самостоятельные решения так, похоже, еще и не научился. И по-прежнему, как младенец, с каждой возникшей проблемой бежит к своей мамочке и просит ее совета. А мамочка и рада стараться, – не зря же она тоже терпеливо десять лет ждала шанса избавиться от неуютной ей и совершенно не подходящей ее сыну невестки!..

На самом деле Саша вовсе не хотел разрушать свою семью, – Олеся прекрасно понимала это. И, без науськиваний мамы, ему и в голову не пришло бы выгнать свою жену из дома. Да и звонить сестре, – если бы мама зачем-то не настаивала на этом, – он тоже не стал бы. Все-таки, – что ни говори, – но они с Олесью были совершенно чужими друг другу людьми. Несмотря на то, что делить им теперь действительно было нечего, – но и точек соприкосновения у них тоже не было совершенно никаких. Дружба с сестрой ему была нужна, как прошлогодний снег. Он хотел вернуть свою семью. Жену и детей. Но не знал теперь, как это сделать.

А уж когда Александр со знанием дела принялся рассуждать о том, что и с мамой-то Олеся в свое время поссорилась именно из-за Ани, то это вообще перешло все границы. Оле-

се и так не нравилась вся эта ситуация, но извечная попытка их мамочки переложить с больной головы на здоровую и внушить своему сыну нужную ей версию вообще была где-то за гранью абсурда, а потому в данном случае необычайно отвратительна.

При этом Олеся на все сто процентов была уверена в том, что ее брата на самом деле несколько не беспокоит ее ссора с мамой. Напротив, она всегда считала, что он только рад ей. Ведь под предлогом того, что Олесе трудно жить одной без мужа, она все эти годы теоретически могла бы вытягивать из мамы деньги, и та, возможно, помогала бы ей, – в ущерб семье сына. А так как они все это время не общались, то все свободные средства, – да и не только свободные; Олесе было доподлинно известно, что мамочка брала кредиты для Александра, – уходили брату и его домочадцам.

Кроме того, все те события многолетней давности происходили на глазах у Александра, и он прекрасно знал, из-за чего Олеся тогда перестала общаться с мамой. Но самое главное заключалось в том, что его Анна, с которой Олеся на тот момент даже дружила, искренне уговаривала ее помириться с мамулей, осуждала из-за того, что Олеся отказывается это делать, и приводила немало доводов, согласно которым поступать так плохо с мамой было нельзя... Анна совершенно искренне тогда пыталась их помирить. А вот сама Олеся мамочка в дальнейшем сделала все для того, чтобы поссорить дочь с невесткой, чтобы настроить их друг против

друга, и не успокоилась, пока не добилась своего. Очевидно, добрая мамочка просто не могла позволить, чтобы у них были дружеские отношения.

Сначала они просто перестали общаться. А потом, некоторое время спустя, вдруг оказалось, что Анька просто ненавидит Олеську лютой ненавистью. Олеся так никогда и не узнала, за что, – потому что ничего плохого она жене брата не сделала, – но ни на миг не усомнилась, что все это тоже произошло с маминой подачи.

А теперь вот как, значит, все повернулось...

Олеся, как истинный противник всяческой несправедливости, искренне попыталась объяснить брату, что в случае с мамой Анна вообще даже рядом не стояла. И мамуля совершенно напрасно ищет виноватых в том, что натворила сама... Но, подученный своей мамой, которая, очевидно, до сих пор имела на него колоссальное влияние, Саша не хотел слушать никакой голос разума. И лишь повторял, как заведенный, что это именно Анька настроила Олесю с мамой друг против друга, оговорила, оклеветала...

О-о-о, как тут все на самом деле запущено!.. – мелькнуло в голове у Олеси.

Признаться честно, она сейчас терпеть не могла Аньку. Прежде, чем они с ней тоже окончательно перестали общаться, она успела хорошенько потрепать Олеське нервы, – с маминой подачи, разумеется, но это ее не оправдывало. А потом вдруг почему-то перестала даже здороваться при встре-

че. Олесе ее поведение было не совсем понятно и, разумеется, не шибко приятно, но она это пережила. И теперь была даже рада тому, что больше между ними не осталось ничего общего.

Но вот только их милой мамуле не стоило пытаться изобразить Аньку еще большим чудовищем, чем она была на самом деле!.. Она, блин, и так далеко не ангел с крылышками!..

У нее было до хрена своих недостатков. Но только вот к ссоре Олеси с мамой она действительно не имела ни малейшего отношения!.. И это было для Олеси принципиально.

И то, что мама, в очередной раз, выступает в своем репертуаре, походя снова пытаясь оклеветать другого человека и повесить на него свои собственные грехи, задело в тот момент Олесю сильнее всего.

Она искренне полагала до того дня, что ее мамочке больше не удастся ничем удивить ее. Но она ошибалась. Мама была еще полна сюрпризов.

И вот тут Олеся просто разозлилась. Очень серьезно. И решила напакостить своей милой мамочке, – если это, конечно, можно назвать таким словом.

Попутно она собиралась при этом помочь своему глуповатому братцу, но это было для нее на тот момент второстепенно.

Олеся аккуратно подробно порасспросила Александра о его семейной жизни и окончательно пришла к выводу, что он сдуру выгнал жену, поддавшись минутному порыву, под-

крепленному науськиваниями родителей. А теперь он и рад бы все вернуть на круги своя, – да просто не знает, как исправить все то, что они оба умудрились наворотить.

Александра, похоже, больше всего задело то, что Анька не признала своей вины, даже и не попыталась повиниться и покаяться, зато восприняла его вполне обоснованные и справедливые обвинения в штыки и ушла.

Олеся преспокойно намотала все это на ус.

На руку ей сыграло то, что все они жили в одном районе. И у них с Анной было немало общих знакомых. И вот, встретив через пару дней одну такую знакомую, – которая в данный момент была еще и Анькиной коллегой по работе, – Олеся аккуратно перевела разговор на эту тему. И эта женщина, разумеется, поведала ей, как Анька на самом деле страдает, рыдает и кается, – но только вот не знает, как теперь помириться с мужем.

И Олеся, словно невзначай, сказала этой знакомой примерно следующее:

– Сашу, по-моему, больше всего задело то, что Анна даже и не попыталась перед ним извиниться. Ведь он же прекрасно понимает, что она не изменила ему на самом деле. А то, что она с мальчиком переписывалась, – ну, это же не серьезно!.. Саша ее сразу же простил бы, если бы она перед ним извинилась, – ну, покачалась бы как-нибудь, – она же не дура на самом деле!.. Милый, любимый, единственный, – прости ты меня, дуру, сама не знаю, что на меня нашло, бес попутал!..

Люблю тебя больше жизни, жить без тебя не могу, ты один мне только нужен, никогда больше так не буду!.. Словно сама не знает, как с мужем надо обращаться!.. А она вместо этого детей схватила в охапку и бежать, – типа, мой молодой человек нас уже заждался!..

– Да не нужен ей уже никакой молодой человек!.. – сказала знакомая. – Да и она ему, разумеется, не нужна!..

Ой, бедная Анька!.. И потенциальный любовник-то негодяем оказался, – еще хуже родного мужа!.. Еще одно разочарование в жизни!.. Конечно, это было вполне даже предсказуемо, – нафиг нужна молодому мальчику выгнанная мужем растолстевшая тетешка далеко не первой свежести, – да еще и с двумя детишками на руках!.. Да глядя правде в глаза, – кому она вообще, чудо такое, нужна, – кроме родимого мужа?..

– Они даже и переписываться-то с ним сразу же перестали!.. – продолжала знакомая. – Глупость все это была, а не любовь!.. И она хочет сейчас только одного: чтобы Саша простил ее и позволил вернуться!..

Да кто бы в этом сомневался!.. – мелькнуло в голове у Олеси, а вслух она посоветовала:

– Вот если бы она ему сказала все это, он с радостью простил бы ее!.. Не знаю, почему она не хочет поговорить с ним по-хорошему?.. Он же любит и ее, и сыновей! Попросила бы прощения, – и все, глядишь, наладилось бы!..

Вот так просто. Спокойно и ненавязчиво. Через чужие ру-

ки.

Получи, мамуля!..

Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал!.. – как говорится...

Братец с женой, по Олеськиным подсчетам, помирился в тот же день. Видать, Анька действительно совсем не дура, правильно выполнила все рекомендации... Через год у них родился третий ребенок, – на этот раз девочка. Ха-ха-ха, братик, – ухмылялась про себя Олеська, – а как же те жуткие интимные проблемы, о которых ты так стремился поведать всему миру?.. Видать, не такие уж они и серьезные на самом деле, и вовсе даже не являются преградой для счастья...

Братец со своей ненаглядной вместе уже более двадцати лет. За это время, кстати, Анька увеличилась в размерах еще больше. Она по-прежнему ненавидит Олесью лютой ненавистью, поспешно переходит на другую сторону улицы, если видит ее, – а если свернуть некуда, то демонстративно игнорирует... Сам братец с тех пор больше не звонил Олесе ни разу, – видать, потребность в общении резко отпала. Даже о рождении дочери в свое время не посчитал нужным сообщить, хотя подобревший с годами их общий отец просил его это сделать. Правда, при редких случайных встречах он хотя бы здоровается, – но Олесе, если честно, это кажется просто верхом лицемерия. Тем более, – надо видеть, как перекашивает при этом его вторую половину!.. Олеська каждый раз думает о том, как бы ее апоплексический удар не хватил от

ненависти...

Олеся даже и не злится на эту несчастную женщину, которая знать не знает и ведать не ведает, что своим семейным счастьем она, как это ни смешно на самом деле, по крайней мере, частично, обязана ненавистной сестре своего мужа. А вот сама Олеська очень даже гордится тем, что поспособствовала их примирению и не позволила своим милым заботливым родителям разрушить и их семью тоже.

Бедная Анька с годами растолстела так, что едва влезает в дверь. Там, наверное, уже килограммов сто пятьдесят, – если не больше. Она реально еле ходит. Отец рассказывал Олесе, что у нее из-за лишнего веса серьезнейшие проблемы со здоровьем; она на обезболивающих; раз в месяц делает блокаду, постоянно колет какие-то медикаменты... Однажды – еще лет пять назад – как-то упала дома, – голова, что ли, закружилась, – и не смогла подняться самостоятельно. Несколько часов лежала на полу, пока не пришел из школы старший сын и не помог ей подняться...

И это – молодая еще, в принципе, женщина, которой на тот момент было чуть за тридцать...

Но, несмотря на все эти проблемы, как-то взять себя в руки она даже и не пытается.

Для нее почему-то легче каждый месяц делать блокаду, чем изменить хоть как-то свой образ жизни...

А Олесе всегда казалось, что все ее проблемы со здоровьем связаны с ее злобным и завистливым характером.

И, реально, будь она чуть подороже, – самой, наверное, легче было бы...

СВЯТЫЕ И НЕПОРОЧНЫЕ

На вкус и цвет приятелей нет. Кому-то нравятся худые женщины, кому-то – полные, кому-то – высокие, кому-то – миниатюрные.

А вот Олесин дорогой бывший супруг очень любил невинных девушек.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, насколько жутко двусмысленно, почти пошло, звучит эта фраза. У случайного человека, услышавшего это, вполне может промелькнуть мысль обратиться в полицию и открыть ее сотрудникам глаза на жуткого маньяка, промышляющего где-то поблизости. Но, ради Бога, не спешите делать опрометчивых выводов! На самом деле в этих словах нет ровным счетом никакого интимного подтекста, нет ни малейших реальных сексуальных отклонений, – да и вообще, если уж говорить начистоту, совершенно нет ничего неприличного.

Георг действительно очень любил невинных девушек. Чистой, возвышенной, одухотворенной и совершенно платонической любовью, не оскверненной никакими телесными помыслами и грязными желаниями. Он их обожал. Боготворил. Готов был, в буквальном смысле слова, молиться на них, как на икону.

Он восхищался их святой чистотой. Для него именно в ней заключалась главная, – и единственная, что уж там греха

тайть, – ценность женщины.

Но беда была в том, что весь этот мир устроен крайне несправедливо. И любая самая прекрасная девушка рано или поздно зачем-то взрослеет. И становится женщиной, – так или иначе. И это было ужасно. Это было просто самое страшное, что могло с ней приключиться в этой жизни. И Олесин Гекуля воспринимал это так болезненно, так близко к сердцу, что аж страшно за него становилось.

Еще в самом начале их знакомства Георг как-то обмолвился о том, что раньше – в молодости – ему очень нравилась певица Кайли Миноуг. Он даже отмечал, что Олеся чем-то немного похожа на нее, – и, разумеется, от этого она нравилась ему еще сильнее. Правда, на вопрос, почему он сейчас не интересуется творчеством Кайли Миноуг, Гекуля как-то сильно смущался и каждый раз уходил от ответа. И только лишь уже потом, спустя какое-то время после начала довольно тесного общения с Олесей, Георг как-то однажды разговорился и признался, что Кайли Миноуг очень нравилась ему в ранней молодости, – они, кстати, с ней практически одногодки, – потому что она была такая молодая, красивая, задорная, веселая и – внимание!!! – чистая. А потом она начала шляться, пошла по рукам, постарела, подурнела, стала, разумеется, плохо петь, – и перестала Геру интересовать.

Олеся не знала интимных подробностей биографии Кайли Миноуг. На ее взгляд, певица, которой на тот момент было в районе тридцати, прекрасно выглядела, имела потрясающую

фигуру и очень даже неплохо пела. Впрочем, судить об особенностях вокала Кайли Миноуг Олеся не могла, поскольку вообще не слишком интересовалась современной музыкой, – да и не современной тоже. Но пару ее песен слышала, и, в принципе, они ей нравились.

Объяснение Георга Олеся тоже не совсем поняла. По большому счету, какое тебе дело до жизни певца, – особенно, до подробностей его интимной жизни, – если тебе просто нравится, как он поет, танцует, двигается по сцене, выглядит, в конце концов?.. Пусть за пределами этой самой сцены он занимается, чем угодно, – если это не мешает его творчеству!..

Тогда Олеся еще не понимала всей глубины трагедии!..

Но, как бы то ни было, а о Кайли Миноуг они с Георгом больше как-то и не заговаривали. Она исчезла из их жизни навсегда. Ну, да и бог с ней!.. – Олеся тогда еще даже и не задумывалась о том, что предшествовало ее полному забвению...

Как раз тогда, когда Олеся начала общаться с Георгом, он уже поклонялся Анжелике Варум. С точки зрения Олеси, это был достаточно странный выбор, – манерная инфантильная куклоподобная певичка с не слишком впечатляющими вокальными данными не вызвала у Олеси ни малейшего интереса. Но о вкусах, как говорится, не спорят. Несмотря на то, что сама Олеся относилась к творчеству этой певички совершенно равнодушно, никаких отрицательных чувств она

у нее тоже не вызывала. Просто равнодушие. Ну, поет и поет... Нравится она милому, – да и ладно!..

Наивная Олеся тогда еще не понимала сути имеющейся проблемы.

Дело в том, что Анжелика Варум была девушкой весьма сублильного на тот момент телосложения и с экрана телевизора выглядела очень юной, наивной и инфантильной. В принципе, Олеся с легкостью признавала, что она была довольно хорошенькой девчушкой, – хотя на тот момент лет двадцать пять ей уже точно было. Все эти события, напомним, происходили почти три десятка лет назад, и тогда, по мнению простых обывателей из глухой провинции, это был уже довольно-таки солидный возраст для девушки, который воспринимался в те годы совсем иначе, нежели сейчас.

Так вот, для Олесиного милого возлюбленного Анжелика Варум была просто олицетворением свежести и невинности. Во всех возможных смыслах. Георг совершенно искренне полагал, – и разрушить эту его твердую незыблемую установку не могло ничто, – что прекрасная Анжелика Варум чиста и невинна, как майский ландыш. Олеся поначалу полагала, что это просто культура речи. Но оказалось, что нет.

Георг даже ни на миг не усомнился в том, что Анжелика Варум в своем возрасте никогда – никогда!!! – не встречалась с мужчинами. На полном серьезе. Он считал, что ей это совершенно не нужно, что у нее нет времени на подобные глупости, и что она полностью поглощена своим творчеством и

даже и не задумывается о подобных мерзостях жизни. Потому что она – порядочная!..

Поначалу, пока Олеся не понимала всех масштабов бедствия, это убеждение Гекули представлялось ей вполне безобидным. Она в душе посмеивалась над ним и, в принципе, не воспринимала всего этого всерьез. Ну, существует у ее милого такой вот заоблачный идеал, который он мысленно наделил всеми возможными и невозможными неоспоримыми достоинствами, – да и ради Бога; пусть поклоняется ему, – лишь бы не пытался заставить ее делать тоже самое!..

Это увлечение Георга действительно поначалу казалось Олесе совершенно безобидным. В конце концов, у нее тоже были какие-то свои кумиры и идеалы. Тем более, что на реальных живых женщин, окружающих Гекулю в жизни, он вообще не смотрел. Они никогда не вызывали у него даже проблеска интереса, так что Олеся могла вообще даже и не переживать на этот счет. Георг хранил ей просто патологическую верность во всех смыслах, – даже мысленно. И Олеся, по простоте душевной, полагала тогда, что это очень хорошо.

Она была тогда еще слишком молода, наивна и, разумеется, абсолютно невинна. И потому не поняла сразу, что женщины – взрослые женщины – ее милого не интересуют в принципе. Даже чисто теоретически.

Время от времени между ними заходил разговор об Анжелике, и Олеска иногда в шутку поддразнивала Георга, от-

крыто намекая на то, что вряд ли его чудесная чистая Анжелика до сих пор хранит свою невинность, не поддаваясь никаким земным соблазнам. Конечно, ей безумно повезло, – с папой-композитором ей не приходится спать со всеми подряд ради карьеры и продвижения. Но, тем не менее, нельзя все-таки было не вспомнить о том, что девчуле было уже под тридцать. И годы шли своим чередом. Олеся на тот момент даже и не сомневалась в том, что уж парень-то у нее точно есть, – на все сто процентов. Молодая симпатичная девчонка, окруженная толпами поклонников, коллег по сцене да и просто вращающаяся в кругах красивых, богатых и интересных мужчин, – да иначе просто и быть не могло!..

Олесиного милого при подобных неосторожных намеках просто перекашивало от возмущения. И он в ярости начинал биться в истерике и вопить, что Олеся, с ее мещанским умом и быдловским сознанием, просто совершенно ничего не понимает в этой жизни. И она не способна понять, что Анжелика – не такая девушка!.. Она выше всего этого, – выше всех плотских страстей, надо полагать. “Ты не понимаешь!!! Она – чистая!!! – забывая себя и брызжа во все стороны слюной, истерично вопил Георг. – Она – чистая!!!”

Блин, – ну, конечно же, где же Олесье, развратной, грязной и порочной, осознать такую вот кристальную чистоту!.. Да ей же до святой Анжелики Варум палкой не докинуть!..

Весь нелепый юмор данной ситуации заключался в следующем. Как-то так уж вышло, что до знакомства со своим

будущим мужем Олеся толком даже ни с кем и не целовалась. Мама воспитывала ее очень строго и с пеленок внушала, что именно законный супруг должен быть первым и единственным мужчиной в ее жизни. Да и времена тогда были совсем другие, гораздо более суровые, и очень многие девушки тогда действительно, как говорилось, берегли себя до брака. “Сожительество” с мужчинами было неприемлемо; подобные женщины в их провинциальном городишке считались уж чуть ли не совсем падшими и осуждались обществом. Так что, разумеется, – где уж вдрызг испорченной и непорядочной Олеся было осознать всю небесную чистоту святой Анжелики Варум!..

Кстати, – между словом, – Олеся всегда подозревала, что ее Гекуля заинтересовался в свое время ее скромной персоной именно потому, что она сама на момент их знакомства тоже была чиста и непорочна. И те два года, на протяжении которых они встречались до свадьбы, Гекуля тоже боготворил свою юную избранницу, носил ее на руках и готов был молиться на ее образ, как на святую икону. А потом Олеся по глупости вышла замуж. И при этом даже не имело ни малейшего значения, что замуж она вышла как раз за самого Гекулю. В данном случае можно сказать, что их любовь реально умерла на пороге ЗАГСа.

Просто получилось так, что, с приобретением статуса, вроде бы, порядочной замужней женщины, Олеся, к сожалению, перестала считаться святой, чистой и уж, тем более,

невинной. И ее милый сразу же утратил к ней интерес.

Но это так, – небольшое отступление. Вернемся же к нашей незабвенной Анжелике. На досуге Олеся продолжала частенько подкалывать своего мужа, уверяя, что просто не может красивая и известная девушка в таком возрасте быть совсем одна. Олеся говорила, что она, без сомнения, с кем-нибудь встречается, – ну, или хотя бы раньше с кем-то встречалась. По другому просто даже и быть не может!.. Ведь Анжелика – всего лишь, на самом деле, нормальная здоровая молодая женщина, и у нее, вне всякого сомнения, есть какая-то жизнь за пределами сцены. Возможно, она даже замужем, просто не афиширует этого, чтобы не выходить из образа инфантильной папиной дочки.

Самое смешное заключалось в том, что Олеся была совершенно права. Как раз в этот описываемый период у невинной Анжелики имелся в наличии вполне-таки реальный гражданский муж. Как раз тогда в захолустье, где проживала Олеся, появился-таки интернет, хоть и не совсем в свободном доступе, и Олеся на досуге нашла там много материалов на эту тему. В принципе, это даже и тайной-то особой ни для кого не было, – просто тогда средства массовой информации заметно отставали от нынешнего уровня.

Но только вот Олесин возлюбленный муж, который просто обожал все эти великосветские сплетни и, похоже, только и делал на работе, что читал их целыми днями, тем не менее, не желал даже слушать ничего на эту тему.

Любая промелькнувшая в прессе новость об отнюдь не святой личной жизни Анжелики вызывала у него очередную истерику. И он снова вопил, брызжа слюной: “Она чи-и-и-и-стая!!!”

Бедную букву “и” в этом слове он реально растягивал до бесконечности...

Господи, если уж так подумать, то на самом деле это был просто какой-то нелепый бред сумасшедшего!.. У мужика, – хоть его и нельзя было так назвать, поскольку мужиком он не был ни с какой стороны, – имелась в наличие реальная жена, которая действительно сохранила невинность до законного брака с ним, – вот и радуйся, вроде бы, если уж чистота и непорочность для тебя так важны и имеют такое перво-степенное значение!.. Но вот только почему-то эта самая законная жена, получив штамп в паспорте, автоматически перешла для него в разряд шлюх, проституток и всяких прочих непотребных женщин. А в этом статусе Гекулю она совершенно даже не привлекала, не интересовала, да и вообще не вызывала у него ровным счетом никаких других эмоций, кроме отвращения.

Зато смелый рыцарь Георг готов был чуть ли не с кулаками доказывать невинность смазливенькой, – и очень на любителя, посмотрим правде в глаза, – эстрадной звездочки, у которой и данных-то вокальных для сцены особо не было, – что уж тут греха таить!.. Но верный и преданный поклонник Гекуля почему-то так сильно возлюбил ее, что готов был с

пенной у рта перед всем миром отстаивать ее честь, потому что сам себе вбил в голову, что она, в свои почти тридцать, чиста и невинна, – а следовательно, достойна слепого обожания!..

А потом, – как гром среди ясного неба!.. – до их захолустья долетает слух о том, что Варум “спуталась” с Агутиным... Причем, я специально употребляю это слово – “спуталась”, – не потому, что я сама так думаю и так к этому отношусь, – а потому, что именно так охарактеризовал всю глубину ее грехопадения Георг...

Поначалу Олеся реально думала, что ее милого кондрашка хватит при подобном известии. Он, кстати, бедолага, не верил в подобную мерзость до последнего. Тогда уже давно во всех СМИ писали, что Анжелика и Агутин вместе; у них уже успел родиться ребенок. Но Георг лишь упорно повторял: “Это все вранье!!! Она не такая!!!”

Смириться с грехопадением своего идеала ему было ой как непросто...

Признаться честно, если поначалу Олеся относилась к этому увлечению своего мужа с юмором и даже, возможно, с некоторым снисхождением, то со временем подобные не совсем адекватные высказывания Георга стали всерьез ее бесить. Особенно, это его извечное: “Она – не такая!!!” А какая она вообще, спрашивается?.. Что в ней “не такого”?.. Что в ней “не так”, самое главное, и почему, собственно, в своем уже как бы и не совсем детском возрасте она не может

влюбиться в мужчину?.. Просто-напросто влюбиться, захотеть выйти за него замуж и родить ребенка?.. И что вообще во всем этом такого противоестественного?!

На Олесин развращенный взгляд, все это как раз было вполне нормально. Что ни говори, но любая девушка, – и даже звезда!.. – мечтает о любви и хочет быть вместе с любимым мужчиной. Это вовсе даже не преступление. Это природа, в конце концов, – если уж на то пошло!.. В этом смысл жизни, – разве не так?..

Если говорить начистоту, в поведении Олесинового мужа было немало таких вот весьма и весьма странных моментов, явно свидетельствующих о его неадекватности. И Олесе изначально следовало бы, наверное, более внимательно прислушиваться к подобным его рассуждениям, – в том числе, и о “чистой” Анжелике Варум, – и вовремя сделать все соответствующие выводы. Тут вовсе не надо было быть дипломированным психологом, чтобы понять, что у человека имеются серьезные проблемы. Но поначалу Олеся просто не воспринимала все это всерьез. А когда поняла...

Поздно пить боржоми, как говорится, когда почки уже отвалились...

– Да этого уroda убить мало!!! – бился в истерике Гекуля, когда отрицать очевидное стало уже просто невозможно, и ему пришлось-таки признать, что Варум действительно вышла замуж за Агутина. – Он – извращенец!!! Он же ее растлил!!! Ты понимаешь, – он ее растлил!!!

Нет, признаться честно, на тот момент Олеся совсем уже ничего не понимала в поступках и высказываниях своего некогда такого любимого супруга. И его неадекватность давно уже встала ей поперек горла. Поэтому она, устав слушать весь этот бред, прямо спрашивала его, – а как же тогда называется то, что он сам с ней сделал?.. Она ведь тоже некогда досталась ему невинной девушкой, – причем, гораздо более юной, чем та же Анжелика. Зачем же он растлил ее?.. Может быть, ей тоже следовало обвинить его в развращении?.. И посадить?.. Или же сразу расстрелять?.. Хотя, наверное, было бы лучше просто сразу кастрировать. Чем не вариант?.. Если задуматься, это не такая уж плохая идея, если речь идет о наказании почти что... гм... педофила...

О том, что касается интимной жизни Анжелики Варум, Олеся рассуждала так. Во-первых, посмотрим правде в глаза, – но, даже если бы несравненная Анжелика до момента своего рокового знакомства с “подлым извращенцем и гнусным растлителем малолетних” Агутиным действительно была бы чиста и невинна, как майский ландыш, то, в принципе, хотя бы уже чисто в силу возраста, она как-то очень давно уже перевалила за порог совершеннолетия. Рано или поздно, но взрослую жизнь начинать надо, так что, вероятнее всего, несчастная порядочная Анжелика и сама была бы уже нешибко против того, чтобы ее “растлили”.

Во-вторых, как следовало из прессы, намерения у подлого Агутина по отношению к несчастной совращенной девушке

были вполне честные и даже серьезные.

А в-третьих, опять же, Олеся отказывалась упускать из виду тот вполне уже очевидный на тот момент факт, что чудесная невинная Анжелика уже была замужем! Теперь об этом уже открыто писали во всех СМИ. Возможно, ранее она сама и не шибко афишировала этот факт, – но теперь, когда все открылось, ни отрицать его, ни скрывать не пыталась.

Олеся была очень романтичной особой, и поэтому не сомневалась, что каждая девушка мечтает о любви. И она совершенно искренне полагала, что Анжелика Варум тоже не является исключением из этого правила. Каждый человек имеет право на счастье. И такая... скажем так, чересчур эмоциональная реакция со стороны верного, вроде бы, и преданного поклонника, мягко говоря, обескураживала.

Все-таки, это было как-то не совсем нормально, наверное...

С момента опрометчивого замужества несчастная Анжелика совершенно перестала интересоваться избирательного и принципиального Гекулю. И как женщина, и как певица, в том числе. К сожалению, в глазах Олесиного супруга она утратила весь свой необычайный талант, которым он некогда так пылко восхищался, вместе с несуществующей невинностью...

Но ничего страшного. На российской эстраде на тот момент горела еще одна яркая звезда, при одном упоминании имени которой глаза Георга закатывались от райского бла-

женства, а лицо приобретало мечтательное выражение.

Этот новый образец чистоты и невинности звали Алсу.

На момент появления на сцене девушка была еще очень молода, и, якобы, происходила из весьма религиозной мусульманской семьи. Поэтому даже циничной насквозь Олесе не приходило в голову сомневаться в ее невинности. Хотя, в принципе, на самом деле ей было все это совершенно безразлично, поскольку интереса к чужой интимной жизни она так и не приобрела, – несмотря на все попытки ее мужа приобщить ее к сплетням. Алсу действительно хорошо пела; она была привлекательна внешне, – но, опять же, Олеське было все это совершенно безразлично, потому что она вообще, признаться честно, была равнодушна к эстрадным певицам. Просто в какой-то определенный момент Олесю, опять же, начал серьезно подбешивать слишком уж экзальтированный восторг ее супруга по поводу кристальной “чистоты” данной девушки.

Вообще-то, любителем держать свечку Олеся не была никогда и интереса к чужой интимной жизни по-прежнему не испытывала от слова совсем. Но обожествление ее мужем чужой невинности, – опять же, при полном отсутствии хоть какого-то интереса, а уж, тем более, уважения к точно такой же еще совсем недавно невинной жене, – на каком-то этапе просто реально встало ей поперек горла. И она начала огрызаться, прямо заявляя Георгу, что, посмотрим правде в глаза, Алсу очень легко быть “чистой” с таким папой. Тысячи и

тысячи девушек, – зачастую, ничуть не менее талантливых, красивых, трудолюбивых и целеустремленных, чем несравненная Алсу, – не могут пробиться на эстраду, если имеют хоть какие-то внутренние ограничения и не готовы идти на сделку с богатыми и влиятельными мужчинами. Потому что, да, в противном случае, “чистоту” им вряд ли удастся при этом сохранить. Еще раз посмотрим правде в глаза, – но, если они не готовы предложить кое-что взамен, что идет вразрез с чистотой и невинностью, – то кому они вообще нужны тогда, и кто будет их продвигать и продюсировать просто так, за красивые глазки, восхищаясь их порядочностью и недоступностью?..

Алсу вытянула свой счастливый лотерейный билет при рождении. Ей повезло, как везет немногим. Так что, честь и хвала... Но только вот не ей, скорее, а Создателю, который так изначально помог ей. И это все, конечно же, здорово, – да только вот Олеся не видела повода терять сознание при звуках ее сказочного голоса, – и вовсе даже не от восхищения ее чудным талантом, а от одного лишь осознания, что она “чистая”!..

Прожив со своим замечательным супругом некоторое время, Олеся приобрела твердое убеждение в том, что на самом деле это понятие очень мерзкое и ханжеское. Ее уже буквально наизнанку начинало выворачивать, когда она слышала из уст своего милого мужа его экзальтированный вопль “чи-и-и-и-стая”!!! Неизменно произносимый с придыхани-

ем и с закатывающимися глазами... Нет, Олеся сама была воспитана очень строгой мамой, которая с пеленок внушала ей, что девушка непременно должна быть “порядочной”. Но ее муж, реально, вел себя так, словно с потерей невинности девушка разом теряет все остальное, – в том числе, и талант, и внешность, и умственные способности... А это было уже как-то чересчур, на Олесин взгляд...

Кстати, в случае с милой Алсу развязка оказалась еще более жесткой, чем с той же Анжеликой Варум. Спустя несколько лет мусульманка Алсу имела наглость выйти замуж за человека другой религии. Олеся, разумеется, была не в курсе того, кем ее муж был по национальности и вероисповеданию на самом деле, – да ее это, опять же, не шибко и интересовало. Но Георг, – якобы, разбирающийся в подобных вещах, – тут же по фамилии избранника Алсу определил, что он – еврей...

Глупая Алсу совершила страшную ошибку. Она не знала, что один из ее преданных поклонников ненавидит евреев, и посмела выйти за одного из них замуж... Если, конечно, ее муж имеет к ним отношение.

Так это или нет в действительности, – даже не суть важно. Беда была в том, что с того самого рокового дня в Олесиной семье начались уже совсем другие разговоры. Ее супруг, – от рождения, кстати, имеющий типично еврейскую внешность, – был настолько ярким антисемитом, что даже слышать не мог спокойно о представителях этой националь-

ности. Возможно, виной этому отчасти был как раз его собственный внешний облик, потому что его по жизни тоже все принимали за еврея... И поэтому теперь, при одном только звуке голоса некогда такой милой Алсу, его перекашивало от ненависти и ярости. И он тут же начинал вопить о том, какая же она продажная тварь, поскольку ее “жиденыш” – муж купил ее с потрохами, и она продалась за деньги... Да таких шлюх, как она, надо расстреливать, четвертовать и на всякий случай еще и кастрировать прямо в зародыше...

Признаться честно, Олесе слушать все это было еще противнее, чем его предыдущие бредни. На ее взгляд, даже выйдя замуж, Алсу осталась все той же Алсу. Талант, голос, внешность, – чем там еще фанаты восхищаются в таких случаях?.. – все это никуда не делось и не исчезло с появлением штампа в паспорте. К тому же, как известно, – Алсу и сама была из весьма небедной семьи, так что “продаваться” ради денег, карьеры или чего-то там еще у нее, вроде как, сильной потребности не было. И она же знать не знала и ведать не ведала, что у нее имеются такие вот чокнутые поклонники, которых привлекала в ней только лишь ее “чистота”. А если бы и знала, – так что же ей теперь, помереть ради них старой девой, – зато остаться “чистой”?..

Жизнь, как известно, не стоит на месте. И Алсу, которая начала свою карьеру лет в пятнадцать, попросту повзрослела. И ей тоже, – как и любой нормальной девушке, – захотелось обычного женского счастья...

Олесе казалось, что все это – вполне разумные доводы. Но вот только ее супруг не желал слышать ничего подобного. И подлая продажная Алсу, – так же, как и нечестивая Анжелика Варум за несколько лет до этого, – в принципе перестала для него существовать...

К счастью для себя, они обе представления не имели о том, как сильно разочаровали своим поведением такого чудесного человека, как Гекуля. А потому продолжали жить счастливо и радоваться жизни.

В отличие от него самого.

“НЕ ТАКАЯ” КАТЯ...

Но жуткое разочарование Георга в эстрадных звездочках не идет ни в какое сравнение с разочарованием в реальных женщинах, с которыми иногда сталкивала его злодейка-судьба.

Вышло так, что Гекуля некоторое время умудрился проработать в милиции, – что неизменно являлось предметом его особой гордости. Правда, всего пару лет, и на самом деле он “служил” психологом в отделе кадров, – но это не важно.

И вот, в одном отделе с ним трудилась девочка по имени Катя. Она была на год старше Олеси, очень хорошая, умная и, разумеется, “чистая”.

Ну, как же без этого!.. Иначе она не привлекла бы внимание Георга.

Гекуля постоянно рассказывал Олесе о ее несчастной судьбе и прямо чуть ли сам не рыдал над ней.

Получилось так, что Катюша с детства была влюблена в лучшего друга своего старшего брата. Просто выросла с этим чувством. Но парень то ли не знал о ее любви, то ли не воспринимал ее всерьез, то ли ему все это было просто фиолетово. Поэтому на момент описываемых событий он уже давно и счастливо был женат и даже успел обзавестись парой ребятишек.

Но Катин пыл это несколько не охладило. Она продолжа-

ла любить его верно и преданно. На других парней даже и не смотрела, потому что ее сердце было занято. Причем, как-то так уж вышло, что на работе все знали о ее чувствах. И искренне переживали за нее. Каждый по-своему.

Например, Олеськин Гекуля буквально преклонялся перед глубиной ее чувства. Он был совершенно искренне уверен в том, что верная и преданная Катя будет любить этого своего прекрасного принца всю жизнь, – потому что, если уж такая девушка, как она, полюбила, то это раз и навсегда!.. И, разумеется, она будет хранить свою “чистоту” для него одного. Ну, а поскольку принц уже был женат, – а разбивать семью Катя, разумеется, не станет, ведь она “не такая”, – то, очевидно, суждено ей на роду, бедолаге, помереть старой де-вой.

Другого варианта развития событий Гекуля даже и не рассматривал.

Более рациональная в этом плане Олеся, разумеется, мыслила иными категориями. Пролить слезы над несчастной Катиной судьбой она упорно отказывалась и видела здесь два возможных финала. Она полагала, что либо, рано или поздно, Катя встретит другого мужчину, либо станет встречаться с этим. Верить в то, что Катя будет вечно хранить целомудрие и преданно любить своего друга на расстоянии, даже и не пытаясь ничего изменить в своей жизни, Олеся упорно не желала.

Но, как давно уже известно, ни порядочностью, ни цело-

мудрием Олеся после собственного бракосочетания не отличалась, – поэтому и могла рассуждать так цинично, как падшая женщина. Разве дано было ей, такой развращенной, понять и оценить истинные чувства и страдания действительно “чистой” и порядочной девушки?..

От рассуждений своего супруга Олеся просто неизменно выпадала в осадок. А он, даже и не понимая, что оскорбляет ее своими высказываниями, снова принимался петь дифирамбы чудесной Кате. Георг даже и не сомневался в том, что она, конечно же, будет любить этого своего молодого человека вечно, – ведь она же такая преданная, верная и порядочная!.. Такая девушка, как Катя, может полюбить только один раз – и на всю жизнь!.. Никто другой ей, разумеется, никогда не будет нужен, – но и с этим парнем она тоже не станет встречаться никогда и ни при каких обстоятельствах, ведь она “не такая”!!! И, да, – Георг прямо заявлял о том, что она унесет свою девственность в могилу, – прямо как героиня слезоточивого средневекового женского романа! Ведь это только такие не порядочные и развращенные женщины, как Олеся, интересуются интимной стороной жизни, а честным и “чистым” девушкам вся эта грязь не нужна!.. И святая Катя, разумеется, даже и мысли не допускает о каких-то там плотских утехах, – она выше всей этой житейской пошлости, и ее любовь возвышенна и непорочна, как и она сама!..

В принципе, к тому моменту Олеся давно уже следовало понять, что с ее супругом что-то неладно... Но даже тогда

она еще не осознавала, как далеко зашла эта его паранойя... Кстати, пикантности всей этой ситуации, на Олесин развращенный взгляд, добавлял следующий необычный момент. Семья Кати и семья этого ее молодого человека проживали в одном подъезде. И Катя почему-то никогда даже и не скрывала тот факт, что этот парень почти каждый день приходит к ней в гости. Разумеется, только тогда, когда она бывает одна дома, и, естественно, втайне от своей законной супруги. Олеся даже нисколько не удивилась, когда впервые услышала об этом. На ее взгляд это, разумеется, было не слишком хорошо и нечестно в отношении законной жены парня, – но вполне естественно в их ситуации.

Девушка была влюблена в этого молодого человека с детства. И, какой бы суперпорядочной она ни была, – но ведь она же не железная, в конце концов!.. А что касается моральных устоев ее кавалера, – то уж, тем более, много ли вы выдели железных мужчин, да еще и обремененных женой и двумя маленькими детьми, которые сумели бы устоять в такой ситуации?.. На Олесин взгляд, все это было не слишком красиво, разумеется, – что уж тут говорить!.. – но вполне естественно.

На момент описываемых событий Кате было примерно двадцать пять лет. И Олеся прекрасно понимала, что, какой бы святой она ни была, а ей тоже хотелось получить свою порцию женского счастья, как говорится. Пусть и таким образом. Дело-то житейское...

Но, когда Олеся озвучила все это вслух, она всерьез думала, что ее муж умрет от разрыва сердца. Сказать, что он был в полном шоке, – это не сказать ничего... Ну, и, разумеется, тут же выяснилось, что Олеся ровным счетом ничего не понимает в отношениях двух порядочных людей, – очевидно, поскольку она сама таковой никогда не являлась... Гекуля был совершенно искренне и на все сто процентов уверен в том, что молодой человек приходит в гости к Кате без каких-либо дурных намерений. Просто он глубоко уважает ее, как человека, прекрасно понимает, что она “не такая”, и ходит к ней просто пообщаться, поговорить, отдохнуть от своей семьи, – ведь там же двое деток бегают, и ни минуты покоя... Разумеется, – Гекуля в этом даже и не сомневался, – у этого парня в отношении Кати даже и мыслей-то таких грязных никогда не возникает... Он прекрасно знает, что она – порядочная, и никогда не согласится ни на что без штампа в паспорте... Катя постоянно рассказывала на работе, что они с ним просто друзья, и молодой человек приходит к ней вообще просто для того, чтобы поспать, – потому что дома, с двумя вечно кричащими маленькими детьми, он не может нормально выспаться...

Ну, да, конечно, просто поспать на кровати одной!.. – как-то уже не выдержала всего этого бреда и рассмеялась Олеся.

В ответ она получила суровую проповедь о том, что ей просто не дано понять, что такое – порядочная девушка. Потому что Катя никогда не опустится до того, чтобы лечь в

постель с мужчиной, – ведь она “не такая”!..

Признаться честно, уже тогда Олеся в такие моменты начала смотреть на своего любимого еще мужа, как на душевнобольного. Даже она сама, – девушка, воспитанная необычайно строгой и целомудренной мамой, с вбитой навеки в голову установкой “ни поцелуя до законного брака!..” – а иначе мама ее просто со свету сжила бы, наверное, – и то прекрасно понимала, что молодой человек, тайком от жены, приходит в гости к влюбленной в него девушке, разумеется, не только для того, чтобы поговорить о погоде с умным человеком. Но только вот ее собственный муж, – молодой здоровый мужчина, которому на тот момент было чуть больше тридцати, – реально искренне верил в это с фанатизмом умалишенного. Неистово, свято, не допуская даже мысли ни о чем другом. Олеся лишь в сомнении качала головой, глядя на него и думая о том, что он, возможно, просто знает нечто большее, что дает ему такую непреложную уверенность в Катиной святости. Ну, что ж, в жизни всякое бывает... Так что Олеся даже и не спорила...

Из милиции Георга в скором времени сократили. А год через три ему потребовалась какая-то справка, которую бывшие коллеги без труда могли помочь ему сделать. И Гера сразу же оптимистично заявил Олесе, что позвонит Кате, и она ему не откажет в помощи.

Олесю, признаться, удивила такая уверенность, и она вполне резонно заметила, что за это время Катя давно уже

могла найти другую работу. Или же даже выйти замуж и уйти в декрет. Все-таки, несколько лет прошло... На что Гера тут же ответил ей, что замуж Катя не выйдет никогда, потому что всю жизнь будет любить этого своего молодого человека и даже и не посмотрит в другую сторону. Ну, тут уж Олеся реально готова была покрутить пальцем у виска, глядя на него...

С того дня, когда Гера в последний раз общался с Катей, прошли годы. Годы!!! Жизнь не стоит на месте. За это время миллион раз все могло измениться, – ведь они же не поддерживали отношения, и Георг ничего не знал об этой девушке.

На что Гекуля безапелляционно снова заявил ей, что все может измениться, – но только не Катя!.. И опять завел свою шарманку о том, что она – “не такая”, она – порядочная. И он точно знает, что в Катиной жизни ничего не изменилось. Она по-прежнему любит своего молодого человека все той же чистой платонической любовью и живет в святости и смирении перед судьбой. Ведь такая, как она, любит только один раз и навсегда...

Оказалось, что, отчасти, он прав. Катя действительно все еще работала на прежнем месте. И, когда Георг позвонил ей, она, по старой памяти, пригласила его приехать через пару дней, пообещав к тому времени все подготовить.

Когда Георг вернулся с этой встречи, на него реально страшно было смотреть. Он даже не мог говорить членораздельно, весь трясся и чуть не плакал от разочарования.

Ведь оказалось, что его Катя, его святая и невинная Катя, по-прежнему незамужняя и все так же преданно любящая чужого супруга, чистая, непорочная и даже и не помышляющая о плотских радостях Катя, стоящая на пять ступенек выше всей этой грязи и мерзости, – беременна!!!

Сказать, что Гекуля был в шоке, – это не сказать вообще ничего. Он просто не мог прийти в себя.

Причем, с ним даже разговаривать было бесполезно на эту тему. Не без усилий, Олесе удалось выяснить, что, нет, замуж Катя так и не вышла... Да она и никогда не выйдет замуж!.. – тут же запальчиво добавил Георг, – очевидно, уже по привычке... Она скрывает, от кого забеременела, – но все ее коллеги, разумеется, уверены в том, что от того самого парня, – поскольку ни о ком другом они никогда от нее не слышали...

Олеся пожала плечами в ответ. В принципе, чего-то подобного как раз и стоило ожидать, и сама Олеся отнеслась к этому, как к чему-то, совершенно естественному. Разумеется, – и она была уверена в этом еще несколько лет назад, – молодой человек приходил к Кате не просто пообщаться. И вот, как говорится, результат налицо... Возможно, Катя просто побоялась, в конце концов, остаться одна и потому осознанно решила родить ребенка от любимого. Возможно, у них это просто получилось случайно, – такое тоже иногда происходит, когда люди встречаются, и в этом нет ничего сверхъестественного. От любви появляются дети, – так или

иначе...

Но только Гекуля вдруг, забыв себя, опять начал верещать о том, что Олеся ничего не понимает в этой жизни, потому что Катя – “не такая”!!! Она никогда не стала бы спать с этим парнем, потому что ее вообще не интересует подобная грязь...

Ну, ей-богу, все это уже было даже не смешно!.. Олеся уже давно и твердо уяснила, что Катя – святая, и даже и не смела в этом сомневаться. Но только вот как во все это вписывается растущий живот, – если она по-прежнему “не такая”?.. Непорочное зачатие?.. Ветром надуло?..

Но у Георга, как выяснилось, было свое видение данной ситуации. И он, не раздумывая, выдвинул версию об изнасиловании. Мол, этот негодяй и подонок, такой – сякой, не удержался однажды и все-таки силой растлил – развратил бедную Катю. И она не смогла ему противостоять... А теперь вот страдает и с болью ждет ребенка, который вечно будет напоминать ей ее поруганную любовь...

Зацикленность Геры на Катиной “чистоте” уже не просто граничила с безумием. Она давно перешла все возможные границы.

Олеся заметила, что Катюше на тот момент лет уже было, в принципе, не так уж и мало. Нельзя забывать о том, что данные события происходили два десятка лет назад, и тогда женщина в возрасте двадцати семи, – или сколько ей там тогда было?.. – юной, в принципе, уже не считалась. Даже по

медицинским показателям ее в этом возрасте вполне могли причислить к старородящим.

Так что, во-первых, глядя правде в глаза, если она планировала все-таки рожать детей, то ей давно уже пора было “свертнуться”, – потому что тогда считалось, что уже в таком возрасте первого ребенка рожать тяжело, и могут быть проблемы. А во-вторых, Герина версия с изнасилованием, на Олесин взгляд, вообще не выдерживала никакой критики. “Не такая” Катя привечала молодого человека много лет, и, даже если они, – до поры, до времени, – действительно просто общались, она не могла не понимать, к чему все это, в конечном итоге, может привести.

Немного подумав над Олесинными словами, Гекуля сделал из всего этого один – единственный правильный, на его взгляд, вывод.

Да, святая Катя со временем поняла, что может остаться совсем одна. Она осознала, что любимый никогда не будет с ней, и, следовательно, у нее самой никогда не будет семьи. И решила хотя бы ребеночка родить, чтобы он в дальнейшем скрасил ее одинокую и печальную старость.

При этом почему-то наивный и светлый Гекуля искренне полагал, – в силу своей собственной неискренности, разумеется, – что женщине вообще все равно, от кого рожать. Мысли о том, что она хотела иметь ребенка именно от любимого, он не допускал, – ведь ей же все равно нельзя быть с ним!.. Просто вот так, – решила однажды родить и стала

оглядываться по сторонам в поисках того, от кого можно было бы забеременеть... И, очевидно, по простоте душевной, сказала своему любимому о том, что планирует пойти на такой шаг, чтобы не остаться одной. А он, негодяй и ублюдок, воспользовался этим и предложил свои услуги. И бедная Катя, – скрепя сердце, разумеется, – согласилась на это, потому что не знала, что делать...

И, разумеется, Гера не сомневался, что у них все это произошло только один – единственный раз, – и исключительно с целью зачатия, а не получения удовольствия. У Кати просто не было другого выхода, и ей пришлось вытерпеть все это, сжав зубы от отвращения... А этот негодяй и почти что насильник использовал ее в своих целях...

Но все эти рассуждения, какими бы бредовыми они на самом деле не были, просто меркнул перед следующей фразой Геры, произнесенной, кстати, на полном серьезе:

– Он, ублюдок, просто не мог позволить, чтобы ее кто-нибудь другой раскупорил, вот и сделал это сам!..

Все. Добавить к этому больше нечего. Занавес падает. Олеся поняла, что при всем обожествлении святой Кати, она, тем не менее, для Геры даже и не человек, не женщина, не личность, – со своими желаниями, потребностями, чувствами, в конце концов. А нечто, похоже, вроде бутылки, – существо неодушевленное, бездушное, безвольное и недееспособное...

Олесю тогда чуть не вырвало от отвращения. Ее воспитан-

ный, образованный, интеллигентный, вообще никогда не ругающийся матом муж, частенько говорил такие гнусные вещи, что хоть стой, хоть падай!.. И в такие моменты она порой смотрела на него, реально сдерживая рвотные позывы, и думала, что уж лучше бы он просто выругался от души!.. Трехэтажным матом!.. А так, вроде, он и не сказал вовсе ничего нецензурного, – но из его целомудренного девственного рта временами извергались такие нечистоты, что вымыться хотелось!.. И даже просто находиться рядом с ним после этого было настолько мерзко, что дыхание перехватывало, словно воздух вокруг него тоже был наполнен зловонными миазмами...

После этого случая про Катю Олеся тоже больше никогда не слышала. Похоже, Георг присоединил и ее к когорте прочих падших женщин за то, что она тоже так и не сумела сбросить свою “чистоту”..

Как, должно быть, страшно порядочному мужчине, обожествляющему девичью невинность, было осознавать, что в этом развращенном насквозь мире нет достойных его порядочных женщин!..

ПОСЛУШАНАЯ ДОЧЬ

С самого раннего детства Олеся ощущала некую просто физическую потребность записывать свои мысли на бумаге. Совершенно непонятно было, почему она уродилась такой вот странной, – а самое главное, в кого?.. Других таких ненормальных в их семье больше не наблюдалось. Все остальные были вполне разумными людьми, которым подобная несусветная глупость была просто чужда. А вот в Олеське подобный дефект конструкции проявился уже чуть ли не с колыбели.

Она сама никогда даже про себя не решалась назвать это даром или талантом. Скорее уж, это было наказание Божье, ниспосланное ей свыше за какие-то грехи в прошлых жизнях. Потому что, надо признать, никакой радости или, тем более, счастья Олесе этот ее странный дар не приносил, – одни только вечные проблемы и беды...

В том числе, и с ее милыми добрыми родственниками. Которые совершенно не желали воспринимать ее такой, какой она была.

В принципе, к счастью для самой Олеськи, чаще всего ее мамочка относилась к этой ее особенности совершенно равнодушно. Ну, есть таковое и есть... Маму в принципе никогда не интересовало, что именно пишет ее дочь, и зачем она это делает, потому что нечто подобное вообще было за

гранью ее понимания. Ее раздражало лишь то, что странная дочь тратит на подобную ерунду те крупницы драгоценного свободного времени, которое можно было провести с гораздо большей пользой. Например, вполне можно было успеть пол лишней раз помыть или хотя бы пыль протереть. Все больше пользы было бы для семьи... Но, в принципе, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не выходило из-под контроля... И, наверное, именно поэтому Олеське было позволено иногда заниматься тем, что она считала нужным.

Тем более, что чаще всего она писала по ночам, не мешая другим членам своей семьи спать.

Но случалось, что, время от времени, у Олеськиной мамы вдруг просыпался какой-то болезненный интерес к странной деятельности дочери. К счастью, обычно это происходило не чаще одного – двух раз в год, – а то и реже, – но Олеське и этого вполне хватало... И тогда, услышав в случайном разговоре, например, что дочери задали написать сочинение, мама вдруг безапелляционно заявляла, что должна немедленно его проверить. Вот так, – она годами никогда не проверяла у дочери домашнее задание; та училась полностью самостоятельно, и, надо заметить, весьма неплохо училась, – практически на одни пятерки. Но порой звезды на небе сходились как-то не так, – либо ретроградный Меркурий насылал затмение на разум, – но Олеськиной маме вдруг приходило в голову, что она совсемпустила на самотек учебу дочери, и она желала именно сегодня и именно сейчас срочно

наверстать упущенное. И начать она всегда непременно желала именно с сочинения.

Забегая вперед, замечу, что им она неизменно и заканчивала.

Сказать, что Олеся сопротивлялась этому, как могла, – это не сказать вообще ничего. Но беда была как раз в том, что на самом деле она не могла ровным счетом ничего. В своей родной семье она никогда не имела никаких прав вообще, – она лишь обязана была тупо подчиняться любой маминой прихоти, даже самой нелепой и необъяснимой. Пыталась ли она как-то этому противостоять?.. Пыталась. Постоянно. О том, что существует такое понятие, как “личные границы”, Олеся узнала лишь спустя много лет. Но то, что она делала, тем не менее, было именно отстаиванием своих личных границ. Пусть это получалось у нее робко и неумело; пусть она не смела открыто пойти наперекор своей маме, но, тем не менее, она действительно пыталась, – все свое безрадостное детство, – объяснить, что у нее должно быть хоть какое-то свое личное пространство, в которое вход другим был бы запрещен.

Наивная... Ее мама была непробиваема, словно танк. И, когда она перла напролом, остановить ее было невозможно.

От любых попыток сопротивления становилось не просто хуже. Становилось страшно. И вся жизнь превращалась в один сплошной кошмар...

Олесина мама без труда умела делать так, что дочь просто

начинала жалеть о том, что вообще появилась на этот белый свет. И поэтому Олеся очень рано усвоила, что проще было действительно подчиниться, перетерпеть, сжав зубы, какие-то временные неудобства, чтобы потом снова можно было продолжать спокойно жить своей жизнью. Все остальное было себе дороже. При малейшей ничтожной попытке сопротивления, – порой всего лишь мысленного, – Олесю подвергали полной анафеме и сжигали на костре. И это, поверьте, к сожалению, было не совсем образное выражение...

Показывать какие-либо свои записи маме Олеся боялась просто панически. Это было для нее самое страшное и всегда неизменно превращалось в самый настоящий кошмар, которого Олеся всеми силами стремилась избежать. Но при этом она прекрасно знала, что, уж если ее мама что-то вбила себе в голову, то она пройдет по выжженной земле, но непременно получит желаемое. Любыми путями. В том числе, и при помощи физического воздействия. Она будет орать, визжать, оскорблять и угрожать; она без проблем надает по физиономии и вырвет тетрадку силой, – и это было еще далеко не худшее, на что ее непутная дочь могла рассчитывать в случае своей нелепой попытки неподчинения.

Наверное, сразу же возникает вопрос, а что вообще может быть такого страшного в том, чтобы девочке-отличнице позволить любимой мамочке почитать хорошо написанное сочинение, за которое она обязательно получит пятерку, – потому что писала она гораздо лучше всех в своем классе?..

Да просто все дело было в том, что обожаемая Олесина мамочка от природы обладала просто уникальной, можно даже прямо сказать, маниакальной способностью отыскать в самом крохотном, простеньком и незамысловатом сочинении тысячу просчетов и недостатков. И после прочтения она, разумеется, просто считала своим святым долгом указать дочери на них, а потом долго и нудно отчитывать ее за абсолютную неграмотность и полное неумение внятно выразить свои мысли. При этом мама, как заведенная, – как заезженная пластинка, – неоднократно повторяла и просто давила на то, как она жутко и ужасно разочарована полным отсутствием у своей непутной и неразумной дочери хоть каких-то очевидных способностей к написанию, поскольку, зная ее привычку постоянно марать бумагу, мама, разумеется, ожидала от нее гораздо большего...

И беда была даже не только в том, что правдолюбке-маме даже и в голову не приходило хоть немного пощадить и без того довольно потрепанную психику своей несчастной дочери. Весь ужас ситуации заключался в том, что мама, напротив, казалось, ловила немислимый кайф от того, что унижала ее и лишала последней опоры в жизни. Ведь именно в сочинительстве и писательстве Олеся видела свое будущее; именно с этим она неизменно связывала все свои надежды и стремления. А ее любимая мамочка, мнению которой она доверяла на все сто процентов, – женщина, посмотрим правде в глаза, в свое время сумевшая осилить лишь професси-

онально-техническое училище, причем, по чисто технической рабочей специальности, и не имевшая к творчеству ну вообще никакого отношения и даже ни малейшей склонности, – просто стирала ее в порошок своей постоянной неизменной критикой.

И все это, разумеется, подавалось под красивым, но очень жестоким девизом: “Кто же еще скажет тебе правду, если не мамочка?..”

А Олесе не хотелось такой правды. Ей тогда хотелось просто умереть...

А потом как-то незаметно подрос ее дорогой младший братец. И у него вдруг появились проблемы с русским языком. Нет, такое выражение было неправильным, потому что то, что происходило, даже нельзя было назвать проблемами. Учился Олесин братик, в принципе, очень даже хорошо, – правда, из-под палки, но какое это имеет значение, если важен только конечный результат?.. Но вот сочинения давались ему тяжело. Нет, это опять не совсем правильное выражение, совершенно не отражающее сути происходящего. Олесин братец вполне был способен написать нормальное сочинение на уровне школьной программы. Может быть, и не на пятерку, – но мог. Но просто ему все это очень сильно не нравилось и лень было тратить на это свое время. Он никогда не любил читать и уж, тем более, терпеть не мог писать.

Саша с раннего детства был очень избалованным мальчиком, привыкшим получать все, что он пожелает. И, если ему

хоть что-то не нравилось в окружающем его мире, он имел обыкновение попросту закатывать дикие истерики с нечленораздельными воплями и топанием ногами. А писать сочинения ему очень не нравилось. И, прекрасно зная об этом, их обожаемая мамочка, не желавшая лишней раз расстраивать своего звездного наследника и провоцировать его дурное настроение, нашла прекрасный, на ее взгляд, выход из данной ситуации.

Она решила, что сочинения за Сашу будет писать Олеся. А что такого?.. Она же все равно целыми днями пишет, – вот пусть и старается, приносит пользу обществу, так сказать, – раз ей все это так нравится. А Сашеньку не надо нервировать. Зачем заставлять его делать то, что ему неприятно?..

И теперь Олеся постоянно слышала от мамы ее коронную фразу: “Помоги Саше написать сочинение, иначе я не буду с тобой разговаривать!”

И, поверьте, это был не просто глупый бессмысленный шантаж, который можно было бы благополучно проигнорировать. Со стороны мамы это было откровенное и весьма изощренное издевательство. Угроза “Я не буду с тобой разговаривать!” в понятии мамы заключалась в том, что на ближайшие, – нет, даже не дни, а недели, а то и месяцы, – Олеся попросту превращалась в изгоя в собственной семье, в парию, в неприкасаемую, с которой не просто никто не разговаривал, а которую вообще никто из родственников в упор не видел и даже брезговал дышать с ней одним воздухом. Лю-

бые Олесины тщетные попытки обратиться к кому-нибудь из них, – даже по чисто бытовым вопросам, решить которые в одиночку она иногда была просто не в силах, – натыкались на дикие вопли, нецензурные оскорбления, трехэтажный мат и прочие проявления большой любви... И к тому моменту, когда все это, наконец, закончится, Олеся успевала пройти все круги ада, проклясть все на свете и неизменно пожалеть о том, что она вообще родилась на белый свет... То, что вымаливать прощение нужно было, в буквальном смысле слова, на коленях, – да порой еще и не с первого раза это получалось, – я уже вообще молчу...

Мама всегда была для Олеси самым близким, – и единственным близким, честно говоря, – человеком. Она прекрасно осознавала, что, кроме нее, у ее дочери попросту никого больше нет в целом мире... Зря, что ли, она годами отваживала от Олеськи любых даже потенциальных подруг, весьма настойчиво внушая, что все окружающие люди желают ей только зла, и лишь она, мама, ее любит... Хоть дочь и не заслуживает ее любви... Но, несмотря на всю эту безмерную собственническую любовь, мама никогда не задумывалась о чувствах дочери и с легкостью, походя, причиняла ей боль.

И с каждым годом ситуация становилась все хуже и хуже...

В старших классах домашние задания у братца становились все труднее, – что было вполне естественно и прогнози-

руемо. А поскольку он и раньше-то никогда не выполнял их сам, то было совершенно даже не удивительно, что теперь он уже не просто не хотел, – а порой действительно не в состоянии был их сделать, потому что совершенно не читал никакой литературы. И это превратилось в серьезную проблему, потому что для написания сочинения по книге необходимо хотя бы немного представлять, о чем вообще эта книга... Но как раз на тот момент Олесин братец не интересовался вообще ничем, кроме просмотра дурацких юмористических передач по телевизору. Когда начинались “Маски-шоу”, он просто словно сходил с ума и уже заранее, – очевидно, в предвкушении, – начинал ржать на всю квартиру.

Но мама несколько не переживала по поводу не слишком высокого интеллектуального уровня любимого сына. Ведь у нее же еще была старшая дочь, – и вот та имела несчастье быть и серьезной, и умной, и начитанной. И мама совершенно искренне полагала, что написать какое-то паршивое сочинение для нее – пара пустяков, и она лишь из подлости и идиотизма отказывается помогать младшему братику.

Олесю никогда не просили. Ее просто безапелляционно ставили перед фактом и требовали, чтобы она шла и писала. Но к тому времени Олеся тоже стала чуть старше. И, несмотря на свою годами выработанную привычку безропотно подчиняться каждому маминому слову, она все чаще смела сопротивляться и наотрез отказывалась от этой выпавшей на ее долю чести.

Кстати, нежелание “помогать младшему братику” было единственной сферой, в которой Олеся решалась противиться и не подчиняться своей маме. И даже не потому, что она была такая смелая, – или ленивая, как полагала ее милая мамочка. Просто Олесин младший братец, с полного попустительства и одобрения их слепой в своей безумной любви к нему мамочки, вырос настоящим выродком. Олеся вовсе не была смелой; она до смерти боялась свою милую мамочку; но в данном случае ей действительно легче было умереть, чем помочь хоть чем-то малолетнему доморощенному садисту, измывавшемуся над ней всю свою осознанную жизнь.

Любящая и заботливая мама устраивала жуткие истерики, от которых стены дрожали, а соседи, наверное, прятались под кроватями. Она вопила, как сумасшедшая, называя дочь, в переводе на более или менее литературный русский язык, бессовестной и неблагодарной тварью. Олеся долгие годы жила в постоянном страхе перед этими регулярными ужасными скандалами, избежать которые было невозможно. Но все равно ни в какую не соглашалась покорно каждый раз делать за брата домашнее задание. Она просто не в силах была подчиниться, – даже ценой тишины и спокойствия.

Самое печальное, что, помимо плохих отношений с братом, существовала еще одна – и даже гораздо более серьезная – причина, по которой Олеся порой чисто физически не способна была сделать то, что от нее требовали. И дело тут было даже не в ее собственной патологической лени или

эгоизме, как считала их мамочка. Ведь она, наблюдая, как дочь систематически, день за днем, марает бумагу, похоже, искренне полагала, что для нее это элементарно. И ей даже в голову не приходило задуматься о том, что пишущему человеку, для того, чтобы что-то создать, надо действительно захотеть этого, надо обрести соответствующий настрой в нужный момент, надо пропустить все это через себя, прочувствовать, пережить, переварить, в конце концов... Она даже и не подозревала о том, как на самом деле это тяжело и порой даже болезненно... Откуда ей было знать об этом?.. Ведь она никогда не интересовалась чувствами своей дочери...

А для самой Олеси вся эта ситуация обострялась еще и тем, что она заранее представляла, как тщательно, буквально под лупой, ее мама будет потом изучать все ее мысли, сколько найдет в них страшных недостатков и огрех, как долго и нудно, срываясь на высокую патетику, будет потом объяснять дочери, что она написала совсем не то, что от нее ожидали, и, разумеется, совершенно не так, как мама это себе представляла. А потом мамочка со слезой в голосе добавит, как она разочарована Олесиним поведением и этой ее нелепой выходкой, потому что прекрасно понимает, что ее недостойная дочь нарочно сделала это, – плохо написала, – чтобы напакостить своему брату из каких-то там призрачных негативных чувств по отношению к нему, испортить ему оценку да и вообще всю дальнейшую жизнь...

И как вообще ее, такую дрянь неблагодарную, после по-

добных отвратительных и гнусных поступков земля носит!..

Словно ее расчудесному сынишке удалось бы написать лучше!.. Так и в чем же проблема?.. В том, что в его пустой подленькой головенке мысли вообще отродясь не появлялись?..

Так что, вместо какой бы то ни было благодарности, Олесю опять же, в большинстве случаев, ожидали все те же скандалы, оскорбления и многодневный игнор... Вот тебе и все варианты, – выбирай любой...

Олесина неспособность “родить очередной шедевр” заключалась, в первую очередь, в том, что у нее изначально были очень плохие отношения с младшим братом. Нет, она не стремилась осознанно напакостить ему, – она лишь бессознательно впадала в полный ступор при одной только мысли о необходимости ему помочь. Сказать, что они с братом не любили друг друга, – это не сказать вообще ничего. Александр, – так звали ее брата, – к сожалению, рос не самым порядочным человеком. И он постоянно откровенно издевался над старшей сестрой, укрывшись за надежной маминой спиной и прекрасно зная, что ему ничего за это не будет. Напротив, ненавистную сестрицу снова накажут, поскольку она не удержится и пожалуется на него... А мама всегда будет на его стороне, что бы он ни натворил, и обвинит во всем всегда именно Олесю... Так стоит ли удивляться тому, что, после стольких лет страданий, у Олеси давно уже просто душа в его сторону не поворачивалась?..

Несмотря на то, что Олеся была старше Саши на шесть лет, он всегда вел себя с ней так, словно она была полнейшим ничтожеством, созданным исключительно для того, чтобы удовлетворять его прихоти. Он не просто по-хамски разговаривал с ней, – он постоянно орал на нее и оскорблял, – причем, с полного попустительства и – больше того – даже одобрения их дорогой мамочки. Она не видела ровным счетом ничего предосудительного в поведении своего любимого сынули и на все Олесины жалобы лишь заявляла ей, что она старше, а следовательно, должна быть умнее. Сашуленька просто еще маленький; он еще не понимает, что творит; а вот ей, здоровой глупой кобыле, давно уже пора бы приобрести хоть немного ума...

Никто и никогда за всю Олесину жизнь не смел обращаться с ней так, как это делал ее чудесный и ненаглядный младший братик. Она всегда думала, что просто убила бы, наверное, любого другого человека, посмеявшего вести себя с ней подобным образом... Но в случае с младшим братишкой она была совершенно бессильна. Саша всегда творил все, что хотел, и ему все сходило с рук. При этом их мама поддерживала его безоговорочно, потому что упорно продолжала считать его маленьким и глупеньким...

Скажу по секрету, – его реальный возраст не имел при этом ни малейшего значения. Даже через десять-двадцать лет он все еще останется для мамы ее маленьким и глупеньким мальчиком, который когда-нибудь вырастет и поумне-

ет... Может быть, это даже когда-нибудь и произойдет, – тут уже Олеся была не в курсе, потому что к тому времени прекратила всякое общение с ними обоими.

ПОСЛУШНАЯ ДОЧЬ: А СТОИТ ЛИ ЕЙ БЫТЬ?..

Кстати, с родителями Олесин братец всегда вел себя ничуть не лучше, чем с ней самой. А орать, хамить и грубить для него вообще было так же естественно, как дышать. Но мама всегда смотрела сквозь пальцы на любые его самые безобразные выходки. Нет, это опять не правильное выражение... В их случае, скорее, все было с точностью до наоборот, – безобразное поведение младшего сына почему-то всегда умиляло эту милую женщину и приводило в полнейший экстаз. Словно его дикие выходки только лишней раз подчеркивали уникальность, неповторимость и исключительность ее любимого крошечного сынишки...

Для сведения, – Олесю могли весьма сурово наказать за один только случайный взгляд, по неизвестной причине показавшийся маме не ласковым...

В отличие от старшей дочери, посредственности и полной бездарности, младший сын всегда считался в их семье необычайно талантливым. Правда, глупая и завистливая, – а как же иначе?.. – Олеся так и не смогла понять, в какой сфере у него имелись все эти его необыкновенные способности. Лично она, – по скудоумию своему, это же очевидно, – всегда видела у него один лишь непревзойденный талант. Он умел

просто до гениальности извращенно издеваться над людьми и при этом всегда умудрялся выходить сухим из воды. Но их мама искренне считала, что в ее младшем сыне имеется нечто необыкновенное, уникальное; нечто просто на грани гениальности, – что выгодно отличает его от множества других – обыкновенных – детей. Даже его дурной несдержанный характер она почему-то всегда воспринимала, как нечто донельзя забавное, вполне естественное и само собой разумеющееся. И понять не могла, почему дура-Олеся, здоровая тупая корова, не понимает уникальности ее милого малыша и не желает восхищаться им.

Постоянные неконтролируемые вспышки ярости почему-то всегда вызывали лишь блаженную улыбку на маминых губах, – вот ведь какой он энергичный, неистовый и требовательный, как настойчиво умеет добиваться своего и не останавливается ни перед чем... Регулярные истерики по поводу и без повода и дикие вопли, от которых у всех нормальных людей закладывало уши, достаивались чуть ли не слез умиления перед лицом такой яростной напористости. И, едва не падая в обморок от обожания, их мамочка никак, – ну, хоть убей, никак!.. – не могла смириться с тем, что глупая, злобная, вредная и ненавистная старшая дочь смеет обижаться, сердиться и жаловаться на ее милого, крошечного и такого замечательного мальчика. И это – вместо того, чтобы восхищаться им, – ведь он такой чудесный, такой красивый, такой добрый и ласковый... И, в отличие от самой Олеси, – грубой,

мерзкой, подлой, гадкой и жадной, к тому же, – еще никому в своей жизни не причинил никакого вреда...

Ага. Просто лапочка. И он всего лишь очень мило развлекался, попутно превращая в кошмар жизнь своей старшей сестры. А так он был просто душкой...

Материнская любовь, к сожалению, часто бывает слепа и воистину безумна. Полностью игнорируя страдания старшей дочери и даже считая их чем-то ненормальным, Олесина мама изо всех сил всегда старалась обеспечить своему такому долгожданному и желанному маленькому принцу чудесную сказочную жизнь, без забот и тревог.

Кстати, потом, много лет спустя, Олесина мама на словах, якобы, даже начнет раскаиваться в этом. Но не слишком искренне. Просто в дальнейшем младший сын потреплет ей немало нервов и уже невозможно будет продолжать тупо игнорировать его не слишком достойное поведение и продолжать им громко восхищаться. Но на самом деле при этом он так и останется для нее светом в окошке, – несмотря ни на что.

В подростковом возрасте Олеся целиком и полностью зависела от настроения мамы и была просто не в силах хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию. Ее беды никого не интересовали; ее несчастья заслуживали только лишь насмешек со стороны родителей. Поэтому ей оставалось лишь молча страдать и, по возможности, стараться иметь поменьше дел с младшим братцем. Но даже и это было не всегда ре-

ально. Потому что их добрая мамочка, под угрозой очередной ссоры, буквально силой требовала от Олеси проявления безумной любви к младшему брату и демонстрации ее перед окружающими. Но о какой любви тут вообще могла идти речь, если Олеся просто органически не выносила его?.. Она не могла даже находиться рядом с ним в одной комнате.

Причем, их мама всегда проповедовала двойные стандарты. Она никогда не требовала от Александра любить старшую сестру. Скорее, напротив,— она откровенно поощряла его всячески демонстрировать свое презрение и пренебрежение по отношению к ней. Маме все это почему-то нравилось просто до безумия.

И не дай Бог было Олеся хоть как-то ответить на это... Наказание было неминуемо...

Чего стоила только извечная пренебрежительная Сашина фраза, которую он привычно произносил каждый раз, когда мама силой — а также шантажом и угрозами — усаживала Олеся за очередное сочинение для братика. Он окидывал сестру тем самым взглядом, какой люди бросают на дерьмо у себя под ногами, и, с презрением цедя каждое слово сквозь зубы, по обыкновению заявлял:

— Ну, ты тут давай пиши, а я пойду пока “Маски-шоу” смотреть!..

Это было больше того, что готова была вытерпеть Олеся. Поэтому она требовала, чтобы он остался и делал свое домашнее задание вместе с ней. В ответ на это он обычно зака-

тывал совершенно безобразную дикую истерику, с топанием ногами и чуть ли не битьем головой о стенку. Потому что он хотел смотреть телевизор; потому что ему вообще нечего было здесь делать; потому что мама велела этой идиотке писать вместо него...

Думаю, не надо объяснять, кто, в конечном итоге, оказывался виноватым во всей этой ситуации? Прибежавшая на жуткие крики сынишки мама тут же бросалась жалеть и утешать своего малыша, а также орать на подлую, неблагодарную, ненавистную и злобную свинью, которая опять нарочно издевается над своим маленьким братиком и целенаправленно доводит его до такого состояния, – хотя, была бы нормальной и умной, просто давно уже все написала бы за него!.. Причем, встречная истерика мамы, по обыкновению, бывала еще более громкой и жуткой. Тогда Олеся еще не понимала, что им всем следует молиться на их добрых соседей, которые на протяжении многих лет были постоянными невольными свидетелями этого безумия, и лишь став старше, осознала, что им можно было только посочувствовать...

В подобные моменты Олесе всегда становилось так тошно, что впору было удавиться... В душе все просто закипало от обиды и несправедливости; при этом ее разум словно отключался, и голова становилась девственно чистой. И Олеся, как ни старалась, не могла придумать ни одной строчки... Мысли порхали и растворялись бесследно где-то на самых задворках ее сознания, и Олеся никак не в силах была сосре-

доточиться...

Ее крошечный братец тем временем преспокойно отправлялся смотреть телевизор, – ведь там же начиналась очередная юмористическая программа, а он у них был такой славный юморист!.. Так что пусть идет, – ведь здесь ему действительно нечего делать!.. А Олесе в приказном порядке велено было заткнуться, сесть и писать... И в то время, как она беспомощно тарасилась на пустую страницу, не в силах поймать ни единого обрывка мысли, над ней стояла мама, – и орала, орала, орала, не переставая, и это сбивало несчастную Олесю еще больше... А мама могла не угоманиваться часами; в переводе на литературный русский язык, она обвиняла свою мерзкую дочь в подлости и черной неблагодарности и Господом Богом клялась, что, если она прямо сейчас, сию минуту, не родит ей очередной шедевр, то просто перестанет существовать для своей мамочки, столько лет вынужденной терпеть это гнусное отродье и пытающейся все это время обращаться с ней по-человечески, – хотя такая неблагодарная тварь никогда этого не заслуживала. Но, начиная с этого дня, все изменится, и ее гадкая дочь еще пожалеет о том, что вообще родилась на этот белый свет...

Как будто она не жалела об этом каждый божий день своей проклятой, никому не нужной жизни!..

Наверное, это было даже вполне естественно: мама видела своими глазами, что ее дочь целыми днями что-то пишет, и поэтому у нее создавалось впечатление, что сесть и мгно-

венно что-то сочинить по заказу для нее – как два пальца об асфальт... Но, к великому Олеськиному сожалению, это было далеко не так... Она могла писать только о том, что ей самой было интересно и близко по духу, – да и то лишь тогда, когда у нее было соответствующее для этого настроение. Даже свои собственные школьные сочинения она не могла написать просто вот так, сходу, и они обычно ждали своего часа. Олеся порой не вспоминала о них по несколько дней и, признаться честно, иногда даже вообще не знала, с какой стороны к ним подступиться. А потом в какой-то момент у нее просто возникал соответствующий настрой, – и, да, тогда она действительно садилась и писала. Но в такие моменты, когда мама стояла у нее над душой, смотрела гневно, строго и сурово, – это в лучшем случае, – а в худшем, – орала, визжала, вопила, обвиняла беспутную дочь во всех смертных грехах и требовала немедленно и очень быстро, – а то еще обед надо готовить, – рожать шедевры на заданную тему, Олеська, в буквальном смысле слова, просто лишалась дара речи, – если, конечно, так можно сказать, когда разговор идет о написании... Но она реально просто не могла...

При этом Олеся давно уже даже и не пыталась что-то говорить или объяснять своей маме. Это было попросту бесполезно. Мамочка и в нормальные-то моменты никогда не считала нужным заботиться о чувствах дочери, – а тут речь шла о помощи ее ненаглядному сокровищу, ее чудесному маленькому принцу, – поэтому любые возражения вообще

не принимались в расчет. Она просто стояла над дочерью и требовала, чтобы та немедленно писала. А в Олесе тогда настолько силен был какой-то дикий, просто патологический страх перед ней, перед ее извечными воплями, перед ее постоянной критикой всего, что бы Олеся ни сделала, перед ее осуждением, что она в такие моменты почти теряла сознание от ужаса перед своей доброй милой мамочкой и жуткого ощущения собственной беспомощности и никчемности. Да она и говорить-то не могла порой в таком состоянии, – а тут – писать...

Олеся никогда не была живым разумным человеком. Она просто была всего лишь собственностью своей мамы. Мама родила ее, очевидно, чтобы всегда иметь под рукой девочку для битья, при помощи которой она могла тешить свое болезненное самолюбие и избавляться от собственных комплексов, ощущая себя всемогущим вершителем судеб. И лишь от минутной маминой прихоти, – от того, с какой ноги она сегодня встала, – зависело, проживет Олеся сегодняшний день спокойно и достойно, в качестве любимой дочери, – или же будет беспомощно рыдать и мечтать о смерти. Мама могла делать с ней все, что хотела. Олесе и в голову не приходило, что она имеет право возражать...

Однажды, классе уже в седьмом, Олесиному бесценному братцу задали на дом сочинить стихотворение. Совершенно любое и на любую тему, – учителю важен был сам факт творения. И мамочка, узнав об этом, сразу же обрадовано за-

явила, что это для них сейчас быстренько сделает Олеся. Потому что Саша, – упаси, Господи!.. – не способен сочинять стихи, а вот для его сестры – это пара пустяков!..

Или же, если она не хочет сочинять, она просто может им дать что-нибудь из своего, написанного ранее.

И Олесина жизнь на несколько дней просто погрузилась во мрак...

Да, к сожалению, она действительно иногда сочиняла стихи. Но она еще никогда и никому их не показывала. А потом... Правильнее было бы сказать, что она не сочиняла стихи в буквальном смысле. Просто иногда они, словно сами собой, появлялись у нее в голове. Иногда – очень часто, а порой – по несколько месяцев ничего не было...

Это просто иногда получалось. Само собой. И как-то стилизовать этот “творческий процесс” было невозможно. По крайней мере, Олеся этого не умела.

Так что, это было совсем не просто, – взять вот так, сходу, и сочинить!..

Добрая мамочка предупредила Олесю об этом важном и ответственном задании за несколько дней, – чтобы она наверняка успела его выполнить. И эти дни стали для Олеси одним сплошным кошмаром, от которого было никуда не скрыться. Добрая и заботливая мамочка напоминала ей о своем требовании чуть ли не ежечасно, не ленясь каждый раз скрупулезно высчитывать, чуть ли не до секунды, сколько еще времени у нее осталось на “творчество”, и рекомендуя

“побыстрее шевелиться”, чтобы все успеть сделать. Словно речь шла о поделке из пластилина...

Все эти дни Олеська просто белугой ревела ночами напролет. Словно оплакивая свою жизнь перед неминуемой казнью... Днем “страдать” было нельзя; мама с удовольствием наказала бы ее за это. А так – она честно делала вид, что не замечает вечно опухшей и зареванной физиономии дочери и не понимает, с чем это связано... А в Олесиной пустой голове реально не появилось за эти дни ни одной разумной мысли, за которую можно было бы хотя бы зацепиться...

При этом, к сожалению, ничего из своего, написанного ранее, Олеся им тоже ну никак не могла дать. Трудно на самом деле понять, какие конкретно великосветские шедевры мамочка рассчитывала обнаружить в тщательно спрятанных от нее тетрадках дочери. “Белая береза под моим окном...” или “О Волга, колыбель моя...” быть может... Но вот только Олеська не была ни Есениным, ни Некрасовым. И с Пушкиным, к сожалению, даже рядом не стояла... Как и большинство девочек подросткового возраста, наделенных какими-то зачатками таланта, Олеся писала исключительно о своих чувствах. Об ужасном одиночестве и тоске в ожидании прекрасного принца, о бесконечной всепоглощающей любви и своих мечтах об этой самой прекрасной сказочной любви, которая непременно ждет ее где-то там, за поворотом; о страданиях и переживаниях, – реальных и вымышленных... И Олеся как-то вовсе не горела желанием обна-

жать душу перед своими родственниками... А кроме того, она реально очень сомневалась, что подобная девичья тематика может подойти тринадцатилетнему мальчику, и что это – как раз то самое, что хочет от него учительница...

Все эти дни мама бесилась до истерики, видя, что Олеся упорно занимается чем-то другим, – вместо того, чтобы вот прямо сейчас сесть и сочинить им стихотворение. Ведь это же для нее элементарно!.. – то и дело принималась вопить заботливая мамочка. Только вот Олесе хотелось спросить, – если это так элементарно, то почему же она тогда сама не способна, по щелчку пальцев, взять и разродиться шедевром?.. Но она не смела и продолжала страдать молча... Маму совершенно не интересовал весь этот нелепый Олескин бред на тему того, что каждое написанное стихотворение стоит ей определенных душевных мук. И, разумеется, ей даже и в голову не приходило, насколько невероятно трудно и даже болезненно было бы для ее дочери дать ей почитать свои стихи... Ведь сама Олеся, давно уже наученная горьким опытом, прекрасно знала заранее, как мама будет критиковать их и цепляться к каждому слову, к каждой рифме, – к каждой мысли, что уж тут греха таить, потому что Олеся, по своему скудоумию, даже думала в корне неверно... И, разумеется, писать должна была совершенно иначе, – и ей нужно немедленно быстренько все переделать в соответствии с рекомендациями и пожеланиями мамочки...

Олесину дорогую маму никогда не интересовало ничего.

У нее была четкая цель. И она шла к ней напролом, как танк, легко сметая на своем пути всех неугодных. А в данном случае, волею судьбы, на пути у нее стояла именно Олеська, которой уже просто некуда было отступить...

И вот в самый последний день, обнаружив, что заказанный шедевр так и не произведен на свет нерадивой и неблагодарной дочерью, добрая мамочка орала на протяжении нескольких часов, не выбирая выражений. Олеся в очередной раз узнала о себе очень много нового, – ведь мамина фантазия была воистину неистощима... А также твердо уяснила, что, во-первых, она ей больше не дочь, потому что мама никогда не простит ей подобного наплевательского отношения к ней. А во-вторых, если мерзкая Олеся немедленно добровольно не отдаст им свою тетрадку со стихами, то она просто перероет сейчас все ее вещи, найдет ее сама, а все остальное, что попадется при этом ей под руку, разорвет и выбросит... А в-третьих, за то, что она принципиально не желает помочь младшему брату, – и как только таких неблагодарных тварей вообще земля носит!.. – ее следует застрелить, четвертовать и, похоже, еще и кастрировать на всякий случай...

В конце концов, к вечеру у рыдающей Олеськи сдали нервы. И она просто вынуждена была подобрать для них одно из стихотворений, написанных на более или менее нейтральную тему, – а не об откровенных страданиях несчастной любви... Никто не знал, каких душевных мук ей это сто-

ило... Она просто реально думала, что умрет, когда мама будет читать его...

Возможно, это было бы для нее на тот момент более милосердным вариантом. Потому что уже минуту спустя у нее появились основания всерьез пожалеть о том, что она все еще жива...

Это произошло, когда ее мамочка, после краткой благодарственной речи, тут же, разумеется, начала объяснять ей, что некоторые рифмы у нее совершенно неправильные и непонятные, и она должна срочно придумать, как изменить их, чтобы стихотворение получилось нормальным, а не такой несусветной глупостью, как сейчас...

Так, вообще-то, Олеся никогда и не уверяла, что она – Пушкин...

Этот неопишуемый кошмар продолжался изо дня в день, год за годом, и со временем, по мере взросления самой Олеси, абсурдность ситуации начала просто зашкаливать... Становилось все хуже и хуже... Олеся всегда ощущала себя загнанной в угол и совершенно не представляла, как хоть немного изменить эту жуткую ситуацию в лучшую сторону...

Это и было, на самом деле, самой главной Олесиной ошибкой, – то, что она на протяжении стольких долгих лет терпела подобное отношение к себе со стороны своей мамы, принципиально не признающей никаких личных границ, и даже и не думала о том, что все это можно было бы как-то

изменить. Но Олеся действительно просто не представляла этого, потому что была настолько забитой и зашуганной, что страшно даже вспоминать об этом. Ей тогда еще даже и в голову не приходило, что она может не позволять маме так с собой обращаться.

Необходимо было хоть раз как-то воспротивиться этому произволу, возразить, отказать, не согласиться, заорать, устроить истерику. Да хоть, в конце концов, сбежать из дома, где с ней так обращались, и не возвращаться, пока не найдут с милицией... Этот кошмар просто необходимо было хоть как-то прекратить. Но Олеся даже и не предполагала, что имеет на это право.

Она была послушной дочерью. Она знала, что мама всегда права, и возражать ей нельзя.

Впоследствии Олеся, к счастью, осознает все это, но так никогда до конца и не поймет, как ее маме удалось воспитать в ней эту рабскую покорность и просто панический, перехватывающий горло страх перед ней. Но тогда, в те годы, она действительно почти не пыталась сопротивляться, почему-то искренне полагая, что попросту не заслуживает другого – нормального – отношения к себе. Хотя, с другой стороны, став взрослой, она также прекрасно осознала, что ни возражениями, ни объяснениями, ни даже истериками она все равно ничего не добилась бы. Ее мама, к сожалению, изначально была не способна ни к какому конструктивному диалогу, поэтому ни разумных объяснений, ни криков она все

равно не поняла бы и не услышала, – и будущее это, к сожалению, подтвердит. Олеське нужно было просто уходить из дома. Бежать, не оглядываясь. К бабушке. В общежитие. В коммуналку. В любую конуру, – даже это было бы лучше тех прекрасных условий, в которых она провела свое детство и юность.

Ей нужно было бросать все и просто бежать из этого сумасшедшего дома. А она, вместо этого, часами рыдала от собственной беспомощности, показывая, тем самым, свою слабость и давая своим родственникам только лишний повод издеваться над собой. Потому что все это было самым настоящим жестоким издевательством и изощренной травлей.

Но тогда Олеся даже и не пыталась сопротивляться всерьез. Она всегда просто старалась быть хорошей дочерью, – даже несмотря на то, что ей это никогда не удавалось. Олеся была настолько задушена непререкаемым маминым авторитетом, что ей даже и в голову не могла прийти кощунственная мысль о том, что маму можно – и нужно – ставить на место. К сожалению, она осознала все это лишь много лет спустя, когда повзрослела и набралась жизненного опыта, когда смогла увидеть и оценить всю эту жуткую ситуацию глазами взрослого самостоятельного человека. Да, она пришла в ужас от своей тогдашней забитости и покорности. Но было уже слишком поздно, чтобы что-то исправить.

Кстати, на момент описываемых событий Олесе было уже восемнадцать с половиной лет. Она работала, – то есть, во-

все даже не сидела у родителей на шее, а получала зарплату. На эти деньги она вполне могла бы снять хоть какую-нибудь комнатенку и жить спокойно, без вечного дамоклова меча, висящего над головой.

Но тогда она просто не знала об этом...

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Некогда у Олеси имелся в наличии любимый супруг. К сожалению, он действительно на том этапе был ей очень дорог, так как замуж в свое время Олеська вышла по большой и великой любви. Георг, кстати, был старше ее почти на десять лет, а следовательно, умнее, образованнее и опытнее. По крайней мере, на каком-то этапе Олеська искренне так считала.

К сожалению, в те стародавние, теперь уже почти былинные, времена никто и ничего не знал об абьюзерах и токсичных отношениях. И Олеся, разумеется, тоже не имела об этом ни малейшего представления. Поэтому она, – до поры, до времени, – вообще не понимала, что происходит вокруг нее. В пределах обозримости не было счастливых семей, чьи отношения можно было бы взять за эталон. И Олеськины собственные родители тоже не были исключением из этого правила. Глядя правде в глаза, все вокруг в их городишке жили не слишком хорошо. Мужчины вели себя плохо, пили, безобразничали. Женщины плакали и страдали. Стерпится – слюбится, – это было весьма распространенное выражение. Счастья Олеся не наблюдала нигде. Она всегда мечтала о нем, – как и всякая, наверное, наивная юная девушка, – но просто не знала, как оно выглядит в реальности.

Вот и приняла, – по неопытности и незнанию, – своего

Гекулю за счастье...

Георг был профессиональным психологом. И очень неплохим, надо заметить. Он сразу же прекрасно осознал, за какие ниточки нужно дергать, и весьма умело целых семь лет манипулировал своей глупенькой юной спутницей, играя на ее чувстве вины. Олесин возлюбленный очень любил обвинять ее, – на момент их знакомства, посмотрим правде в глаза, еще совершенно неразумную наивную девочку, не достигшую двадцати лет, – во всем, что происходило вокруг них в этом мире. И Олеся очень даже долго велась на это.

Разумеется, это именно она изначально была виновата в том, что у них не сложились отношения с родственниками с обеих сторон, хотя это именно Гекуля даже палец о палец не ударил ради того, чтобы хоть как-то поладить с её родителями и братом, с самого начала относясь к ним свысока и подчеркивая, что они – быдло, недостойное его драгоценного внимания. Хотя он сам на тот момент был всего лишь тридцатилетним неудачником, годами сидящим без работы, но безумно гордящимся своим прекрасным образованием и высоким социальным статусом. Хотя этот статус на самом деле имелся только в его пустой голове. И при этом требовал от Олеси беспрекословного обожания своей собственной великолепной матери, – великой женщины, посвятившей ему всю жизнь. Напрочь игнорируя при этом то, что она постоянно обижает и оскорбляет неугодную невестку.

В любых возникающих проблемах с новорожденным сы-

ном, – а они время от времени бывают совершенно у всех, – разумеется, тоже была виновата именно Олеся. И в первую очередь, потому, что родила какого-то неполноценного ребенка, который почему-то требует к себе внимания, – вместо того, чтобы тихо и мирно лежать в своей кроватке. А самое главное, – представляете!.. – его, оказывается, зачем-то нужно кормить!.. Георг до этого представления не имел, что дети просят кушать, и полагал вполне искренне, что они, – по крайней мере, до половозрелого возраста, – питаются грудным молоком. Этого самого грудного молока у Олеси не оказалось в должном количестве, – а кто в этом, спрашивается, виноват, если не она сама?.. И оказалось, что пропитание младенца сильно бьет по и без того скудному бюджету семьи. А уж про то, как глупые дети неразумно расходуют памперсы, вообще говорить не стоит...

Разумеется, именно Олеся приложила руку к тому, что у Геры отсутствовало хоть какое-то жилье, и он годами не мог найти работу. Потому что он, взрослый тридцатилетний мужик, был здесь вообще совершенно ни при чем. Хотя, следует отметить, что жилья и работы у него не было и до рокового знакомства с Олесей. Но суть была даже и не в этом. Главное заключалось в том, что именно она была основной причиной того, что, сразу же после женитьбы, их отношения очень быстро и полностью зашли в тупик, выхода из которого они оба уже не видели. И тогда Олеся даже еще верила отчасти в то, что это действительно она во всем виновата. Она, воз-

можно, предъявляла слишком большие требования к своему новоиспеченному супругу, – нелепые, на его взгляд, требования, которым он абсолютно не готов был соответствовать. И, несмотря на многочисленные попытки Олеси хоть что-то придумать, чтобы как-то спасти ситуацию, ей это никак не удавалось.

А ее любимый и вовсе не считал нужным делать хоть какие-то попытки наладить их не слишком удачно сложившуюся семейную жизнь. Ведь он совершенно искренне был уверен в том, что, поскольку Олеся своей глупостью, негибкостью и недалекостью создала все эти невыносимые проблемы, то ей их теперь и решать. В то время, как у самой Олеси, признаться честно, просто крыша ехала от всего этого свалившегося ей на голову невыносимого счастья.

До кучи, – словно и так в их жизни было мало проблем, – сразу же после рождения их сына Олесиного любимого мужа сократили из милиции. А он умудрился устроиться туда психологом буквально незадолго до этого. И, похоже, так хорошо себя показал, что от него поспешили избавиться при первой же возможности... А впрочем, к этому тоже, вне всякого сомнения, приложила руку Олеся, – правда, не совсем понятно, каким образом. Но то, что именно она непосредственно была в этом виновата, не подлежало сомнению, разумеется. Увольнение Георга, – это была не просто трагедия для их маленькой семьи, – это был один сплошной непрекращающийся кошмар.

Это печальное событие произошло еще весной. И тогда Гекуля яростно бил себя пяткой в грудь и обещал вот прямо-таки немедленно найти новую работу. Но прошла весна, миновало лето, и энтузиазма в Герином голосе как-то поубавилось... Вот и осень, тем временем, была почти что на исходе, а Олесин любимый по-прежнему усиленно искал себе работу. Преспокойно лежа на диване...

Нет, ничего нельзя сказать, – Гекуля честно встал на биржу труда еще в самом начале своего вынужденного отпуска и вот уже несколько месяцев терпеливо ждал, когда желанная вакансия сама постучится к нему в двери с просьбой не отказать и принять ее... Но она, зараза такая, видать, заплутала где-то по дороге, и все это время их семья существовала на пособие по безработице. А если учитывать, что сама Олеся тогда сидела в декрете с грудным ребенком, и никак не могла сама улучшить материальное благосостояние их семьи, то, признаться честно, все это было более, чем просто печально...

Нет, к счастью, на тот момент они пока еще не голодали, но им приходилось жестко экономить на всем, даже самом необходимом. Например, они не могли позволить себе лишний раз проехать на общественном транспорте, потому что для них это были дополнительные и очень даже обременительные траты. Но тут Олеся даже и не смела роптать, – ведь ходьба была очень даже полезна для здоровья, а ей еще необходимо было сбросить пару лишних килограммов... Только

вот покупка новой пачки молочной смеси для ребенка, – самой дешевой, кстати, но от того не менее дорогостоящей, – взамен закончившейся действительно становилась трагедией. Зато стаканчик мороженого был величайшим праздником...

Но даже все это Олеся, наверное, смогла бы пережить безропотно и достойно. В конце концов, она же любила своего мужа, готова была изо всех сил его поддерживать и быть с ним и в горе, и в радости... Но, вдобавок ко всем этим весьма неожиданным сюрпризам, из которых, как выяснилось, и складывается семейная жизнь, ее собственная мама повела себя еще более непредсказуемо, чем вообще можно было ожидать изначально...

С самого раннего детства у Олеси всегда были очень близкие отношения с мамой. Поэтому она давно и наизусть знала не слишком лицеpriятную историю о том, как ее собственные родители в свое время начинали свою собственную совместную жизнь. И она тысячи раз слышала из уст своей горячо любимой мамочки грустное повествование о том, как невысказанно трудно им было поначалу, когда они только-только поженились. И как на редкость нехорошо и некрасиво вела себя в той невысказанной ситуации бабушка Аля, мамина мать.

Олесины родители поженились рано, – маме не исполнилось еще и восемнадцати, и она была беременна. И получилось так, что жить они тоже начинали практически с нуля.

И у них тоже, – как и у Олеси с Георгом, – не было, в буквальном смысле слова, ни кола, ни двора. Олесин отец вообще был родом из деревни. И, хоть его собственные родители души в нем не чаяли, – он был младшеньким, любимым, – помочь они молодой семье могли лишь продуктами с собственного огорода. Но это и то, разумеется, было огромным подспорьем поначалу.

Бабушка Аля работала в цехе на моторном заводе, и весьма неплохо зарабатывала, – по тем, советским еще, меркам, разумеется, – но ведь у нее была еще одна дочь, мамина младшая сестра Эля, которую ей тоже нужно было содержать. А Эле на тот момент было всего десять лет.

Жить молодой семье, естественно, после свадьбы было негде. И они поселились в бабушкиной квартире. Вообще-то, в ней было три комнаты, но в одной из них проживала соседка, во второй, большой, сама бабушка вместе со вторым мужем и младшей дочерью, а третью, самую маленькую, она выделила молодоженам.

Ну, как тогда говорилось, в тесноте, да не в обиде. Все тогда так жили. А в их чудном городе большинство жителей вообще тогда еще обитали в бараках.

И вот бабушка Аля, вместе со своим вторым мужем, маминым отчимом, на семейном совете вынесли не подлежащее обсуждению решение о том, что молодые, которых они временно приютили у себя, должны платить им за жилье довольно крупную денежную сумму. В справедливости этого

своего вердикта они даже и не сомневались. Ведь они же, в конце концов, не обязаны были содержать эту новую ячейку общества; они и так позволили им проживать в своей квартире. В которой, кстати, Олесина мама была прописана тогда на совершенно законных основаниях, согласно всем законам социалистического сообщества.

Да и вообще, кстати, вопрос насчет содержания на тот момент был весьма и весьма спорным. Практически все продукты, – от овощей и фруктов до мяса и молочки, – Олесин отец привозил из деревни, от своих собственных родителей, которые держали тогда довольно большое хозяйство. И питались этим они все вместе. Так что жили не хуже, на самом деле, а даже лучше многих, потому что на прилавках магазинов в те времена в их городе не было вообще ничего, – все приходилось возить из Москвы, до которой было всего четыре часа на электричке. Но Олесиной очень жадной и не слишком порядочной – по словам мамы – бабушке было всего этого мало. Она не стеснялась в три горла есть то, что привозил из деревни зять, – и при этом несколько не стыдилась брать с собственной дочери плату за жилье. Да еще и умудрялась выставлять все это так, словно оказывает им великую милость.

Родители Олесинового отца, жившие в деревне, очень возмущались таким странным положением вещей в их семье, но, к сожалению, ничем, кроме продуктов, помочь не могли. А Олесина бабушка с удовольствием закусывала халявную

свинину дареной говядиной и, довольно потирая руки, пересчитывала денежки, которые сумела урвать с собственной дочери. И нарадоваться не могла тому, как хорошо устроилась.

Так что первые четыре года Олесины бедные родители жили практически в нищете, потому что ее мама почти сразу же ушла в декрет, а большая часть зарплаты ее отца уходила бабушке “за жильё”. При этом сама бабушка и ее муж, который тоже весьма и весьма неплохо зарабатывал, вовсе не бедствовали. Эля у них была одета с иголки и ни в чем не знала отказа. Но им даже и в голову не приходило не только хоть чем-нибудь помочь молодой семье, – а хотя бы перестать беспардонно забирать у них последнее.

Олесин отец все эти первые четыре года не вылезал из командировок. Он был тогда дальнобойщиком и зарабатывал квартиру, которую ему на его предприятии обещали дать. Через четыре года он ее действительно получил, и Олесины родители смогли, наконец-то, переехать в свое жильё. И ее мама очень часто и подробно рассказывала о том, как сильно и долго она была после этого обижена на бабушку, сколотившую, без сомнения, целое состояние на ее деньгах. Наверное, она так никогда и не смогла простить ей этого до конца.

Ведь, как я уже упоминала, полбеды, что она ничем не помогла молодой семье!.. В конце концов, они знали, на что шли, решившись пожениться и завести ребенка так рано. Но она могла бы хотя бы не отбирать последнее у собственной

дочери и внучки!..

Ну, да Бог ей судья!..

Олесина семья всегда жила очень замкнуто. Ее родители практически ни с кем не общались. Поэтому она даже и не представляла, как все это происходит в других семьях, и заслуживает ли на самом деле бабушка Аля осуждения и порицания за такое, по меньшей мере, странное, на Олесин неискушенный взгляд, поведение. В своих радужных розовых иллюзиях она представляла все это несколько иначе. Ей казалось, что родители и дети всегда должны быть заодно; они должны помогать друг другу, – независимо от того, кто из них нуждается сейчас в этой помощи, – и вообще быть одной большой сплоченной дружной семьей.

Но, как я уже упоминала, это были всего лишь ее наивные иллюзии. Она тогда еще совершенно не знала жизни.

Нет, теоретически Олеся, конечно же, допускала такую вероятность, что, возможно, в других семьях все происходит точно так же, и родители тоже берут со своих детей плату за проживание. Может быть, это даже является нормой для многих семей, и в этом совершенно нет ничего особенно страшного. Но тогда, в детстве, Олеся была просто преисполнена жалостью по отношению к своей собственной горячо любимой и глубоко несчастной мамочке, с которой ее собственная мама обходилась так бесподобно жестоко, – на Олесин наивный взгляд. Вдобавок ко всему этому, что ни говори, – а Олеся была удачным продуктом маминого воспи-

тания. Поэтому она всегда думала ее мыслями и терзалась ее страданиями.

Так что можно, наверное, прямо сказать, что Олеся просто с молоком матери впитала в себя осознание того, насколько подлой, бесчеловечной и непорядочной была ее бабушка Аля, которая так жутко поступала в свое время с собственной дочерью.

Признаться честно, само по себе осуждение бабушки Али тоже всегда было для Олеси привычной нормой. Ее мама частенько рассказывала ей о своем собственном несчастном и лишенном любви детстве, о бабушкиной черствости и эгоизме, и даже и не пыталась что-то смягчить или приукрасить в глазах дочери. С легкой подачи мамы, в их семье бабушку вообще принято было вечно порицать и считать не слишком хорошей. И, само собой разумеется, не любить. Все бабушкины поступки извечно приводились в качестве плохого примера, которому ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах нельзя подражать. И Олеся за много лет безоговорочно усвоила это и привыкла думать, что поступать так, как бабушка, просто невыносимо.

Тем страшнее и болезненнее оказался для нее очередной удар, который приготовила для нее жестокая и причудливая судьба...

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ...

После свадьбы, в первый год совместной жизни, Олеся с Георгом снимали квартиру, потому что проживать вместе ни с ее родственниками, ни с его мамой на тот момент было невозможно. У Олесиной семьи была двушка, где обитали ее родители и младший брат, а у Георга с мамой вообще была однокомнатная. Так что приткнуться им ни там, ни там было попросту негде. Но, спустя год, Олесина мама получила от завода трехкомнатную квартиру, в которой, кстати, Олеся тоже имела законную долю. А мать Георга – двухкомнатную. Так что кое-какие перспективы, вроде бы, наметились.

Беда была лишь в том, что Олеся уже тогда прекрасно понимала, что жизни им с Георгом не будет ни там, ни там. Поэтому съезжаться с родственниками на тот момент уже желанием не горела. Но Георг потерял работу, и съем жилья они себе больше позволить не могли. А потому вынуждены были в срочном порядке переехать, для начала, в трехкомнатную квартиру Олесиных родителей.

И ее дорогие родственники, очевидно, донельзя счастливые тем, что молодые теперь будут жить вместе с ними, первым же делом объявили им, что плату за квартиру они будут делить на всех, так как никто не обязан содержать их се-

мью. И озвучили сумму, порядком превосходящую ту, которую они в свое время отдавали за съемную квартиру...

Сказать, что Олеся тогда была в шоке, – это не сказать вообще ничего. Это была такая жуткая подлость, такое невыносимое предательство со стороны ее родных, которое у нее так до сих пор в голове и не уложилось, несмотря на прошедшие с той поры уже четверть века.

Черный юмор данной невыносимой ситуации заключался в том, что на тот момент Олесины родители, – оба!!! – были весьма и весьма обеспеченными людьми. Как раз незадолго до этого они, кстати, наконец, развелись. Мама на тот момент уже успела снова выйти замуж, – за очень-очень богатого человека, – и давно уже уволилась с работы. Потому что, во-первых, ее весьма неплохая зарплата просто растворилась в доходах ее нового мужа, а во-вторых, раз в пару месяцев они, неизменно, летали на отдых за границу, к морю и солнцу, и совмещать это с постоянной работой оказалось практически невозможно, – потому что никаких законных отпусков не хватило бы.

Олесин отец и раньше всегда немало зарабатывал, а теперь, став вновь свободным и сократив таким образом расходы, вообще оказался в шоколаде.

А сидевшей в декрете с двухмесячным сыном Олесе, муж которой внезапно тоже попал под сокращение и оказался без работы, не на что было купить смесь ребенку...

Прошу учесть, что это были времена “до интернетов”, –

конец девяностых, – и найти хоть какую-то подработку с беспокойным никогда не спящим малышом было вообще не реально. Олеся пыталась, ей-богу... Но ей не удалось найти ничего на том этапе. А Георг тоже все искал... Лежа на диване... Но речь сейчас не об этом.

На фоне постоянных маминых рассказов о своей жизни, о собственных проблемах и безденежье, привыкнув чуть ли не с младенчества осуждать бабушку Алю за ее скупердяйство, мелочность, жадность и подлость по отношению к собственной дочери, Олеся даже и думать не могла до того дня, что ее собственная родная горячо любимая мамочка, которая всегда была для нее светом в окошке, может когда-нибудь поступить с ней подобным образом. Да ей такое даже в самом страшном кошмарном сне не могло привидеться!.. Но в тот жуткий миг она просто проглотила готовые сорваться с губ возражения и протесты, попыталась сделать хорошую мину при плохой игре и покорно согласилась платить своим родителям за проживание.

Потому что знала, что, в случае проявления какого-либо недовольства с ее стороны, мама ее просто уничтожит морально. Сотрет в порошок.

Первые пару месяцев Олеся с Георгом, с горем пополам, еще умудрялись как-то наскребать требуемую сумму, хотя она была для них на тот момент просто неподъемной. Уж лучше бы они тогда, вместо этого, продолжали снимать жилье... Им пришлось бы выкладывать за него те же самые

деньги, – даже меньше, если уж говорить начистоту, – но зато на съемной квартире они были бы полностью предоставлены сами себе и могли бы жить так, как считали нужным. А здесь Олесина мама, – даром, что она в данный момент проживала совершенно в другом месте, с новым мужем, – не давала им ни минуты покоя. Она, даже на расстоянии, умудрялась контролировать каждый их шаг и вставлять во все свои пять копеек...

При этом внешне Олесины родители вели себя так, словно и не понимали, что семья дочери уже несколько месяцев существует на пособие по безработице, – а оно у нас в стране шибко большим никогда не было. И они просто не в состоянии потянуть сейчас еще и плату за жилье, которая составляет большую часть этого самого пособия. Хотя им обоим было прекрасно известно, что зять все это время сидит без работы, а декретные, которые получает их дочь, вообще не стоит воспринимать всерьез...

Сказать сейчас, что в тот момент Олесе было обидно до слез, – это не сказать вообще ничего. И она действительно тогда рыдала захлеб практически целыми днями, – от жуткого страха перед беспросветным будущим, от дикой беспомощности, от обиды, от ощущения предательства самых близких, самых родных людей, которых она всю жизнь ошибочно считала своей надеждой и опорой. И самое ужасное в этой ситуации было осознание того, что история повторялась. И не просто целиком и полностью. А в еще более жут-

ком, гротескном варианте. Просто в стиле черного юмора...

Олеся еще смогла бы понять, если бы ее родители действительно бедствовали, – да ладно, пусть даже и не бедствовали бы, но хотя бы имели средний доход, как большинство людей в нашей стране в конце девяностых. Не шибко большой. С возможной задержкой зарплаты, что было тогда повсеместно. И тогда эти деньги, которые она реально как от сердца отрывала, хоть что-то значили бы для них... Так ведь нет же!.. Олесина мама в день давала ее шестнадцатилетнему брату только на карманные расходы суммы, превышающие бюджет Олесиной семьи за месяц!.. В день!.. Не считая полного содержания, расходов на питание и одежду. На карманные расходы... Шестнадцатилетнему мальчику... А Олеся тогда вынуждена была отрывать от себя последнее, не представляя, где завтра взять денег на покупку смеси для грудного ребенка... Ее жалкие гроши реально не играли для них никакой роли. Это была, в буквальном смысле слова, капля в море их финансового благосостояния...

Находясь в состоянии полного оупения от шока и страха перед грядущим, Олеся, к непередаваемому ужасу для самой себя, начала потихоньку осознавать, что все это было для ее мамы лишь способом манипулировать дочерью, возможностью зачем-то лишний раз унизить ее и указать ей, где ее место... Вместо того, чтобы хоть как-то помочь дочери и поддержать ее в такой немислимо сложной ситуации, – хотя бы морально, не говоря уж ни о чем другом; Олеся бы-

ла бы безумно рада уже одному только доброму слову, – самые близкие люди, на которых Олеся только и могла бы рассчитывать в этом мире, прекрасно понимая, что семья дочери живет на грани нищеты, преспокойно отбирали у нее последний кусок хлеба, – в буквальном смысле этого слова, – и, высокомерно помахав на прощание ручкой, отправлялись в очередной средиземноморский круиз...

На самом деле все это было настолько ужасно, – морально, в первую очередь, не говоря уж ни о чем другом, – что даже потом, спустя десятилетия, Олеся просто не понимала, как она вообще смогла выдержать все это и не лишиться рассудка...

А ведь самое-то главное заключалось в том, что Олеся, – в отличие, кстати, от многих других взрослых детей, – никогда не просила своих родителей о помощи и вовсе даже не считала, что кто-то вообще обязан ей ее оказывать. В тот момент, – в свои двадцать два года, – она совершенно искренне полагала, что ее муж должен сам обеспечивать свою семью. Именно так изначально она была воспитана, и она даже и мысли не допускала ни о чем другом. Осознанно выходя замуж за любимого человека, Олеся прекрасно знала о том, что он, мягко говоря, не богат и не ворочает золотыми горами. И, как ей на тот момент казалось, она была готова вынести все тяготы их совместной жизни, – все для того, чтобы быть рядом с любимым. Вот только она, как на деле оказалось, была совершенно не готова к тем сюрпризам, которые

на самом деле преподнесла ей жизнь. Совсем не готова...

Уже потом, спустя очень много лет после описываемых событий, глядя на все происшедшее совсем другими глазами, – глазами взрослого и много повидавшего человека, – Олеся до конца осознала, какой на самом деле невероятной жестокостью со стороны ее дорогой и любимой мамы все это было. Она поняла, что мама просто наказывала ее таким вот странным изощренным способом, просто граничащим с садизмом. За ее непослушание и непокорность. За то, что Олеся не подчинилась ей слепо, а, вместо этого, посмела-таки выйти замуж за человека, которого ее мама изначально считала никчемным идиотом, и браку с которым предрекала полный крах. Да, в конечном итоге она оказалась права. Но даже это не оправдывает непонятное желание матери наглядно показать родной дочери, почем фунт лиха...

Да, разумеется, Олеся изначально сама была во всем виновата. Она сама сдуру сломала свою жизнь, – и любящая и заботливая мамочка не уставала регулярно напоминать ей об этом. Мама так и не сумела простить своей непутной дочери, что та посмела ослушаться ее и выйти замуж за совершенно неподходящего человека. И поэтому мама посчитала своим святым долгом изо дня в день методично наказывать ее, чтобы Олеся в полной мере и до конца прочувствовала всю низость своего сегодняшнего положения. Нужно было наглядно продемонстрировать ей, что она опустилась на самое дно, и шансов на нормальную жизнь у нее больше нет

ни малейших. Она сама себя их лишила.

На тот момент Олесе было чуть больше двадцати...

Именно для того, чтобы наглядно показать дочери разницу между ее убогим уровнем жизни и уровнем жизни ее благополучного и перспективного младшего брата, мама честно забирала у нее последние деньги, а потом демонстративно, на ее глазах, отдавала их своему шестнадцатилетнему сыну, – в дополнение к тем огромным суммам, в которых его нынче никто не ограничивал. И он попросту расшвыривал эти деньги направо и налево, не считая. А что такого, – ведь он-то, в отличие от старшей сестры, мог позволить себе ни в чем себя любимого не ограничивать. Ведь это она – дура, несчастная убоженка с ребенком на руках и долбанутым мужем. А он – практически нынче сын миллионера!..

Самое смешное во всей этой истории заключалось в том, что Олеся на самом деле ни капли даже не завидовала своим гораздо более обеспеченным родственникам. Такой вот странный был у нее характер. Несмотря на все трудности их тогдашней жизни, Олеся совершенно искренне верила в то, что, рано или поздно, у нее тоже все будет хорошо. Она даже ни на миг не сомневалась в том, что они с Георгом добьются всего сами, и когда-нибудь будут жить ничуть не хуже. Но вот сейчас, в данный момент, при нынешнем положении вещей, брать с них плату за проживание в квартире было, наверное, со стороны Олесиных родственников все-таки верхом жестокости и цинизма...

На этот раз Олеся продержалась достаточно долго. Целых три месяца. И, несмотря на то, что все это время они с Георгом жили практически впроголодь, она не говорила об этом маме, не просила ни помощи, ни жалости, ни снисхождения. Но, в конце концов, – и это, разумеется, заранее было весьма предсказуемо, – на четвертый месяц подобной жизни все-таки возникла такая ситуация, когда Олеся, при всей ее экономности и неприхотливости, поняла и вынуждена была признать, что ей ни при каких условиях не наскрести требуемую родителями сумму. Ну, разве что, если продать их всех троих на органы, – да и то, сомнительно, что найдется покупатель. И только тогда она, скрепя сердце, все же решилась попросить у мамы отсрочку... Ей не надо было от своих родителей ни денег, ни помощи, ни сочувствия, – она просто попросила их хотя бы некоторое время не брать с них плату за проживание, записывая ее в долг, пообещав, что потом, когда Георг устроится, наконец, на работу, они возместят им все потери и полностью с ними рассчитаются.

И добрая мама, немного подумав и поколебавшись для виду, милостиво, с барского плеча, позволила дочери пока не платить им деньги, – мол, до лучших времен, пока ее непутный, никчемный и ни на что не годный муж не встанет на ноги. Правда, при этом Олеся в очередной раз узнала о себе очень много нового, – фантазия ее мамы в этом смысле была воистину неистощима. И после этой весьма и весьма ободряющей лекции Олеся была уже совсем не рада этой предо-

ставленной ей отсрочке и твердо зареклась на будущее, что в следующий раз лучше умрет с голоду, чем обратится за помощью к своей маме. Потому что после очередной подобной беседы, не внушающей ни малейшего оптимизма, Олесе уже хотелось только одного: лечь и умереть...

Да, тогда, на тот момент Олеся уже прекрасно осознавала, что ее мама, разумеется, была совершенно права, изо всех сил пытаясь в свое время воспрепятствовать замужеству дочери. К ее великому сожалению, ее некогда такой обожаемый супруг не был способен работать от слова вообще, – так что ни о зарабатывании денег, ни о содержании семьи, ни о взятой на себя ответственности за жизни жены и сына речь уже даже, похоже, и не шла. И тупорылая Олеся, конечно же, сама была виновата в сложившейся ситуации. Она посмела выйти замуж за никчемного идиота и теперь заслуживала наказания. Самого жестокого и беспощадного. И ее мама работала в этом направлении, не покладая рук...

При этом очень печальным для Олеси был еще один момент. Работу никак не мог найти Георг. Вроде бы, взрослый мужчина, тридцати с лишним лет, посчитавший возможным жениться и взявший на себя ответственность за свою семью, сразу же после свадьбы с удовольствием переложил все возникающие проблемы на плечи своей юной жене и предоставил ей право улаживать их. Сам он при этом даже палец о палец не трудился ударить. Потому что, согласно его твердым убеждениям, это именно Олеся и только она была виновата

в том, что подобные проблемы вообще возникли в их жизни. А никак не он, здоровый боров, считавший ниже своего достоинства любую работу.

При этом Георг даже и не пытался вникнуть в смысл того, что происходит вокруг него. Он словно и не понимал, что Олесины проблемы с родственниками необычайно обострились именно по его вине, и, якобы, не осознавал, насколько тяжело ей было идти на поклон к своей любимой маме и, в буквальном смысле слова, на коленях умолять ее о снисхождении. Георг воспринимал все это, совершенно как должное. Мол, все это – твои проблемы, твои родственники; тебе и налаживать с ними отношения. И его статус безработного и безденежного ничуть не уменьшил его гонора и не заставил его вести себя с Олесиной родней хотя бы чуть менее высокомерно. И его при этом совершенно не интересовало, сколько дерьма во время этого выльется на голову его бедной жены.

Несмотря на уже наступившее тогда полное разочарование в самом Георге и в их совместной жизни, Олеся при этом все еще пыталась защитить и выгородить его в глазах своих родственников. Она ни разу не сказала им о нем ни одного плохого слова. Но Георгу это было совершенно фиолетово, и оценить героизм – а иначе это и не назовешь – своей жены он был просто не в силах. Его жалкого скудного умишки хватало лишь на то, чтобы постоянно упрекать Олесю и обвинять ее в том, что у нее, мол, материальные ценности преобладают над духовными, и она, со своими мелкими мещанскими

понятиями, не способна оценить его великую и прекрасную любовь...

Наверное, он был прав, и именно так оно и было на самом деле. И Олесе тогда, в тот момент, было даже немного стыдно осознавать его разочарование в ней. Но, как бы ни чудесна была великая всепоглощающая любовь Георга, – а у Олеси на руках был ребенок, которого, как это ни странно, необходимо было кормить, – хотя бы иногда... И, даже не смотря на то, что тогда она все еще продолжала испытывать какие-то светлые чувства по отношению к своему мужу, она уже не могла не признать очевидный факт, прямо-таки бросающийся в глаза: ее любимый вот уже несколько месяцев не может устроиться хоть на какую-нибудь работу. И даже не потому, что его не берут, – просто не было на горизонте той деятельности, которую он посчитал бы достойной себя.

Сколько было с его стороны различных предсвадебных обещаний, которые Олеся некогда слушала, развесив уши... А на поверку оказалось, что он не способен даже элементарно прокормить свою семью...

Олесина мама всегда делала упор на то, что Георг попросту не хочет работать, а потому вряд ли вообще когда-нибудь найдет достойную своей великолепной персоны должность. И сама Олеся, к сожалению, уже тогда прекрасно понимала, что она была совершенно права на самом деле, – как ни тяжело и не больно было все это осознавать. Но все это происходило у нее на глазах, и закрывать их до бесконечности

на поведение Георга было просто уже невозможно. Потому что работу ее любимый искал, лежа в удобной позе на диване перед телевизором, – в буквальном смысле этого слова. Так что, наверное, даже и не удивительно, что она никак не находилась...

Как показала потом жизнь, Гекуля искал ее так десятилетиями...

КАЛИГУЛА

Олесиной свекрови требовалось очень много общения.

До знакомства с ней Олеся даже и не подозревала, что бывают люди, которые просто не могут находиться наедине с самим собой даже пары минут. Поэтому чрезмерная общительность свекрови стала для нее, ярко выраженного интроверта, просто шоком.

В первые недели совместного проживания Лидия Георгиевна, в буквальном смысле слова, не оставляла их одних ни на минуту. Ей все время нужно было общаться с ними, что-то рассказывать, обсуждать последние политические события, пересказывать сплетни, слухи, делиться впечатлениями о книгах, фильмах, статьях, передачах. Ее было так много в их жизни, – после двух лет относительного покоя и тишины, – что у Олеси быстро шарики за ролики начали заходить. Еще большим шоком для нее стало то, что Лидия Георгиевна, – очевидно, по простоте душевной, – вообще не признавала никаких личных границ. Она могла ворваться в их спальню в любое время дня и ночи, чтобы обсудить с сыном только что услышанную в телевизионной передаче новость.

При этом она словно и не видела, что ее сын, с трудом нащупав штаны, пытается одеть их под одеялом, чтобы вылезти, наконец, из кровати и пообщаться с мамой. Обычно эти беседы затягивались так надолго, что завернувшейся в про-

стынию Олесе тоже приходилось выбираться из постели, чтобы подойти к ребенку или начать одеваться. Но Лидия Георгиевна не замечала ничего. Она просто хотела поговорить.

Через две недели такой жизни Олеся попросила Георга – пока еще деликатно – объяснить своей маме, что не стоит заходить к ним в спальню без стука, – по той простой причине, что они могут быть в не совсем подобающем виде. Он честно попытался провести с ней подобную беседу. Лидия Георгиевна в полном шоке схватилась за запыхавшие щеки и дрожащим заплетающимся голосом прошептала, что ей такой ужас даже и в голову не приходил: “Ведь у вас же уже есть ребенок!..”

Ну да, ну да... Два взрослых человека могут уединиться в спальне только с конкретной целью детопроизводства. Все остальное время они должны быть открыты для общения с мамочкой...

Просьбу стучаться Лидия Георгиевна восприняла, как смертельную обиду. Ее до глубины души возмутила сама мысль о том, что в своей собственной квартире она не может зайти, куда хочет. Поэтому некоторое время спустя им пришлось попросту врезать замок в дверь.

Очнувшись от обморока, вызванного действиями неразумных детей, которых теперь ей было гораздо труднее контролировать, Лидия Георгиевна попросту поселилась у них под дверью. И, стоило только кому-нибудь из них выйти, она тут же набрасывалась на них с разговорами. Но даже это бы-

ло еще полбеды. Поскольку, затаившись под дверью, она, разумеется, подслушивала, – то даже и находясь за пределами комнаты она регулярно пыталась влезть в их беседу. Они стали разговаривать между собой чуть ли не шепотом. Но кое-что до Лидии Георгиевны все равно долетало. И она не могла оставить это без внимания. А поскольку долетавшие до нее слова ей не всегда удавалось правильно интерпретировать, то ее вмешательство частенько было ну вообще не в тему.

Например, как-то один раз Олеся с Георгом обсуждали меню на ближайший праздник, и она чуть громче, чем следовало, – поскольку обычно они беседовали между собой очень тихо, – сказала роковую фразу: “А я хочу мяса!..” Дело в том, что желавший сэкономить Георг предложил обойтись салатами. Но в Олесиной семье принято было на праздник готовить всегда что-нибудь мясное, – на горячее, как это называлось. Вот она и сказала об этом Георгу.

Вскоре после этих неосторожных слов Олеся вышла из комнаты в коридор, где на нее тут же, хлопая крыльями, накинулась свекровь. И буквально засыпала ее тысячей фраз:

– Ты сказала, что хочешь мяса?.. У меня есть мясо! Я сейчас приготовлю! Как мне его приготовить? Как ты хочешь?..

Питались они, кстати, с самого начала отдельно. И Олеся, поблагодарив свекровь за заботу, сказала, что они с Георгом говорили совсем о другом, и не надо им сейчас ничего готовить, – они уже пообедали. И пошла дальше своей дорогой, – то ли в ванную, то ли на кухню.

Но свекровь не отставала. Она бежала следом и продолжала причитать, что, раз Олеся хочет мяса, она его ей сейчас приготовит. Она же слышала, как Олеся сказала, что хочет мяса!..

Олеся снова поблагодарила, объяснила ситуацию в подробностях и заверила, что никакого мяса ей сейчас не нужно.

Думаете, Лидия Георгиевна поняла?.. Нет. Она продолжала повторять, как заведенная, что у нее есть мясо, и она его сейчас приготовит.

Уставшая что-то объяснять Олеся просто посчитала за лучшее юркнуть обратно в свою комнату и отгородиться запирающейся на замок дверью.

Через некоторое время уже Георгу потребовалось за чем-то выйти из комнаты. И его мама тут же устремилась за ним со своим навязчивым сервисом, повторяя все те же самые фразы. Георг тоже терпеливо объяснил Лидии Георгиевне, что она не совсем правильно поняла то, что услышала; речь шла о предстоящем празднике, – а сейчас, нет, никакого мяса им не надо!.. Но мама не отставала...

В течение всего этого дня, до самого вечера, ситуация повторялась еще несколько раз. Олеся с Георгом выходили из комнаты, подвергались нашествию Лидии Георгиевны, в очередной раз вежливо отказывались, снова терпеливо объясняли смысл происходящего... Но Лидия Георгиевна просто не желала их понимать. Зато она слышала, что Олеся хо-

чет мяса!.. Так она сейчас приготовит мясо, раз Олеся хочет!..

Когда все это произошло уже раз в десятый, у Олеси сдали нервы. И она, уже практически в истерике, рявкнула, что ей ничего не надо, и просто спряталась в комнате, реально боясь оттуда выходить.

Думаете, это подействовало?.. Нет. И, стоило только выйти из комнаты Георгу, как Лидия Георгиевна в очередной раз бросилась к нему с предложением приготовить мясо...

К сожалению, практически каждый разговор с Лидией Георгиевной заканчивался подобным образом. Может, у Олеси изначально была с ней какая-то несовместимость, мешающая понимать друг друга, но она реально никак не могла донести свои мысли до свекрови. Может быть, Лидия Георгиевна воспринимала полученную информацию как-то по-своему. Но Олесю она просто тупо не слышала. А потому разговаривать с ней было невероятно тяжело.

Своего сына она тоже, кстати, не слышала. Но это были уже их проблемы, – как они объясняются между собой. Олесю же беспокоило только то, что мать мужа напрочь игнорировала ее собственные слова.

Одна из самых первых таких странных бесед, оставивших на душе очень тяжелое послевкусие, произошла еще в самом начале их совместной с Георгом жизни.

Олеся была тогда примерно на шестом месяце беременности. Лидия Георгиевна позвонила ей и сообщила, что у них

тут привезли хлопчатобумажные брюки; все говорят, что хорошие; все набрали себе. Она тоже может взять для Олеси. В подарок, от себя, никакие деньги ей отдавать не нужно будет.

Олеся поблагодарила и объяснила, что ей ни в коем случае нельзя покупать брюки без примерки. У нее была не совсем стандартная фигура, на которую очень трудно было тогда подобрать готовую одежду, – при талии в шестьдесят сантиметров, и бедрах – девяносто это всегда было проблематично. Плюс – на данный момент у нее шесть месяцев беременности, и еще неизвестно, не изменится ли у нее фигура после родов очень сильно. К тому же, ей необходимо самой видеть одежду, которая приобретается, – потому что вкусы у всех разные. И она не носит хлопчатобумажные брюки, – только джинсы, – а их, опять же, обязательно нужно мерить...

– У нас все здесь их набрали! – перебила ее свекровь. – Так тебе брать?..

Олеся снова терпеливо повторила все вышеизложенное, на этот раз сделав больший акцент на том, что она беременна, и невозможно предугадать, какая у нее будет фигура после родов. И пытаться покупать ей сейчас одежду просто не имеет смысла...

– Говорят, очень хорошие брюки, – снова перебила ее свекровь. – У нас все набрали! Так тебе брать?

Олеся снова, стараясь по-прежнему сохранять спокойствие, вежливость и терпение, – ну, ведь не со зла же свекровь ей таким образом нервы треплет; она же хочет, как

лучше!.. – еще раз повторила ей все вышесказанное, на этот раз акцентируя внимание на том, что ни в коем случае ей ничего покупать нельзя!..

– Так я возьму тебе?.. – снова перебила ее Лидия Георгиевна. Похоже, она просто вообще не слышала ни слова из того, что пыталась говорить ей невестка.

Олеся, сжав зубы, снова начала перечислять причины, по которым покупать ей брюки не надо!.. Свекровь опять обрвала ее на полуслове:

– Так я беру тебе?..

Раза после десятого Олеся просто заорала в трубку:

– Нет!!! Ни в коем случае!!!

Свекровь обиделась...

Однажды Олеся услышала, как Лидия Георгиевна объясняет своему сыну, что ей с его женой попросту не о чем разговаривать. Так как она глупая, необразованная и вообще недалекая. Ну, не о Джеки Коллинз же ей с ней говорить?.. (А у Олеси тогда действительно было много книг этой писательницы. Свекровь не читала ни одной из них и вообще не представляла, что это такое, но, поскольку неугодная невестка этим интересовалась, – значит, это, по умолчанию, самая низкопробная гадость, какая только может быть!..)

– Я хочу о политике поговорить, о Калигуле... – чуть не плача, вещала свекровь. – А с ней о чем можно говорить?..

О, да, – Калигула – это действительно был большой вопрос!.. Их разговор о Калигуле Олеся вспоминала еще спу-

стя много лет...

Олеся в тот день гладила белье на кухне. Из комнаты вышла свекровь и направилась к ней со словами:

– Олеся, я вот сейчас смотрела очень интересную передачу о режиссере Тинто Брассе... Ты слышала о таком?

– Да, конечно.

– Он снял знаменитого “Калигулу”. Ты смотрела такой фильм?

– Да, смотрела.

– Тебе понравилось?

– Если честно, нет.

– А почему?

Олеся на мгновение задумалась. Свекровь была жуткой ханжой, даже теоретически не допускающей самой вероятности плотских утех, – даже у законных супругов, как Олеся давно уже поняла. Так как, – по возможности деликатно, – объяснить ей сюжет фильма “Калигула”?..

– Я смотрела его в шестнадцать лет, – осторожно начала говорить Олеся. – Хотя на такие фильмы надо больший возрастной ценз устанавливать. Там очень откровенные сцены. Я сейчас плохо помню сам сюжет; у меня лишь отложилось, что мне было не слишком приятно его смотреть. Потому что, на мой взгляд, это даже не эротика, а самая настоящая порнография. Так что мне совсем не понравилось!

– А в этой передаче рассказывали, что это – такой замечательный фильм! – удивилась свекровь.

– Я и не говорю, что он плохой, – покачала головой Олеся. – Просто многие сцены даже мне смотреть было неприятно. На любителя, так сказать!..

– А в передаче сказали, хороший фильм... – продолжала тараторить свекровь. – Как ты думаешь, мне стоит его посмотреть?

– Нет!!! – вырвалось у Олеськи раньше, чем она вообще осмыслила это. Но это случилось просто совершенно непроизвольно.

– Почему? – обиженно протянула свекровь. – А сказали, такой хороший фильм!.. Наверное, мне все-таки надо его посмотреть!

Олеся реально уже плохо помнила сюжет “Калигулы”. Но зато очень хорошо припоминала обилие слишком откровенных эротических сцен. Где-то она читала в свое время объяснение, чем эротика отличается от порнографии. Там было сказано, что, если на экране просто крупным планом мужские и женские тела, – обнаженные, но без гениталий крупным планом, а также если половой акт только угадывается, а не показан во всех интимных подробностях, – то это – эротика. Если же гениталии, – особенно, мужские, – во весь экран, да и все остальное показывается открыто, – то это уже порнография. В фильме “Калигула” подобных откровенных сцен было слишком много, чтобы он мог с чистой совестью считаться всего лишь эротическим. Опять же, – сцены, так сказать, отправления естественных надобностей друг на друга, –

тоже, признаться, весьма на любителя и не совсем попадают под определение “эротики”...

В шестнадцать лет Олеся, разумеется, очень привлекало все то, что происходит между мужчиной и женщиной. Естественный интерес созревшего для любви подростка. Но, то ли она все-таки была еще слишком мала для подобного чересчур откровенного контекста, то ли он просто действительно был чрезмерен для восприятия, но у нее этот фильм не вызвал ничего, кроме отвращения.

Особенно отложилась в памяти одна довольно долгая сцена, – множество мужских половых органов во весь экран...

Вспоминая все это, Олеся даже ни на миг не усомнилась в том, что Лидии Георгиевне это просто не сможет понравиться. Зато реально была очень большая вероятность того, что, после просмотра подобных откровенных сцен, ее увезут на скорой с сердечный приступом...

Как можно более деликатно, старательно подбирая слова, Олеся попыталась объяснить все это Лидии Георгиевне. Та поохала вслух, но, похоже, по привычке пропустила мимо ушей все, что говорила невестка. Потому что снова заявила:

– А говорят, хороший фильм! Надо мне его посмотреть!

Ну, тут Олеся уже просто пожала плечами. Это была какая-то игра в одни ворота. Свекровь не слышала ее. Демонстративно. Принципиально. Она была, по обыкновению, на своей волне.

Вроде бы, эту тему можно было считать исчерпанной. Но

свекровь чувствовала в себе желание продолжить беседу. И она принялась рассуждать вслух с весьма умным видом:

– Я вот вообще не понимаю, зачем было снимать фильм о Калигуле? Ведь он же, как исторический персонаж, ничем не отличился! Единственное, чем он прославился, – это своей... ммм... ммм... ммм... – Лидия Георгиевна запнулась, очевидно, просто не в силах вслух произнести слово, которое пришло ей в голову. Ни с первой, ни со второй, ни даже с третьей попытки. Ужасное вульгарное почти нецензурное слово застревало в горле и никак не шло на язык.

А потом произошло нечто такое, о чем Олеся со смехом вспоминала даже спустя десятилетия. Лидия Георгиевна воровато оглянулась по сторонам, словно пытаясь убедиться в том, что ее ненормативная лексика никем не будет услышана, наклонилась к Олеся поближе и умильным сюсюкающим тоном с доверительными интонациями почти прошептала, словно открывая невестке страшный секрет:

– Своей... ммм... ммм... сиксюальностью!..

Олеся выпала в осадок. Вот прямо так, – как стояла – так и выпала. Прости ее, Господи Боже, такую грешную и нечестивую, но это с невероятным усилием произнесенное свекровью такое страшное, – очевидно, для порядочного образованного интеллигентного человека, – слово просто разом – и навсегда – отбило у Олеси какое бы то ни было желание вести умные разговоры с многоуважаемой Лидией Георгиевной.

В тот день Олеся просто выдернула утюг из розетки и молча ушла с кухни. Возможно, она была неотесанной и необразованной деревенщиной, – и в этом заключалось главное горе ее дорогой свекрови, желавшей, разумеется, своему дорогому сыночку совсем другой жены, – но говорить – разумно, грамотно и членораздельно – она была способна. И даже умела внятно называть вещи своими именами, – чего нельзя было сказать о ее высококультурной свекрови.

Поэтому, когда в своей обвинительной речи по поводу того, что с Олесью не о чем даже поговорить, уважаемая Лидия Георгиевна упомянула Калигулу, Олеся реально очень долго смеялась. Потому что как раз она-то могла поддержать подобный разговор, – и даже без труда. Но как можно, скажите, обсуждать сексуальность Калигулы с ханжой, не способной даже произнести без страха само это ужасное слово – “сексуальность”, – вот этого, уж простите, Олеся была понять просто не в силах. Мяться, жеманиться, сюсюкать и, типа, жутко смущаться, но при этом на ушко шептать то, что ты считаешь неприличным и, возможно, даже похабным, – нет уж, увольте!.. Избавьте от такого сомнительного удовольствия!..

Так что, да, поговорить бедной Лидии Георгиевне со своей непутной невесткой было вообще не о чем. Ведь они же с ней просто говорили на разных языках.

В силу разницы в уровне, разумеется. Вот только еще вопрос на засыпку, у кого он на самом деле был ниже?..

Продолжение следует...